

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

Том 54

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
Г.Г. ЛИТАВРИН

№ 2487

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА 1993

Редакционная коллегия:

Член-корреспондент РАН Г.Г. ЛИТАВРИН (отв. редактор),
 доктор исторических наук Р.М. БАРТИКЯН,
 кандидат исторических наук О.Р. БОРОДИН,
 доктор исторических наук В.П. ДАРКЕВИЧ,
 доктор исторических наук С.П. КАРПОВ,
 доктор исторических наук Г.Л. КУРБАТОВ,
 доктор исторических наук Н.Ю. ЛОМОУРИ,
 доктор исторических наук И.П. МЕДВЕДЕВ,
 доктор исторических наук М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ,
 кандидат исторических наук О.С. ПОПОВА,
 кандидат исторических наук З.Г. САМОДУРОВА,
 кандидат исторических наук Б.Л. ФОНКИЧ,
 доктор исторических наук К.В. ХВОСТОВА (зам. отв. редактора),
 кандидат исторических наук А.А. ЧЕКАЛОВА (отв. секретарь),
 доктор исторических наук И.С. ЧИЧУРОВ,
 член-корреспондент РАН Я.Н. ЩАПОВ.

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.П. МАРИНОВИЧ,
 кандидат исторических наук А.И. РОГОВ

СОДЕРЖАНИЕ

И.И. Шевченко (Дамбартон Оукс-Гарвард) Перечитываемая Константина Багрянородного	6
Б.Л. Фонкич (Москва) О библиотеке Хоры при Феодоре Метохите	39
А.В. Подосинов (Москва) Картография в Византии (К постановке вопроса)	43
З.Г. Самодурова (Москва) К вопросу о характере источников естественнонаучных знаний в Византии VII—XII вв.	49
В.М. Лурье (С.-Петербург) "Повествование отцов Иоанна и Софрония" (ВНГ 1438w) как литургический источник	62
Е.В. Герцман (Москва) Музыкально-теоретические знания Михаила Пселла	75
Г.Г. Литаврин (Москва) Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус	81
Я.Н. Шапов (Москва) Эклога законов в русской письменной традиции	93
М.В. Бибииков (Москва) Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г.	105
О.С. Попова (Москва) Новый Завет с Псалтирью: Греческий кодекс первой половины XIV в. из Синодальной библиотеки (гр. 407)	127
В.Н. Залеская (С.-Петербург) Афонские резные кресты и образки (по материалам собрания Эрмитажа)	140
И.В. Соколова (С.-Петербург) Монеты Перещепинского клада	145
Ю.А. Пятницкий (С.-Петербург) Византийские и поствизантийские иконы в России	153
А.Я. Каковкин (С.-Петербург) Две коптские ткани с эпизодом из "Одиссеи"	165
М.А. Поляковская (Екатеринбург) Ученый и время: К 100-летию со дня рождения М.Я. Скюзюмова	170

Рецензии и аннотации

И.П. Медведев (С.-Петербург) По поводу нового издания "Книги Эпарха"	183
В.П. Степаненко (Екатеринбург) Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока / Сост. и автор коммент. канд. ист. наук В.С. Шандровская // Научное наследие. М., "Наука", 1991. Т. 19	187
С.П. Карпов (Москва) 1. Pistarino Geo. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. 512 P.; 2. Pistarino Geo. Genovesi d'Oriente. Genova, 1990. 526 P. Civico Istituto Colombiano. Studi e Testi, 11, 14	189

0503010000-155

В-042(02)-93 35-93-1 полугодие

© Институт всеобщей истории, 1993

© Российская Академия наук, 1993

ISBN 5-02-010142-7

И.П. Медведев (С.-Петербург) Сметанин В.А. Византийское общество XIII–XV веков (по данным эпистографии). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. 288 с.	190
М.А. Поляковская (Екатеринбург) Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von Franz Tinnefeld. Stuttgart: Hiersemann, 1991. Teil II (91 Briefe, Register). 250 S. (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 33)	193
Я.Н. Любарский, Н.Г. Рудина (С.-Петербург) Византистика в Журнале испанских эллинистов	194
А.С. Козлов, А.С. Мохов (Екатеринбург) Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. (Byzantinische Geschichtsschreiber. Ergänzungsband 2). Wien, 1991. 326 S.	197
М.В. Бибиков (Москва) Tabula Imperii Byzantini: Никополь и Кефаллиния, Киликия и Исаврия, Фригия и Писидия	200
В.П. Степаненко (Екатеринбург) Hild F., Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien // Tabula Imperii Byzantini. Wien, 1990. Bd. 5. T. 1–2. 521 S., 402 ill., 3 Kart	203
В.П. Степаненко (Екатеринбург) Belke K., Mersich N. Phrighien und Pisidien // Tabula Imperii Byzantini. Wien, 1990. Bd. 7. 462 S. 162 Abb. 2 Kart	205
Хроника	
М.В. Бибиков, С.П. Карпов и др. (Москва) XVIII Международный Конгресс византинистов	207
И.Ф. Мейендорф (1926–1992)	220
Список сокращений	222

СТАТЬИ

ИГОРЬ ШЕВЧЕНКО

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Несколько месяцев тому назад, когда я готовил сообщение для конференции по византийской дипломатии, в моем кабинете в библиотеке появилось письмо. На конверте был почтовый штемпель города Урануполиса. Сначала я не придавал этому значения: штемпель, должно быть, указывал на современный городок Урануполис, «Небесный Град», который является преддверием Афонской горы. Не было ничего странного и в том, что письмо было напечатано на греческом языке. Озадачивало, однако, странное сияние бумаги. Послание начиналось с заголовка: «Τίνας ἄν εἴποι λόγους Κωνσταντίνος ὁ πρῶτον μὲν φιλόχριστος καὶ πορφυρογέννητος ἡμῶν δεσπότης, νῦν δὲ οὐρανοπολίτης, ἐνίοις τῶν ἰδίων συγγραμμάτων πάλιν ἐντυχῶν». Слова Τίνας ἄν εἴποι λόγους указывали на то, что послание представляло собой *ethoroeia* — школьное упражнение по риторике, известное со времен Гермогена и Афтония. Все было достаточно просто. Но так ли это было на самом деле? Эпитет οὐρανοπολίτης придавал новое значение почтовому штемпелю Урануполиса, а буквы напоминали архаизирующее минускульное письмо. Я читал, постепенно погружаясь в легкое, но несомненно излучающее святость благоухание, исходившее от письма. Уже через минуту я осознал, что Некто свыше возложил на меня высокую миссию. Я собирался в Англию, страну, известную Константину Багрянородному или, по крайней мере, его помощникам¹, страну, где он служил объектом пристального изучения в течение почти девяноста лет². Я собирался в Кэмбридж, город, ставший родным домом четверем выдающимся ученым, занимавшимся Константином Багрянородным. С двумя из них — сэром Стивеном Рэнсименом и сэром Димитрием

¹ Ср.: *Excerpta de legationibus. Pars II: Excerpta de legationibus gentium ad Romanos.* Ed. C. de Boor [= *Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta* 1,2] В., 1903. P. 591. 14 (из Евнапия Сардского, который ссылается на τῆς Βρετανικῆς νήσου σιτοπομπία).

² Современную серию трудов открывает: *Bury J. B. The treatise De administrando imperio // BZ. 1906. Bd. 15. P. 517—577.* Этот очерк и поныне остается классикой, т.к. трактат «Об управлении империей» рассматривается здесь в целом и связывается с контекстом других сочинений, написанных под покровительством императора. В настоящее время английская традиция работ о Константине и приписываемых ему трудах продолжена Ж. Л. Хаксли, Авериль Кэмерон и Дж. Ф. Халдоном.

Оболенским я надеялся встретиться лично³. Я считал своим долгом пренебречь своими собственными набросками и вместо этого захватить с собой выполненный мною перевод истин, открывшихся благодаря новому документу. Мне пришлось делать перевод в спешке, и потому он содержит принятую ныне хронологию, приводит названия сочинений в современном виде, модернизирует и упрощает стиль. Вот он:

«Что изрек бы Константин, некогда наш христоролюбивый правитель, рожденный в пурпуре, ныне же небожитель, перечитав некоторые из своих собственных трудов.

Обо мне много писали в средствах массовой информации моего времени. Во Введениях к 53-томной исторической и этической Энциклопедии, составление которой мной поощрялось, я назван «отпрыском пурпура, самым православным и наихристианнейшим из императоров всех времен». Мне приписывали «рысий глаз» и недюжинный ум. Наделенный и тем, и другим, как сказано во Введениях, я оказался способным распознавать добро и предпринял поиски всяких полезных книг. Во Введении к сельскохозяйственной Энциклопедии, сочиненной под моим покровительством, составитель с удовлетворением заметил, что я значительно повысил уровень философии и риторики, — двух угасавших дисциплин, — и что мне обаяно возрождение, которое имело место в разных ремеслах и науках⁴. Два другие Введения — уже к историческим трудам, в которых я назван вдохновителем их авторов, — содержат похвалы мне за необыкновенную эрудицию и мою любовь к мудрости, указывают в искусных, — и до сих пор незамеченных — каламбурах на мое благоразумие (*φρόνησις*) и объявляют меня источником оживления и возрождения чего-то умирающего, — хотя и не говорят точно, чего именно. В своекорыстном излиянии автор одного из этих Введений намекает также на то, что императору следовало бы стать благодетелем людей пера, подобных самому автору, — а иначе, те самые качества, благодаря которым мы становимся поистине людьми — гуманитарные ценности, как сказали бы Ваши коллеги, — могут подвергнуться опасности исчезновения⁵.

³ Двумя другими учеными были Дж. Б. Бьюри и Р. Дж. Х. Дженкинз. Ср. в особенности издание последнего: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. I: Greek text/ Ed. by Gy. Moravcsik, English transl. by R. J. H. Jenkins. New ed. Wash., (D.C.). 1967; II: Commentary. L., 1962.* Далее издание Д. Моравчика и Р. Дженкинза при ссылках на него будет обозначаться как DAI.

⁴ Введения к исторической и этической Энциклопедии см.: *Excerpta de legationibus. Pars I: Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes / Ed. C. de Boor. 1. 21—27; Excerpta de virtutibus et vitiis. Pars I / Ed. Th. Büttner-Wobst. 1906. 1. 20—2. 4.* Введение к сельскохозяйственной Энциклопедии: *Geoponica / H. Beckh, ed., 1895. Prooem. 4—5 = 1. 20—2, 5.*

⁵ Ср.: *Genesios. Reg. I. Praef. 3. 15—17: Κωνσταντίνου ... τῶν πόποτε βασιλέων λογιωτάτου; Theoph. Cont. Chron. Praef. 4. 6—11 Bonn (цит. по рукописи: Vaticanus gr. 167, Fol. 1, так как текст боннского издания здесь и во многих других местах Введения испорчен): τί γὰρ τοιοῦτον ἐξασκεῖν αὐτοκράτορα δεῖ, ὃ μὴ πολιτεία ἐπιφέρει τὴν ὄνησιν μετὰ λόγου γινόμενον, δεόν ἐπιμελεῖσθαι ἀνδρῶν καὶ τῆς λογικῆς ὅτι μάλιστα ἐπιστήμης, ἐξ ἧν τὸ κράτος τῆς βασιλείας, ὡς ἂν μὴ... κινδυνεύσῃ τοῦτο, ᾧ τῶν πάντων διαφέρομεν ἀφανία παραδοθέν (прочтение рукописи ἀφανία подтверждается DAI. 3. 4: τελείως σχεδόν [читаи: τελείω σχεδόν] παραδοθῆναι ἀφανισμόν). — В отношении этимологии φρόνησις как φέρουσα ὄνησιν ср., например: *Etymologicum Magnum / Ed. Gaisford. P. 800, 44—45 (Etymologicum—**

Этот хвалебный тон сохранялся еще какое-то время после смерти. Летописец, составивший очерк моего правления до 963 г., т.е. до смерти моего сына, который (или окружение которого), вероятно, ему платил, перечислил мои многообразные достижения, начиная с расширения больниц и организации богаделен и кончая моими знаниями в области кораблестроения. Он восхвалял также мои усилия по поддержке образования — даже если это образование было лишь на уровне школы второй ступени, то есть тривиума и квадриума. Он отметил, что я любил принимать учащихся за своим столом и помог создать просвещенную элиту, из которой было можно отбирать высших светских и церковных деятелей. Сверх того, он нахваливал меня за ведение и чтение дипломатической и административной переписки и отправление посланий иноземным правителям. Как это было во Введениях к «моей» энциклопедии, мой биограф в своем очерке, составленном до 963 г., обычно называл меня просто Багрянородным, не прибавляя моего имени к этому титулу ⁶.

Чуть позже 963 г. (не говоря уже об одном-двух столетиях спустя) писатели не могли более рассчитывать на награду за лесть моей особе или превозношение моего имени. Поэтому заметки, посвященные мне в последующие годы, образуют ряд — от критических или представляющих смесь похвал и поношений до восхвалений; многие похвалы, кстати копирующие льстецов моего времени, относятся, правда, к моей деятельности в области культуры, но об этом, однако, упоминается в самых общих чертах ⁷.

труд XII в., но основывается на источниках или более ранних или современных Константину VII и автору Введения к Продолжателю Феофана); *Nic. Blemmydes*. Βασ. Ἀνδριάς. 66. 1—2 / Ed. I. Ševčenko [= Wiener Byzantinistische Studien. XVIII]. 1986. 62 с дальнейшими параллелями в критическом аппарате. Также ср. τῆ τε βίῃ ὀνησιφόρον во Введении к Эксцерптам, цитированным в примеч. 4 (1. 5 и 2. 2 соответственно) и ὀνησιφόρον διατημάτων во Введении к первой книге Малой энциклопедии о питании, адресованном Константину VII. Ср.: *Cohn L. Bemerkungen zu den Konstantinischen Sammelwerken* // *BZ*. 1900. Bd. 9. S. 156. Все эти выражения кажутся каламбурами на φρόνησις.

⁶ Интересующие нас части очерка о Константине содержатся в кн.: *Theoph. Cont. Chron.* VI. 14 = 446. 1—22; VI. 15 = 447. 9—11; VI. 17 = 448. 15—449. 3 Bonn. (Так же ср.: VI. 17—18 и 25 = 449. 4—16 и 451. 13—16 Bonn). В доказательство того, что очерк был написан до смерти Романа II, можно сослаться на: *Idem. Chron.* VI. 38 = 458. 5—7 Bonn, где сказано, что <Константин VII> προέφησεν «εἰ ταῦτα φυλάξῃς, μακρόβιος τῆ βασιλείᾳ Ῥωμαίων ἔσῃ». На самом же деле, Роман II управлял только в течение четырех лет. Предполагает ли это, что раздел о Романах II (= 469. 5 Bonn—до конца хроники Продолжателя Феофана) был написан другим автором? Ср. также различия на уровне стиля; «предсказание», касающееся правления Никифора Фоки (414. 23—415.1) и то, что 472. 2—10 (любовь к знатным семействам, которую проявлял Роман II) является неловким воспроизведением 456. 12—20 (любовь к знатным семействам, проявляемая Константином). Это последнее совпадение легче приписать подражателю, чем одному и тому же автору, повторяющему самого себя. — П. Лемерль (*Lemerle. P. Le premier humanisme byzantin* [=Bibliothèque byzantine: Etudes. 6]. P., 1971. P. 269) выразил удивление по поводу того, что современники сообщили столь мало подробностей о присущей Константину культуре и ее уровне, однако в дальнейшем не задавался вопросом о том, почему эти сведения были столь скудными.

⁷ Заметки, перемежающие похвалы и поругания, восходят к Иоанну Скилице (Κωνστ. πάλ. αὐτοκρ., 3 = 237.10—238. 25 Thurn) и зависимым от него авторам: Михаилу Гликке (*Chron.* 561. 5—21 Bonn) и Иоанну Зонаре (*Epit. hist.* XVI. 21. 5—10 = III. 482. 17—483. 16 Bonn. O

Все эти оценки, и хвалебные и отрицательные, оставались в пределах заурядного и обычного, причем современные свидетели уделяли мало внимания литературному процессу периода моего правления. Так, в нескольких строках, посвященных достижениям моего царствования, которые были вставлены в игривую и ученую поэму, написанную в 949/950 г. (поэма имела в виду меня так же, как и моего сына — ее официального адресата), их автор превозносит лишь одно обстоятельство: «мои» (читай: моего полководца Льва [?] Фоки) военные успехи. Автор поэмы имел в виду отвоевание захваченных арабами земель, в особенности, Мараш-Германикии и Хадат-Адата. А литературная личность ранга Симеона Логофета умолчала о моей эрудиции и о поддержке учености в погребальном плаче, который он составил для меня в 959 г. Более того, ни один источник, будь то современный мне или более поздний, не обмолвился ни словом о таком предмете моей глубокой заботы, который Вы в Гарварде называете *The Classics*, — о моем увлечении классическим образованием. Единственные авторы, упомянутые в связи с моими литературными интересами и пристрастиями, были Отцы Церкви — Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст ⁸, а единственный критик

Зонаре см. также примеч. 9). Другие возможные источники («Логофет», завершивший изложение на 948 г., каким он предстает, в частности, в тексте Псевдо-Льва Грамматика; Хроника Псевдо-Симеона Магистра; Продолжатель Георгия Амартола, включая версию издания Истрина) не содержат *общих* оценок правления Константина VII.

⁸ В отношении поэмы 949/950 гг. ср.: *Odorico P. Il calamo d'argento. Un carme inedito in onore di Romano II //JOB*. 1987. Bd. 37. S. 65—93; особенно S. 91, строки 61—77. В строке 64 издатель согласно рукописи воспроизводит ἔγραψεν τὴν Ἀδανα, ἣν εἶλε(ν) δόρυ. Нам ничего не известно о завоевании города Адана незадолго до 950 г.; Иоанн Цимисхий и Никифор Фока завоевывали его в 963 г. и в 964 г. соответственно: ср., например: *Hellenkemper H. G., Hild F. Kilikien und Isaurien // Tabula Imperii Byzantini*. 1990. Vol. 5. P. 154—157. С другой стороны, нам известно, что Лев Фока взял Хадат = Ἀδατα в 948 (950?) г., отобрав его у Хамданида Сейф-ад-Даулы, откуда ἔγραψε Χατζβδάν в строке 67 и Φωκῶν ἰδοῦ в строке 70. В отношении этих фактов ср., например: *Hartmann R. Al-Hadat al Hamra // Kleinasien und Byzanz. Istanbul Forschungen*. 1950. Bd. 17. S. 40—50, особенно S. 42. С этим завоеванием прекрасно согласуется датировка поэмы. Смещение Ἀδανα (город хорошо известен около 1300 г. — предположительная дата рукописи поэмы) с Ἀδατα (его «великая история» закончилась в 957 г., ср.: *Ibid.* S. 43) встречается постоянно. Так, в двух случаях, где Иоанн Скилица пишет Ἀδαταν (142. 76 и 245. 35 Thurn), то одна, то другая его рукопись предлагает Ἀδανα. С другой стороны, Константин, которого Феоodosий Диакон, писавший вскоре после 961 г., просит восстать из гроба в сочинении *De Creta carta*, строка 997, является Константином VII (это вопреки издателю Х. Крискуоло, который, в примечании ad locum, полагает, что речь идет о Константине Великом); однако, там наш император приглашен обозреть положение в Сирии — а не свое культурное наследие. — О Плаче Симеона ср. мою ст.: *Poems on the Deaths of Leon VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Scylitzes // DOP*. 1969/70. Vol. 23/24. P. 210—212. В отношении короткого упоминания Константина в Хронике Логофета ср., например: *Ps.-Leo Grammaticus. Chron.* 328. 15—331. 3 Bonn. Эпитафия на смерть некоего Константина, принадлежащая Иоанну Геометру (PG. T. 106. Col. 940 A — 941 A), скорее всего, относится не к Константину VII (вопреки *Odorico. Il calamo ... P. 70*), а к какому-то высокому чиновнику, который много путешествовал по суше и по морю. О Константине VII как читателе трудов Назианзина и о восхищении, которое он от них испытывал, см.: *Sakkellion I. Κωνσταντίνου ...* (полное заглавие см. в примеч. 45), 264 (τοῖς σοῖς ἁγίοις λόγοις προσομιλῶν τὸν φωτισμὸν ἐδεξάμην τῆς γνώσεως). О данной Константином VII литературной оценке Иоанна Златоуста см.: *Theoph.*

— по имени Зонара, — который утверждал, что он читал мои сочинения, включая мои послания, счел их далекими от совершенства, присущего истинному красноречию, хотя и допускал, что при случае я украшал свою прозу некоторыми фигурами и «идеями», т.е. стилистическими оборотами. Зонара был не слишком хорошо знаком с моей поэзией, ибо приписал мне погребальный плач по моей жене, которая в действительности меня пережила. И он совсем не сослался на мои духовные поэмы, написанные отчасти «политическим стихом»: этот слог далек от «Классики», — это Вам не элегическое двустиишие, но как Вы сами указали, в мое время он отнюдь не был «народной» формой⁹. Тем не менее, подводя

Cont. Chron. VI. 37 = 457. 18—21 Вонп. Можно было бы понимать слова ἐν οἷς строки 21 этого пассажа как начало новой фразы, а слова τὸν τῆς μετανοίας κήρυκα строк 21—22 как отсылку не к Иоанну Златоусту, а к Иоанну Крестителю, чья длань была торжественно перенесена в Константинополь под покровительством Константина VII примерно в 957 г., событие, которое в своей проповеди увековечил Феодор Дафнопат. Соблазн высказать такое предположение следует, однако, преодолеть, ибо в своем третьем Энкомии на перенесение мощей Иоанна Златоуста Косьма Веститор назвал своего героя ὁ μετὰ τὸν βαπτιστὴν Ἰωάννην δεῦτερος μετανοίας κήρυξ, ср.: *Dyoubouniotes K. Kosmā Vestítwros ánekdotá eúkómia* // *ΕΕΒΣ*. 1925. Т. 2. Р. 68, 6 ab imo; Также ср.: Р. 61. Следовательно, в заключительных словах этого места у Продолжателя Феофана говорится об Иоанне Златоусте как об авторе девяти проповедей *De Paenitentia* (PG. Т. 49. Col. 277—350). Неясно, относятся ли слова Продолжателя Феофана в строке 19: «он <т.е. Константин> почтил красноречие Иоанна Златоуста наиболее блестящим поминанием» (μνήμη λαμπροτάτη τετίμηκεν) к неким специальным поминальным празднованиям или просто к речи, вдохновленной самим Константином. Если имело место последнее, аллюзию следует отнести к проповеди «самого» Константина, о которой см. примеч. 49.

⁹ *Zonaras. Erit. Hist.* XVI. 21. 5—6 = III. 482. 17—483. 5 Bonn: ἦν δὲ ὁ Κωνσταντῖνος τὰ πρὸς Θεὸν εὐσεβῆς καὶ λόγοις προσκεῖμενος, ὡς ἔστι καταμαθεῖν ἐκ συγγραμμάτων αὐτοῦ, ἀλλὰ μέντοι καὶ ἐξ ἐπιστολῶν, ἃ καὶ μὴ πρὸς τέχνην ἠκρίβωνται τὴν ῥητορικὴν, ἀλλὰ γε σχήμασι ταύτης καὶ τισιν ἰδέαισι ποικίλλονται. ἐδίδου δὲ καὶ ῥυθμοῖς ἑαυτὸν καὶ μέτροις παντοδαποῦ γνοίη δὲ τις τοῦτο ἐξ ὧν ἐπὶ θανούσῃ αὐτῷ τῇ κοινῶν τῷ βίου ἐμμέτρως ἐθρήνησεν. О супруге Константина, пережившей его, см., например: *Theoph. Cont. Chron.* VI; *Const. Porph.* 54 = 469. 2—4 Bonn. Ошибку Зонары обнаружил и проанализировал уже А. Рамбо. См.: *Rambaud A. L'empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète.* P., 1870. Repr.: New York, s.a. P. 74, Not. 5. Зонара, возможно, перепутал Константина VII с его сыном: монодию, в которой император оплакивает смерть своей юной жены, по всей вероятности, следует связывать с именами Романа II и его первой жены, Берты. См.: *Lampros S. P. 'Ανεκδοτὸς μονωδία 'Ρωμανοῦ Β' ἐπὶ τῷ θανάτῳ τῆς πρώτης αὐτοῦ συζύγου Βέρθας* // *Bulletin de correspondance hellénique.* 1878. Vol. 2. P. 266—273. Так как, когда Берта скончалась, Роману исполнилось только 10 или 11 лет отроду, издатель считал, что монодия была написана неким книжником при дворе Константина VII. Ее текст, однако, столь безыскусен, что ее мог сочинить в качестве упражнения и мальчик. В отношении воскресных тропарей Константина (ἔξαποστειλάρια ἀναστάσιμα) ср., например: *Christ W., Paronikas M. Anthologia graeca carminum christianorum.* 1871, repr. 1963. P. 110—112; *Stathis Gr. Th. 'Η δεκαπεντασύλλαβος ὑμνογραφία ἐν τῇ βυζαντινῇ μελοποιίᾳ.* Αθήναι, 1977. P. 61—64; *Lavagnini B. Alle origini del verso politico* // *Istituto Siciliano di Studi Bizantini e Neellenici. Quaderni.* 1983. Vol. 11. P. 41—43; *Hörandner W. Poetic Forms in the Tenth Century* // *Κωνσταντῖνος Ζ' Πορφυρογέννητος καὶ ἡ ἐποχὴ του* [= Β' Διεθνῆς βυζαντινολογικῆ συνάντησης. Δελφοί. 22—26 'Ιουλίου 1987]. Αθήναι, 1989. P. 138—139. Упоминание об «элегических двустииших» в послании из Урануполиса, возможно, вдохновлено воспоминанием императора о том, что

итоги, и по сей день я нахожу приговор Зонары в целом справедливым и заслуживающим одобрения.

Я не могу сказать того же самого о суждениях, исходящих от ученых Вашего мира. Пока я жил на земле, я, может быть, и наслаждался бы такого рода суждениями, угрожающими моему тщеславию, но там, где я сейчас нахожусь, нет никакого тщеславия. Все началось в XVII веке. Правда, было два исключения. Во второй половине этого столетия старый парижский ворчун Комбефиз, слишком великодушно приписывающий мне личное участие в моих энциклопедических предприятиях, выразил некоторые опасения о последствиях этой моей предположительной деятельности, возможно отрицательно повлиявшей на сохранность полных текстов тех авторов, из которых я повелел подготовить извлечения. Однако Вы не опубликовали его возражений, и они до сих пор покоятся в *Archives Nationales*¹⁰. А в XVIII в. Э. Гиббон смешал похвалы с упреками в дискуссии о литературном наследии моего царствования¹¹. Трубные звуки почитателей моего таланта, с другой стороны, слышались громко и ясно на

Псевдо-Генесий, один из нанятых им литераторов, использовал эту форму во Введении к историческому труду, который он посвятил императору. Для оценки стилистического уровня политических стихов важно учесть следующее: а) самые ранние из этих стихов, которые можно уверенно датировать (912 г. и позже) приходятся на время Константина VII, несмотря на то, что эта форма, несомненно, существовала прежде, см.: *Hörandner W. Poetic Forms...* P. 140; б) их автор — из высших чиновников; в) их должны были исполнять при византийском дворе. Ср. мою статью: *Poems on the Death of Leo VI ...* (см. выше примеч. 8), особенно P. 226. Эту точку зрения с оговорками приняли: J. Koder (см.: *BS.* 1972. Vol. 33. P. 219) и полностью — П. Шпек (см.: *Speck P. Die Kaiserliche Universität von Konstantinopel.* München, 1974. S. 58), Гр. Статис (см.: *Stathis Gr. 'Η δεκαπεντασύλλαβος ...* Σ. 266, ср. 30 и 35—36), Б. Лаваньини (см.: *Lavagnini B. Alle origini ...* P. 8), В. Хэрэнднер (см.: *Poetic Forms ...* P. 137—138). Без комментария это отметили М. Алексиу и Д. Холтон. (*Mantatorphoros.* 1976. Vol. 9. P. 30 [= N. 18]) Среди более ранних добротных исследований, в которых политический стих все же рассматривается как «народный», ср.: *Dihle A. Zu den Akklamationen des Konstantinischen Zeremonienbuches* // *Rastloses Schaffen, Festschrift für Dr. Friedrich Lammert.* 1954. S. 65.

¹⁰ Помня об упреке императора, я искупаю свой грех упущения: предостережение Франсуа Комбефиза происходит из неопубликованного комментария, написанного на ужасной латыни, к его луврскому изданию 1685 г. Продолжателя Феофана. Ср.: *Archives Nationales*, M. 829. P. 2 Praefatio ... [т.е. к Продолжателю Феофана] in eo tota collineat, ut Constantinum laudet eius operae quam viris doctis ipsique doctrinae adhiberet; nedum aliis scribenda imperans et accuranda rei literariae in quovis genere consultum videri posset per Historiarum rerumque aliarum compendia atque in eisdem laborans lustransque omnia elimans. [Далее приводится возражение:] In quibus tamen incertum, plusne obfuerit quam profuerit, plurimis doctorum virorum libris per eam occasionem desideratis, et quasi illa sufficerent, nec iam opus [opus esset вычеркнуто] unde excerpta essent, maiore sumptu exscribi aut parari deberent.

¹¹ Эдвард Гиббон был знаком с изданием Рейске «О церемониях» и изданиями Багдури «О фемах» и «Об управлении империей» и, естественно, с Комбефизовым изданием Продолжателя Феофана, включающим в себя Житие Василия I. В отношении суждения Э. Гиббона о Константине VII ср.: *Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire.* Ch. 53 = P. 62—66/ Ed. J. V. Bury. 1898. Vol. VI; сопоставьте P. 62: «мы открываем с любопытством и почтением императорские фолианты Константина Багрянородного» и P. 64 «более пристальное прочтение принизит ценность дара и благодарность потомства».

протяжении последних 120 лет¹². Последний звон литавр, в котором, как я с облегчением отмечаю, может быть выделена и более осторожная нота, прозвучал совсем недавно¹³. Если верить большинству этих сигналов, я был чрезвычайно плодовит. Итак, я написал, или почти написал, активно способствовал созданию, собирал или явно вдохновлял и наблюдал за работой над всеми текстами, связанными с моим именем; я даже способствовал созданию сочинений, носивших имена других авторов. «До известной степени» мое творчество как бы включало первые четыре книги Продолжателя Феофана, вне всяких сомнений — биографию моего деда Василия I, выполненную «моей собственной рукой», трактат «О церемониях», Введения к «моей» Энциклопедии, «Книгу царей» Генесия, — это если просто упомянуть несколько названий, пришедших на ум, — и даже трактат, называемый *Περὶ ἔθνων* и поэму в честь издателя медицинского трактата; этих двух последних достижений я совершенно не удержал в памяти¹⁴. Я также

¹² Трех трудов будет достаточно, чтобы проиллюстрировать эту точку зрения: *Rambaud A. L'Empire...* (ср. примеч. 9 выше), особенно P. 51—174 (замечательный для своего времени); *Lemerle P. Le premier...* (ср. примеч. 6), особенно P. 267—300 (монография П. Лемерля — действительно выдающаяся работа; затруднение с его оценкой Константина состоит в том, что автор сосредоточивается на проблеме эллинизма, т.е. на судьбе эллинской и эллинистической традиции в Византии. Такая установка уместна для изучения этой традиции, но une question mal posée для изучения самого Константина; *Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. L., 1973*, особенно P. 575—605. (Книга разочаровывает, несмотря на известность автора и «обилие» свидетельств). Все три работы отзываются о Константине очень лестно. Все же, когда исследователи оценивают совокупность императорских трудов, включая степень его собственного участия в ней, они подходят к теме критически и обнаруживают некоторые недочеты в интеллектуальной деятельности Константина. Именно абсурдные панегирики второстепенных авторов дискредитируют дело Константина и вводят в заблуждение непосвященного, например: *Stránský A. Costantino VII Porfirogenito, amante delle arti e collezionista: Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini. Vol. 2. // Studi Bizantini e Neellenici. 1940. Vol. 5. 2. P. 412—422.*

¹³ Литавры: это слово передает ἡ ταυρεῖα послания из Урануполиса. Спиходит ли здесь царственный автор до каламбура? Так как ἡ ταυρεῖα, засвидетельствованная в «Геопониках», по русски «литавры», Константин, возможно, имеет в виду недавнюю публикацию: *Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989 (2-е изд. 1991). С. 10—30 (Введение Г. Г. Литаврина). Введение является хвалебным в полном смысле слова (С. 15: Константин заполнял свой досуг ознакомлением с наследием античной литературы), но все же содержит некий элемент сомнения (С. 15—16: Слава об учености Константина была сильно преувеличенной).*

¹⁴ О первых четырех книгах Продолжателя Феофана, выполненных, так сказать, Константином VII, см.: *Bury J. The Treatise...* P. 570; также ср.: P. 576. Дж. Б. Бьюри был введен в заблуждение риторическим стилем Введения к первой книге. Современных ученых, которые считают Константина автором Жития Василия I, — легион. Вот пять последних примеров: *Tartaglia L. Livelli stilistici in Costantino Porfirogenito // JÖB. 1982. Bd. 32/3. S. 198; Lesmüller-Werner A. Byzanz am Vorabend neuer Größe. Wien, 1989. S. 12; Anagnostakes E. Το ελεσόδοιο... (ср. примеч. 68 ниже), 376; Haldon J. F., Constantine Porphyrogenitus, Three Treatises on Imperial Military Expeditions // CFHB. 1990. Vol. XXVIII, Series Vindobonensis, passim; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. / Пер., ст., коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 244. В отношении оценки Введений к Энциклопедии ср.: *Lemerle P. Le premier humanisme...* P. 282; на С. 285 мы читаем, что Константин самостоятельно построил огромную машину Эксерптгг. То, что существовал «антикварный трактат»,*

будто бы глубоко погрузился в классику и поощрял классическое образование. Авторы византийских энциклопедий (категория сочинений, которая по необходимости включает и то, что осталось от «моего» энциклопедического предприятия) сталкивались с эллинистическим прошлым и были одержимы им¹⁵. Вплоть до недавнего времени я оставался — и в глазах многих Ваших коллег все еще остаюсь — воплощением неозеллинизма или Македонского Ренессанса, особенно в изобразительном искусстве, и как таковой я вдохновил создателей Парижской Псалтири. Кстати, я удивляюсь, почему никто не предположил, что я нарисовал или, по крайней мере, подправил лично, миниатюры этой Псалтири: ибо два источника свидетельствуют обо мне как о любителе-изографе, который подсказывал профессионалам, что надо делать, к тому же некоторые из миниатюр Парижской Псалтири действительно ретушированы¹⁶. Короче говоря, если

предшествовавший DAI и сохранившийся в DAI, гл. 14—42, и что этот трактат носил заглавие «*Περὶ ἔθνων*», утверждал Р. Дженкинз; сначала во введении к комментарию *Constantine Porphyrogenitus ...* (ср. примеч. 3 выше), II, P. 2—5 (как установленный факт), а затем в DAI. P. 12 (с добавлением слова «возможно»). Заявление Р. Дженкинза было полностью одобрено в издании: *Константин Багрянородный. Об управлении империей ... Введение Г. Г. Литаврина. С. 24—27. К чести П. Лемерля следует упомянуть, что он не был обманут гипотетическим *Περὶ ἔθνων*, ср.: *Idem. Le premier humanisme...* P. 277—278. В отношении предполагаемой (притом написанной его собственной рукой!) поэмы Константина, восхваляющей Никиту, составителя снабженного миниатюрами медицинского трактата о вправлении костей и суставов, сопоставь: *Schöne H. Apollonius von Kitium, illustrierter Kommentar zu der hippokratischen Schrift Περὶ ἄρθρων. Leipzig, 1896. S. XV, с Weitzmann K. Geistige Grundlagen und Wesen der makedonischen Renaissance // Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. Geisteswissenschaften. 1963. H. 107. S. 25 [= Английский пер. С. 195]. Соединение двух предположений породило уверенность.**

¹⁵ О том, что Константин обладал глубоким классическим образованием см. у Р. Дженкинза: DAI. P. 9; относительно одержимости эллинистическим прошлым ср.: *Lemerle P. Le premier humanisme...* P. 268 и 300.

¹⁶ Курт Вейцманн — самый выдающийся ученый среди тех, кто выдвинул положение о том, что Константин был ключевой фигурой «Македонского Ренессанса» в искусстве. Ср., например: *Weitzmann K. Geistige...*, особенно S. 22—29. (Английский пер.: *Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination [Chicago-L., 1971]*, особенно P. 192—199). Ср. также: *Idem. Classical Heritage in Byzantine and Near Eastern Art [= Variorum Reprints]. L., 1981. Introduction. P. II. Кроме того, ср.: Buchthal H. The Exaltation of David // Journal of the Warburg Institute. 1974. Vol. 37. P. 330—333. Предположение о том, что миниатюра рукописи Paris. gr. 139. Fol. 7 об. изображает Константина VII и его сына, нельзя считать натяжкой, если придерживаться законов искусствоведческого жанра. О Константине VII как живописце см.: *Theoph. Cont. Chron. VI. 22 = 450. 12—17 Bonn; Liutprand. Antapodosis, III. 37 = например: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters... Bd. VIII. 1977. S. 382. 27—28. «Никто не предположил» в послании из Урануполиса верно только в буквальном смысле, ибо К. Вейцманн (см.: *Weitzmann K. Geistige ... S. 28 [= Английский пер., P. 199]*) близок к идее о Константине как художнике. — Я согласен признать Константина наиболее крупным среди нескольких покровителей искусства его царствования (особенно после 944 г.) в том, что касается предметов церковного искусства и рукописей — будь то художественного, научного, исторического или духовного содержания. Проблемы возникают тогда, когда мы принимаем притязания придворной пропаганды за чистую монету, переоцениваем качество части литературной и художественной продукции времени Константина, заключаем об утонченности царственного покровителя, исходя из качества**

верить ученым Вашего времени, я был чем-то вроде антиматериала, «облобленного» в архивы, и затворника, но зато я был тончайший из умов, восседающих на троне, а культурные достижения моего царствования настолько велики, что им трудно найти равных¹⁷.

Возможно, во всем этом и была известная доля правды: по слухам, отчасти вероятным, отчасти абсурдным, собранным неким лангобардом, обладавшим неплохим знанием греческого, который в 949 г. прибыл в нашу столицу в качестве посла, до прихода к власти я представлял собою любившего уединение книжного червя, — но, прошу заметить, что книги, которые я читал, были скорее духовного содержания. Да и сам я признаю, что став единоличным правителем, я в самом деле заказал целый ряд полезных трудов, приказал изготовить с них в дворцовом скриптории копии одного формата и организовал библиотеку в одной из дворцовых палат. К тому же, ко времени моего правления Ваши коллеги приурочивают ряд ценных списков античных, позднеантичных и церковных авторов.

Но настоящая действительность была, увы, менее привлекательной. Так, я не припомню, чтобы я где-нибудь сделал намек на то, что я предавался академическим занятиям и архивным изысканиям, т.е. деятельности, приписанной мне одним из Ваших известных современников. Я заглянул в доступные Вам и Вашим современникам источники и не нашел прямых свидетельств, подтверждающих подобные утверждения. Прежде чем продолжать, позвольте мне обсудить два момента — титул и деятельность, которые, как кажется, придают мне особое своеобразие. Во-первых, титул — Багрянородный, на который столь многие до меня имели равные и даже большие права. Я был должен настаивать на нем ради выживания и спасения, как моего собственного, так и моего сына, рожденного в конце 30-х годов века, т.е. в период моего политического небытия. С одной стороны, я был рожден вне брака. Этот факт вызывал многочисленные непристойные остроты и, конечно, требовал символической компенсации. С другой стороны, я вынужден был использовать этот титул для защиты себя и своего сына от могущественного выскочки, который узурпировал мои права, и клана его равным образом зазнавшихся сородичей. Мои внуки Василий II и Константин VIII делали то же самое перед лицом узурпаторов Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Кстати, заметьте, что титул Багрянородный полностью отсутствовал в эпиграмматическом сочинении в 919—м году по поводу моего венчания с Еленой Лакапиной, то-есть в поэме отражающей интересы клана узурпаторов. Я был там назван лишь красивым блондином, и «сыном блаженных родителей»¹⁸. Во-вторых, моя деятельность в качестве

изделий времени его правления и не критически предполагаем, что и сам покровитель был поистине утонченным литератором и знатоком искусства. Ср. также ниже примеч. 43. А. П. Каждан принадлежит к тем немногим современным ученым, которые скептически относятся к понятию «Македонский Ренессанс». Но он сомневается в нем, ибо сравнивает его с итальянским Ренессансом и находит, что «Македонский Ренессанс» не создал новых ценностей, ограничиваясь лишь собиранием античного наследия. См.: Kazhdan A. «Η εποχή του Κωνσταντίνου Ζ' Πορφυρογεννήτου» // Διαβάζω. Окт. 1985. Ч. 129, особенно Σ. 17 и 20.

¹⁷ О величайших достижениях культуры в это царствование см. у Р. Дженкинза: DAI. P. 9.

¹⁸ Лангобардским послом был Лиутпранд. Ср.: Antapodosis. 3:37 (= 382, 25—28 Bauer-Rau), где говорится с большой долей вероятности, что вскоре после 931 г. Porphyrogenitus посвятил себя Богу cum oracioni tum lectionibus vacans (контекст указывает, что эти лек-

движущей силы возрождения. Термин «возрождение» был использован в мое время однажды или дважды. Но когда профессионалы моего времени писали о *παλιζωία* и *παλιγενεσία* литературы, о *καλλιςμός* ремесел и наук, которые я поддерживал, или, предвосхищая, о *παλιβίωσις*, которая должна будет восторжествовать ко времени моего единоличного правления¹⁹, они отнюдь не

tionones состояли в чтении духовных текстов или поучений), и Antapodosis. 5:22 (= 468, 32—33 Bauer-Rau), где утверждается (причем нелепо), что вскоре после низвержения Романа Лакапина, когда по дворцу рыскали вооруженные сторонники Стефана и Константина Лакапинов, Константин будто бы продолжал быть *libris incumbentem*, не подозревая о смертоносных замыслах, которые будто бы лелеяли шурины на его счет. О царской библиотеке см.: *Theoph. Cont. Chron.* 3. 43 = 145. 8—9 Bonn; об императорском скриптории при Константине VII см., например, статью Ж. Иригуэна в: *Scriptorium*. 1959. Vol. 13. P. 177—181. (Анализ пяти рукописей). О рукописях классических, позднеантичных и церковных авторов датируемых примерно половиной 10-го века, см.: *Wilson N. Scholars of Byzantium*, L., 1984. P. 136—147 = *Idem*. итал. перевод, *Filologi bizantini*, Неаполь, 1990. P. 225—228. — Непристойные остроты: здесь наш царственный автор, возможно, чуточку излишне чувствителен, подозревая о существовании неуместных каламбуров. Факт, что в своем *Legatio*. 12 (= 534. 30—34 Bauer-Rau) Лиутпранд подробно излагает, как, уязвленный оскорбительным замечанием императора Никифора Фоки, который сказал, что люди, подобные Лиутпранду — лангобарды, а не римляне, Лиутпранд назвал Ромула, в честь которого римляне (т.е., по разумению Никифора, — византийцы) получили свое имя, «*porniogenitum*», т.е. рожденным в блуде. *Porniogenitum* восходит к **πορνεογεννήτος* «рожденный в борделе» (тогда как *πορφυρογεννήτος* — «рожденный в пурпурной опочивальне»). Лиутпранд побывал в Константинополе, был принят Константином и знал сплетни о нем. Где еще — как могла подсказать болезненная чувствительность Константина — сумел бы этот лангобард подхватить издевку над титулом «Багрянородный»? И в какой среде, если не в столичном простонародье, в его прибаутках, осмеивающих рождение Константина от царской любовницы? И. Кодер (см.: *Koder J., Weber Th. Liutprand von Cremona in Konstantinopel // Byzantina Vindobonensia*. 1980. Vol. 13. P. 48) тоже думает, что Лиутпранд использовал это слово из-за его созвучия с «багрянородным». Об упорном употреблении византийцами, современниками Константина, титула Багрянородный, ср. заголовок поэмы 949/950 г. См.: *Odorico P., Il calamo d'argento...* P. 87: *Εἰς πορφυρογεννήτου Ρωμανὸν τὸν υἱὸν πρώτου πορφυρογεννήτου κυροῦ Κωνσταντίνου* (но надо учесть, что заглавие поэмы, возможно, появилось после 950 г.). Об использовании титула Василием II и Константином VIII см.: *Theoph. Cont. Chron.* VI. I (Romanos II) = 469, 10 Bonn; *Ševčenko I. A Byzantine Inscription from Silistra Reinterpreted // Revue des études Sud-est européennes*. 1969. Vol. 7. 4. P. 591—598. Ср. также: *Chronicon Bruxellense / Ed. F. Cumont // Anecdota Bruxellensia I: Chroniques byzantines du manuscrit 11376 [= Université de Gand. Recueil de travaux publiés par la Faculté de philosophie et lettres. Vol. 9]. Gand, 1894; с одной стороны, ср.: 34. 5—7 (Κωνσταντίνος υἱὸς ὁ πορφυρογεννήτος σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ ἔτη ε' οὗτος δὲ ἐστὶν ὁ γεννηθεὶς ἐκ τῆς γυναικὸς Λέοντος τοῦ Σοφοῦ, где слово *γυναικός* было верным только постфактум); с другой стороны, ср.: 34. 16—17 (Βασίλειος ὁ νέος ὁ βουλγαροκτόνος πορφυρογεννήτος καὶ τροπαιοῦχος). — Эпиграмматический Льва Хиросфакта в честь венчания Константина VII с Еленой Лакапиной издан, например, в: *Bergk Th. // Poetae Lyrici Graeci III*. Leipzig, 1914. S. 361—362. См. особ. строки 61—64.*

¹⁹ «Оживление» и «возрождение»: *Theoph. Cont. Chron. Praef.* = 3. 16 i 4. 1 Bonn; «обновление»: *Geoponica. Proem.* 5 = 2. 4—5. Слово *παλιβίωσις* встречается в письме Феодора из Кизика к Константину VII. См.: *Darrouzès J. Epistoliers byzantins du X siècle [= Archives de l'Orient chrétien. Vol. 6]. 1960. VIII. 38—41. P. 327. Оно датируется началом 940-х годов. В нем молят Бога о том, чтобы Он вознес Свое солнце (т.е. Константина VII) и*

имели в виду общего культурного подъема или возрождения. Они нападали на недостаток культуры, посредственность и пошлость, которые плодило царствование узурпатора Романа Лакапина. Я сам прибегал к такой же тактике и в трактате «Об управлении империей», и в своих посланиях, о которых скажу несколько слов немного позже. В трактате «Об управлении империей» я сохранил отрывок, который содержал несколько острых стрел, нацеленных в безграмотного простака κύρις Ρωμανός²⁰. В нескольких своих письмах, написанных еще в правление Романа, я выразил опасение, что могу превратиться в осла, т.к. вынужден разделять общество и участвовать в застольях с варварами; я сожалел о тьме невежества, окутавшей мое время и меня самого и превратившей меня в неуча. При этом, конечно же, я подразумевал правление и двор Романа, вина его за недостатки моего собственного литературного образования.

Некоторые из этих посланий, претендующих на высокий стиль и датированных временем чуть позднее 941 г., когда мне было около 35 лет, были опубликованы ученым и плодовитым латинским монахом примерно лет тридцать назад. Эти послания — единственная подборка моих неоспоримо достоверных сочинений, находящаяся в распоряжении Ваших коллег. Потому-то эти тексты и должны быть исходным пунктом любой дискуссии, как о степени моих литературных достижений (Вы сами знаете, что в мое время их тесно связывали с уровнем образования), так и о подлинности других приписываемых мне сочинений²¹. Вы

повелел всему миру снова ожить под солнечными лучами (ταῖς ἀκτίσιν αὐτοῦ τὸν κόσμον ὄλον ... πρὸς ... παλιμβίωσιν ἄγων). В этом отрывке термин «оживление» означает ожидаемое принятие Константином единоличной власти и не обнаруживает никакого намека на культурологическое значение.

²⁰ Одной цитаты из сочинения писателя-профессионала, нападавшего на предшественников Константина, будет здесь достаточно: *Theoph. Cont. Chron. Praef.* = 4. 1—6 Bonn (цитировано по рукописи Vaticanus gr. 167. Fol. 1): среди заслуг Константина было τοῦ τῆς ἱστορίας ἐπιμεληθῆναι καλοῦ, ἀλλὰ μὴ πρὸ σοῦ τὴν βασιλικὴν ἐπειλημμένους ἀμιλληθῆναι ἀρχήν..., οἵτινες [?] διεννοχέται ἐσπουδάκασι τῶν πολλῶν κατ' οὐδέν, ὅτι μὴ λόγου σύντροφοι, ἀλλ' ἀγροικίας γενόμενοι κατ' ἐντροφίῃα. О третировании Романа Лакапина в трактате «Об управлении империей» ср.: 13. 149—150; относительно часто анализируемых положительных упоминаний о Романе в том же самом труде ср., например: *Константин Багрянородный. Об управлении империей. Введ.* Литаврина Г. Г. С. 21.

²¹ Ср.: *Darrouzes J. Epistoliers...* особенно VIII. 1—18 = P. 317—332. Эти страницы содержат переписку между Константином и Феодором из Кизика. Они датируются периодом между 941 г. (поход русов Игоря на Константинополь) и низложением Романа Лакапина в конце 944 г. (Ср.: *Ibid.* P. 59). Ниже я перечисляю некоторые поправки и предложения, касающиеся печатного текста соответствующих писем VIII раздела (я познакомился с микрофильмом рукописи — *Athous Laurae* Ω 126 — только при правке корректуры): 2.6 ἐνδοξάζω едва ли засвидетельствовано; читай Θ(εὸν) δοξάζω? 2.25 τοῦτο μὴ τύχοιμ· читай τοῦτου μὴ τ.? 3.3 ἀπαγόρευσις· читай ὑπαγόρευσις, «диктовка»; 3.8 οἶνον, τὸ ὑπέρ· читай οἶ. τὸν ὑπέρ; 3.12 читай εὐρομεν; 3.23 οὐ γάρ· читай οὐ γάρ; 3.24 ἀφυπνισμένον· читай -ος; 4.7 читай <οὐ> σβεννύουσι; 5.13 знаки препинания: τί μὲν; διέκοψε; 5.14 знаки препинания: ἄσπονδος; 6.20 читай εὐῶδες; 7.2 читай πλήρεις; 7.12 ἀκοντι· читай ἀκοντί; 8.11 γραμματέων· читай γραμματέων (ср.: *Матф.* 23.34); 8.19 ἐπιτιμῆσθαι· читай ἐπιτιμῆσαι (ср.: *Матф.* 8.26); 10.8 τὸν ἐμόν· читай τ.ε. <φίλον> или <θεοδώρον>, ср.: 15.3—4?; 11.3 οὐδὲ παρεμυθήσατο· читай οὐδὲν π.; 11.16 читай ἀπαλύνασα; 14.4 читай τύχην; 14.7 читай φθονῶ; 14.12—13 ἐν μὲν ταῖς ἡμετέραις [sic рукопись] τῆς παρούσης ἀρχῆς· читай ἐ.μ.τ.

можете меня поправить, но кажется, что за тремя-четырьмя исключениями (два последние случая — русский и испанский ученые)²², Ваши коллеги упустили из виду этот корпус свидетельств и не использовали его для литературоведческого анализа, не говоря уже об историческом. Прежде всего, я не помню, чтобы какой-нибудь ученый, русский или иной, использовал отрывки, в которых я упоминаю о нападении скифа Игоря на нашу столицу или в которых я утверждаю, что у меня было по крайней мере два сына²³. Оставаясь в сфере литературы, я

ἡμέραις τῆς π.α.; 14.14 τὰ προσκόποντα· читай τὰ προκόποντα; 14.16 φαέντι· читай φανέντι; 15.4 δίκαιοις ἐλαττώμασι· читай εἰκαιοῖς ἐ.? [в рукописи κακοῦ или κακοῖς ἐλ.; 15.4 περιπλεῖν· читай περιπεσεῖν, как и в рукописи]. — Ο παρὸν οὗτος καιρός (т.е. правление Романа I) ... ἀμαθίας γνῶφ οἶονεῖ καμπτόμενος, который ἔδειξε καὶ ἡμᾶς τε ἀγροίκους τῶ ὄντι καὶ ἀναλφάβητους, см.: VIII. 1. 35—37; ο ἀπαιδευσία καὶ ἀμουσία· ἀναλφάβητοι γὰρ τῶ ὄντι ἡμεῖς καὶ μουσικὸν κρατῆρος παντάλασιν ἄγευστοι, ср.: VIII. 5. 15—21, особенно 16—18; ἄποσительно τοῦς ἐμοῦς ... ἀμούσουσ καὶ ἀηδεῖς καὶ σολοῖκων πλήρεις λόγουσ καὶ τοῖς βαρβάροις καὶ βαρβάρων ἀγριωτέροις καὶ Σκυθῶν ἀμούσοτέροις συμμένοντες καὶ ... κοινωνοῦντες καὶ συνεσθίοντες, ср. VIII. 7. 1—2 и 7—8; об ἀγνωσίας σκότος βαθύ Романа I, худшему, чем мрак, что окутывал египетского фараона (с которым таким образом сравнили Романа I) см. VIII. 18. 7—8; так же ср. ниже примеч. 26. Один пример полезности писем Константина для установления подлинности других произведений, ему приписываемых: сравни эпитет ἐπιθυμιῶν ἀνὴρ (*Dan.* 9.23; 10.11; 10.19) в *Darrouzes J. Epistoliers.* VIII. 1. 20 с тем же самым эпитетом (ἀνὴρ ἐπιθυμιῶν) во Введении, содержащемся в так называемом Приложении к первой книге трактата «О церемониях» (457, 4 Bonn = Текст С, строка 32 Haldon); Это совпадение заставляет предполагать, что Введение действительно принадлежит Константину. [Если это так, почему же в нем презренный Михаил III дважды упомянут как τοῦ φιλοχρίστου δεσπότη (457, 15 i 19 Bonn)? Потому ли, что в нем воспроизведен более ранний источник, или из-за того, что кто-то был осведомлен, что Михаил III мог быть чым-то дедом?]

²² Наиболее значительным из этих немногих исключений является труд П. Лемерля. См.: *Lemerle P. Le premier humanisme...* P. 268—269. Вместе с тем, П. Лемерль, подобно Ж. Даррузесу, полагал, что в возражениях Константина по поводу стилистических огрехов имелись очевидные преувеличения, и находил, что стиль писем сам по себе противоречит этим возражениям. Послание из Урауполиса выражает иное мнение. В других случаях мы встречаемся лишь с простым упоминанием о переписке Константина. См.: *Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète // TM.* 1967. Vol. 2. P. 395. Not. 10 и *Литаврина Г. Г. Введение: Константин Багрянородный. Об управлении империей...* С. 17. Ср., наконец, короткую цитату из нее в: *Signes Codoñer J. Algunas consideraciones sobre la autoría del Theophanes Continuatus // Erytheia.* 1989. Vol. 10. P. 27. Not. 32.

²³ О пабеге 941 г. см.: *Darrouzes J. Epistoliers...* VIII. 5. 15. Два сына Константина VII: 1. В письме император жаловался, что «его маленькие мальчики» чувствуют себя плохо и все еще не избавились от болезни (τὰ νεογνά τῶν βρεφῶν καὶ ἄρρενα κακῶς ἔχει καὶ ἔτι περιφέρουσι τῆς ἀρρωστίας λείψανα, ср.: *Ibid.* VIII. 18. 6—7. Издатель (С. 332, примеч. 9) понял ἄρρενα как ед.ч., «потому что Константин VII имел только одного сына». По словам поэта Христиана Моргенштерна, nicht sein kann, was nicht sein darf. 2. В поэме, которая недавно была опубликована П. Одорико (См.: *Odorico P. Il calamo d'argento...*), читаем в стихах 99—102: «Пусть куропатка и заяц [кто они?] окажут дружеское почтение царственным детям, благородным отпрыскам, потомкам голубой крови и державным наследникам, маленькому Льву и юному Роману» (Τοὺς δεσποσύνους παῖδας, εὐγενῆ τέκνα, ἰ τοὺς γεννάδας <те> τοῦ κράτους διαδόχους ἰ μικρὸν Λέοντα ἰ Ρωμανόν τε τὸν νεῶν βασιλεῦσ καὶ πτωχὸν δεξιούσθωσαν φίλωσ...). Датировка поэмы не установлена, но она была написана

должен сразу Вам сказать, что эта переписка не оказывает мне как литератору особой чести.

Однако, позвольте начать с самого начала. У меня было трудное детство и отрочество. Я потерял отца, когда мне не было и семи лет отроду, — в возрасте, когда мальчика отдают мужчинам, и он принимается за учебу. Будучи ребенком 8-9 лет, я некоторое время был лишен матери²⁴, а мой дядя обращался со мной скверно. К 15 годам, — возрасту, в котором начинается высшее образование, — я уже на протяжении года был женат на дочери выскочки-узурпатора. Мой тесть, приняв на себя полноту власти, отодвинул меня на задний план. Я, разумеется, не был совсем уж неучем. Когда мне было 10 или 13 лет, я был способен написать конфиденциальное письмо своей собственной рукой. У меня был наставник по имени Феодор. Но этот Феодор, как я подозреваю, заботился более о политических интригах, нежели о попечительстве надо мной, — обстоятельство, которое привело, в конце концов, к его собственной гибели²⁵.

около 950 г. Официально она обращена к Роману II, однако написана с оглядкой на Константина VII, чьи воинские подвиги в ней превозносились. Вероятно, Константин сам был заказчиком поэмы. Из этого следует, что около 950 г. у императора было двое наследников мужского пола, маленькие мальчики, которых он назвал, отчасти по обычаю, отчасти с расчетом, соответственно, в честь своего отца и тестя. В своем комментарии и примечании (С. 82 и 93) д-р Одорико удивлялся, кем могли быть «царственные дети» и schließt messerschaf (говоря вновь словами Хр. Моргенштерна), что слова μικρόν Λέοντα и νέον относились к одному Роману. Однако, грамматический строй строк 99—102 не оставляет сомнений. Около 940—950 гг., наверняка, имелся «державный наследник» по имени Лев. По всей вероятности, этот Лев был сыном Константина Багрянородного и, должно быть, умер в детстве. Таким образом, мн. ч. ἄρρενα, использованное Константином VII при упоминании о его мальчиках (см.: Darrouzès J. Epistoliers... VIII. 18. 6) должно быть понято буквально. — Единственным другим претендентом на звание отца «маленького Льва» в поэме Одорико, как мне кажется, является император Христофор Лакапин, у которого был сын по имени Роман. Эту альтернативу, тем ни менее, следует отвергнуть, ибо мы не находим Льва среди четырех детей Христофора (ср.: Westerink L. G. Nicetas Magistros, letters d'un exilé [928—946]. P., 1973. P. 29). Кроме того, сын Христофора Роман умер до 927 г., а поэма, по всей вероятности, была написана после падения Лакапинов (ср. выше примеч. 8 — анализ 64-й строки поэмы о завоевании Хадата в 948—950 гг.). Учитывая приведенное здесь свидетельство, что же мы можем извлечь из отрывка речи, изданной Р. Вари (см.: Vári R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogenetos // BZ. 1908. Bd. 17. 1, 16—19 = S. 78—79)? С моей точки зрения, слова οὐ τὸν μονογενῆ υἱὸν отрывка являются риторическим отголоском евангелия от Иоан. 3.16, процитированного ранее в этом предложении, и поэтому не имеют отношения к действительности. Если же я ошибаюсь и эти слова имеют в виду реальные факты, то они относятся, хотя это и не вполне точно, к Роману II, так как Лев к тому времени уже скончался. Речь датируется 958 г. Вопреки утверждению, содержащемуся в отрывке, неизвестно, участвовал ли Константин когда-либо в военной кампании.

²⁴ Theoph. Cont. Chron. VI. De Const. 6 = 386. 1—3 Bonn. Это место было воспроизведено Псевдо-Симеоном: Ps.-Symeon. Chron. De Const. 6 = 721. 18—20 Bonn.

²⁵ Theoph. Cont. Chron. VI. De Const. 11 = 390. 22—391, 10 и 392. 6—11; 12 = 393. 18—20; 16 = 397. 14—20 Bonn. Также ср. источники, которые зависят от Продолжателя Феофана: Ps.-Symeon. Chron. De Const. 12 = 725. 9—14; 16 = 731. 4—9 Bonn и Scylitzes. Chron. Κωνστ. ὁ υἱός. 10 = 206. 67—77 и 207. 12—17; 11 = 208. 41—43; 14 = 211. 34—36 Thurn. Также ср.: Ibid. Κωνστ. πάλιν αὐτοκρ. 1 = 233. 2—5 и 14—15 Thurn.

Все это имело неблагоприятные последствия для моего образования и литературных навыков, и в моих письмах я неоднократно ссылался на недостатки своего стиля²⁶. Достойный латинский монах-издатель не поверил мне и, отвлеченный «погремушками», которые Вы и Ваши коллеги называете законами жанра и топосом самоуничтожения, предположил, что я напрашивался на похвалы²⁷. Да уж — похвалы! Издателю следовало бы довериться Феодору из Кизика, иерарху, к которому я адресовал свои самоуничтожительные послания. Феодор был моим близким другом в трудные времена до 945 г. и оставался моей опорой в церковных делах в самом конце моего правления. Но он знал факты: в своем ответе, вместо того, чтобы возразить и осыпать меня похвалами, он согласился с моей собственной оценкой. По причине человекоубийственной зависти и нападков (под «завистью» и «нападками» подразумевались обстоятельства, порожденные кликой Романа), — писал он, — я упустил возможность, посмаковав, испить в изобилии млека Муз (под «млеком Муз» имеется в виду светское литературное образование). Мой простой «религиозный» стиль, однако, — продолжал Феодор, — достоин похвалы; благодаря этому божественно мудрому стилю я засверкал среди ревуших ослов (под «ревушими ослами» подразумеваются придворные Романа). Сейчас, оглядываясь на середину сороковых годов, я начинаю понимать, почему такой изощренный литератор, как Никита Магистр — кстати сказать, корреспондент Феодора — в своем льстивом письме ко мне притворно утверждал, что он сам низко расценивает классицизирующие приемы и предпочитает им простоту библейских притч. Он решил снизойти до моего уровня²⁸.

Если Вы все еще не убеждены, обратитесь к моим письмам. Вы обнаружите, что они изобилуют лексическими штампами. Правда, я использовал редкие слова διάρκεια и ἀκοντί, а однажды и возвышенную форму — φιλαίτατος вместо φίλτατος. Но эти маньеризмы вполне уравнивались: выбором просторечного κρικέλλους, восходящего к латинскому *circulus*; избитым каламбуром с именем Феодора; вульгаризмом αὐτόθι в значении «там» и путаницей женского и мужского рода в случае со словом κύλιξ (если в самом деле меня, скорее чем какого-либо писца, следует упрекать в вопиющей ошибке). Единственная пословица, которой я украсил мою переписку с Феодором, была банальной. Мои мифологические аллюзии, вроде упоминания нектара богов, также были

²⁶ Ср.: Darrouzès J. Epistoliers... VIII. 1. 13 и 33—37; VIII. 3. 4—6; VIII. 5. 2—21; VIII. 7. 5—7 и 10.

²⁷ Ibid. P. 60.

²⁸ О Феодоре из Кизика как близком советчике Константина после 956 г. и разделяемой им неприязни к патриарху Полиевкту см., например: Scylitzes. Chron. Κωνστ. πάλιν αὐτοκρ. 11 = 244. 14—15 и 17 = 247. 71—73 Thurn. О полном участии, но пессимистическом суждении Феодора о стиле Константина см.: Darrouzès J. Epistoliers... VIII. 8. 8—14: οἶδα σαφῶς ὅτι, εἰ καὶ τῷ ἀνθρωποκτόνῳ φθόνῳ καὶ τῇ βασκανῶ ἐπιτηρία, οἴμοι, δαφιλῶς τοῦ τῶν Μουσῶν οὐ κατετρέφης γάλακτος, ἀλλ' ὅμως τῇ οὐρανίῳ καὶ θεία δρόσῳ τοῦ ἀγίου πνεύματος ἀρδευθεῖσά σου ἡ ψυχὴ κρείττω καὶ σοφῶν καὶ νομικῶν καὶ γραμματέων (Ср. Матф. 23.34) θεοῦ χάριτι καὶ φθέγγεται καὶ φρονεῖ καὶ μέσον τῶν ὀγκωμένων ὄνων, μᾶλλον δὲ τῶν ἀρνομένων θηρίων, τῇ θεοσῶφῳ καὶ συνέσει καὶ γλώσσῃ καὶ φωνῇ διαλάμπεις αὐτός. О раболепном письме Никиты см.: Westerink L. G. Nicetas Magistros... P. 129—133 = Письмо 31, особенно строки 15—20.

банальны, повторяли друг друга и уступали числом библейским цитатам²⁹.

Мифологические аллюзии заставляют меня опять вспомнить о моем хваленом классицизме. Боюсь, он стал навязчивой идеей Ваших коллег. Я повторяю, доверьтесь моим современникам, — эту идею никто из них не разделял. Мои современники находились на правильном пути, ибо ярлык классицизма, который я ношу сегодня (однажды я был назван даже «в первую очередь, ученым-классиком»), едва ли соответствует реальности. Недавно было сказано, что «моя» энциклопедия состоит из отрывков, заимствованных из сохранившейся древнегреческой литературы³⁰. Хотелось бы знать, откуда взялось такое утверждение? Возможно, оттого, что она, на самом деле, содержит извлечения из трех классических писателей — Геродота, Фукидида и Ксенофонта, и оттого, что во Введениях к ней меня хвалят за инициативу в изыскании трудов, написанных «императорами и частными простыми смертными древних времен»³¹. Но займитесь немного статистикой и подсчитайте число страниц четырех томов энциклопедии, которые сохранились в Вашем распоряжении. Вы обнаружите, что извлечения из подлинно классических авторов занимают менее десяти процентов De virtutibus et vitiis; два процента De sentiis, ни одного процента De insidiis, и, наконец, полпроцента De legationibus, — труда первой значимости для обсуждения на конференции, в которой Вы собираетесь участвовать³². Все остальные источники — или эллинистические и, как правило, имеющие отношение к Риму, либо непосредственно римские, либо же византийские, доходящие по времени до IX в.³³ И лишь в De legationibus византийские источники, т.е., с моей точки зрения, тексты современных мне авторов, занимают почти сорок пять процентов содержания³⁴. И можно ли было ожидать чего-то иного? Во-первых, мы были римлянами, увлеченными римским прошлым. Во-вторых, мои подчиненные пытались собрать материалы, которые, как мы думали,

²⁹ Ο διάρκεια (в знач. «обилие») и ἀκοντί (ошибочно напечатаном ἄκοντι) см.: Darrouzès J. Epistoliers... VIII. 7. 12; ο φιλαίτατον: VIII. 1. 16; ο κρικέλλους: VIII. 12. 1; ο банальном каламбуре δῶρον Θεοῦ = Феодор: VIII. 12. 1; ο αὐτόθι «там»: VIII. 10. 7; в отношении возможного κύλιξ муж. рода: VIII. 12. 5 и 7 (τούτῳ). Единственная пословица (У друзей — все общее): VIII. 1. 24—25. Касательно трех ссылок на нечто лучшее, чем нектар богов, ср.: VIII. 3. 8; VIII. 5. 24—25; VIII. 12. 8. Длинный перечень античных и мифологических имен, употребленных Феодором из Кизика в одном кратком пассаже (VIII. 6. 4—9: Мидас, Крез, Талос, Пелей, Ирис, Лаодамас, Гигес, сады Мидии, кони Несейской долины), показывает иной уровень утонченности. Об обильном использовании собраний пословиц в письмах главы школы, современника Константина, см. ниже стр. 18 и примеч. 36.

³⁰ Ср.: Toynebee A. Constantine... P. 576, 579 и 581.

³¹ Ср.: Excerpta de legationibus... Pars I. 1. 4 и Excerpta de virtutibus... 1. 3.

³² Excerpta de legationibus... Pars II; Геродот (P. 435—436); Фукидид (P. 436—438).

³³ Об удобочитаемом перечне 28 авторов, использованных в сохранившихся частях Эксцерптов Константина, см.: Büttner-Wobst Th. Die Anlage der historischen Encyclopädie des Konstantinos Porphyrogenetos // BZ. 1906. Bd. 15. S. 96; также ср. списки у П. Лемерля. См.: Lemerle P. Le premier humanisme... P. 285—287.

³⁴ Excerpta de legationibus... Pars I: Георгий Амартол, Малала, Зосим, Прокопий, Малх, Менаандр Протиктор, Феофилакт Симокатта; Pars II: Зосим, Сократ, Петр Патрикий, Агафий, Менаандр Протиктор, Феофилакт Симокатта, Прокопий, Малх, Приск, Евнапий. Извлечения из византийских авторов занимают 256 из 599 страниц частей I и II.

могли быть полезны для дипломатической практики, а не ради того, чтобы «сохранять античность» для пользы Ваших ученых коллег-профессоров. Мы умеренно использовали Геродота, так как полагали, что его сообщения о Персии и Египте могут быть применимы и к «персам» и «египтянам» нашего времени, т.е. к арабам, а его упоминания о скифах могут помочь нам лучше разобраться в сношениях со скифами наших дней, то есть с народом Рос³⁵.

Я готов признать очевидное. Высокий стиль языческих сочинений Второй софистики, т.е. произведений «античной» прозы, как мои образованные современники это толковали, действительно оказал сильное влияние на моих сподвижников. Никейский митрополит Александр, к которому я еще вернусь, исправлял и аннотировал (правда, с одной ошибкой относительно атрибуции) рукопись скабрезного Лукиана. Один из менее известных литераторов, находившихся на моей службе, специально подчеркивал, что если ему и придется писать простым стилем, то это отнюдь не потому, что он несведущ в *превосходной* манере выражения, присущей древним грекам.

Некоторые наши современники, близкие по образованию к нашему литературному кругу, но не принадлежащие к нему, проявляли особое усердие в поисках изысканных и редких словечек, в употреблении гипербатона, в повиновении правилам «хорошей» грамматики, и в своем стремлении намекнуть на то, что они чувствуют себя как дома в самых укромных уголках классической литературы и мифологии. Вы, я не сомневаюсь, знакомы с письмами одного из этих педантов, главы школы второй ступени в нашей столице. Благодаря занимаемому им положению, этот преподаватель терся среди влиятельных отцов и дядей доверенных ему учеников; ему даже удалось наладить связи с самим патриархом и с императрицей — женой (а позже — вдовой) члена семьи Лакапинов. С другой стороны, он жаловался на то, что какие-то «правители» отнеслись к нему бессердечно, то есть, как полагаю, не дали ему денег. Возможно, что под «правителями» он подразумевал меня. Если я действительно плохо отнесся к этому главе школы, то это, по всей вероятности, произошло из-за его связей с Лакапинами. Возможно, что моя, во всяком случае, «правителей» немилость не помогла делу педагогики; но едва ли она значительно повредила делу высокой светской культуры. Правда, надо нашему главе школы отдать должное: он пытался приобрести (по возможности, дешево) том Софокла, предположительно, чтобы пользоваться им как учебником в своей школе; однажды он сослался на «Федона» и «Крития» Платона. Но — и это самое главное — основная масса аллюзий, которыми он пытался доказать свое близкое знакомство с Классикой, была более скромного происхождения: он черпал эти аллюзии не из

³⁵ Об использовании Геродота в трактате De virtutibus, см.: Iulius Wollenberg. LXIII locos ex Herodoto excerptos qui ex collectaneis Constantini Porphyrogenetae Περὶ ἀρετῆς καὶ κακίας... exstant recensuit I. W. [= Programme ... Collège royal français...]. (В., 1862). Относительно содержания и библиографических ссылок на энциклопедические предприятия, осуществляемые под покровительством Константина VII, ср.: Семеновкер Б. А. Энциклопедия Константина Багрянородного: Библиографический аппарат и проблемы атрибуции // ВВ. 1984. Т. 45. С. 242—246. См. его же: Библиографические памятники Византии. Автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Москва, 1989. С. 25—27. Ученый не касается проблем, поднятых в послании из Урануполиса.

оригинальных произведений, а из собраний пословиц. И некоторые из употребляемых им редкостных словечек либо также восходили к тем же собраниям пословиц, либо вовсе не были аттическими. Наш глава школы однажды получил поручение от патриарха переписать какой-то патристический, или по крайней мере церковный, текст (поручение это он отказался выполнить, изза плохого состояния оригинала); однажды, он назвал цитату из Гомера «внешним высказыванием», — это была церковная точка зрения, едва ли позволяющая считать нашего преподавателя «гуманистом». Ко всему прочему, собрание его писем не свободно от лексических, а может быть даже и грамматических изъянов³⁶.

³⁶ Александр Никейский как толкователь и исправитель Лукиана: ср.: Vaticanus gr. 90 и *Rabe H. Scholia in Lucianum*. Leipzig, 1906 (схолии Александра обозначены буквой Г2). См. тоже *Macleod M. D. Luciani Opera*, T. I, Oxford, 1972, P. xiii и T. III, Oxford, 1984, P. x—xiii (где исправления и схолии Александра обозначены буквой Га); претензии на знакомство с языком древних эллинов: ср.: Введение к учебнику по питанию: *Cohn L. Bemerkungen...* (см.: выше примеч. 4) S. 156, строки 7—14 греческого текста. Чтобы получить точный смысл, необходимо ввести два изменения в строке 10 и читать κεϋρημένους (не -οις) ὄρων· οὐ γὰρ ἀγνοίᾳ (не ἀγνοίᾳ) λέξεωv и т.д. Л. Феличи, которой осталась неизвестной статья Кона, переиздала Введение к учебнику по питанию по двум другим рукописям, которые подтверждают предлагаемые тут поправки. Ср.: *Felici L. L'opera medica di Teofane Nonno in manuscritti inediti // Acta medicae historiae Patavina*. 1981—1982. Vol. 28. P. 68, строка 10. Текст писем главы школы издан в: *Laourdas B. // Ἀθηνᾶ*. 1954. Т. 58. Σ. 193—198 [= L]; *Browning R. // Byz.* 1954. Vol. 24. P. 441—452; и *Browning R., Laourdas B. // EEBΣ*. 1957. Т. 27. Σ. 153—212 [= B-L]. Употребление гипербатона: καὶ χρυσὸν πῶρ καὶ ἄνδρα δείκνυσιν ὁλοῖος ἀρχή, B-L, строка 158; следование правилам «хорошей» грамматики: ἄσειστον μέλλουσαν τὴν οἰκίαν γενήσεσθαι (inf. fut.), B-L, строки 1245—46; бессердечное отношение скаредных (?) правителей к главе школы: τὸ τῶν κρατούντων ἀνάλητον, L, строки 107—108 (Κρατοῦντες — часто неодобрительная ссылка на императора или императоров). Ход мыслей здесь, по-видимому, следующий: так как главе школы благоволила императрица София, жена (и вдова) Христофора Лакапина и снабжала его книгами (см.: Письма 8, 96, 97), то жестокие κρατοῦντες, должно быть, были наследники Лакапинов, то есть сам Константин VII. Обоснованность этой реконструкции мыслей императора во многом зависит от определения точного времени деятельности главы школы. Покупка тома Софокла: L, строки 98—109; ссылка на Платона: B-L, строки 565—570; собрания пословиц как главный источник тонких литературных намеков главы школы см.: L, строки 189—193; B-L, строки 391—392; редкие словечки и слова сомнительного аттического происхождения: ἀλώνητον, B-L, строка 860 (для наших целей важно отметить, что это слово засвидетельствовано лишь в собраниях пословиц Диогениана и Зиновия и в Словаре Суды; Евстафий Солунский [XII в.], наверное, заимствовал это слово из тех же самых собраний); παραναβλαστῆν, B-L, строка 216 (παραναβλαστᾶνω встречается у Филона, но форма, которую употребляет глава школы, нестандартна; обязано ли ее появление влиянию Септуагинты?); отказ от составления списка с церковного текста: письмо № 88; цитата из Гомера определена как ὁ ἕξω λόγος: B-L, строка 810; возможное неправильное употребление слова ἀσυκρότητον в значении «отсутствие дисциплины»: L, строка 107; употребление винительного падежа вместо дательного: τὸ τῆς τύχης ὄνομα χρῆσαμένους, B-L, строка 1627 (есть, правда, отдаленная возможность, что в этом пассаже χρῆσαμένους значит «занивавших»). Кроме данных работы Браунинга, упомянутой в этом примечании, хороший анализ корреспонденции находится в: *Lemerle P. Byzantine Humanism*. Cambridge, 1986. P. 285—298 [указание на французский оригинал книги см. выше в примеч. 6]. Ср. также статьи А. Маркопулоса в: *JÖB*.

Сомнительное содержание могло просочиться вместе с высокопочитаемой формой. Перечитывая, я понимаю сейчас, отчего отрывок из сочинения одного из блестящих мастеров Второй софистики — Евнапия, показывающий Юлиана Отступника в благоприятном свете как зачинщика переговоров с варварами, был включен в *De legationibus*. Я также благодарен Вам за напоминание о том, что большинство заимствований из Либания, использованных человеком, чье имя я не могу вспомнить, но который написал Житие моего деда Василия, восходит к Речи Либания на смерть того же самого гнусного Юлиана. Попутно Вы указали, что эти заимствования из Либания включают известную фразу о евнухах, которые столь многочисленны во дворце, сколь мухи в овчарне весенней порой. Эту фразу с безошибочной интуицией, но с ошибкой в переводе ввел в оборот Э. Гиббон, а Ваши коллеги любят цитировать ее за ним как мою собственную³⁷. Что касается меня, то так как я не являлся членом «клуба» Второй софистики, и у меня отсутствовали высокие литературные амбиции, я не видел причин почитать форму выше православия и не колеблясь назвал Юлиана «нечестивейшим из императоров». Если верить автору Введения к руководству о питании, которое я повелел составить, то я распорядился написать его таким образом, чтобы не только исклещенный в литературе знаток, но и не приобщенный к «эллинской учености» читатель смог бы понимать ее содержание. Соответственно руководство и было составлено в простом разговорном стиле. Правда это или ложь, но слова этого Введения отнюдь недвусмысленны, так что, прошу Вас, не называйте меня элитарным правителем³⁸.

1982. Т. 32/4. P. 31—37 (о письме № 88, которое я отчасти понимаю по другому); *Ἀφιέρωμα στὸν Νίκο Σβορώνο*. Ῥέθυμνο. 1986. Σ. 139—144 и в: *Κωνσταντῖνος Ζ' ὁ Πορφυρογέννητος καὶ ἡ ἐποχὴ τοῦ Ἀθῆναι*, 1989. Σ. 163. Наконец, ср. диссертацию *Steiner A. Untersuchungen zu einem anonymen byzantinischen Briefcorpus des 10. Jahrhunderts* [= *Europäische Hochschulschriften. Reihe 15. Bd. 37*]. Frankfurt am Main, 1987, особ. S. 129—142 (лексика) и рецензию А. Карпозилоса на книгу Штейнер в *BS*. 1992. Т. 53. P. 89—91.

³⁷ Ср. высказывание о Юлиане Евнапия: *Excerpta de legationibus. Pars II. P. 591—593*. Об использовании 18-й Речи Либания в Житии Василия I ср.: 13 = 2. 242. 7 / Ed. Foerster (Житие. 46 = 277. 18 Bonn); 34 = 2. 251. 1 (Житие. 37 = 267. 6 и 39 = 268. 17—18); 40 = 2. 253. 12—13 (Житие. 30 = 257. 15—16); 61 = 2. 263. 1 (Житие. 61 = 301. 10); 64 = 2. 264. 3 (Житие. 51 = 288. 9); 261 = 2. 350. 8—9 (Житие. 41 = 272. 10); 263 = 2. 351. 6 (Житие. 61 = 300. 22 и 92 = 338. 16); строка из Илиады (3.179), использованная в конце Жития (102 = 352. 15 Bonn), появляется также в некоторых рукописях в конце 18-й Речи (ср. критический аппарат к 371. 5 / Ed. Foerster). Об использовании пассажа о евнухах из 18-й Речи в Житии Василия, ср. 130 = 2. 291. 19—20 / Ed. Foerster с Житием. 74 = 318. 8—10 Bonn. Об использовании Э. Гиббоном отрывка о евнухах из Жития Василия см.: *Gibbon E. History of the Decline and Fall... / Ed. J. V. Bury = 1898. VI. P. 78—79. Ch. 53 and Not. 39*. Э. Гиббон принял ἐντομία «кастраты» за ἐντοα «насекомые».

³⁸ Юлиан названный нечестивым: ср.: «О церемониях», Введение Константина, обращенное к Роману II в так называемом Приложении к первой книге, 458. 4 Bonn = Текст С, строка 49 / Ed. Haldon. Введение к первой книге учебника по питанию: ср.: *Cohn L. Bemerkungen...* S. 156, строки 1—6, 12—16 греческого текста. Также ср. Введение ко второй книге: *Ibid.* 157, строки 3—6 греческого текста. В том же самом контексте ср.: *Geoponica. Proem. 2. 16—17 Beckh*: Константин, собрав материалы для этого труда, *κοινωφελῆς ἔργον πᾶσι προτέθεικας*.

Вернемся к моему мнимому классицизму. Критический аппарат к последнему изданию греческого текста «Об управлении империей» — труд, к составлению которого я действительно был, в известной степени, причастен — содержит ссылки на Фукидида и Геродота. Не верьте этому аппарату. Связи, которые в нем установлены, натянуты³⁹, и ни у кого из моих помощников в ходе составления нашего труда не возникло и мысли об этих авторах. Перечитывая сей труд, я лучше всего запомнил три фрагмента, где я обращался к моему сыну в манере, которую саксонцы называют Ich-Stil. Это Введение, начало главы о печенеггах и большая часть главы, исполненной небылиц, в которые и сам-то я едва ли верил: а именно — не позволять варварам домогаться браков с нашими женщинами и препятствовать их посяганиям на регалии нашего императорского величия⁴⁰. Вы можете составить свое мнение о моей реальной литературной образованности по этим трем фрагментам еще лучше, чем по моим посланиям. Там Вы найдете простой язык. Он еще более упрощается благодаря усеивающим текст библейским цитатам в сочетании с моими собственными подражаниями Писанию, подобающими скромной проповеди. Даже когда я использовал какую-то фразу из Гомера (единственное такое независимое употребление во всем труде «Об управлении империей»), я поместил ее сразу же вслед за цитатами из «Исхода» и псалмов⁴¹.

Но я не был совсем безыскусен. Ни я, насколько помню, ни кто другой в мое время, никогда не стремился к простому и ясному стилю. Напротив, некоторые из нас приносили извинения за его использование, за нашу καθωμίλημένη и ἀπλοστέρα φράσις. Если мы и добивались чего-либо на самом деле, то возвышенного стиля, хотя мы не всегда были способны достичь его высот. Перечитывая Введение к трактату «О церемониях», — не припоминаю, действительно ли я писал его, однако я не могу отрицать этот факт совершенно, — я нахожу его стиль претенциозным, но увы, не свободным, по крайней мере от одного, анаколупа. Я не советовал бы Вам строить теорию о том, что мы сознательно добивались простоты стиля в этом Введении, ссылаясь на единственную, употребленную в тексте полную строку «политического стиха». Этот факт, среди прочих ему подобных, был пронизательно отмечен одной из ваших очаровательных современниц, но я почти уверен, остался незамечен нами во время написания. Заметили ли Вы, — никто из Ваших коллег этого не сделал, — что в самой первой главе трактата «Об управлении империей» мне удалось протащить два технических выражения из учебника риторики Гермогена? Таким образом, я уравновесил неловкое заявление о том, что «простой и обыденный» стиль должен быть присущ целому труду. Я сам также взял за образец фразу Полибия, которая

³⁹ Ср.: DAI, аппарат к 42. 80—83 (Геродот); DAI, аппарат к 46. 168—169 (Фукидид).

⁴⁰ Ср.: DAI. Prooemium; 1. 4—24; 13. 12—200. — О сомнительном характере историй, содержащихся в трактате «Об управлении империей», глава 13, см.: Yannopoulos P. A. Histoire et légende dans Constantin VII // Byz. 1987. Т. 57. Р. 158—166. Сила ученого читва такова, что автор кажется несколько удивленным своими находками.

⁴¹ Ср. Введение к трактату «Об управлении империей», относительно сочетания библейских цитат (2—5; 8) с собственными высказываниями императора или, по крайней мере, с небиблейскими, но поучительно-библейски звучащими выражениями (6—8; 10—12). «Единственно независимая» цитата из Гомера см.: DAI. 13. 104. Император не учел две фразы Гомера (DAI. 23. 35—36), т.к. они заимствованы в главе из текста ее источника.

приводится в той же самой его главе, которую мои подчиненные привели в компиляции De sententiis⁴². Короче говоря, по существующим литературным нормам моего времени я был не совсем на высоте, но тем не менее, я был все же не полностью несведущ в эллинистических красотах. Когда речь заходит об упомянутом классицизме моего литературного творчества, то снова оказывается, что добрый Зонара судил об этом совершенно верно.

Подобные предостерегающие ремарки приложимы и к той стороне моего мнимого классицизма, где я выступал в качестве покровителя и знатока, а не «автора». Я — правитель, которому приписывают возрождение классической античности в изобразительном искусстве. В связи с этим заслуживает особого внимания тот факт, что единственное мое высказывание о художественном предмете, на которое я натолкнулся в моих собственных сохранившихся сочинениях, — восхваление чаши изысканной работы арабского мастера. Я понимаю восхищение Ваших коллег такими высокохудожественными памятниками, как ларец из Вероли, стеклянная чаша из Сан Марко и Парижская Псалтирь с ее аллегорическими изображениями, — хотя я нахожу их отчасти неуклюжими и уступающими превосходной каллиграфии книги — или даже такими менее изысканными изделиями, как ларцы украшенные голыми putti, производимые в большом количестве для зажиточных домов моего и последующего времен. Но вновь обратимся к статистике. Я предугадываю, что подобно моей арабской (и даже из Сан Марко) чаше многие сосуды моего времени отражали восточные веяния. Я определенно знаю, что это относится почти ко всем дорогим шелковым тканям. Далее: подавляющее большинство художественных изделий, созданных на мои деньги и на деньги важных сановников — этих патрикиев, паракимоменов и китонитов времени как моего правления, так и последующих, — составляли церковные строения и утварь. Более того, наряду с моими литераторами, подражающими трудам Второй софистики, или переписывающими (судя по одной рукописи, возможно исполненной в моем скриптории) язычествующие упражнения в анакреонтиках, принадлежащие перу провинциальных преподавателей риторики времен Юстиниана, классицизирующие миниатюристы «моего»

⁴² Говоря о стремлении к простому и ясному стилю и об употреблении политического стиха, император, должно быть, имеет в виду ст.: Luzzatto M. J. La datazione della Collectio Augustana di Esopo ed il verso politico delle origini // JÖB. 1983. Т. 33, особенно Р. 177. Единственное чередование слов, образующее политический стих (после переноса!) во Введении к трактату De Cerimoniis. 5. 5 Bonn = 2. 16—17 Vogt, — это фраза τοῖς ἐφ' ἐκάστῳ πράγματι πάλαι προσαρμοσθεῖσι. Об анаколупе в том же самом Введении см.: 4. 23—5. 2 Bonn = 2. 12—15 Vogt, ἐν ᾧ ... καὶ τὰ τῷ συγκλητικῷ συστήματι κατοπτευόμενα, ἐν τάξει καὶ κόσμῳ αἱ τοῦ κράτους ἡνία διεξάγουιντο. Относительно отголосков сочинений Гермогена ср.: DAI. 1. 11 (φράσεως ἡττικισμένης καὶ τὸ διημέρον διοικούσης) с одной стороны, с Hermogenes. 1. 1 = 219. 8—10 Rabe (λέξις ... μὴ διημένη); 2. 9 = 371. 7 (διημένος, «возвышенный»), и, с другой стороны, с 1. 6 [глава о Торжественности = 247. 12—13 Rabe (λέξις ... διοκούσα τὸ στόμα); = 247. 22—23 (διαρεῖ καὶ διοκοῖ τὸν λόγον «возвышает и раздувает речь»); = 248. 9—10 (λέξεις ... διακωμένα «напыщенные выражения»). Относительно отзвуков сочинения Полибия сравни DAI. 1. 10 и 12—13 (ἐπίδειξιν и ἀπαγγελίαν) с Polyb. 38. 4 (ἐπιδεικτικώτερον ... τὴν ἀπαγγελίαν). 38-я глава Полибия цитируется в: Excerpta de sententiis [= Excerpta historica ... IV] B., 1906. P. 131. Соотношение между DAI. 1 и Полибием заметил уже Дженкинз. См.: Constantine... II (см. выше примеч. 3), 12.

Македонского Ренессанса явно воспроизводили не античные, а позднеантичные и ранневизантийские образцы (уже после смерти я узнал, что именно так произошло с некоей Библией, воспроизведенной с образца, датированного правлением Юстиниана). Подобные идеи были блестяще представлены в недавних сочинениях одного Вашего друга, но до сих пор я не заметил, чтобы многие приняли его точку зрения. И последнее, прежде чем я оставляю эту тему. Я не оспариваю нарочитый термин «Македонский Ренессанс», если только он не равнозначен «классицизму», но обозначает, так сказать, всецело улучшенное качество. Такого качественного улучшения мы достигали в определенной степени, между прочим, и посредством использования архаизирующих мотивов, каковы бы ни были их действительная древность и происхождение, либо, как это до меня сделал мой отец, посредством реставрирования ранневизантийских зданий, уже снабженных позднеантичными украшениями ⁴³.

Теперь я должен обратиться к тому пристрастию Ваших коллег, о котором я уже упоминал. Они верят в мою чрезвычайную плодовитость. Если все, что приписывается мне, достоверно мое, то я писал примерно в пяти стилях ⁴⁴. На самом

⁴³ Относительно похвал арабскому кубку (ἀραβικῆς κύλικος) ср.: *Darrouzès J. Epistoliers... VIII. 12. 5—6*. Относительно *ethoroeiae* и *эпиталамиев* вышедших в 5-м — 6-м вв. из под пера преподавателей из Палестины и Египта (?), см. *Barberinianus gr. 310*, прекрасную рукопись половины 10-го в. См. тоже *Nissen Th. Die byzantinischen Anakreonten. // Sitzungsberichte d. Bayerischen Akad. d. Wiss., Philos.-hist. Klasse, Jahrgang 1940, Heft 3. P. 13—26*. Поэмы эти, также как и *анакреонтики* ерусалимского патриарха Софрония, может быть привезли с собой в Константинополь эмигранты прибывшие туда в 9-м веке из Палестины, люди вроде *Михаила Синкелла*. — «Одного Вашего друга»: император имеет в виду блестящую ст.: *Belting H. Problemi vecchi e nuovi sull'arte della cosiddetta 'rinascenza macedone' a Bizanzio // Università degli Studi di Bologna, Istituto di Antichità Ravennate e bizantine. XXIX Corso di cultura sull'arte Ravennate e bizantina. Ravenna, 1982. P. 31—57*, со ссылками на «Библию Никиты» (примеч. 5), на исследование К. Манго о рукописи *Vaticanus Reg. gr. 1* (примеч. 12) и на ст. А. Грабара о моде на восточные мотивы в византийском искусстве X в. (примеч. 28). Белтинг расширил и уточнил свои наблюдения с 1982 г. в статье: *Kunst oder Objekt-Stil? Fragen zur Funktion der 'Kunst' in der 'Makedonischen Renaissance'*, см.: *Byzanz und der Westen: Studien zur Kunst des europäischen Mittelalters / Ed. I. Hutter [= Österreichische Akad. der Wiss., philos.-hist. Klasse, Sitzungsberichte, 432 Band]. 1984. S. 65—83*. Император был прав, указывая на незначительное число ученых, принявших точку зрения Белтинга. Я встретился всего с одним автором, разделявшим его позиции: *Kalavrezou-Maxeiner, I. The Cup of San Marco and the 'Classical' in Byzantium / Ed. Bierbrauer K. et al. // Studien zur mittelalterlichen Kunst, Festschrift für Florentine Mütterich zum 70. Geburtstag. München, 1985. S. 161—173*. См., особенно, S. 170, 172—173. Относительно моделей изящного мощевика из серебра и бронзы в форме креста, датированного 959—960 гг., см. *Bouras L. The Reliquary Cross of Leo, Domestikos tes Dyses / Edd. Mullett M. и Scott R. // Byzantium and the Classical Tradition, Birmingham 1981. P. 179—187, особ. P. 187*. Модели эти или византийские шестого — седмого столетий, или современные арабские. — Относительно бани 5-го века в «доме Марины» в Константинополе, обновленной Львом VI, см. пронциательную ст.: *Mango C. The Palace of Marina, the Poet Palladas and the Bath of Leo VI // Εὐφρόσυνον. Ἀφιέρωμα στὸν Μανόλη Χατζηδάκη. Αθήνα, 1991. P. 321—330*.

⁴⁴ Относительно носящих имя императора трудов, которые написаны в различных стилях, см.: 1. Его переписку; 2. Житие Василия и Проповедь о перенесении Святого образа из Эдессы; 3. Обращения к войску; 4. Введения к трактату «О церемониях»; 5. Разделы трактата «Об управлении империей»; 6. Разделы трактата «О фемах».

деле некоторые труды или их разделы я не писал (как это с очевидностью следует из простого чтения их заголовков) ⁴⁵. Некоторые труды возможно мои, но я не помню писал ли я их, даже если они носят мое имя. А некоторых из приписываемых мне творений я, кажется, даже никогда и не читал. Так, я не писал Жития Василия, моего деда. Я забыл, кто его написал, но хорошо помню — и Вы сами это показали — что это труд той самой наемной руки, которая шестью или семью годами ранее написала — от моего имени — трактат о торжественном возвращении нерукотворного образа Христова из Эдессы в Константинополь ⁴⁶.

⁴⁵ Так, заглавие жизнеописаний Продолжателя Феофана начинается словами: «Хронография, написанная по приказу Константина» и заканчивается двусмысленно: «Тот же самый император Константин собрал материалы для соответствующих частей Хронографии и ясно изложил их ...» Заголовок Жития Василия I сначала звучит прямолинейно: «Историческое описание жизни и деяний почитаемого императора Василия, которое его внук Константин ... собрал», но завершается оставляющем мало сомнений признанием: «и представил настоящему писателю». Русский перевод заголовка (см.: *Продолжатель Феофана / Изд. Я. Н. Любарского. СПб., 1992. С. 91 и 296*) опускает его последние слова, обходя, таким образом, проблему. Последний пример: Письмо, которое «Константин» написал с нашей Земли Григорию Назианзину на Небеса, гласит: «Письмо, как будто бы от императора Константина Багрянородного, составленное и посланное Великому Богослову Григорию, когда он [т.е. его мощи] был перенесен в Константинополь». Ср.: *Sakkilion I. Κωνσταντίνου Ὁ Πορφυρογεννήτου ἐπιστολὴ ... // Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. 1885—1889. Τ. 2, ὀσобоно Σ. 264—265*. Относительно «Истории животных», не принадлежащей Константину, судя по ее заглавию, ср.: *Lemerle P. Le premier humanisme... P. 297* и раньше, *Lambros Sp. Excerptorum Constantini De natura animalium libri duo... // Supplementum Aristotelicum. Vol. I. B., 1885. P. XVII*.

⁴⁶ Я насчитал от 21 до 25 значительных лексических и фразеологических параллелей между Житием Василия I и соч.: *De imagine Edessena / Ed. Ernst von Dobschütz // Christusbilder... Leipzig, 1899. 39**—85***. Приведу здесь лишь десять таких параллелей, отсылая читателя к *Index locorum* моего предстоящего издания *Vita Basilii*: Житие. 87 = 334. 19 *Βοππ οὐτωςί πας ἐπὶ λέξεως ἔχουσα* и *De imagine. 49***. 8 *ἐπὶ λέξεως οὐτως ἔχουσα*; Житие. 84; 85; 87 = 326. 13; 327. 8; 330. 20—21 *σύστασιν ἔχουσιν* или *ἔχει τὴν σύστασιν* и *De imagine. 57***. 14 *τὴν σύστασιν ἔχουσαν*; Житие. 85 = 327. 13 *τὸ ἐμβαδόν* и *De imagine. 63***. 1 *τὸ ἐμβαδόν*; Житие. 47 = 279. 19—20 *ἐπεὶ ὁ χρόνος ἦδη ρεύσας διὰ μέσου πολὺς* и *De imagine. 63***. 9 *ἔρρει τοῖνον ὁ χρόνος διὰ μέσου πολὺς*; Житие. 61; 92 = 300. 22—301, 2; 338. 16 *πολυχειρία ... διαβιβάσας τὰς ναῦς и ἐκφορήσας τὸν χοῦν πολυχειρία* и *De imagine. 69***. 16—17 *πληθος ... τῆ τοῦ στρατευματος πολυχειρία συναθροίσας*; Житие. 42 = 273. 13—14 *ἐξ ὑπερδεξίων τοῖς ἐν ἐπιπέδῳ κατηυλισμένοις μέλλουσιν ἐπιτίθεσθαι* и *De imagine. 69***. 20—22 *ἐξ ὑπερδεξίων τὰ βέλη κατὰ τῶν ... προκινδυνεύόντων ... ἀφίεσθαι ἔμμελλεν*; Житие. 17 = 237. 12 *ἐν ἀμυχανία κατέστη* и *De imagine. 69***. 24—25 *ἐν ἀμυχανία καίπερ ὄντες*; Житие. 75 = 319. 7 *πρὸς τὴν οἰκείαν χώραν ἀνθυπενόστησεν* и *De imagine. 71***. 4 *πρὸς τὰ οἰκεία ἀνθυπενόστησεν*; Житие. 61; 62 = 300. 18—19; 302. 23—303. 1 *βουλήν βουλευέται συνετήν* и *De imagine. 71***. 23 *βουλήν βουλευόνται συνετήν*; Житие. 42 = 273. 15—16 *τὸ μὲν ἔκκριτον αὐτῆς ἄχρις ἔκτης ἑκατοντάδος* и *De imagine. 73***. 22 *μέχρι διπλῆς ἑκατοντάδος*. В трех дальнейших случаях параллели позволяют нам выверять один текст с помощью другого. Ср.: Житие. 48 = 281. 23 *οὐ τ[ο]σ[ο]ύτον ... τὸν Κωνσταντῖνον ἐκείνον εἶναι* и *De imagine. 55***. 14 *τοῦτον ἐκείνον εἶναι*; Житие. 28 = 255. 8 *τῶν ὑ(πο)βεβηκότων [ὑβεβηκότων Vat. gr. 167. Fol. 88 об.] ταγμάτων* и *De imagine. 79***. 2 *ἐκ τῶν ὑποβεβηκῶν τάξεως* [читай: τάξεων]; Житие. 50 = 284. 6 *τοῖς ἰκ(ν)ουμένοις [ἰκουμένοις Vat. gr. 167. Fol. 99] χρόνοις* и *De imagine. 81***. 14 *τῆ δὲ ἰκνουμένη τῶν ἡμερῶν*.

И хотя я приложил руку к созданию некоторых вводных пассажей к трактату «О церемониях», я, конечно же, не описывал «по моим собственным наблюдениям» императорских гробниц во второй книге этого труда. Эта мешанина из документов, написанных разными людьми в разные времена и в разных стилях, была окончательно составлена после моей смерти и (как Вы узнали об этом в Вене несколько лет назад) обязана своим появлением моей «правой руке» и сотоварищу — покровителю искусств Василию Паракимомону. Mutatis mutandis, то же самое применимо и к трактату De thematibus⁴⁷.

Эти мои признания должны были бы стать приемлемыми для Ваших коллег, если они позволят убедить себя в том, что, подобно важным политическим деятелям их собственного времени, я использовал безымянных «негров». До публикации нескольких моих писем такое предположение было бы просто призывом к здравому смыслу. (Этого «товара», как я убедился с некоторым удивлением, зачастую недостает многим ученым). С появлением упомянутой публикации, однако, все вы стали обладателями одного важного свидетельства, которое позволяет предположить, что использование безымянных «негров» было, по всей видимости, моим modus operandi. В одном из своих писем я напомнил кизикскому митрополиту, что выбрал его среди многих для составления публичной речи (δημηγορία) от моего имени — в соавторстве⁴⁸. Кажется, я припоминаю, что мои поднимающие дух воинов обращения (δημηγορία), в которых я призывал армию защитить «византийскую нацию», были составлены таким же образом. То же

⁴⁷ Мнение об окончательной форме трактата «О церемониях», упоминаемой императором, уверенно выразил профессор Отто Крестен на XVI Международном конгрессе византинистов, состоявшемся в Вене в 1981 г. Проф. О. Крестен придерживался того же самого мнения и в 1991 г. и датировал окончательную форму трактата «О церемониях» временем правления Никифора Фоки. Подробнее о взглядах проф. Крестена см.: Haldon J. H. Constantine... P. 37. Not. 8. О Василии Паракимомоне как покровителе искусств см., например: Belting H. Problemi... P. 52—57, и ст.: Basil the Nothos // The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. P. 270, с библиографическими указаниями. Г. Белтинг создал превосходный и, в целом, спокойными красками написанный портрет Василия Паракимомона. Однако даже он как-то раз увлекся (P. 57): Василий «сияет своими познаниями в античной культуре». Я не нахожу подтверждения этому; его нет в самодовольном сообщении Лиутпранда (см.: Legatio. 15 = 183. 35—38 Becker) с его «Attico pollentes eloquio». Лиутпранд с удовлетворением сообщает, что он был принят чиновниками высшего ранга, хорошо обученными риторике, среди которых находился Василий. О Василии и Лимбургской ставропеге см. статью: Ševčenko N. P. The Limburg Staurothek and its Relics, которая появится в томе, посвященном памяти Ласкарины Бурас. О трактате «О фемах» ср.: Pertusi A. Costantino Porfirigenito De Thematibus [= Studi e Testi 160]. 1952. P. 47—49.

⁴⁸ Darrouzès J. Epistoliers... VIII. 1. 20—25: По словам Константина, Феодор был выдающимся и образованным человеком, сведущим как в светской, так и в духовной премудрости: διὰ τοῦτο, — продолжает Константин, — τοὺς πολλοὺς παρίδων, μᾶλλον δὲ πάντας ὁμοῦ παρωσάμενος ... καὶ σὲ μόνον λογισάμενος εἶναι καὶ σοφὸν καὶ φίλον καὶ ἐπιτήδειον ἐν πᾶσιν, ὑπὸ σοῦ καὶ τὴν δημηγορίαν μοι σχεδιασθῆναι προέκρινα, ἵν' εἴη τὰ τῶν φίλων τῷ ὄντι κοινά. Трудно сказать, какого рода δημηγορία царственный автор имел в виду. Маловероятно, чтобы он доверил митрополиту составление обращения к войску; к тому же в начале сороковых годов сам Константин не обладал таким положением, чтобы обратиться к войскам. Возможно, δημηγορία фактически написанная Феодором, была проповедью или речью на обретение мощей.

самое, помнится мне, касается и двух трудов, вдохновленных Проповедями Космы Веститора: «моей» Проповеди на перенесение мощей Иоанна Златоуста и Послания, написанного от моего имени и обращенного к Григорию Назианзину, почившему на Небесах. Это Послание к Григорию по манере было зеркальным отражением (включая безымянного «негра» и тому подобное) послания, которое я сейчас пишу Вам.

Надо признать, что множество стилей, присущих трудам, приписанным мне, озадачило двух или трех Ваших коллег, но они не пошли, к сожалению, достаточно далеко в своих выводах. Около столетия тому назад, неутомимый, хотя и не столь даровитый, брат Моммзена, великого историка Рима того времени, был поражен тем фактом, что предложенные конструкции трактатов «О церемониях» и «Об управлении империей» изобилуют ужасными варваризмами, тогда как их употребление в Житии Василия I вполне корректно. Могли ли эти две группы трудов, спрашивал он, принадлежать одному и тому же автору? В конце концов он, по-видимому, решил, что я написал скорее Житие Василия, нежели «О церемониях». Не смотря ни на что, я был ученым императором. Половину столетия тому назад ученый турок (как я понимаю, теперь Вы называете турок «венграми»), который осуществил блестящее издание моего трактата «Об управлении империей», находился на пути к верному решению, ибо он также обнаружил множественность стилей в «моих» трудах. Но он не разделял сомнений Моммзена и продолжал приписывать все эти труды мне. Если бы эти ученые или два совсем недавних исследователя «моих» стилей просто подумали о безымянных «неграх», Вы и Ваши коллеги продвинулись бы сегодня намного дальше⁴⁹.

⁴⁹ О речах перед войском ср.: Vári R. Zum historischen Exzerptenwerke des Konstantinos Porphyrogenetos // BZ. 1908. T. 17. S. 75—85 (в тексте 1. 14 читай ἡδία; 8. 55 читай ἀναλώτων; 8.61 расставь знаки препинания по рукописи; в отношении Ρωμαϊκοῦ γένους ὑπέρμαχοι, ранняя ссылка на «нацию», ср. 8. 12); Ahrweiler H. Un discours..., особенно P. 393—404 (в тексте, строка 9, не ставить запятой после слова τάχος; та же самая строка, читай πεφραγμένων; строка 49 δεινός; читай δειλός; строка 52 читай διαγγέλλω; строка 59 читай ἀνάξια; строка 71 замени τοῦτον на τοῦτου; строка 76 не ставить запятой после слова πολλάκις; 95 читай ἔξομεν; добавочные исправления см. в: Mazzucchi C. M. // Aevum. 1978. T. 52. P. 296. Not. 83). На самом деле, совсем нет стилистического и очень мало лексического сходства между речами и вероятными подлинными трудами самого Константина (письмами и различными Введениями), и только немного лексических соответствий с Житием Василия I (напр.: προσβολήν строки 50 и 64 изд. Э. Арвейлер, ср. Житие. 47 = 279. 22 Bonn; ἐπιγραφόμενοι в значении «требуя», строка 31 изд. Э. Арвейлер, ср. Житие. 90 = 336. 3 Bonn; θεοσύλεκτον 1. 6 и 24; 4. 2; 7. 1 = P. 78—80 Vári, ср. Житие. 94 = 340. 20 Bonn). Ср., однако, неоднократное употребление φιλοπόνου, φιλοπόνους в речи, изданной Р. Вари. Это слово встречается несколько раз в Заглавиях и Введениях, написанных другими для Константина. П. Лемерль (См.: Lemerle P. Le premier humanisme... P. 273), однако, твердо полагал, что речи перед воинами принадлежали самому Константину. Справедливости ради должно сказать, что корифей нашей дисциплины сомневался в авторстве нескольких других трудов и разделов произведений, носящих имя императора, ср., например: Ibid. P. 271—273; 278. В отношении проповеди о св. Иоанне Златоусте ср.: Dyobuniotes K. I. Κωνσταντίνου Πορφυρογεννήτου Λόγος ἀνέκδοτος εἰς τὴν ἀνακομιδὴν τοῦ λειψάνου Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου // Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρὶς Θεολογικῆς Σχολῆς τοῦ Ἀθηνῆνσι Παπαιστημίου. 1926. T. 1. Σ. 303—319. Заголовок проповеди называет Констан-

Ограничивая, таким образом, объем моей собственной продукции, я не хочу выглядеть подобно Жану Гардуину, который около 1700 г. заявил, что вся латинская литература, за исключением Цицерона и нескольких сочинений Вергилия, Горация и Плиния, состояла из подделок XIII в. Я действительно написал части тех трудов, которые мне приписывали. Возьмите трактат «Об управлении империей», важный для Вашей конференции. При внимательном чтении станет ясным, что я только *распорядился* о том, чтобы этот труд был составлен для пользы моего сына (отметьте слова εἶλα ὑμῶστά σοι ποιῆσαι во Введении)⁵⁰; однако, я действительно участвовал в его сочинении, а именно в тех разделах, где обращался к моему сыну, где называл себя — «я, император» или вроде того и где оставил следы *style dicté*⁵¹. Если мне не изменяет память, я даже был заказчиком труда, который до самого недавнего времени только один или двое из Ваших коллег связывали с моим именем; другие же предпочитали вместо этого приписывать его моему отцу, Льву VI. Я имею в виду Синаксарь. Ваше стандартное издание отражает немного более позднюю форму этого собрания кратких заметок о святых. Обратите внимание на сходство между недвусмысленным

тина в качестве автора. То, что это ложная атрибуция, следует не только из стиля (несмотря на заявление издателя [Σ. 304] о том, что стиль определенно свидетельствует об авторстве Константина), но также из фраз, подобных приведенной в конце (Σ. 319, 24—25), где звучит обращение к Иоанну молить «Бога даровать императорам безмятежное правление и покорность их врагов» (формула, которая напоминает одну из заключительных строк разделов «Императорского менология» XI в.). Также ср. Σ. 317. 3, где обращаются к βασιλεῖς во множественном числе. С другой стороны, слова ἀπό τινῶν ἐν σαρκί περιόντων ἔτι (Σ. 310. 13), которые создали проблему для К. И. Диобуниотиса, не беспокоят меня. Ср. также сомнения о том, был ли Константин автором проповеди в: *Lemerle P. Le premier humanisme...* P. 271. О том, что авторство Послания Григорию Назианзину не связано с Константином, ср. выше примеч. 45. О стилях Константина см.: *Mommsen T. Beiträge zu der Lehre von den griechischen Präpositionen.* Frankfurt a. M., 1886. S. 449. Not. 190 и 522—523. Not. 41; *Moravcsik Gy. Tà συγγράμματα Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου ἀπό γλωσσικῆς ἀπόψεως* // *Studi Bizantini e Neellenici.* 1939. Vol. 5. P. 514—520; *Tartaglia L. Livelli stilistici...* JÖB. 1982. Bd. 32/3. P. 197—206 (автор приписывает Константину три труда, два из которых, по крайней мере, согласно посланию из Урануполиса, не принадлежат ему, и сравнивает их стили. До тех пор, пока не вышел в свет Index grammaticus моего издания Жития Василия I, мы можем использовать стилистические наблюдения над этим текстом Л. Тартальи); Дж. Ф. Халдон (см.: *Haldon J. F. Constantine Porphyrogenitus,* особенно P. 70—74) не обращается к этой проблеме, но (за исключением разделов текстов, которые он сам издает) придерживается «унитарной» позиции, касающейся авторства трудов, приписываемых Константину. — Единственный современный автор, который, если я понимаю правильно, подметил эту проблему—это И. Сигнес (см.: *Signes J. Algunas consideraciones...* 27): Константин является автором toda la obra (т.е. Продолжателя Феофана, кн. I—V), но его авторство сложилось из сотрудничества с escribas y ayudantes.

⁵⁰ Ср.: DAI. Prooemium. 25. P. Дженкинз правильно перевел: «Я постановил, чтобы они сделали известны тебе»; перевод Г. Г. Литаврина: «и решил сделать известным тебе» (См.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей...* С. 35) предreshает проблеме.

⁵¹ Обращения к сыну: например: DAI. 13 passim; 43. 2; 46. 167; использование первого лица: DAI. Prooemium. 25; 45. 68; 75; 102; 105; style dicté: ср.: DAI. 51. 51—65; и, возможно, 53. 502—506.

мифологическим упоминанием обо мне как о будущем Тифоне, т.е. старце, в поэме, приложенной к одному из Введений к «моей» Энциклопедии, и подобной же фразой, упоминающей Тифона в греческом послании, в котором автор посвящает Синаксарь неназванному императору. Добавлю и более убедительное доказательство: арабский перевод того же самого послания обращается ко мне по имени и приписывает мне роль вдохновителя создания «помянутых, содержащих историю святых..., почитаемых в праздничном цикле годового круга»⁵².

До меня дошли слухи, что некоторые критики Вашего времени считают персональное авторство вопросом, так сказать, второстепенным. По их словам, важнее отдавать себе отчет в том, что письменные источники отражают деятельность группы, ее коллективный разум. Это называется неомарксистским мышлением. Я принялся за изучение этого направления, но теперь меня известили, что марксизм потерпел крах. Следует ли мне продолжать мои занятия? Во всяком случае я выражаю свое несогласие. Даже сегодня я остаюсь «ключом» к правильному пониманию произведений, выполненных под моим покровительством, не говоря уже об установлении моих собственных текстов, отражающих мои взгляды. Я сожалею о том, что Ваши предшественники и коллеги сплошь и рядом сосредоточивались на том, что они считали «моими» данными, тогда как эти «мои» данные часто бывали лишь случайным материалом, собранным моими, подчас не критичными, переписчиками. Было бы лучше, если бы Ваши коллеги

⁵² Сравни стих в одном из Введений к энциклопедии (см.: *Excerpta de virtutibus...* 3): Τιθωνὸν αὐτὸν (т.е. Константина) ἄλλον δεῖξον ἐν χρόνοις с письмом на греческом языке, посвященным неназванному императору, составленным анонимным автором Синаксаря, и изданным, например, И. Делеэ. См.: *Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae...* Bruxelles, 1902. XIV: εὐξασθαι τῷ βασιλεῖ δίκαιον Τιθωνοῦ γῆρας ἢ μᾶλλον Ἀβραμιάαν αὐτῷ γενέσθαι χρόνῳ πολιάν. Другие особенности, тоже приписываемые в письме его царственному адресату, хорошо подходят к Константину VII: он был-де страстным читателем, днем и ночью изучавшим древние исторические сочинения и наслаждавшимся литературой превыше всего; он был также более «царственным», чем предшествующие ему императоры (возможно, намек на клан Лакапинов). Но мы можем стать на более твердую почву, чем указывать на сходства в мифологических аллегориях. А. С. Льюис и М. Д. Гибсон (см.: *Studia Sinaitica.* 1907. 12. P. 27—28) опубликовали и перевели арабское письмо, касающееся «помянутых», содержащих историю святых, которые почитаются в праздничном цикле годового круга. Слова μνήμην... τῆς ἱστορίας τῶν ταῖς κυκλοφορικαῖς τοῦ ἔτους περιόδοις τελοῦμένων ἀγίων в начале нашего анонимного письма создают впечатление, что арабское письмо является свободным переводом с греческого. Это впечатление превращается в уверенность, как только мы тщательно сравним оба текста. Перевод содержит два важных дополнительных сведения. Арабское письмо адресовано к «Константину, славному среди царей, рожденному в пурпурных шелках». А об авторе письма говорится, что им был «Хауристул, благословенный диакон». Таким образом, возможно, что некий диакон Еваристос был составителем Синаксаря. А. И. Пападопуло-Керамевс первым приписал попечительство о Синаксаре нашему Константину. И. Делеэ (см.: *Delehaye H. Synaxarium...* LVI) отдал известное предпочтение Льву VI. [После получения послания из Урануполиса, я познакомился со статьей А. Луцци (см.: *Luzzi A. Note sulla recensione del Sinaxario di Costantinopoli patrocinata da Costantino VII Porfirogenito* // *Rivista di Studi Bizantini e Neellenici.* N.S. 1989. 26. P. 139—186; ср. особенно P. 183 с примечанием 156 о родстве греческого и арабского текстов посвящения Синаксаря; там же — упоминания современной литературы. Пассажи о Тифоне не использованы в качестве довода.)]

вначале присмотрелись к моей персоне. Этим упущением, возможно, даже объясняются и похвалы, расточаемые мне теми же коллегами с такой легкостью за то, что я делал или не делал. Куда легче двигаться этим путем, чем пытаться по-настоящему узнать меня самого и обстоятельства моей работы.

Кстати, об этих обстоятельствах. Собирая наши материалы, мы встречались с трудностями, которые Ваши коллеги недостаточно осознают или, по всей видимости, даже неспособны вообразить. Они оплакивают потерю информации, обусловленную разрушительным действием времени, особенно в последние дни Византии. Тем не менее, они молчаливо допускают, что я, находясь у кормила моего тяжелого морского корабля (простите за цитирование самого себя), перегруженного бюрократами, был способен предоставить обильные материалы, архивные и исторические, в распоряжение моих сподвижников. Если какое-нибудь известное событие или документ (вроде договора, заключенного с русами в 944 г.) не отражено в наших трудах, то это потому (как подозревают некоторые из Ваших коллег), что часть этих трудов была утрачена в рукописной традиции или что это событие либо документ были преднамеренно опущены нами ⁵³.

Нет ничего более далекого от истины. Очень часто наша информация была скудна и случайна. Хуже того, она практически отсутствовала, когда дело доходило до некоторых важных деяний или значительных событий того, что при моей жизни было нашим недавним прошлым. Мы ощущали нехватку книг и неоднократно говорили об этом. Напомнить ли о том безвыходном положении, в котором мы оказались в отношении процедур, которым надо следовать, когда император принимает участие в походе? Положение разрешилось только тогда, когда я или кто-то другой случайно натолкнулся на книгу одного из высших чиновников моего отца, невежественного Льва Катакиласа; книга нашлась не во дворце, а в библиотеке Великого Поля, монастыря моего отдаленного родственника по материнской линии Феофана ⁵⁴. Или возьмем так называемого Продолжателя Феофана и трактат «Об управлении империей». Оба датируются последним десятилетием моего второго царствования, когда я имел полный доступ к информации. Мы были настолько не осведомлены относительно деталей захвата арабами Амория, случившегося всего лишь около ста лет назад до нашего времени, что моему историку пришлось цитировать Житие сорока двух аморийских мучеников, чтобы привести некоторые подробности этого огромного

⁵³ Самоцитата: DAI. 1. 7—8. В отношении объяснения об отсутствии в трактате «Об управлении империей» упоминания договора 944 г. ср.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей...* Введение Г. Г. Литаврина. С. 29.

⁵⁴ О представлении о том, что книги были редкостью, см. Введения к «Константиновым» трудам. Во Введении к Житию Василия I выражается сожаление об отсутствии достаточного числа книг для того, чтобы «император» оказался способным предпринять составление полной истории Византии. Ср.: Житие. 1 = 212. 2—4 Bonn. Шаблонное Введение к отдельным томам Энциклопедии говорит о «скудости полезных книг». Ср.: *Excerpta de legationibus...* Pars 1. 1. 19; *Excerpta de virtutibus...* Pars 1. 19—20. — О часто цитируемом отрывке, касающемся трудностей, которые сам Константин испытал в поисках трактата Льва Катакиласа о военных походах см.: *De cerem.*, 456. 13—17 Bonn = Текст С, строки 24—27. P. 94 Haldon.

бедствия и дополнить это повествование историей о его последствиях ⁵⁵. Когда мы обратились к описанию сооружения крепости Саркел для хазар, то мой историк был способен откопать лишь короткую заметку об этом предприятии, изложенную простым языком. И эту самую заметку мы также включили в наш труд «Об управлении империей». Это свидетельствует о том, что, по всей видимости, в распоряжении наших архивистов не было ничего иного. Мой историк следовал заметке (или, возможно, заимствованию из нее в трактате «Об управлении империей») чуть ли не слово в слово, но переписал ее высоким стилем — прием, на который обратил внимание задолго до Вашего времени блестящий Дж. Б. Бьюри ⁵⁶. В Житии Василия I мы переняли и приукрасили небывлицы о царственных армянских предках нашего героя, но мы не узнали даже имени отца самого Василия.

В трактате «Об управлении империей» все, что мы могли собрать о происхождении, проповеди и ранней истории ислама, — это извлечения из сочинений моего родственника Феофана и из Георгия Амартола — невежды, из которого, я должен с сожалением признать, также прилежно черпали материалы составители «моей» Энциклопедии ⁵⁷. Что касается самой проповеди ислама, было бы лучше, если бы мы обратились к доступному нам Иоанну Дамаскину ⁵⁸. В связи с дипломатическими отношениями и последующим союзом с Кордовским

⁵⁵ Ср.: *Theoph. Cont. Chron.* 3. 34 = 130. 7 (70 тысяч жертв в Амории) и 3. 35—37 = 132. 1—134. 29 Bonn (подробности мученичества византийских высокопоставленных чиновников) с мартирологом 42 аморийских мучеников, составленным Евдием (= Текст Z), 18 = 67. 16—17 и 12 = 65. 11—14; 14 = 65. 24—25; 27 = 71. 24; 28—37 = 71. 28—76. 18, изданным В. Г. Васильевским и П. Никитиным. См.: *Известия Императорской академии наук. VIII серия. Класс ист.-филол.* Спб., 1905. Т. VII. № 2. Заимствования Продолжателя Феофана из мартиролога иногда дословны.

⁵⁶ Ср.: DAI. 42. 22—55 с *Theoph. Cont. Chron.* 3. 28 = 122. 21—124, 5 Bonn и *Bury J. The treatise...* (см. выше примеч. 2), P. 569—73. Также ср.: *Moravcsik Gy. Tà συγγράμματα...* Σ. 519. Not. 1, относительно вулгаризма ἔμλειραν (acc. masc. sg.), встречающегося в DAI. 42. 49; он был незамеченным принят Продолжателем Феофана (*Theoph. Cont. Chron.* 3. 28 = 123. 22 Bonn), где, вопреки «исправленному» ἔμλειρον боинского издания, единственная значительная рукопись Vaticanus gr. 167. Fol. 41 об. содержит ἔμλειραν. Другое доказательство того, что Продолжатель Феофана воспроизвел сообщение, использованное в трактате «Об управлении империей», или сам этот трактат, заключается в соединении Продолжателем различных вариантов текста: σπαθαροκανδιδάτων (sic!) Πετρῶν (acc.) τοῦ ἐπονομαζομένου Καματεροῦ (123. 3 Bonn), тогда как DAI. 42. 25 и 30 содержит правильную форму σπαθαροκανδιδάτων Πετρῶν (gen.) τοῦ ἐπονομαζομένου Καματηροῦ и σπαθαροκανδιδάτων Πετρῶν соответственно. Утверждение, что продолжатель Феофана непосредственно копировал и перелгал трактат «Об управлении империей», предполагало бы составление третьей книги его Хроники после 948 или даже 952 г.

⁵⁷ Ср.: DAI. гл. 14; 17—22 (Феофан); DAI. гл. 14; 17 (Георгий Амартол). Также ср.: *Excerpta de legationibus. Pars 1.* 5—6; *Excerpta de virtutibus.* 122—156; *Excerpta de insidiis / Ed. C. de Voog.* P. 176—190 [= *Excerpta historica...* II. 1 i III] (другие цитаты из Георгия Амартола).

⁵⁸ Ср.: *Иоанн Дамаскин. Πηγή γνώσεως.* Ч. 2: История ересей; PG. Т. 94. Col. 764—773, гл. 101 (= глава 100 в изд.: *Kotter B. Die Schriften des Johannes von Damaskus.* 1981. 4. S. 60—67). Сохранились четыре рукописи «Источника», современные Константину VII. См.: *Kotter B. Op. cit.* S. 17.

халифатом, нам была необходима информация об Испании времен арабского завоевания и домусульманского периода. Однако мы знали об этом столь мало, как признавали сами, что вынуждены были прибегнуть к нескольким курьезам из античной мифологии, географии, лексикографии и грамматики (последнее восходило к грамматике Аполлонии Дисколу или скорее к его сыну Геродиану, также грамматiku). Когда я обдумываю это, я прихожу к суждению, что мы скопировали все эти любопытные подробности не более, чем из двух статей лексикона Стефана Византийца, и при этом еще перепутали Геродора с более известным Геродотом⁵⁹. Мы практически ничего не знали о знаменитом эмире Муфарите ибн Салиме — которого мы называли Солданом — кроме того, что он обосновался в Бари во времена Василия I и осаждал Рагузу и Беневент. Поэтому мы были вынуждены уснастить наше сообщение о нем двумя длинными апокрифическими рассказами, которые связали с его именем. Мы повторили их дважды: в трактате «Об управлении империей» и в Житии Василия I. Одна версия восходит к латинянину Павлу Диакону, современнику Карла Великого, и анонимным беневентским легендам. Другую, касающуюся Сарданапала и колеса Фортуны, мы взяли из «моей» Энциклопедии, причем нашими источниками были наши же собственные византийские писатели Менандр Протиктор и Феофилакт Симокатта⁶⁰. В трактате «Об управлении империей», описывая недавние события в отдаленной армянской области Тарон, мы упомянули и пару хрисовулов, однако больше полагались на дело, относящееся к участку в Константинополе — Дому Варвара, служившему резиденцией разным таронским архонтам. Это дело, вероятно, сохранилось благодаря случайности: дом Варвара стал собственностью человека, который был моей правой рукой, — Василия Паракимомена; Василий, очевидно, содержал свой архив в порядке⁶¹. Мы не натолкнулись ни на что более конкретное в отношении статуса Кипра в VII в., чем 39 канон Пятошестого вселенского собора в Трулле (691—692 гг.)⁶².

Вы поймете, что мы находились в замешательстве, когда, чтобы объяснить присутствие славян в Греции, нам пришлось коснуться славянских вторжений VI — VII вв. Поэтому мы привели легендарное описание перехода Дуная славянами и

⁵⁹ Ср.: DAI. 21. 31—34 (со времени завоевания Рима готами историки умалчивали об Испании); 23—25 (23. 1—44 происходит от Стефана Византийца); 23. 5 (путаница между Геродором и Геродотом).

⁶⁰ Ср.: DAI. 29. 119—216 и Житие. 56—58 = 294. 7—297. 23 Bonn. Источник рассказа, связанного с Беневентом: *Paul. Diacon. Hist. Longob. 5. 7—9 = 148. 10—149. 3 Waitz*. Непосредственные источники отрывка Жития, упоминающего колесо Фортуны: *Menander Protiktor. Fragm. 3* (дошедший только благодаря *Excerpta de legationibus. Pars I. 177. 12—34 de Boor*); *Theophyl. Simoc. Hist. 6. 11 = 243. 23—225. 17 de Boor* (также цитированный в *Excerpta de legationibus. I. 224. 23—225, 17*). Феофан (см.: *Theophanes. Chron. 273. 14—27 de Boor*) воспроизвел Феофилакту Симокатту. См. также письмо 17 главы школы — современника Константина (см. выше примеч. 36), В-L, строки 187—188. Метафора о «колесе человеческих дел» восходит к Геродоту и стала пословицей. См.: *Leutsch E., Schneidewin F. G. Corpus Papyrographorum graecorum. I. 458 (=Append. prov. IV. 100)*.

⁶¹ Ср.: DAI. 43. 61—68 и 67, где упоминается Василий Паракимомен. Указывает ли это упоминание на то, что Василий приложил свою руку также и к составлению текста трактата «Об управлении империей» (как, видимо, и к трактату «О церемониях»)?

⁶² Ср.: DAI. 47. 13—14; 48.

аварами и взятия города Салоны благодаря их военной хитрости⁶³. Мы не намного лучше были снабжены сведениями, когда подошли к событиям более близким во времени и пространстве. Наш рассказ о возмущении славян близ города Патры в начале IX в. воспроизведен по устным сообщениям — возможно, информаторов-славян: отчего же иначе мы называли себя самих — ромеев — Грскою в относящемся к этому мятежу отрывку из трактата «Об управлении империей» — и нигде более в этом труде⁶⁴? Ваш выдающийся Дж. Б. Бьюри предполагал, что мы привлекли также некоторые записи патрской митрополии⁶⁵. Я спрошу его о его доводах при нашей следующей встрече.

В ряде случаев я затрудняюсь сказать Вам, умалчивали ли мы о славянах на Пелопонессе намеренно, либо потому, что более не сознавали того, что пишем о них. В качестве примера напомним главы из Жития Василия I, относящиеся, соответственно, к области Патр и к городу Моневасии⁶⁶. О вдове Данилис (передайте сэру Стивену, что я считаю его статью первым серьезным исследованием о ней, хотя, конечно, и Гиббон заслуживает похвального отзыва)⁶⁷, мы сообщили, что во время посещения моей столицы ее принимали в Магнаврском дворце, следуя протоколу для иноземных правителей, и что она возвращалась на Пелопоннес как если бы она была императрицей тамошнего народа. Мы уж не стали ставить точки над «и» и не рассказали о том, что она была архонтиссой пелопонесской Славинии, находящейся в процессе мирного и дипломатического «врастания» в империю⁶⁸. В другом месте Жития Василия мы рассказали, что о падении Сиракуз в 878 г. пастухов из Элоса близ Моневасии известили демоны, — того самого Элоса, который мы в трактате «Об управлении империей» прямо обозначили как славянскую территорию. В данном случае мы следовали мнению

⁶³ Ср.: DAI. 29. 14—53 и 30. 13—61.

⁶⁴ Ср.: DAI. 40. 6.

⁶⁵ Ср.: *Bury J. The treatise...* (см. выше примеч. 2), P. 573.

⁶⁶ Ср.: Житие. 11. и 73—74 = 227. 1—228, 15 и 316. 20—319, 10 Bonn (о Патрах и Данилис — Данилине); 70 = 310. 18—311, 21 Bonn (о Моневасии и Элосе).

⁶⁷ Император ссылается на С. Рэнсимена. См.: *Runciman S. The Widow Danelis. // Etudes dédiées à la mémoire d'André Andréadès. Athènes, 1940. P. 425—431*. Э. Гиббон (*Gibbon E. History of the Decline and Fall... Ch. 53*) посвятил недурную страницу или около того Данилис (которую он называл Даниэлис, создав таким образом плохой прецедент).

⁶⁸ Узловыми для оценки Данилис являются пассажи Жития Василия I: 70 = 317. 24—318. 24; 319.4 и 8 Bonn. Я отважился поставить точку над «и» в статье *Religious Missions Seen from Byzantium // Harvard Ukrainian Studies. 1988—89. 12/13. P. 13. Not. 11*. Двое из моих коллег выразили аналогичные моему мнению. Славянское происхождение Данилис-Данилины предположил М. Ф. Хенди (см.: *Hendy M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy, с. 300—1450. Cambridge, 1985. P. 207, а А. П. Каждан (см.: Kazhdan A. P. Danelis // The Oxford Dictionary of Byzantium. 1991. Vol. 1. P. 583) нашел правдоподобным, что имения Данилины образовывали полунезависимое «княжество». С другой стороны, Элиас Анагностакис (см.: *Anagnostakes E. Το ετερόδοιο... // Η καθ'ημερίνη ζωή στὸ Βυζάντιο. Ἀθήνα, 1989. Σ. 375—390) предпринял обреченное на неудачу усилие истолковать рассказ о Данилис как выдумку, главным образом основанную на Александрии и Ветхом Завете. Единственная правдоподобная аналогия — Житие. 11 = 228. 4 Bonn (Данилис дает тридцать рабов некоему до того неведомому юноше Василию) и *Anon. Byzantini Vita Alexandri... 166 Trumf. Но там, вопреки Э. Анагностакису, мужчина Кандаулис (а не женщина Кандакия) дает Александру тридцать человек из числа его (а не ее) слуг.***

первой англосаксонской византистике⁶⁹. Опять-таки мы не сыграли в открытую и не заявили, что пастухи, жившие на славянской территории и бывшие на коротке с чертями, должно быть, являлись славянами-язычниками.

Давайте покончим с перечнем этих упущений. Большинство из них было обусловлено пробелами в нашей информации, хотя некоторые, возможно, и допускались сознательно. И хуже того: мы сами совершили значительное число промахов. Так, мы утверждали, что Багдад был первой столицей халифата. Мы предполагали, что лангобарды захватили Италию при императрице Ирине, — двумя столетиями позже того, как это событие произошло в действительности. Мы допускали, что Солдан правил в Бари в течение сорока лет, в то время как он управлял там лишь в течение десятилетия, до 871 г. Мы заявляли, что император Лев IV взял в жены хазарку, женщину варварского происхождения, тогда как он являлся супругом только что упомянутой праведницы Ирины — эта ошибка, я полагаю, была моей собственной. Мы писали, что отрекшийся от престола Диоклетиан производил пытки над христианскими святыми в темнице своего дворца в Сплите, а в *De insidiis* мы заимствовали у Георгия Амартола нелепую историю об убийстве Диоклетиана членами Сената. Мы почитали Млет, остров у побережья нынешней Хорватии, Мальтой, ссылаясь на Деяния апостолов, а императора Юстиниана II мы превратили в киприота⁷⁰.

Прежде чем Вы осудите нас сурово за пробелы в наших знаниях и наши ошибки, постарайтесь посмотреть на вещи в их совокупности. Не каждый из нас был столь утонченным, как Никита Магистр. Письмо, которое эта Славянская харя (так я приказал его обозвать за его этническое происхождение, ибо не терпел его как представителя — по браку его дочери — клана Лакапинов) направила мне уже в старости, было столь изысканным, что, боюсь, несколько превосходило мое понимание. Не каждый был подобен корреспонденту Никиты — Александру, никейскому митрополиту, изучавшему Лукиана и Гермогена, автору и заказчику эпиграмм (элегическими двустихиями), коему я предоставил профессорскую кафедру в 940-х годах⁷¹. Отнюдь не все, кто был на вершине, вышли из мона

⁶⁹ Ср.: Житие. 70 = 310. 21—311, 5 с DAI. 50. 16. Мы должны избегать сопоставления слова «Элос» со славянским езеро. В рассматриваемых отрывках ἔλος — не «болото», а «чаща». В известном отрывке в *Vita Willibaldi* монахини Hugelburg (где сказано, что Монемвасия была ин *Slawinia terrae*), должно быть, подразумевается также и область Элоса. Ср. например: *Vauch A. Quellen zur Geschichte der Diözese Eichstätt. Regensburg, 1984. S. 46.*

⁷⁰ Багдад — первая столица Халифата: DAI. 25. 63—64. Лангобардское завоевание при Ирине: DAI. 27. 14—16. Сорокалетнее правление Солдана: DAI. 29. 101—103. Путаница (уже замеченная Дж. Б. Бьюри, см.: *Bury J. The Treatise... P. 576*) между матерью и женой Льва IV (скончался в 780 г.): DAI. 13. 61—62; также ср.: *Yannopoulos P. A. Histoire... P. 162; Константин Багрянородный. Об управлении империей... Комментарий Г. Г. Литаврина к гл. 13. С. 335—336, 341—342. Пытки святых, производимые Диоклетианом: DAI. 29. 242—244; его убийство: *Excerpta de insidiis... (см. выше примеч. 57). 179. 10—12. Млет принят за Мальту: DAI. 36. 16—20. Определение Юстиниана II киприотом: DAI. 47. 9—11.**

⁷¹ Никита Магистр: ср.: его Письмо 31 к Константину VII. P. 129—133 *Westerink*. Император тут вообще прав. Возможно, он смог бы вспомнить или почувствовать, что источник начальных фраз письма Никиты — Гермоген и даже понять, что цитаты из Сапфо и Геродота взяты из Гермогена. Однако, я сомневаюсь, понял ли он намек Никиты на «Сулли» Плутарха (строки 34—36) и отдал ли себе отчет в том, что Никита использовал слово

элитарных школ или даже из училищ, подготавливающих будущих чиновников, вроде школы, которую возглавлял упомянутый мною выше педант. Бездна отделяла образованных людей нашего общества от некоторых других членов правящего класса. Из времени моего детства я воскрешаю образ некоего Подарона, протоспафария Фиалы, позднее — стратига фемы Кивирреоты. Он был безусловно неграмотен: выступая в роли столичного судьи, он нуждался в помощи тех, кто умел писать и читать⁷². И когда я дожил до середины своего третьего десятка, некто, временно занимающий патриарший престол, был обвинен, — несправедливо, с облегчением скажу Вам, — в том, что был не способен написать свое собственное имя⁷³. В сравнении с такими людьми, магистр Лев Катакилас с его варваризмами и солецизмами, в конце концов, был своего рода коллегой. Таким образом, мы были не так уж плохи с точки зрения наук и искусств, если оценивать нас, исходя из уровня высших слоев нашего же общества и, возможно, соседнего Запада.

Но мы, кажется, были менее успешны, если подходить к делу более широко. Мое теперешнее положение позволяет мне делать крупные сравнения с мирами, которые существовали параллельно моему собственному, но о которых я не мог тогда иметь какого-либо точного представления⁷⁴. Возьмем, к примеру, разные скульптуры X в. на стенах индийских храмов Кхаджурахо; возьмем их грациозность и проявленное скульпторами знание человеческого тела — не будем обращать внимания на то, что вольность их сюжета превосходит самые бесстыжие помыслы греческих язычников — и сопоставим их с пластинами из слоновой кости и миниатюрами «моего» ренессанса, — предметами, на которых в

Ликофрона (строка 41, κράντης). Относительно пресловутого ямба γαράσδοειδῆς ὄψις εἰσθλαβομένη, который не преминул отметить Э. Гиббон, ср.: *De thematibus. II. 6*, строка 40 = 91 *Pertusi*. Александр Никейский как сочинитель эпиграмм: *Anthologia Planudea. 21*, изданная, например, Р. Обретонем и Е. Бюффьер. (*Anthologie grecque. XIII. P., 1980. P. 90—91*) (в эпиграмме надо исправить, согласно Алану Камерону, лемму εἰς Νικόλαον πατριάρχην Ἀλεξανδρείας на εἰς Ν. πατριάρχην Ἀλεξάνδρου); Александр как заказчик эпиграмм: *Anthologia Planudea. 281 / Ed. R. Aubretton, E. Buffière. 186*. Также ср.: *DOP. 1987. Vol. 41. P. 462*. Хорошая просопографическая заметка об Александре имеется у Вестеринка: *Nicetas... P. 135*. Относительно профессорства Александра ср.: *Theoph. Cont. Chron. 6. 446. 1—12 Bonn*. Имеется в виду кафедра риторики. Относительно Александра никейского и руководителя средней школы ср. также выше примеч. 36.

⁷² Ср.: DAI. 51. 71. 100—102; 131—132.

⁷³ Относительно шутки, разыгранной над патриархом Трифоном, ср.: *Ps.-Symeon Mag. Chron. Const. Porph. et Rom. Lecar. 37 = 742. 14—743. 8 Bonn; Scylitzes. Hist. Rom. Lec. 26 = 226. 32—227. 58 Thurn (Zonaras. Epit. Hist. XVI. 19. 8—17 = III. 475. 12—476. 14 Bonn, и Глика, см.: *Glycas. Annal. IV = 559. 8—560. 10 Bonn, восходят к Скилице*).*

⁷⁴ Здесь император, как кажется, недооценивает степень знакомства современных ему источников с Индией. Ср. его собственное письмо: *Darrouzès J. Epistoliers... VIII. 7. 21 = P. 324* (драгоценные камни из Индии); Житие Василия. 87 = 330. 22—23 Bonn (индийское богатство, «в драгоценных камнях»); *Theoph. Cont. Chron. 6. 35 = 457. 7—8 Bonn* (благоухающее индийское дерево); *Geoponica / Ed. Beckh. 16. 22. 9 = 468. 20—21* (жираф из «Индии» [= Эфиопии], увиденный в Антиохии); 2. 6. 23 (индийский тростник); 6. 8. 1 и 8. 22. 2 (индийский нарцисс); 16. 22. 3 (бактрийские верблюды жили близ Индии). См. также рассказы про индийских слонов и других животных из Индии в современной Константину компиляции — *Истории животных*, изданной Ламбросом (см. выше примеч. 45).

Ваши дни делают карьеру искусствоведы. Или возьмем «Записки у изголовья» Сей-Сёнагон — книгу в автобиографическом жанре, которую написала японская придворная дама через сорок лет после моего времени. С чем сравнить ее искусственность и нарисованные ею картины сложной и развитой японской административной и придворной иерархии? Едва ли с Житием Феоктисты Лесбосской, написанным Никитой Магистром или со вскоре после моей смерти отредактированным трактатом «О церемониях».

Нет, такие мысли не приводят меня в уныние. Слава Премудрому Вышнему Психианалитику нашего благостроения⁷⁵, по его милости здесь нет уныния. Взамен мы стяжаем нечто равнозначное ему, которое называем объективностью. Объективная истина состоит в том...»

В этот момент я, переводчик, понял, что не смогу продолжать без чашки кофе. Помня о вывеске «В Библиотеке не разрешается есть и пить», я ринулся через улицу. Когда же я вернулся четверть часа спустя, на моем письменном столе никакой *ethoroeia* уже не было; лишь легкое благоухание еще оставалось в воздухе. К счастью, перевод все еще лежал там, где я его оставил.

* * *

Возможно, уместен постскриптум. За короткое время, имевшееся в моем распоряжении, я успел лишь выборочно перепроверить факты, приведенные в послании из Урануполиса. Здесь изложены предварительные результаты: факты и положения о Византии и самом Константине, включая и такие, которые прежде не встречались в ученой литературе но о которых император говорит с уверенностью, могут быть подкреплены существующими свидетельствами (и я цитирую их в примечаниях, которыми я для полной ясности снабдил перевод). Всякий же раз, когда память императора нетверда, свидетельства содержат двойственный смысл. Что же касается автопортрета Константина и некоторых его общих наблюдений, то следует признать, что они не вполне традиционны. Однако, пусть это будет между нами, я не отвергал бы их с порога.

Addendum в сентябре 1992: Император не смог воспользоваться основательным трудом *Продолжатель Феодана*: Жизнеописания византийских царей. Пер., ст., коммент. Я. Н. Любарского. СПб., 1992, вышедшим после того, как письмо из Урануполиса было отправлено. Но я позволил себе упомянуть этот труд в примеч. 14 и 45. Вне внимания императора остался и «ландшафт» профессора Ирмшера: *Irmischer J. Zur byzantinischen Literaturlandschaft des 10. Jahrhunderts // Byzantinische Forschungen. 1992. T. 18. S. 111-118.*

(Перевод с английского выполнил Ю. Я. Вин при участии В. Г. Ченцовой. Перевод был пересмотрен и дополнен автором.)

⁷⁵ В сущности, это слишком вольный перевод. Подлинник, как я припоминаю, содержал: «Славен Господь, иже на небесах, сердцеведец всех».

Б.Л. ФОНКИЧ

О БИБЛИОТЕКЕ ХОРЫ ПРИ ФЕОДОРЕ МЕТОХИТЕ*

Игорю Ивановичу Шевченко

Среди греческих рукописей собрания Порфирия Успенского находится один пергаменный лист с прекрасной миниатюрой ("Сошествие во ад"), который, согласно пометке самого владельца, происходит из Иерусалима (С.-Петербург, ГПБ, греч. 382). В научной литературе уже давно установлено, что это — фрагмент рукописи основной библиотеки иерусалимских патриархов *Παναγιῶν Τάφου* № 5, содержащей толкования на книгу Иова, текст которых сопровождается 118 миниатюрами.

И иерусалимская рукопись, и петербургский фрагмент не раз привлекали к себе внимание специалистов (А.И. Пападопуло-Керамевс, В. Хэтч, И. Тикканен, В.Н. Лазарев, Е.Э. Гранстрем, А.В. Банк и др.), относивших кодекс то к XIII в.¹, то к последней трети² или последней четверти XIII в.³, то к рубежу XIII и XIV вв.⁴ В настоящее время преобладает датировка, получившая обоснование в работах В.Н. Лазарева и А.В. Банка.

Почерковедческий анализ письма кодекса позволяет, однако, изменить существующие представления о времени создания манускрипта. Насколько можно судить по изданным палеографическим материалам, таких почерков, каким писан иерусалимский кодекс, не встречается в последней трети XIII в. — они получают распространение как в книгах, так и в документах в первой трети XIV в., во второй половине правления Андроника II (Палеолога (1282—1328)).

Что касается рукописных книг, то особенно близкими к почерку *Παναγιῶν Τάφου* № 5 оказываются почерки венской (Vindob. Phil. gr. 95), ватиканской (Vat. gr. 1365) и двух парижских (Paris. gr. 1776 и 2003) рукописей, содержащих сочинения Феодора

* Публикуемая работа представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного нами на конференции памяти А.В. Банка в апреле 1990 г. в Государственном Эрмитаже. См.: *Фонкич Б.Л. О происхождении иерусалимской рукописи Παναγιῶν Τάφου № 5 // Византийское искусство и литература. Новые открытия: Краткие тезисы докл. науч. конф., посвященной памяти А.В. Банка. 11–12 апреля 1990 г. Л., 1991. С. 31–32* и в семинарах проф. К. Манго (Оксфорд, Exeter College, ноябрь 1990 г.) и проф. Р. Штихеля (Мюнстер, ноябрь 1991 г.).

¹ Карандашная помета Порфирия Успенского в нижнем правом углу лицевой стороны листа фрагмента: "Иерус (алим). XIII века". См.: *Παπαδόπουλος-Κεραμειός Α. Ἱεροσολιμική Βιβλιοθήκη. Ἐν Πετρούπολει, 1891, Τ. Ι. Σ. 15; Hatch W.H.P. Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem. Cambridge (Mass.), 1931. P. 113, Pl. LVI–LXIII.*

² *Lazarev V. Storia della pittura bizantina. Torino, 1967. P. 281, 333, Tav. 383; Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 127, 237. Табл. 408; Bank A.V. Les monuments de la peinture byzantine du XIIIe s. dans les collections de l'URSS // L'art byzantin du XIIIe siècle: Symposium de Soproni 1965. Beograd, 1967. P. 96. Fig. 16–17.*

³ *Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки, 3. М., 1977. С. 24–25, № 896.*

⁴ *Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Выпуск 6. Рукописи XIV века // ВВ. 1967. Т. XXVII. С. 273, № 513.*

Метохита⁵, а также парижской (Paris. gr. 2105), патмосской (Patm. 127), венецианской (Marc. gr. 360), ватиканской (Vat. gr. 112), константинопольской (Metochii S. Sepulchri. 276) и миланской (Ambros. gr. C 71 sup., около 1327 г.) рукописей с сочинениями Никифора Хумна⁶. В эту же группу входят, несомненно, еще один — афонский (Vatop. 425) — список с сочинениями Хумна и венецианский список "Категорий" Аристотеля (Marc. gr. IV, 5, 1319 г.)⁷.

Если же обратиться к документам, написанным почерками, близкими к почеркам перечисленных книг, то можно указать, например, изданные Ф. Дальгером хрисовулы Андроника II Палеолога (1312 и 1321 гг.) и его соправителя Андроника (1317 г.) или грамоту константинопольского патриарха Исайи (1330 г.)⁸, а также изданные в серии "Archives de l'Athos" хрисовулы Андроника II Палеолога (сентябрь 1311 г., ноябрь 1312 г., февраль 1314 г., октябрь 1321 г.), его же простагму (октябрь 1319 г.), хрисовулы Андроника III Палеолога (январь 1329 г.) и Иоанна V Палеолога (декабрь 1342 г.), грамоты константинопольского патриарха Исайи (сентябрь и октябрь 1330 г.)⁹.

Таким образом, следует сделать вывод, что иерусалимская рукопись относится не к последней трети XIII в., а к первой трети XIV в.

При решении вопроса о происхождении этого манускрипта необходимо принимать во внимание данные его анализа с точки зрения палеографии, кодикологии и истории византийской живописи.

Почерки определенного нами круга рукописей сформировались, по-видимому, не позже первых двух десятилетий XIV в. в среде столичных книгописцев и нотариив императорской и патриаршей канцелярий. При этом, если говорить сейчас только о книгах и оставить в стороне документы, на общей графической основе в Константинополе указанного периода создаются две группы почерков, несомненно, родственных, но тем не менее легко разделяемых по внешним признакам: первую группу можно связать с книгописной деятельностью Георгия Галисиотиса¹⁰, вторую — с переписчи-

⁵ Воспроизведение образцов почерка указанных рукописей см.: *Vindob. Phil. gr. 95: Ševčenko I. Observations sur les recueils des Discours et des Poèmes de Th. Métochite et sur la bibliothèque de Chora à Constantinople // Scriptorium. 1951. Vol. V. Pl. 27; Idem. Etudes sur la polémique entre Théodore Métochite et Nicéphore Choumnos. Bruxelles, 1962. Pl. I. Vat. gr. 1365: Ševčenko I. Études ... Pl. IV, Va; Idem. Some Autographs of Nicephorus Gregoras // ЗРВИ. Кн. VIII, 2: Melanges Georges Ostrogorsky II. Beograd, 1964. Fig. 3. Paris. gr. 1776; Ševčenko I. / Observations... Pl. 26; Idem. Etudes... Pl. III, VIa; Idem. Storia letteraria: Seminario 3 // La Civiltà Bizantina dal XII al XV secolo. Roma, 1982. P. 164—167, 169; Ševčenko I., Featherstone J. Two Poems by Theodore Metochites // The Greek Orthodox Theological Review, 1981. Vol. XXVI, N 1—2. P. 46. Paris. gr. 2003: Ševčenko I. Études... Pl. II, VIb, VII; Idem. Storia letteraria: Seminario 3... P. 168—169.*

⁶ Воспроизведение образцов почерка этих рукописей см.: *Paris. gr. 2105: Ševčenko I. Études ... Pl. VIII; Παπατριανταφύλλου-Θεοδώρου Ν. Η χειρόγραφη παράδοση τῶν ἔργων τοῦ Νικηφοροῦ Χούμνου (1250/1255 — 1327). Θεσσαλονίκη, 1984. Πῶ. Β'. Patm. 127: Παπατριανταφύλλου-Θεοδώρου Ν. Op. cit. Πῶ. Η', Marc. gr. 360: Ibid. Πῶ. Ιξ'. Vat. gr. 112: Κουροῦση Σ. Ιω. Μανουήλ Γαβαλάς ἐπὶ Ματθαῖος μνηρολόγιος 'Εφέσου (1271/1272 — 1355/1360). Α'. Τὰ βιογραφικά. 'Εν 'Αθήναις, 1972. Πῶ. ζ', Η'—ΙΔ'. Metochii S. Sepulchri 276: Παπατριανταφύλλου-Θεοδώρου Ν. Op. cit. Πῶ. ΙΔ'. Ambros. gr. C 71 sup.: Turyn A. Dated Greek Manuscripts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries in the Libraries of Italy. Urbana, 1972. P. 151—152. Pl. 130 (писец С).*

О рукописях с сочинениями Хумна см.: *Verpeaux J. Nicéphore Choumnos, homme d'État et humaniste byzantin (ca 1250/1255—1327). P., 1959. P. 21—23.*

⁷ *Wattenbach G., Velsen von A. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum. Heidelbergae, 1878. Tab. XXII. Описание рукописи см.: Mioni E. Bibliothecae Divi Marci Venetiarum Codices Graeci Manuscripti. Roma, 1972. Vol. I, Pars altera. P. 201—202.*

⁸ См.: *Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. Taf. 5, 7, 101; Idem. Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden. München, 1931. Taf. XII, N 25.*

⁹ См.: *Papachryssanthou D. Actes du Prôtaton. P., 1975. Pl. XXXI—XXXV; Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D. Actes de Lavra. P., 1977. Vol. II. Pl. CXXVII—CXXVIII, CXXXII; Idem. Actes de Lavra. P., 1979. Vol. III. Pl. CLVII—CLIX, CLXI—CLXIII; Lemerle P., Dagron G., Circovic S. Actes de Saint-Pantéléemon. P., 1982. Pl. XXVI; Lemerle P. Actes de Kutulum. P., 1988. Pl. XIII—XV.*

¹⁰ См., например: *Κουροῦση Σ. Ιω. Op. cit.: Gamillscheg E., Harlfinger D. Repertorium der griechischen Kopisten 800—1600. Wien, 1981. Teil 1: Handschriften aus Bibliotheken Grossbritanniens. S. 54. N 57;*

ками сочинений Хумна и Метохита. Иерусалимская рукопись, изготовленная одним из писцов последней группы, представляет собой, быть может, один из лучших образцов каллиграфического творчества данного кружка. Кодикологические особенности манускрипта (большой формат — 370 X 265, прекрасной выделки пергамен), а также выдающаяся по уровню живопись его многочисленных миниатюр находятся в полном соответствии с качеством его письма.

Можно предполагать, что рукопись *Παναγίου Τάφου* № 5 была создана в Константинополе в среде книжников, теснейшим образом связанных с Феодором Метохитом. Если исходить из предлагаемой нами датировки кодекса, то вполне вероятно, что иерусалимская рукопись была изготовлена по заказу Метохита для библиотеки возрождавшегося им во втором десятилетии XIV в. монастыря Хора.

Благодаря исследованиям И.И. Шевченко мы хорошо знаем о той заботе, с которой Феодор Метохит относится к устройству и сохранению библиотеки своего монастыря¹¹. Однако до сих пор известны лишь несколько рукописей, находившихся здесь в интесуещую нас время (*Vindob. Phil. gr. 95; Vat. gr. 303, 1365; Paris. gr. 1776, 2003*) и все они представляют собой списки сочинений самого Метохита, которые были изготовлены работавшими по его заказу писцами и хранились тут уже при его жизни¹². Между тем, не может быть никаких сомнений в том, что Метохит позаботился о пополнении библиотеки и другими книгами, которые были необходимы как для повседневных нужд монастыря, так и для научных занятий своего кружка. Одной из таких книг и была, по нашему мнению, иерусалимская рукопись.

Кодекс *Παναγίου Τάφου* № 5 не является, разумеется, единственной книгой, специально изготовленной для библиотеки Хоры в этот период: одновременно с ней и, по-видимому, по тому же заказу был написан замечательный пергаменный список Извлечений из гомилий Иоанна Златоуста, находящийся в Вене (*Theol. gr. 94*)¹³.

Стремясь наполнить книгохранилище нужными текстами, Метохит обращался также к столичным мастерам, принадлежавшим к другой школе каллиграфии — почерки переписанных ими книг относятся к так называемому "скрипторию Феодоры Раулены" деятельность которого продолжалась с большим успехом и в первой трети XIV в.¹⁴ Нам удалось обнаружить собственноручную помету Феодора Метохита в списке "Речей Элия Аристиды, хранящемся в Бодлейанской библиотеке (*Canonic. gr. 84, л. 116 об.*)¹⁵ Как известно, оксфордская рукопись является второй частью манускрипта, первая половина которого находится в Париже (*Paris. g. 2948*)¹⁶. Есть, как нам кажется, все основания думать, что и этот громадный кодекс, написанный на тонком, прекрасной выделки пергамене выдающимся каллиграфом и, несомненно, побывавший у Метохита, не только принадлежал Хоре, но и был изготовлен для нее.

Wien, 1989; Teil 2: Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs und Nachträge zu den Bibliotheken Grossbritanniens. S. 49, N 77; *Spatharakis I. Corpus of Dated Illuminated Greek Manuscripts to the Year 1453. Leiden, 1981. P. 60, 63—64, N 236, 256; Hunger H., Ševčenko I. Des Nikephoros Blemmydes Βασιλικός, Ἀνδριάς und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaiotos. Wien, 1986. S. 31—39.*

¹¹ Помимо работ, указанных выше (примеч. 5), см. также: *Ševčenko I. Theodore Metochites, the Chora and the intellectual Trends of His Time // Underwood P.A. The Kariye Djami. Princeton University Press, 1975. Vol. 4: Studies in the Art of the Kariye Djami and its Intellectual Background. P. 17—91 см. особенно P. 35—37.*

¹² См.: *Ševčenko I. Observations ... P. 284—285; Idem. Études ... P. 281—283.*

¹³ См.: *Hunger H., Kresten O. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1976, Teil 3/1. S. 170—171; Mazal O. Byzanz und das Abendland. Wien, 1900. S. 226—227 Abb. 57.*

¹⁴ См.: *Buchthal H., Belting H. Patronage in Thirteenthcentury Constantinople: An Atelier of Late Byzantine Book Illumination and Calligraphy. Wash. (D.C.), 1978; Fonkik B.L. Scriptoria bizantini: Risultati e prospettive della ricerca // RSBN. N.S. 1980—1982. Vol. 17—19 (XXVII—XXIX). P. 113—116.*

¹⁵ Описание рукописи см.: *Coxe H.O. Catalogi codicum mss. Bibliothecae Bodleianae. T. III. Codices graecos et latinos Canonicianos complectens. Oxford, 1854.*

¹⁶ См.: *Lenz F. Der Oxoniensis Canonicianus 84 des Aristides // Hermes. 1930. Bd. LXV. S. 209—220*

Даем перевод той части рассказа, которая содержит основной (не весь) литургический материал. Богослужебные тексты и "рубрики" переводим на церковнославянский.

"Поведали нам авва Иоанн и авва Софроний, глаголюще:

пошли мы ко авве Нилу, в навечерие Недели, на гору Синай, старец же этот безмолвствовал наверху, на святой вершине горы, и имел еще два ученика.

Когда же пришли мы к вечерне, начал старец *Слава Отцу* с прочими, и рекше *Блажен муж и Господи воззвах* без тропарей и рекше *Свете тихий* и *Сподоби Господи*, начал *Ныне отущаеши* с прочими. И, совершивши вечерня, предложил на трапезу.

И, по еже вечеряти, начахом [яже] правила; и, по еже исполнити Шестопсалмие и рекше *Отче наш*, начахом псалми косно. И, рекше первую статью пятидесяти псалмов, начал старец *Отче наш* и пятьдесят *Господи помилуй*. И седше, прочита един от его ученик соборное Иаковле. И вставше паки, начахом вторую статью пятидесяти псалмов и, исполнивше пятьдесят псалмов, даде другому брату и прочита, из той же книги, Петрово соборное послание. И вставше, начахом третью статью пятидесяти псалмов и, исполнивше сто пятьдесят псалмов и рекше *Отче наш* и *Господи помилуй*, седохом. И даде ми старец книгу и прочтох соборное Иоанново. И восставше, начахом песни без тропарей. И ниже на третьей песни, ниже на шестой сотвори междопесние, но *Отче наш* и *Господи помилуй*. И рекше Хвалитны без тропарей, начал *Слава в вышних Богу* с *Верую*, таже такожде *Отче наш* и триста *Господи помилуй*.

Приложи убо старец глаголюще: Сыне и Слове Божий, Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас и помози и спаси души наша.

И рекшим нам *Аминь*, седохом.

И говорю я старцу: Почто, авво, не храните чин соборный и апостольския Церкви?

И рече старец: Не храняй чин соборный и апостольския Церкви да будет анафема и в нынешнем веке и в будущем.

И глаголю ему: Как ты сам, виждь, в вечерних святых Недели, ниже на *Господи воззвах* тропари, ниже на *Свете тихий*, ниже на *Сподоби*, ниже на правиле *Бог Господь*, ниже на стихословии псалмов седальны воскресны, ниже на песнях трех отроков тропари, но ниже на Евангелии *Всякое дыхание*, но ниже на Славословии *Воскресение Спасова еже хвалим*, рекл еси? (Л. 1—41).

(Старец отвечает, что произносить названные и другие (перечисляет) элементы богослужения миряне и монахи, не имеющие соответствующих посвящений, не имеют права; обращаясь к себе седникам, он, между прочим, спрашивает:)

В нарочитии же праздници и святки Недели, кто суть иже *Бог Господь* на началех правила, и [тропари] на междопеснях песней трех отроков, и *Всякое дыхание*, и на Славословии *Воскресение Спасова еже хвалим*, в конец правила, предначинающи?" (Л. 65—69).

Анализ этого материала распределяется по пунктам таблиц в Приложении.

Вечерня

Вслед за А. Лонго, которая сама следовала указанию о. Матеоса, мы будем сопоставлять структуру нашей вечерни с чином древнейшего часослова Sin. gr. 863 (IX в.), по чину Лавры св. Саввы Освященного¹⁵. Но мы привлечем также фрагмент Иерусалимского патриаршего типикона, дошедший в рукописи 1122 г., но отражающий практику Иерусалимского патриарха Николая (932—945)¹⁶.

¹⁵ Далее: СЧ (Синайский часослов), с указ. стр. изд. См.: *Mateos J. Un Horologion inédit de Saint-Sabbas: Le Codex sinaïtique grec 863 (IX siècle) // Mélanges Eugène Tisserant. Città del Vaticano, 1964. Vol. III. P. 47—76. (ST. 223).*

¹⁶ Далее: ИТ (Иерусалимский типикон). Изд. текста по рук. 1122 г.: *Παπαδόπουλο ς-Κεραμές 'Α-Τυπικόν τῆς ἐν Ἱεροσολύμοις ἐκκλησίας // Ἀναλέκτα Ἱεροσολυμητικῆς Σταχουλολογίας. Αγ. Πετροῦ τος 1894. τ. Β'. Σ. 1—254. Исправление ошибок этого издания см.: *Дмитриевский А.А. Древнейшие патриаршие типиконы—Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской церкви: Критико-библиографическое исследование. Киев, 1907. С. 41—59. Издание по списку 1804 г. с рукописи 1122 г. и русский перевод см.: Он же. Богослужение страстной и пасхальной седмиц**

1. *Слава Отцу* [и Сыну и Святому Духу. И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь] — начальный возглас любого чинопоследования в Палестине¹⁷. В современном богослужении сохраняется как *Слава: И ныне перед Приидите поклонимся* в всех последований, начинающихся Трисвятым (не во всех богослужебных книгах указывается одинаково). А. Лонго отмечает отсутствие предначинательного дсалма, мы же думаем, что он подразумевается в указании "с прочими", и это именно Пс. 103 (так по палестинскому чину)¹⁸.

2. Стихословие псалтири будет обсуждаться ниже.

3. Отсутствие тропарей (по-современному "стихир") на *Господи воззвах*. Недоумение по этому поводу со стороны посетителей означает, что эти стихиры уже вошли в монашеское богослужение. Однако, СЧ их еще не дает; ИТ, где соборное богослужение уже перестроено по типу монашеского, стихиры указывает. Поэтому делаем вывод о том, что перед нами — черта богослужения позднее IX и именно X в.

4. "Тропари" на *Свете тихий*; аллилуарий или прокимен. Сопоставление с СЧ и ИТ показывает, что за *Свете тихий* должен был следовать аллилуарий или прокимен. И то, и другое старец упоминает в своем перечислении того, что надлежит петь лишь "чтецам, певцам и иподиаконам" (Л. 60—64), так что этот элемент он должен был бы пропустить. Посетители же его прямо не упоминают, однако, в соответствующей позиции указывают какие-то "тропари" на *Свете тихий* (л. 38), вызвавшие недоумение А. Лонго, которая понимала, что реально здесь мог стоять лишь прокимен (Л. С. 231—232); как случай беспрецедентный рассматривает эти "тропари" и Х. Лееб (*Leeb. S. 155*). Но не мог ли "тропарем" быть назван прокимен? Зная о развитии тропарей из стихов библейской гимнографии, этого бы следовало ожидать, хотя греческая терминология не дает тому подтверждений. Их дает, как нам кажется, грузинская традиция, сохранившая греческий палестинский чин конца I тысячелетия гораздо лучше. В ней термин *dasdibel* относится и к прокимнам, и к тропарям¹⁹. Прокимны вошли в монашеское богослужение из соборного; для соборного же иерусалимского чина, согласно грузинским данным, имеем именно тропать перед чтением (этот же чин в армянской традиции, соответствующий византийской более ранней, еще не имеет здесь тропаря или прокимна)²⁰. Итак, "тропари"-прокимны в привычном для посетителей аввы Нила богослужении были.

5. Паримии. Их, вероятно, не было в обычном воскресном богослужении. Данные ИТ — для особых праздничных дней.

6. *Сподоби* или *Да исправится*? В описании службы присутствует *Сподоби*, что соответствует СЧ и грузинской версии иерусалимского чина (*Leeb. S. 176*), но в вопросе посетителей только в славянской версии (С. 334) говорится о тропарях на *Сподоби*. Это чтение кажется нам единственно верным, но А. Лонго приходилось выбирать между

во св. Иерусалиме IX—X в. Казань, 1894. По истории текста и структуре служб см.: *Bertoniere G. The Historical development of the Easter Vigil and Related Services in the Greek Church, Rome, 1972. (OCA. 193)*. В этом издании см. схему пасхальной вечерни (Chart A), которая остается в ИТ ближайшим аналогом обычной воскресной вечерни, так как для Недели Ваий большая часть вечерни утрачена. Ср. также вечерню Великой Субботы.

¹⁷ Л. С. 230—231. Ср.: *Mateos J. Le Typicon de la Grande Eglise. Ms. Sainte-Croix N 40, X siècle: Introd., texte critique, traduct. et notes. Rome, 1962. T. 1: Le cycle des douze mois; Rome, 1963. T. 2: Le cycle des fêtes mobiles. (OCA. 165, 166) (Далее: ТИЦ (Типикон Великой Церкви; с указ. тома); здесь: ТВЦ) 1. С. 268, примеч. 4. Ср. также: СЧ. С. 61.*

¹⁸ В Константинополе был принят Пс. 85. См.: *Mateos J. Documenta historica officii nocturni et matutini // ML. P. 56, ср.: P. 69.*

¹⁹ *Кекелидзе К. Грузинский литургический словарь // Кекелидзе. С. 326. Подробно об этом и связанных с ним терминах см.: Leeb. S. 50—62, 274 et passim. По-видимому, одним из естественных путей развития тропарей было распространение II стиха прокимна (ср. груз. *cardgomay: Leeb. S. 197—198*). Переходные формы между тропарями и прокимнами сохраняются поныне: ср. тропари великопостных часов, особенно первого.*

²⁰ *Engberding H. Zur Geschichte der Liturgie der Vorgeweihten Gaben // Ostkirchliche Studien, 1964. Bd. 13. S. 312. Армянский лекционарий V в. теперь издан. См.: Renoux A. Le codex arménien Jérusalem 121, Vol. I—II // P.O. 1971. T. 36. N 179, 180.*

Вторая "странность" византийского раздела — его непропорционально малый объем — всего 17 страниц — по сравнению с древнегреческим (70 с.), римским (60 с.) или средневековым западноевропейским (более 200 с.). Более того, почти половина византийского раздела посвящена картам Птолемея в византийских рукописях "Географии", обнаруженной в XIII в. Максимом Планудом. Соглашаясь, что "новое открытие Птолемея может рассматриваться как плодотворный вклад византийской науки в длительное развитие картографии" (с. 272), можно тем не менее пожалеть, что проблемы, связанные с Птолемеем, обсуждаются и в древнегреческом, и в византийском разделах (иногда повторяясь), а собственно византийская проблематика обсуждается столь кратко — всего на 7–8 страницах (вспомним 200 страниц для западного средневековья).

Итак, что же входит в понятие "византийской картографии"? О. Дилке рассматривает собственно четыре памятника: "Космографию" Равеннского Анонима (ок. 700 г.), "Христианскую топографию" Космы Индикоплова с картами и две мозаичные карты — из Мадабы и Никополя (все VI в.). Если учесть, что первый памятник не содержит карты, написан на латинском языке в Равенне, и имеет, таким образом, отдаленное отношение к византийской картографии⁶, а мозаика из Никополя только с натяжкой может считаться картой, получается, что речь идет практически лишь о двух памятниках картографии — о космографических рисунках Космы и о карте Святой земли на мозаичном полу христианской церкви в Мадабе. Оба памятника достаточно подробно изучены в специальной литературе⁷, что избавляет нас от необходимости анализировать их здесь.

Для нас интереснее другое — почему на протяжении почти тысячи веков византийской истории мы почти ничего не знаем о существовании картографии, будь то практической (сухопутной или морской) или научно-теоретической. В затруднении находится и О. Дилке, называя этот факт "парадоксальным"⁸.

Возможно несколько объяснений такого "парадокса". Одно предполагает, что наше знакомство с византийской культурой и ее источниками пока слишком ограничено, со временем же мы сможем обнаружить, вероятно, больше следов картографической активности византийцев⁹. Второе объяснение гласит: византийцы, несмотря на всю преемственность своей науки и культуры от античной, действительно утратили навыки картографирования (считается, например, что иконоборчество могло существенно воспрепятствовать сохранности иконографических материалов, и в том числе карт)¹⁰.

На наш взгляд, возможно и третье объяснение, которое заключается в отрицании самого существования картографии в современном ее понимании не только в Византии, но и в античном греко-римском мире, для которого традиционно постулируется значительное развитие картографии. Если первые два объяснения лежат, что называется, на поверхности, то последнее нуждается в дополнительном методическом и фактическом рассмотрении.

Сразу необходимо сделать следующее замечание: большой объем античных разделов "Истории картографии" не должен вводить в заблуждение, так как и от Греции, и от Рима дошло не больше десятка артефактов, половина из которых к тому же сохранилась в средневековых копиях. Большая часть страниц в этих разделах посвящена изображению того историко-географического фона, в рамках которого должны были

возникать картографические изображения. То же самое можно было бы сделать и в византийской главе: как показывают исследования¹¹, недостатка в таком фоне в византийской литературе не было, и только жаль, что в "Истории картографии" отсутствует его анализ. Конечно, глава сильно выросла бы в объеме, но при этом число памятников картографии едва ли увеличилось бы.

Представляется, что значение и роль картографии как в греко-римской античности, так и в наследовавшей ей Византии сильно завышаются современными исследователями, что по сути является модернизацией исторического процесса. Так, О.Р. Бородин пишет: "Непременной частью географической науки любого времени является картография. К сожалению, говорить о византийских ранне-средневековых картах мира мы можем в основном в гипотетическом плане, так как до нас не дошло ни одного бесспорного их образца"¹². Логика здесь такова: это должно быть, а если этого нет, то просто не смогло сохраниться, мы же должны предполагать, что это было.

А разве не проще и логичнее было бы предположить, что отсутствие сохранившихся картографических артефактов свидетельствует об отсутствии самой картографической деятельности или, по крайней мере, о ее слабости? Именно этот тезис я и хотел бы здесь более внимательно рассмотреть.

Дело в том, что в последнее десятилетие стали появляться работы, в которых ставится под сомнение "картографичность" античного восприятия пространства, а следовательно и степень распространения и практического использования карт в обществе¹³. Вечное для истории географии противопоставление текста и карты, литературного изложения маршрута и его графического рисунка, лоции и морской карты являло в античности несомненное превосходство и первенство текста над картой, непосредственно чувственного восприятия пространства над его абстрактно-картографическим изображением. Принципиально антикартографическое, годологическое (по терминологии Пьетро Янни), или хорографическое (по нашей терминологии) пространственное восприятие не способствовало развитию картографической продукции, которая или замыкалась в кабинетах ученых (ср. Эратосфена, Марину Тирского, Птолемея), или ограничивалась религиозно-сакральной и пропагандистско-дидактической функциями (средневековые западноевропейские *maprae mundi*).

Человек ориентировался в пространстве не по карте, а предпочитал вербальное описание пространственных отношений, хорошо нам знакомое по таким литературным жанрам, как перипл, период, перизгеса, итинерарий и т.д. Достаточно указать на те большие сомнения, которые вызывает у исследователей вопрос о том, начертил ли Птолемей сам те карты, построение которых он описывает, чтобы не пытаться каждому географу античности приписать создание географических карт.

Надо заметить, что модернизаторский взгляд на античную картографию оказался свойствен и авторам американской "Истории картографии", где многократно прокламировалась большая роль карты в жизни античного (и особенно римского) общества¹⁴.

¹¹ См., например, работы О.Р. Бородина в кн.: *Культура Византии: IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 432–466; Культура Византии: Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 345–365; Культура Византии: XIII — первая половина XV в. М., 1991. С. 376–394.*

¹² *Культура Византии: IV — первая половина VII в. С. 460. Ср. его же в: "Культура Византии: Вторая половина VII–XII в." С. 359: "Картография средне-византийской эпохи почти не исследована. Однако в распоряжении историков все же имеется ряд свидетельств, показывающих, что в этот период картографическая традиция в Восточной империи не прерывалась." В последней книге этой серии в разделе "Развитие географии в поздней Византии" О.Р. Бородин называет только один "выдающийся памятник византийской картографии" — карты к "Географии" Птолемея. См.: *Культура Византии: XIII — первая половина XV. С. 380.**

¹³ *Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 22–45; Он же. Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1. С. 147–166; Janni P. La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio ologico. Roma, 1984.*

¹⁴ *The History of Cartography. P. 105, 138–139, 201, 209, 252–256.*

⁶ Недаром авторы западноевропейского средневекового раздела снова и снова обращаются к этому памятнику. См. *Ibid.* P. 322, 348, 381.

⁷ См., например: *Wolska W. La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes: Théologie et science au VIe siècle. P., 1962; Avi-Yonah M. The Madaba Mosaic Map. Jerusalem, 1954.*

⁸ "It is paradoxical, however, that a literate society, heir to Greek and Roman learning, should have left so few traces of interest in mapping" (*The History of Cartography. 1. P. 258*). Также немного может сказать о византийской картографии "Oxford Dictionary of Byzantium" (См.: s.v. Cartography).

⁹ Так считают Дж. Кроун (*Crone G. Maps and their Makers: An Introduction to the History of Cartography. L., 1953. P. 27*), О.Р. Бородин (в кн.: *Культура Византии: IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 464*), О. Дилке (*The History of Cartography. 1. P. 258*).

¹⁰ *The History of Cartography. 1. P. 258.*

При этом речь идет не только о несомненном существовании планов зданий или земельных наделов, но и о широком использовании карт, якобы пригодных для навигации и служащих картографическими аналогами периплам, а также дорожных карт, с которыми можно было путешествовать по суше и вести военные действия. Согласимся, что подобное использование карт предполагает статус картографического способа коммуникации о пространстве, близкий современному.

В нашей рецензии в *Itinago mundi* мы попытались уже показать несостоятельность и противоречивость такого рода суждений. Так, в конце римской главы "Истории картографии" помещен специальный итоговый раздел об использовании карт в римском обществе¹⁵. Два параграфа в нем посвящены "картам как стратегическому документу" и "картам для путешествий". Однако то, что мы узнаем из этих параграфов, по сути дела противоречит тому, *quod erat demonstrandum*.

Из первого параграфа мы узнаем, что, оказывается, капитаны кораблей пользовались литературными (!) периплами, а не картами, свидетельство об использовании карт в военном деле всего одно (Вегеция), да и то говорит о преобладании литературных итинерариев над рисованными, т.е. картами; далее о Цезаре и Агриппе высказывается предположение, что они могли, наряду с письменными итинерариями и периплами, использовать и карты, правда, никаких подтверждений этому в источниках не имеется. Плиний дважды сообщает о картах, составленных во время экспедиций, причем в одном случае О. Дилке сам не уверен, что речь идет именно о карте. Все, что следует дальше, на наш взгляд, не имеет никакого отношения к военным картам (это поэтические свидетельства Овидия и Проперция, а также Плутарха и Светония о картах мира наподобие средневековых *mappe mundi*, воевать по которым — всякий, кто их себе представляет, согласится — было не очень-то удобно).

В параграфе о картах для путешествий сам Дилке признается, что в основном в этих целях использовались литературные итинерарии, поэтому его вывод в конце раздела (с. 256) о том, что во времена Цезаря и Августа широкие слои римского общества активно использовали карты в практических целях — для путешествий и в военном деле — звучит несколько неожиданно и совсем не следует из представленных автором фактов.

В самом деле, среди дошедших до нас античных карт нет ни одной, которая могла бы служить инструментом для практического ориентирования на местности (даже Певтингерова карта представляет собой чисто схематичный набросок путей, пользоваться которым для нужд путешествия невозможно¹⁶). О существовании большинства карт мы знаем из литературных источников, но и здесь мы не встречаем почти никаких свидетельств такого практического использования карт¹⁷, а ведь мы имеем дело с огромным количеством античных описаний военных походов, плаваний, экспедиций

¹⁵ Ibid. P. 252–266.

¹⁶ Ср.: *Kubitschek W. Itinerarstudien*. Wien, 1919. S. 27.

¹⁷ Если грубо разделить всю картографическую продукцию на три типа: научно-теоретическую, практическую и религиозно-дидактическую (космологическую) и под последней понимать карты, изображающие Землю как круглый диск, окруженный Океаном, и имеющие своим центром пуп Земли — святыню данной культуры, то, на наш взгляд, большинство аллюзий на карты в литературных источниках античности и средневековья имеет в виду именно этот третий тип. Если первые два типа элитарны и специальны, служат и понятны только специалистам, то третий тип связан с дидактикой, просвещением, религией, пропагандой, иллюстративностью, декоративностью и т.д. (часто в одной карте соединены все эти функции) и представляет собой всем понятный, распространенный в обществе, часто примитивный образ Земли. Такие карты были всегда, в отличие от первых двух типов, один из которых (практический) отсутствовал как в античности, так и в раннем средневековье на западе и в Византии, другой (научный тип) — в раннем средневековье. В этом смысле преемственность средневековых *mappe mundi* от античных карт такого же типа кажется нам весьма вероятной, о чем говорит и вывод издателя 1-го тома "The History of Cartography": несмотря на прогрессивную линию усовершенствования формы карты в соответствии с научными уточнениями размеров ойкумены (от круглых и квадратных к прямоугольным) в Греции, идея круглой карты благополучно дожила до средних веков (P. 505).

и т.д., включая дневники, мемуары и другие документы, подробно информирующие нас о способах передвижения и ориентации в географическом пространстве.

При всей ущербности такого рода аргументов "ex silentio" это умалчивание, конечно, не случайно, о чем свидетельствует противоположный опыт Китая: начиная с IV до н.э. до XIV в. н.э. до нас дошло более 200 карт разного практического предназначения¹⁸. Соответственно этому и вся китайская литература с древнейших времен переполнена данными о широком и регулярном практическом употреблении карт в военной административной сфере; более того, наличие или неимение карты местности, где велись военные действия, часто являлось ключом к победе того или иного полководца или императора¹⁹. На этом фоне молчание античных источников кажется весьма красноречивым!

Возникает законный вопрос: каким же образом путешествовали в античности, что служило инструментом ориентирования на суше и на море?

Прежде всего сошлемся на автора другого раздела тома Т. Кэмпбелла, который, обсуждая проблему практического плавания в Средиземном море до появления морских карт, заключает, что навигация тогда зависела почти исключительно от опыта капитана, имеющего ментальную карту тех местностей, в которые он много раз плавал (с. 386–387). Такой опыт, приобретающийся и передававшийся из поколения в поколение в семьях и кланах моряков, несомненно, мог служить достаточной базой для осуществления навигации²⁰.

Далее, надежным и удобным справочником для путешественников на протяжении многих веков, если не тысячелетий, были упоминавшиеся выше периплы и итинерарии, описывавшие путь в вербальной форме (ср. средневековые текстовые портоланские поздние лоции)²¹. Сохранившиеся периплы и итинерарии, судя по первичной эгоцентрической, т.е. принципиально некартографической системе ориентации, отраженной в них, не свидетельствуют о развитом картографическом сознании их авторов²².

Такого же рода литература имела в большом числе и в византийский период — вспомним епископские нотиици, "Обитория" ап'Ед'ем, "Синекдем" Иерокла, "Стадиодромикон" (перипл от Константинополя до Крита в трактате Константина Багрянородного "О церемониях византийского двора"), итинерарии пилигримов в Святую землю, перипл Черного моря Псевдо-Арриана, лоции типа западноевропейских портоланских

¹⁸ См.: *An Atlas of Ancient Maps in China: From the Warring States Period to the Yuan Dynasty*. (4 B.C.—A.D. 1368). Beijing, 1990.

¹⁹ См.: *Lexikon zur Geschichte der Kartographie von den Anfängen bis zum Ersten Weltkrieg*. Wien, 1980. Bd. 1. S. 138–139.

²⁰ Ср. того же Т. Кэмпбелла: "Способность успешно плавать вдоль берегов и поперек Средиземного и Черного морей не обязательно должна сопровождаться склонностью или умением запечатлеть свой опыт в форме карты" (*The History of Cartography*. Vol. 1. P. 387).

²¹ Одним из свидетельств этому может служить не учтенная в "Истории картографии" эпиграмма Кринагора из Митилены (Jesbosc), написанная около 26 года до н.э., когда автор собирался отправиться с посольством в Рим:

*"Плывь снаряжаясь в Италию: я ведь к товарищам еду, —
Долгое время уже с ними я был разлучен.
Нужен для плавания мне проводник, чтобы прямо к Кикладским
Вел островам, а потом в древнюю Схерию вел.
О помощи мне, Менипп, написавший о плавании книгу.
Ведь географию всю ты в совершенстве постиг".*

(Anthol. Palat. IX, 559, пер. Ю.С. Шульца)

Речь идет о "Перипле внутреннего моря" (Περὶ πλοῦς τῆς ἐντὸς θαλάττης) в трех книгах, написанном географом из Пергамона Мениппом между 36 и 26 гг. до н.э. Если последние строки эпиграммы — не просто риторика, но имеют какой-нибудь реальный навигационный смысл, они скорее свидетельствуют в пользу того, что плавание осуществлялось с помощью литературных периплов, а не карт.

²² См.: *Müller K. Itineraria Romana*. Stuttgart, 1916. S. LIV ff.; *Bagrow L. History of Cartography*. Cambridge, 1964. P. 61–62; *Nordenskiöld A.E. Periplus: An Essay on the Early History of Charts and Sailing-Directions*. Stockholm, 1897. P. 3; *Подосинов А.В. Картографический принцип*, С. 22–45.

и т.д. (вся эта литература обстоятельно и компетентно описана О.Р. Бородиным в трех томах "Культуры Византии").

В этом свете, так ли уж велик "парадокс" с византийской картографией, формулируемый О. Дилке следующим образом: образованное византийское общество, наследовавшее греческой и римской цивилизациям, имевшее те же, что и Римская империя, нужды в управлении, военных завоеваниях и подавлении врагов, пропаганде, земельном обустройстве и общественных работах, и вдруг — почти никаких следов интереса к картам!^{2 3} Думается, представленные выше предварительные соображения могут если не полностью снять этот парадокс, то несколько смягчить его остроту, перенеся его из области истории в область историографии.

З.Г. САМОДУРОВА

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ИСТОЧНИКОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ВИЗАНТИИ VII—XII вв.*

Наряду с трактатами античных мыслителей, разрабатывавших математические натурфилософские проблемы, и их ранневизантийских комментаторов, не менее важным источником информации об окружающей вселенной для образованных жителей империи VII—XII вв. были труды византийских ученых рассматриваемой эпохи, в которых последние не только описывали различные явления природы, но и пытались по возможности дать им объяснение и показать свое видение мира. В этот период было создано довольно значительное число сочинений по математике, астрономии, физике, биологии, медицине и т.п.

Много внимания в Византии указанного времени уделялось разработке проблем математики. Знание ее было необходимо и практикам (купцам, ремесленникам, чиновникам, землемерам, зодчим и др.), и представителям науки. Последние считали ее пропедевтической дисциплиной, которая учит логике в рассуждениях, развивает способность понимания окружающего мира, дает серьезную работу уму и является подготовкой к постижению философских истин. Ценили математику и деятели церкви, ибо знакомство с ней помогало им производить сложные вычисления при составлении церковного календаря, для установления пасхальных циклов¹.

В VII—XII вв., особенно в IX—X вв., в период так называемого первого научного Возрождения² появился ряд работ математического характера. Это прежде всего сочинения Льва Математика: его лекция об Евклиде, где он впервые выразил арифметических отношений использованием буквы вместо цифр, и гомилия, произнесенная им 25 марта, в праздник Благовещения, в которой он попытался выяснить значения некоторых чисел у пифагорийцев, сектантов Симеона и Маркиона и, главным образом, числа 7 у евреев и раскрыть его внутренний мистический смысл³.

Богатым источником информации по математике были труды Михаила Пселла затрагивающие широкий круг вопросов. Его трактат "О числах", в котором он дает объяснения явлений природы и человеческих отношений привлекал числовые спекуляции, помогал разобраться в недоступном для понимания мистическом смысле чисел. С толкованием пифагорийской мистики чисел сталкиваются вновь при чтении его

^{2 3} The History of Cartography. Vol. 1. P. 258, 279. Кстати, что касается карт типа западноевропейских *mappe mundi*, не имеющих практического значения, то их существование в византийской культуре вполне вероятно. Собственно, карта мира Космы Индикоплова — это типологически та же *mappe mundi*, хотя и несколько необычной формы. Кроме того, о существовании подобных карт косвенно свидетельствуют не учтенные О. Дилке и О.Р. Бородиным карты, созданные на периферии Византийской империи, но под явным влиянием византийцев. Мы имеем в виду армянскую карту мира XIII—XIV вв., хранящуюся в Матенадаране. Это круглая трехчастная карта Т-О типа с восточной ориентацией. См.: Ованнисян О. Армянская рукописная карта мира (XIII—XIV вв.) // Научные труды Ереванского государственного университета. Т. 43. Сер. географических наук. Вып. 1. 1954. С. 81—92. (На арм. яз. с русским резюме); карта публикуется также в нашей рецензии в "Imago mundi". Следует указать и на болгарскую карту мира из Богитичева (Висарионова) сборника (XVI в.), иллюстрировавшую географический труд Константина Костенечского (XV в.), условно названный исследователями "Отломки по космографии и географии". Карта круглая, с Иерусалимом в центре и океаном вокруг земли, ориентирована на восток и, хотя имеет много отличий от Т-О-образных карт мира Западной Европы, несомненно принадлежит к типу *mappe mundi*. Византийское происхождение оригинала этой карты можно предполагать, исходя из наличия на карте в некоторых случаях греческих вариантов лемм, а также из характера самого сборника, содержащего переводы византийских географических и космологических текстов (в основном Симеона Сифа и Михаила Пселла); см. подробнее: Чолова Ц. Естественнонаучные знания в Болгария. С., 1988. С. 31—33, 250—251 и ил. 10.

* Продолжение. Начало см.: ВВ. 1992. Т. 53.

¹ Vogel K. Byzantine science // CMH. Cambridge, 1967. Vol. 4: The Byzantine Empire. Pt. 2: Government, Church and Civilisation / Ed. J.M. Hussey. P. 264, 300; Самодурова З.Г. Естественнонаучные знания // Культура Византии: Вторая половина VII—XII в. М., 1989. С. 298.

² Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1971. P. 109—120, 148—176; Ševčenko I. Remarks on the Diffusion of European Scientific and Pseudo-Scientific Literature among the Orthodox Slavs // The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. N 3. July. P. 322—323.

³ Euclidis Elementa // Opera omnia / Ed. J.L. Heiberg. Lipsiae, 1888. Vol. 5. P. 714—718; Vogel K. Opera cit. P. 270—271; Lemerle P. Op. cit. P. 170—171, 157; Истрия математики с древнейших времен до начала XIX столетия / Под ред. А.П. Юшкевича. М., 1970. I. С. 144—151; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 2. S. 237—238.

сочинения "На возникновение души у Платона", где в главе о семи- и девятидесятилетних новорожденных он показывает метафизический аспект математики⁴. Сведения о природе геометрии, об алгебраических терминах, используемых Диофантом, о мультипликативной системе названия степеней, отличавшейся от аддитивной, применявшейся последним, о классификации чисел, отношений и наиболее распространенном способе нахождения площади круга, когда берется среднее геометрическое между площадью вписанного и описанного квадратов и т.п. можно было найти в других работах Михаила Пселла, опиравшегося в своих изысканиях прежде всего на "Арифметику" Диофанта, а также на маргинальные схолии к ней, помещенные в рукописи, находившейся, по-видимому, в распоряжении византийского ученого. По мнению П. Таннери, автор этих комментариев заимствовал данные из сочинения по арифметике (или скорее логистике) жившего во второй половине III в. Анатолия Александрийского, учителя Ямвлиха⁵.

О способах измерения площадей, методах оценки земли различного качества, знание которых были необходимы чиновникам фиска, византийцы могли прочесть в работах по метрологии. В настоящее время от них сохранились в основном фрагменты. Одно из этих метрологических сочинений, озаглавленное "Об измерении" и приписываемое Герону Александрийскому, появилось при Константине VII Багрянородном, около 938 г. В нем рассказывалось о римской геодезии и ее достижениях. Анонимный автор его использовал математику чисто практически⁶.

Большой интерес проявляли византийцы к вопросам строения вселенной. Они стремились узнать как можно больше о формах и размерах ее, количестве небесных сфер, неподвижных звездах, планетах, их природе, форме, размере и местоположении Земли, причинах лунных и солнечных затмений, восходах, полнолуниях, циклах Солнца и Луны и т.п. Свою любознательность в зависимости от уровня образованности они удовлетворяли чтением либо Библии, либо научных трактатов византийских ученых, в которых поднимались перечисленные проблемы. Для основной массы жителей империи, недостаточно образованных, главным источником знаний о космосе были книги Священного Писания. Именно из них они черпали свои познания, нисколько не сомневаясь в их истинности. В соответствии с библейскими представлениями они считали, что Земля имеет форму диска, а небо полусферы. Крайним выражением этого была концепция Космы Индикоплова, который рассматривал Землю как прямоугольный параллелепипед, на краях которой покоится небесный купол, и придавал вселенной форму арки⁷. Многочисленные фрагменты его сочинений и схолий к ним свидетельствуют о широком распространении его взглядов⁸.

Образованные византийцы скептически относились к утверждениям Космы Индикоплова. Так, патриарх Фотий называл их нелепостями⁹. Свои познания они заимствовали из трудов современников, приверженцев античных теорий устройства мироздания — Иоанна Дамаскина, патриарха Фотия, Михаила Пселла, Симеона Сифа, — полагавших, что Земля, Небо, Луна, Солнце, планеты имеют форму шара и считавших ее наиболее

совершенной. Свидетельством в пользу этого допущения являлся, по их мнению, эффект постепенного изменения контуров суши по мере приближения плывущих по морю к берегу: сначала они видели вершины гор, а затем — их подножия. Последний, кроме того, опираясь на учение Аристотеля, приводил для доказательства правильности данного взгляда следующие аргументы: освещение Солнцем прежде восточных, а затем западных стран, невозможность наблюдать одновременно все звезды¹⁰.

Знакомство с сочинениями названных ученых давало возможность усвоить важнейшие положения астрономии. Читая обширный труд Иоанна Дамаскина "Источник знания", систематизировавшего знания, приобретенные человечеством в предшествующие столетия, в том числе и по астрономии, они могли составить представление о неподвижной небесной сфере, зодиакальных созвездиях, семи планетах, вращающихся в противоположную движению Земли сторону, о влиянии Солнца и Луны на природу, выяснить причины лунных и солнечных затмений. Все это было изложено в пяти главах упомянутого произведения Иоанна Дамаскина, извлекавшего сведения из работ своих предшественников, всецело зависящих от Аристотеля¹¹.

Более детальные, чем у Иоанна Дамаскина, сведения по космографии содержались в трудах Михаила Пселла. В них можно было узнать о движении времени, о циклах Солнца и Луны, их затмениях. Особенно богата материалом по астрономии его работа "Всеобщее наставление"¹², предназначенное для обучения. Именно в ней находили данные о структуре мироздания, природе небесных тел, описание неба, неподвижных звезд, зодиакальных созвездий, сфер планет, Луны, областей огня, воздуха, воды Земли, изложение согласно Аристотелю учения об эфире, критику теории существования множества миров и доказательство существования одного единственного мира, состоящего из различных частей. Характеризуя природу небесных тел, автор констатирует преобладание в них воздушного начала, а в звездах — огненного. При этом подчеркивал тот непреложный, по его мнению, факт, что звезды заимствуют свой свет от Солнца. Много нового узнавали читатели "Всеобщего наставления" о дневном светиле, о его тепловом излучении, которое является следствием огненных испарений, возникающих вокруг него при движении, об образовании из этих испарений комет, материя которых аналогична материи Млечного пути, о количественном соотношении кометы со звездой, равном соотношению Млечного пути с целым кругом Вселенной, который определялся расстоянием между созвездиями Стрельца и Близнецов, находящихся на противоположных концах диаметра Вселенной; о периодах обращения планет, которые в соответствии с пифагорейской теорией музыкально-математической гармонии космоса соотносятся как октавы, квинты и кварты; о небесном экваторе, небесном меридиане и горизонте, о видимом наклоне оси к горизонту. Даны в этой работе и определение окружности Солнца, Луны и Земли и их соотношение "согласно опыту, найденному в астрономии Аристарху". Читая труды Михаила Пселла, можно было познаться с теорией равного 175 3200 годам "великого года", т.е. мирового периода, по истечении которого все планеты возвращаются в исходное положение: а именно в 30-й градус созвездия Рака или 1-й градус созвездия Льва, и происходит всемирный потоп; с учением о смене времен года, о наступлении "великой зимы", когда Солнце и планеты оказываются в "зимних созвездиях" (Рыб и Водолея) и может начаться потоп, и "великого лета", когда они появляются в летних созвездиях (Льва), что ведет к засухе.

⁴ Tannery P. Psellus sur les nombres // Memoires scientifiques. 1920. T. 4. P. 269–274; Hussey J.M. Church and Learning in the Byzantine Empire (867–1185). Oxford; L., 1937. P. 74; Vogel K. Op. cit. P. 272; Hunger H. Op. cit. S. 242.

⁵ Tannery P. Psellus sur Diophante // Mémoires scientifiques. 1920. T. 4. P. 275–282; Vogel K. Op. cit. P. 272; История математики... С. 249–250; Hunger H. Op. cit. S. 240.

⁶ Heronis Alexandrini Opera / Ed. J.L. Heiberg. Lipsiae, 1912. Vol. 4. P. 182–200; Dain A. Métrologie byzantine: Calcul de la superficie des terres // Mémoires L. Petit. Bucarest, 1948. P. 56–63; Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 7; Hunger H. Op. cit. S. 239.

⁷ PG. T. 88. Col. 66 A, 80 D.

⁸ Delatte A. Un manuel byzantin de cosmologie et de géographie // Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques. Bruxelles, 1932. 5 série. T. 18. P. 198–199; Кашдан А.П. Социальные и политические взгляды Фотия // Ежегодник музея истории религии и атеизма. 1958. Т. 2. С. 115; Гаеврошин Н.К. Византийская космология в XI веке // Историко-астрономические исследования. М., 1983. Вып. 16. С. 328; Гукова С.Н. К вопросу об источниках карты мира Космы Индикоплова // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1986. С. 62–71.

⁹ PG. T. 103. Col. 69.

¹⁰ PG. T. 122. Col. 785; Delatte A. Un manuel byzantin... P. 198–199, 202; Idem. Anecdota Atheniensia. II. Textes grecs relatifs à l'histoire des sciences // Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège. Liège; P., 1939. Fasc. 88. P. 18; Гаеврошин Н.К. Указ. соч. С. 328, 334–335; Гукова С.Н. Космография в системе византийской науки и образования в XI–XII вв. // Городская культура: Средневековье и начало нового времени. Л., 1986. С. 35–36.

¹¹ PG. T. 94. Col. 862–979; Зубов А.П. Аристотель. М., 1963. С. 204–205; Гаеврошин Н.К. Указ. соч. С. 328.

¹² PG. T. 122. Col. 687–784.

Сам ученый, будучи убежденным сторонником геоцентрической системы мира, свои знания, которые он постарался передать людям, извлекал в основном из книг: сочинений Клавдия Птолемея, Аристотеля и их ранневизантийских комментаторов: Олимпиодора, Прокла, а также обращался к стоической традиции и египетским источникам. Именно их данные он использовал, создавая свои астрономические работы¹³.

Ответы на волновавшие византийцев вопросы можно было найти и в обширной, проникнутой теологической направленностью работе Симеона Сифа "Общий обзор начал естествознания"¹⁴, весьма близкой по характеру и содержанию к трудам Михаила Пселла. В ней, как и в трактате последнего, рассматривались различные аспекты устройства мироздания. Здесь шла речь о вечности космоса; о небесных светилах, их природе и движении; о неподвижных звездах; о беззвездной области, приводящей в движение все остальные сферы в направлении с востока на запад; о небесном экваторе, небесном меридиане и горизонте, видимом наклоне оси мира к горизонту; о причине смены времен года; о форме и размерах Солнца и Луны, о лунных и солнечных затмениях; о расположении имеющей сферическую форму Земли в центре Вселенной и ее размере; о водах, воздухе, огне, облаках, дождях, громах, молнии, о сферах Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна. В "Общем обзоре начал естествознания" читатели имели возможность познакомиться с довольно оригинальной трактовкой движения небесных тел. Симеон Сиф, сторонник геоцентрической системы великого александрийского ученого Клавдия Птолемея, не признавал вращения небесных тел вокруг оси, а придерживался тезиса о их движении за Солнцем, которое является как бы их небесным вождем по велению бога. Как и Михаил Пселл, Симеон Сиф говорит о возникновении испарений вокруг Солнца при его движении, которые были источником зарождения комет. Как и Иоанн Дамаскин, он отвергает теорию древнегреческих мыслителей об одушевленности небесных светил и подчеркивает физический, а не психический характер их движения. Весьма детальные сведения находили в "Общем обзоре начал естествознания" и по вопросу о природе Неба и звезд, где были приведены доказательства образования Неба из четырех элементов, в их наиболее утонченных и совершенных формах, так называемых "цветов элементов", и преобладания в небесных сферах воздушного, а в звездах — огненного начала. Византийцы узнавали из труда Симеона Сифа о бытовании двух точек зрения на характер света звезд: одна утверждала, что они заимствовали свой свет от Солнца, другая отрицала это. Также как и Михаил Пселл, Симеон Сиф критиковал теорию множественности миров и, исходя из теологических соображений, отстаивал положение о существовании одного единственного мира, поскольку божественная сила, по его словам, направлена не на разделение созданного, не на его расчленение на множество частей, а на объединение. В сочинении Симеона Сифа находили ответ и на вопрос о вечности (неуничтожаемости) или конечности мира во времени. По его мнению, мир, как и всякое тело, обладает ограниченной крепостью (прочностью). С телеологической точки зрения был решен в "Общем обзоре начал естествознания" вопрос о пустоте вне космоса. Симеон Сиф отрицал ее наличие на основании того положения, что в природе ничего не создается напрасно. Поэтому он утверждал, что существует только космос управляемый разумом. В работе Симеона Сифа можно было узнать о размере Земли, равном 250 000 стадий, вычисленном, по его словам, геометрическим способом, выяснив причины смены времен года. По его мнению, они являются следствием наклона плоскости эклиптики к плоскости небесного экватора приблизительно на 24 градуса.

Основными источниками сведений по астрономии у Симеона Сифа, как и у Михаила

Пселла, были книги, главным образом, естественнонаучные трактаты Аристотеля, сочинение Клавдия Птолемея и комментарии к ним Прокла¹⁵.

Отличающиеся от господствующих в Византии взглядов ответы на волновавшие ее жителей вопросы о мироздании, воскресении и вечности мира, природе материи и движения, форме, затмении Солнца можно было получить, знакомясь с трактатами Иоанна Итала. Он утверждал, что материя находится в вечном движении и стремится к форме, что без материи нет формы, но нет и материи без формы. С помощью серии доказательств Иоанн Итал приходит к выводу о вечности существования материи, которая пребывает вне времени и является основой всех вещей, и о временном статусе формы, которая постоянно видоизменяется. Отстаивает он и положение о вечности движения, в процессе которого происходят изменения и продуктом которого является само развитие. На основании изложенного видно, что Иоанн Итал высказывал еретическое с точки зрения христианина утверждение о вечности и безначальности мира, которое полностью противоречит церковному догмату о роли творца при создании мира. Одновременно он доказывает и тленность его, пропагандируя, таким образом, теорию безысходной и окончательной гибели мира. Довольно любопытны его рассуждения о причинах солнечного затмения. Хотя он и говорит, что все происходит по воле бога, однако в действительных божественного промысла он видит "не непосредственную причину, а опосредствованную другими от него возникавшими силами". Подлинной же причиной данного явления, по его словам, является встреча Солнца с Луной, которая, превращаясь в спутник дневного светила, затемняет его. Аргументы для доказательства истинности своих выводов Иоанн Итал черпал из трудов античных мыслителей и в первую очередь Аристотеля¹⁶.

С интересной, довольно оригинальной концепцией строения вселенной византийцы могли познакомиться, знакомясь с космографическим сочинением Евстратия Никейского¹⁷ (около 1050–1120), ученика Иоанна Итала, автора ряда богословских произведений, приближенного советника Алексея I Комнина и даже официального теолога при императоре¹⁸. По своему содержанию и кругу разбираемых вопросов оно во многом аналогично рассмотренным выше трактатам Михаила Пселла и Симеона Сифа. В нем также идет речь о форме и размере вселенной; о движении небесных светил и их природе; о количестве сфер неба; о планетах и зодиакальных созвездиях; о размере и местоположении Земли; об атмосферных явлениях, происхождении дождя, снега, града, грома, молнии и т.д. Евстратий Никейский, как и другие византийские ученые, сторонник геоцентрической системы мира и отвергает теорию, высказанную ионийцами, о существовании множества миров. Характеристика субстанции вселенной дана в полном соответствии с учением Аристотеля, разработанным им в работе "О возникновении и уничтожении". Как и другие византийские ученые, Евстратий Никейский считает, что космос построен из четырех элементов, расположенных концентрическими пластами согласно своему весу: земля, вода, воздух, огонь. Каждый из них характеризуется двумя качествами: огонь — сух и горяч, воздух — тепл и влажен, вода — влажна и холодна, земля — холодна и суха. Сходство одного из свойств является основой превращения простых тел. Вместе с тем в работе Евстратия Никейского читатели встречали несколько отличное от общепринятого высказывание о форме вселенной.

¹⁵ Delatte A. Anecdota ... P. 22, 33–37, 39, 42–43, 46, 48, 49, 52–59; Hunger H. Op. cit. S. 241; Само-дурова З.Г. Указ. соч. С. 305–306.

¹⁶ Иоанн Итал. Сочинения / Греч. текст с вариантами и примеч. публ. по материалам Г.Ф. Церетели, ред. и предисл. Н.Н. Кечакмадзе. Тбилиси, 1966. С. 77–78, 188–197, 131; Joannou P. Die Definition des Seins bei Eustratios von Nikaia (1117): Der Nominalismus und die menschliche Psychologie Christi // BZ. 1954. Bd. 47. S. 361; Кечакмадзе Н.Н. Из истории общественной мысли Византии в XI в. // ВВ. 1969. Т. 29. С. 170–176.

¹⁷ Polesso-Schiavon P. Un trattato inedito di meteorologia di Eustrazio di Nicea // RSBN. 1965–1966. Vol. 2–3. P. 290–304.

¹⁸ Dräseke J. Zu Eustratios von Nikaia // BZ. 1896. Bd. 5 S. 336; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 306.

¹³ Boll F. Psellos und das "grosse Jahr" // BZ. 1898. Bd. 7. S. 599–602; Tannery P. Psellus sur la grande année // Mémoires scientifiques. 1920. T. 4. P. 261–268; Vogel K. Op. cit. P. 272; Hunger H. Op. cit. S. 240–241; Гаеврошин Н.К. Указ. соч. С. 330–336.

¹⁴ PG. T. 122. Col. 783–810; Delatte A. Anecdota... P. 17–87.

По его словам, она представляет собой яйцо, где желток олицетворяет Землю, имеющую овальную форму, белок — воздух, ее окружающий, оболочка и скорлупа небесные сферы. Оригинальное объяснение дано им и стабильности и равновесию Земли. Он отвергает основанные на утверждениях Давида и Соломона обе библейские версии: и то, что Земля покоится на водах, и то, что она опирается на семь столпов. По его мнению, Земля подобно перу парит в воздухе, поддерживаемая только божественным промыслом, а вращательные движения неба, планет и самой Земли обеспечивают объединение ее частей и удерживают ее в центре вселенной. Наблюдается расхождение между Евстратием Никейским и другими византийскими учеными в вопросе о числе небесных сфер. Если Михаил Пселл и Симсон Сиф насчитывают их 7, то первый говорит о 9. Приведенное Евстратием Никейским определение расстояния от земли до неба, равное 27 375 000 стадий, ни у кого из названных ученых не упоминалось. Отмеченные выше отличия свидетельствуют о привлечении Евстратием Никейским при создании своего труда наряду с традиционными источниками: естественнонаучными трактатами Аристотеля и сочинением Клавдия Птолемея — других памятников: произведений Эмпидокла, стоиков и других мыслителей древности¹⁹.

Можно предположить, что византийцам была известна не только геоцентрическая система Клавдия Птолемея, но и гелиоцентрическая система Аристарха Самосского, согласно которой не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля — вокруг Солнца. Свидетельством знакомства византийцев с последней концепцией служит речь, произнесенная Михаилом Италиком в 1143 г. по случаю коронации Мануила I Комнина, которого он сравнивает с Солнцем, находящимся в центре вселенной²⁰.

Глубокие корни в общественное сознание византийцев пустила астрология. Хотя многие из них признавали ее лженаукой, а церковь вела с ней ожесточенную, непримиримую борьбу, тем не менее эта отрасль знания и ее адепты пользовались в империи огромным авторитетом. К ним обращались за советом и василевсы, и претенденты на престол, и другие государственные деятели. Задавленные нуждой народные массы также стремились получить помощь у астрологов, ибо полагали, что последние могут рассказать им об ожидаемой их участи. Тем самым они могут избежать бедствий и несчастий, которые им предрекали звезды.

Убежденность средневекового человека в зависимость всех земных событий и дел от того или иного расположения небесных тел зиждилась на бесспорном факте воздействия Солнца на органический мир, а Луны — на течение таких болезней как сомнамбулизм и эпилепсия, на морские приливы и отливы. Вера византийцев в влияние звезд на судьбы народов, государств, отдельных людей, их поступки и исход предпринимаемых дел, в нерасторжимую связь между человеком и окружающей его вселенной, представлявшей им как единое целое, заставляла их как можно больше узнать о положении небесных светил: неподвижных звезд, зодиакальных созвездий, комет, Солнца, Луны и планет²¹.

В Византии существовало несколько систем культа звезд. Согласно одной главную роль играли Солнце, Луна и пять планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн), а согласно другой — зодиакальные созвездия. По учению астрологов эти небесные светила излучали силы, которые роковым образом действовали на человека или даже

на целые группы людей и государств. Наибольшей популярностью пользовалась планетная астрология. По взглядам приверженцев этой системы Солнце, Луна и пять планет были самыми могущественными, обладали большой властью над душами людей, считались "истолкователями судьбы". Им соответствовали 7 дней недели, 7 металлов (серебро, ртуть, медь, золото, железо, олово, свинец), 7 минералов, 7 видов растений, столько же видов животных, 7 возрастов человека, 7 гласных букв греческого алфавита, 7 музыкальных тонов (интервалов), 7 цветов и т.д. Каждый из них был присвоен определенной планете. Поклонники зодиакальной астрологии доказывали, что именно созвездия зодиака управляли судьбами различных народов, городов, государств²².

Основным способом предсказания будущего было составление гороскопов. Это требовало определенного минимума знаний по математике и астрономии, а также умения пользоваться астрономическими приборами и прежде всего астрольбией, поскольку необходимо было определить место небесных светил на эклиптике, в зодиакальном круге и на горизонте, измерить расстояние между ними и производить довольно сложные вычисления²³.

Свои знания по астрологии византийцы могли почерпнуть из трудов, посвященных этой проблематике. Однако у нас мало сведений о произведениях, появившихся в рассматриваемый период, в которых разрабатывались бы вопросы данной дисциплины. В некоторых рукописях автором ряда астрологических сочинений о движении Луны, бронтология и сейсмология назван Лев Математик. Вероятно, византийцы были знакомы с указанными работами Льва Математика, ибо в XII в. Мануил I Комнин ссылается на его авторитет для подтверждения истинности доктрины астрологов²⁴.

В XII столетии Иоанном Каматиром были составлены две астрологические поэмы "О круге зодиака" и "Введение в астрономию", посвященные Мануилу I Комнину. В обоих произведениях идет речь о 12 знаках зодиака, планетах, неподвижных звездах, методах составления гороскопа, важнейших принципах астрологии²⁵.

С основами данной дисциплины можно было познакомиться и по анонимной посвященной севастократориссе Ирине астрологической поэме, автором которой в настоящее время признают Константина Манасси. По своему содержанию она весьма близка к работам Иоанна Каматира. В ней, так же как и в них, рассказывается о знаках зодиака, положении звезд, свойствах и отношениях планет²⁶.

Однако основными источниками сведений по астрологии оставались созданные в предшествующие столетия труды Клавдия Птолемея ("Четверокнижие"), Павла Александрийского ("Введение в астрономию"), Гестияна Фиванского, Риторио Иоанна Лиды. О знакомстве византийцев с упомянутыми произведениями свидетельствуют, во-первых, использование их византийскими авторами при создании своих трудов, а, во-вторых, наличие их в составе библиотек ученых. Как известно, Лев Математик был владельцем рукописи с сочинением Павла Александрийского и посвятивший ему два гексаметра. В них он восхваляет его как знатока звезд и говорит, что именно он помог ему постичь тайны искусства предсказания²⁷.

Большое внимание византийцы проявляли к физическим явлениям, особенно таким грозным как землетрясение, молнии, гром. Интересовали их и вопросы о мат

²² Vogel K. Op. cit. P. 296–297.

²³ Гукова С.Н. Космография ... С. 39; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 308; Чекалова А.А. Указ. соч. С. 604–605; Поляковская М.А., Чекалова А.А. Указ. соч. С. 169–170.

²⁴ Hunger H. Op. cit. S. 242.

²⁵ Johannes Kamateros *Εβδομήκοντα ἀστρονομία* : Ein Kompendium griechischer Astronomie und Astrologie, Meteorologie und Ethnographie in politischen Versen / Ed. L. Weigl. Lipsiae; B., 1908; Шагин М.А. Ямбическая поэма Иоанна Каматира "О круге Зодиака" по академической рукописи // Известия АН СССР. 1927. 6-я сер. Т. 21. С. 425–432; Hunger H. Op. cit. S. 242; Гаврюшин Н. Указ. соч. С. 336; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 310.

²⁶ Hunger H. Op. cit. S. 242–243; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 310–311.

²⁷ Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры (VIII — первая половина IX в.). М.; Л., 1961. С. 356; Lemerle P. Op. cit. P. 171; Hunger H. Op. cit. S. 239, 242; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 309–310.

¹⁹ Delatte A. Un manuel byzantin ... P. 189–222; Гукова С.Н. Развитие космографических идей в Византии: Проблемы источниковедения: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 11, 77–81, 92–101, 106–110, 158; Она же. Космография... С. 36–38; Она же. Космографический трактат Евстратия Никейского // ВВ. 1986. Т. 47. С. 145–156; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 306–307.

²⁰ Wirth P. Zur Kenntnis heliosatellitischer Planetentheorien im griechischen Mittelalter // Historische Zeitschrift. 1971. Bd. 212. S. 363–366; Hunger H. Op. cit. S. 242; Гукова С.Н. Космография... С. 36; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 307.

²¹ Скабаланович Н. Византийская наука и школы в XI веке // Христианское чтение. 1884. № 4. С. 765–766; Гукова С.Н. Космография... С. 39–40; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 307; Чекалова А.А. Быт и нравы // Культура Византии: Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 604–608; Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: Быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 169–170.

рии, движении, времени, субстанции Неба и Земли, падающих звезд, блуждающих огнях, термальных водах, цвете, эхо, пяти чувствах, дожде, граде, радуге²⁸. Ответы на них они могли получить, знакомясь с произведениями своих современников византийских ученых: Иоанна Дамаскина, патриарха Фотия, Михаила Пселла, Симеона Сифа, Евстратия Никейского, которые не только описывали то или иное явление, но и стремились дать ему объяснение.

Каждый из названных авторов в своих трактатах затрагивал проблему землетрясений, которые занимали почти всех представителей византийского общества, так как они наносили страшный урон стране, расположенной в активной тектонической зоне. Изложение причин их возникновения можно было найти и у патриарха Фотия, и в "Всеобщем наставлении" Михаила Пселла и его монодии, написанной для утешения пострадавших от землетрясения в сентябре 1063 г., и в "Общем обзоре начал естествознания" Симеона Сифа, и в трактате и учебнике по космологии и географии Евстратия Никейского. Отвергая ортодоксальный взгляд на землетрясение как на наказание богом человечества за грехи, они стремились объяснить его естественными причинами: избытком воды (патриарх Фотий) или воздуха (Михаил Пселл, Симеон Сиф, Евстратий Никейский) в недрах земли. Правда, будучи людьми своего времени, они утверждали, что без божественного позволения в природе ничего не происходит²⁹.

О другом, столь же живо волновавшем византийцев явлении, а именно, о термальных водах и их происхождении, они могли прочитать в "Источнике знания" Иоанна Дамаскина и в трактате и учебнике по космологии и географии Евстратия Никейского. Оба ученых смотрят на этот феномен не сквозь призму ортодоксального представления, согласно которому источником горячей воды является ад, а считают что нагревание воды — это результат, по Иоанну Дамаскину, воздействия на нее высокого давления, выталкивающего ее на поверхность через узкие щели, а по Евстратию Никейскому, соседства водяных и огненных жил, пронизывающих тело земли и доводящих воду текущую в первых до кипения³⁰.

С взглядами, отличными от библейской концепции последовательности сотворения мира, византийцы встречались в трудах Михаила Пселла и Евстратия Никейского. Первый полагал, что в начале было создано Небо, как наилучшее из тел, содержащее в себе все остальное. Второй считал, что в начале существовал только пространство, заполненное воздухом, застывшим и неподвижным, затем образовалась вода, после земли и последним появился огонь³¹.

Не меньше интересовались в Византии и причиной различия вкуса речной и морской воды и солёности последней. На этот вопрос можно было получить ответ в сочинениях Симеона Сифа и Михаила Пселла. Первый считал это следствием постоянных, происходящих с поверхности моря испарений, которые делают ее более плотной и ведут к приобретению ею солёного вкуса. Одновременно он указывал и на вмешательство божественного промысла, по воле которого вода, становясь солёной, не подвергается гниению и не издает зловония. Последний на основании собственных наблюдений объяснял это большой плотностью и насыщенностью морской воды по сравнению с речной³².

²⁸ Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 312.

²⁹ *Theoph. Cont.* P. 673; PG. T. 122. Col. 765 A–B, 792–793; *Delatte A.* Un manuel byzantin... P. 219–221; *Eicken H.* Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart; B., 1913. S. 613; *Hussey J.M.* Op. cit. P. 81; *Vogel K.* Op. cit. P. 281; *Gautier P.* Monodies inédites de Michel Psellos // *REV.* T. 36. P. 145–151; *Гукова С.Н.* Развитие космографических идей... С. 71, 79–81, 92–94, 98–101, 107; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 314.

³⁰ *Delatte A.* Un manuel byzantin... P. 217–219; *Гукова С.Н.* Развитие космографических идей... С. 106; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 312, 314.

³¹ PG. T. 122. Col. 740–741; *Delatte A.* Un manuel byzantin... P. 190, 193–194; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 315.

³² *Delatte A.* Anecdota... P. 27; PG. T. 122. Col. 789 C–D, 765, 768–769; *Wilson N.G.* Scholars of Byzantium. Baltimore, 1983. P. 158; *Гукова С.Н.* Космография... С. 32; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 315.

Устрашающему с древних времен человека феномену природы грозе, византийцы находили истолкование в сочинениях Михаила Пселла и Симеона Сифа. Отказываясь рассматривать удары грома и вспышки молний как наказание, ниспосланное богом за грехи людей, они пытались вскрыть естественные причины данного явления. Очень интересно они решали вопрос, почему при грозах человек видит сначала свет, а спустя некоторое время слышит звук. Михаил Пселл объясняет это формой органов чувств, воспринимающих свет и звук, т.е. глаза и уха. Поскольку первый имеет выпуклую форму, второе — полое, глаз улавливает свет раньше, чем ухо — звук. Симеон же Сиф высказывает предположение о зависимости распространения света и звука от времени. Если для последнего, утверждал он, требуется определенный срок, то свет в этом не нуждается³³.

Сами византийские ученые сведения о тех или иных физических явлениях заимствовали из книг, поскольку главным критерием истинного знания оставался не опыт, не собственные наблюдения за природой, а метафизические представления. Понятие об эксперименте и физическом законе им было чуждо. Все спорные вопросы они решали умозрительно. Основным источником знаний об окружающем мире была не сама природа, а труды древнегреческих мыслителей и прежде всего естественнонаучные трактаты Аристотеля ("Физика", "О возникновении и уничтожении", "О небе", "Метеорология" и др.) и его позднеантичных и ранневизантийских комментаторов: Олимпиодора, Прокла, Иоанна Филопона и т.д.

С учениями античных мыслителей о природе можно было познакомиться также, читая работу ипата философов Феодороа из Смирны "Эпитома собранного древними о природе и физических элементах", представляющую собой комментарий или точнее парафразу "Физики" Аристотеля с кратким изложением взглядов и других древнегреческих авторов по данной тематике³⁴.

Сведения, важные для жизнедеятельности человека и ведения хозяйства, а также об отдельных видах животных и растений, их отличительных особенностях, занимательные рассказы о флоре и фауне, о монстрах, обитающих в экзотических странах и другие аналогичные сообщения византийцы находили на страницах биологических работ, появившихся в это время. Правда, до нас дошло довольно мало произведений, из которых они черпали свои знания по зоологии и ботанике, но и по сохранившимся памятникам можно судить об общем типе их. Это в основном компиляции, составленные из выдержек из античных и ранневизантийских трудов по данной проблематике, с включением в них собственных наблюдений и советов современников о необходимости применения отдельных новшеств в хозяйстве³⁵.

Одной из таких работ было написанное при Константине VII Багрянородном сочинение "Собрание историй о сухопутных животных, птицах и морских (рыбах)", состоящее из четырех книг. Читатели его знакомились с разными системами классификации животных и способами их размножения, с описанием различных млекопитающих, с рассказами о человеке, прежде всего об экзотических расах и племенах, и сведениями о рыбах и птицах. По своему характеру это была коллекция эксерптов из естественнонаучных сочинений Аристотеля, прежде всего "Истории животных" в изложении александрийского ученого Аристофана Византийского, из произведений Элиана, Агафархида Книдского, Диодора, Филосторгия, Тимофея Газского, "Шестоднева" Василия Великого³⁶.

Информацию о фауне Индии, Аравии, Египта, Ливии можно было получить из ано-

³³ *Delatte A.* Anecdota... P. 31; *Hussey J.M.* Op. cit. P. 81; *Vogel K.* Op. cit. P. 284; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 315.

³⁴ *Hunger H., Kresten O.* Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. W., 1984. T. 3/2. Codices Theologici 101–200. S. 129; *Wilson N.G.* Op. cit. P. 180.

³⁵ *Vogel K.* Op. cit. P. 284–286; *Hunger H.* Op. cit. S. 263; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 318–319.

³⁶ *Зубов А.П.* Аристотель... С. 202–203; *Vogel K.* Op. cit. P. 284; *Hunger H.* Op. cit. S. 265–266; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 319.

нимной работы XI в., состоящей в основном из выписок из сочинения Тимофея Газского³⁷. Данные по зоологии и ботанике византийцы имели возможность черпать из "Всеобщего наставления" Михаила Пселла, уделявшего большое внимание данной проблематике³⁸.

Сведения практического характера о злаках, овощах, винограде, фруктовых деревьях, об уходе за ними, мелком и крупном рогатом скоте, собаках, дичи, рыбах, вредных и ядовитых насекомых и пресмыкающихся встречались в своеобразном памятнике, чрезвычайно богатом сообщениями по агрокультуре и сельскохозяйственной практике "Геопониках". Они представляли собой собрание извлечений из трудов античных и ранневизантийских авторов: Арата из Сол, Аристотеля, Феофраста, Варрона, Катона, Колумеллы, Палладия, Диоскорида, Демокрита, Памфила, Диофанта из Никеи Вифинской, Секста Юлия Африкана, Флорентина, Апулея, Тарентина, Валента, Леонтия, Фронтонна, Паксама, Дамигеронта, Дидима Александрийского, братьев Гордиана и Максима Квинтилиев, Виндания Анатолия, Сотиона, Кассиана Баса и других римских и греческих писателей. Примечательная особенность "Геопоник", способствующая их широкой популярности, заключалась в том, что в них был включен не только материал из античных трудов по агрокультуре, но и наблюдения самого их составителя, хорошо знавшего приемы современной ему агротехники, и описание достигнутых им в результате практических занятий сельским хозяйством успехов и внедренных им новшеств, которые стали повсеместно использоваться в Византии³⁹.

Особое место в жизни каждого жителя империи занимала медицина. Ею интересовались все. Познания в этой области были широко распространены. Многие представители образованной элиты хорошо разбирались в медицинских вопросах, были осведомлены в симптомах различных заболеваний, могли поставить диагноз и даже назначить курс лечения. Весьма сведущими в медицине были патриарх Фотий, Михаил Пселл, Анна Комнина и другие⁴⁰.

Определенным минимумом знаний обладали Кекавмен, Феодор Продром, Евстратий Никейский, многие византийские военачальники, старавшиеся соблюдать установленные правила санитарии и гигиены в подчиненном им войске, а также значительное число аристократов, пытавшихся с помощью медицинских рекомендаций по приготовлению дорогих косметических средств сохранить свою молодость и красоту⁴¹.

Свои познания в этой области византийцы могли приобрести в процессе чтения и изучения многочисленных медицинских трактатов, широко распространенных в Византии, в большинстве своем анонимных. Некоторые из них были приписаны видным византийским врачам. Содержание их весьма разнообразно. В одних давались наставления по изготовлению лекарственных препаратов. В других встречались диетические предписания, очень детально описывающие особенности и свойства пищи и указывающие, какую пищу следует употреблять в каждом месяце, а от какой необходимо воздерживаться, а также советы по ее приготовлению. Третьи были посвящены разработке

методов лечения той или иной болезни, вопросам симптоматики и диагностики по крови и моче и кровопускания.

Много для себя полезного находили византийцы в рецептах, включенных в большое число рукописей. В них характеризовались растительные и животные продукты питания, которые надо было принимать в определенное время года и для лечения различных видов болезней. Из рецептов византийцы извлекали наставления относительно лекарств, прием которых был обязателен при том или ином заболевании. Хотя основным источником знания по фармакологии были предписания, полученные от античности, тем не менее византийские медики постоянно пополняли их лечебными средствами, употребляемыми в Аравии, Иране, Галлии, Италии, Иллирике, Армении, Сирии, Финикии, Ливане, Эфиопии, Египте, Индии⁴².

Диетические предписания византийцы находили в сочинениях Феофана Нонна "О диете", Михаила Пселла под тем же названием, Симеона Сифа "Синтагма о свойствах продуктов питания", поэтическом произведении Николая Калликла, в поэме Феодора Продрома, труде Иерофила "О различной пище для каждого месяца и ее употреблении", в анонимных стихотворениях под общим заглавием "О 12 месяцах", в анонимном медицинском трактате, дошедшем до нас в списке XIV в. Их составители советовали своим пациентам соблюдать умеренность в еде и питье, придерживаться определенного режима принятия пищи, давали характеристику продуктам питания, их целебным свойствам. Основным источником, к которому непосредственно, а скорее всего опосредствованно восходили перечисленные работы было сочинение Гиппократ "О диете"⁴³.

Медицинские трактаты, принадлежавшие перу известных ученых, служили ценным источником, содержащим сообщения о болезнях головы, глаз, уха, горла, носа, пищевода, мочевых и половых органов, лихорадке и т.д.

Современник императора Феофила Лев иатрософист, составивший компиляцию "Общий обзор медицины" из семи книг, познакомил своих соотечественников с весьма кратким описанием различных заболеваний, их симптоматикой, причинами возникновения и методами лечения их. По своему содержанию это довольно скудная эпитома, в которой только иногда упоминаются Гиппократ и Гален⁴⁴.

Из созданной Феофаном Нонном по приказу Константина VII Багрянородного медицинской энциклопедии, основывающейся на "Синописе" Оривасия и энциклопедии из произведений ранневизантийских врачей Азия из Амиды, Александра из Тралл и Павла Эгинского, византийцы черпали в основном сведения о приготовлении лекарств как в домашних условиях, так и профессионалами⁴⁵.

Об острых и хронических заболеваниях византийцы узнавали, знакомясь с трактатом врача при ксенодохии Мирелайоне кувуклисия Романа, который для написания своего труда использовал не только письменные источники, но и собственные наблюдения, накопленные им в процессе лечения пациентов. Сведения об уходе и лечении беременных женщин и эмбрионов, о семи-, восьми-, девяти- и десятимесячных детях можно было извлечь из краткого компендия XI в. некоего Дамнаста⁴⁶.

³⁷ *Hunger H.* Op. cit. S. 265–266; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 319–320.

³⁸ *Vogel K.* Op. cit. P. 286; *Hunger H.* Op. cit. P. 240.

³⁹ Геопоника: Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер. с греч. и коммент. Е.Э. Липшица. М.; Л., 1960. *Липшиц Е.Э.* Указ. соч. С. 63–64; *Vogel K.* Op. cit. P. 286; *Lemerle P.* Op. cit. P. 288–291; *Hunger H.* Op. cit. S. 273–274.

⁴⁰ *Mich. Ps.* II. P. 31–33, 129–131; *Ann. Conn.* III. P. 230–239; *Buckler G.* Byzantine Education // *Byzantium: An Introduction to East Roman Civilization* / Ed. N.H. Baynes, H. St. Moss. Oxford, 1948. P. 206–207; *Guillard R.* La vie scolaire à Byzance // *Bulletin de l'association G. Budé.* 1953. 3 sér. N 1 (Mars). P. 76; *Browning R.* Byzantine Scholarship // *PP.* 1964. N 28. P. 9; *Vogel K.* Op. cit. P. 290; *Анна Комнина.* Александрия / Вступ. ст., пер., коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965. С. 426–432; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 322–324.

⁴¹ *Mich. Ps.* I. P. 148–149; II. P. 49; *Delatte A.* Un manuel byzantin... P. 217–219; *Vogel K.* Op. cit. P. 290, 293; *Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г.Г. Литаврина. М., 1972. С. 224–226, 481; Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. С. 94, 135–136; Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я.Н. Любарского. М., 1978. С. 87–88, 118.*

⁴² *Vogel K.* Op. cit. P. 293; *Hunger H.* Op. cit. S. 309; *Литаврин Г.Г.* Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII. 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // *ВВ.* 1971. Т. 31. С. 256, 262–292; *Самодурова З.Г.* Указ. соч. С. 326.

⁴³ *Physici et medici graeci minores / Congessit... I.L. Ideler.* Lipsiae, 1841–1842. Bd. I. P. 193, 203–243, 409–420; II P. 257–281, 283–285; *Cohn L.* Bemerkungen zu den Konstantinischen Sammelwerken // *BZ.* 1900. Bd. 9. S. 154–160; *Delatte A.* Anecdota... P. 456–499, 339–361; *Vogel K.* Op. cit. P. 293; *Lemerle P.* Op. cit. P. 296; *Hunger H.* Op. cit. S. 305, 309–310; *Литаврин Г.Г.* Трактат... С. 257–258, 260–264, 276; *Книга античности и Возрождения о временах года и здоровье / Вступ. ст. В.Н. Терновского и Ю.Ф. Шульца. Сост. и коммент. Ю.Ф. Шульца. М., 1971. С. 9, 12, 36–48; Самодурова З.Г. Указ. соч. С. 325, 329–330.*

⁴⁴ *Hunger H.* Op. cit. S. 305.

⁴⁵ *Cohn L.* Op. cit. P. 154–160; *Vogel K.* Op. cit. P. 290, 294; *Lemerle P.* Op. cit. P. 296.

⁴⁶ *Vogel K.* Op. cit. P. 290; *Hunger H.* Op. cit. S. 307, 310.

Михаил Пселл в трактате "О бане" показал своим современникам значение водных процедур для здоровья человека и одновременно предостерег их от чрезмерного увлечения ими. Описание чесотки, ее симптомов и методов лечения византийцы имели возможность прочитать в ряде его юмористических стихотворениях. Множество специальных терминов узнавали они после знакомства с его работой, озаглавленной "О новых названиях болезней". Сведения по медицине и физиологии можно было обнаружить в его обширном труде "Всеобщее наставление"⁴⁷.

Интересную информацию о различных видах внутренних и наружных болезней, методах их лечения, приготовлении лекарственных препаратов, об общей гигиене, гигиене беременной женщины и новорожденного, гигиене питания, применении византийскими врачами своего рода общего и местного наркоза византийцы извлекали из анонимного медицинского трактата в списке XIV в. По словам его издателя Г.Г. Литаврина, это была своеобразная медицинская энциклопедия, имеющая практическое назначение, будучи руководством для лечащего врача⁴⁸.

Как и в других областях знания, рассмотренных выше, византийские медики при создании своих работ опирались прежде всего на античную и ранневизантийскую традиции, а также на свой собственный опыт и использовали восточную медицинскую литературу⁴⁹.

Итак, изучение математических и естественнонаучных трактатов, появившихся в Византии IX—XII вв., показало, что они действительно являлись одним из важнейших источников сведений о вселенной. В них содержался богатый материал, описывающий различные физические явления и объясняющий причины их возникновения. Они были своего рода энциклопедиями, в которых затрагивались и разрешались самые разнообразные проблемы. Читая их, можно было получить ответы, почти на все волновавшие византийцев вопросы о природе.

Свои познания об окружающем мире, который согласно христианскому учению, господствующему в обществе, был творением бога, а все явления — действием божественного промысла, византийские ученые черпали из книг. Именно опираясь на книжное знание, а не на собственные наблюдения, не на личный опыт и не на эксперимент, о котором в Византии не имели понятия, они создавали свои труды по естествознанию и математике. При этом главным источником при их написании были произведения древнегреческих мыслителей, прежде всего сочинения Аристотеля, считавшиеся непререкаемым авторитетом и объявленные вне критики⁵⁰, и их ранневизантийских комментаторов. Правда, не всегда византийские ученые могли использовать оригинальные трактаты древнегреческих мыслителей, нередко им приходилось обращаться к ним опосредствованно, опираясь на парафразы, либо на их переложения, появившиеся в большом количестве в эллинистическую и более поздние эпохи.

Содержание работ византийских ученых свидетельствует о хорошей осведомленности их в античной основе. При этом византийцы не сомневались в ценности и значимости естественнонаучных знаний, приобретенных в предшествующие столетия. Единственно они стремились согласовать их с догматами христианского вероучения. Из значительного числа научных теорий, существовавших в древности и пытавшихся объяснить устройство вселенной и закономерности развития окружающего мира, византийские ученые, как правило, воспринимали лишь ту концепцию, которая не противоречила христианской доктрине и не была отвергнута отцами церкви. При усвоении

классического наследия они старались привести его в соответствие со своим религиозным мировоззрением.

Однако византийцы не удовлетворялись пассивным усвоением достижений языческой науки. Они стремились применить их на практике. Насущные потребности повседневной жизни заставляли их заниматься и самостоятельными исследованиями, имевшими, как правило, научно-практический характер в области физики, механики, математики астрономии, химии, медицины, агрономии. Их они проводили на базе знаний, полученных от античности. Конечные результаты этих изысканий помогали решению встававших перед ними задач. Правда, чаще всего византийцы ограничивались простым наблюдением и описанием того, что они видели, впоследствии включая это в свои труды. Поэтому вряд ли возможно говорить о простом копировании античных трактатов византийскими учеными. Они не только использовали их как основу, но и дополняли их своими наблюдениями и открытиями, переосмысливая унаследованное от античности в духе нового религиозного мировоззрения, т.е. они создавали качественно новые по сравнению с древними труды, в которых свободно сочетали античную основу с своими наблюдениями и новым христианским мирозерцанием.

(Окончание следует)

⁴⁷ *Ideler I.L.* *Physici et medici...* I. P. 193, 203—243; II. P. 257—281; *Renauld E.* *Quelques termes médicaux de Psellos* // REG. 1909. T. 22. P. 251—256; *Vogel K.* *Op. cit.* P. 290; *Hunger H.* *Op. cit.* S. 307—308.

⁴⁸ *Литаврин Г.Г.* *Трактат...* С. 249—301.

⁴⁹ *Harig G.* *Von den arabischen Quellen des Symeon Seth* // *Medizinhistorical Journal* 1967. Vol. 2. P. 248—268.

⁵⁰ *Сюзюмов М.Я.* *Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (В порядке дискуссии)* // ВВ. 1969. Т. 29. С. 43.

В.М. ЛУРЬЕ

"ПОВЕСТВОВАНИЕ ОТЦОВ ИОАННА И СОФРОНИЯ" (ВНГ 1438w) КАК ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Текст "Повествования" был введен в научный оборот кардиналом Ж.-Б. Питрой¹, после чего не выходил из поля зрения литургистов². Критическое издание полного текста вместе с первым его последовательным историко-литургическим анализом опубликовала А. Лонго³, хотя уже в "Толковом Типиконе" М.Н. Скабаллановича систематически привлекается его материал. Рассказу уделил большое внимание Н.Д. Успенский⁴, выводы которого поддержал О.М. Арранц⁵, до сих пор числящийся рассказ в ряду важнейших свидетельств по истории монашеского бдения⁶.

Исследователи отдавали себе отчет, что посещение Иоанном и Софронием отшельника Нила на Синайской горе — скорее всего, анахронизм, сталкивающий рассказчиков "Луга духовного" (начала VII в.) со св. Нилом Синайским (ум. в 430 г.), но обычно соглашались считать текст достаточно ранним, не позднее VII в. Впрочем, строгая датировка пока существует лишь для *terminus ante quem* non — VI в.⁷ Никаких данных

¹ Pitra I.B. *Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*. Roma, 1864. Т. 1. P. 220–221. Издан отрывок по неизвестной рукописи.

² В частности см.: Christ W., *Paranikas M. Anthologia Graeca carminum christianorum*. Lipsia, 1871. P. XXX–XXXI; Bouvy E. *Poètes et mélodes: Etude sur les origines du rythme tonique dans l'hymnographie de l'Eglise grecque*. Nîmes, 1886. P. 241–244; Bäumer S. *Geschichte des Breviers*. Freiburg im Breisgau, 1895. S. 120; Архiep. Сергей. *Полный месяцеслов Востока*. Владимир, 1901. Т. 1. С. 198–199; Скабалланович М.Н. *Толковый типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением*. Киев, 1910. Вып. 1. С. 327–332 (Далее: ТТ. с указ. вып.). 1913. Вып. 2; Кекелидзе К.С. *Иерусалимский канонарь VII в. (Грузинская версия)*. Тифлис, 1912. С. 23–24 (Далее: Кекелидзе); Raes A. *Introductio in Liturgiam Orientalem*. Rom, 1947. P. 186–190; Schneider H. *Die biblischen Oden seit dem 6. Jh.* // *Biblica*. 1949. Т. 30. P. 259–261 (мне недоступно). См. ниже продолжение.

³ Longo A. *Il testo integrale della "Narrazione degli Abati Giovanni e Sofronio" attraverso le "Επιτηδεῖαι" di Nicone* // *RBM*. 1965/1966. An. 12/13 (N.S. 2/3). P. 223–267. Текст на с. 251–267, сквозная нумерация строк. Ниже: Л, с номером строки текста или стр. вступ. ст. (в последнем случае ставим "С."). Интерпретацию А. Лонго в основном принимают: Leeb H. *Die Gesänge im Gemeindegottesdienst von Jerusalem (vom 5. bis 8. Jh.)*. Wien, 1970. S. 148 (Далее: Leeb); Taft R. *The Liturgy of the Hours in East and West: The Origins of the Divine Office and its Meaning for Today*. Collegeville (MN.), 1986. P. 198–200, 224, 274–275 (Далее: Taft). Последний допускает сомнение в том, что литургический материал, весь или частично, одинаково древний с остальным текстом (P. 199).

⁴ Успенский Н.Д. *Чин Всенощного бдения (ἡ ἀγρυπνία) на Православном Востоке и в Русской церкви* // *Богослов. тр. М.*, 1978. Сб. 18. С. 38–42.

⁵ Arranz M. *L'office de la veillée nocturne dans l'Eglise grecque et dans l'Eglise russe: Nikolai Dmitrievitch Uspensky, "Чин Всенощного бдения в Греческой и Русской Церкви"*. Leningrad, 1949; *Manuscrit de la Bibliothèque de l'Académie Ecclesiastique de Leningrad* // *OCP*. 1976. Vol. 42. P. 138.

⁶ Arranz M., Parenti S. *Liturgia patristica orientale: Tracce per uno studio sistematico* // *Complementi interdisciplinari di Patrologia / A. Quasquarrelli*. Roma, 1989. P. 624.

⁷ Установлен А. Лонго по упоминанию Херувимской и выражения "делать из церкви или келлии театральные подмостки", которое она считает цитатой из "Жития св. Евфимия" св. Кирилла Скифопольского (Л. С. 263), но мы не исключаем, что это поговорка.

о возможности отнести текст к *membra disiecta* "Луга духовного" не имеется⁸. Поэтому естественным нижним пределом датировки остается начало XI в., т.к. при Константине X Дуке (1059–1067) преп. Никон Черногорец включил повесть в Слово 29 своих "Пандектов"; греческие рукописи повести восходят к XIII в. и все связаны с "Пандектами". В этих условиях особое значение приобретают средневековые переводы "Пандектов"⁹, которые А. Лонго не учитывала, а мы будем учитывать опубликованный славянский¹⁰. Мы весьма сожалеем о недоступности для нас неизданного арабского перевода, так как именно литургическая терминология особенно плохо выдерживает перемены культурной среды и требует особенно широкой текстологической базы.

По содержанию рассказ тесно связан с *arophthegmata patrum* об опасности пения в монашеском богослужении¹¹. Историю текста "Путешествия" в связи с апофтегмами мы надеемся рассмотреть в отдельной работе. Историко-литургический анализ позволяет датировать текст независимо от "апофтегмологии" и гораздо точнее.

Уже о. Ж.М. Ханссенс счел рассказ "... пожалуй, чересчур интересным, чтобы не возбуждать некоторых сомнений в своей достоверности"¹². Впрочем, прежде исследованный о. Хуана Матеоса представления исследователей об истории бдения оставались слишком смутными для более конкретных выводов¹³. Но и сам о. Матеос не ставил под сомнение раннюю (VII в.) датировку рассказа, хотя так и не предпринял последовательного анализа его содержания¹⁴. Прделав это впервые и уже с учетом работ о. Матеоса, А. Лонго столкнулась с множеством противоречий. На наш взгляд, эти несообразности могут получить историческое объяснение, главным образом, за счет отказа от проецирования литургических реалий повести на богослужение VII в. и, вместо этого, сравнения ее с палестинским богослужением IX–X вв.

⁸ К библиогр. CPG. 7376 (Т. III. 1979. P. 379–381) теперь следует добавить ст.: *Lackner W. Zweie membra disiecta aus dem Pratum Spirituale des Ioannes Moschos* // *AV*. 1982. Т. 100. P. 341–350.

⁹ *Doens J. Nicone de la Montagne Noire* // *Byz.* 1954. Т. 24. P. 131–140.

¹⁰ О славянских переводах, полном (XIV в.) и сокращенном (более раннем) см.: Буланин Д.М. "Пандекты" и "Тактикон" Никона Черногорца // *Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева*. Л., 1987. Вып. 1. С. 292–294. А.А. Турилов любезно нам сообщил, что в XIV в. было сделано два перевода. Нам известен изданный по рукописи 1610 г.: Книга преподобного и богоуспяного отца нашего Никона, игумена Черных Горы... Почаев, 1795 (повесть на л. 208–212). В русской традиции повесть имела хождение вне "Пандектов", изд. разных редакций (с грубыми ошибками в чтении рукописей и с фантастическими домыслами об авторстве) см.: Казакова Н.А. *Вассиан Патрикеев и его сочинения*. М.; Л., 1960. С. 319–349 (о текстологическом уровне изданий в этой монографии см.: *Freydank D. Textologische Probleme bei Vassian Patrikeev* // *Beiträge zur Slawistik*. 1966. Bd. 11. F. 2. S. 27–35). Полным переводом повести является пространная редакция (по Н.А. Казаковой. С. 333–340). В наших ссылках на славянский перевод указываются страницы издания Н.А. Казаковой, сделанного по более старой рукописи: ГПБ, Кир.-Бел. № 21/1098. Л. 107об.–120об. (XVI в.). Мы сверяли чтения самостоятельно; существенных для нас вариантов по сравнению с изданием 1795 г. они не представляют. Вопреки встречающемуся утверждению о переводе "Пандектов" с арабского на эфиопский, эфиопского перевода повести не существует: эфиопские "Пандекты" принадлежат св. Антioxу, о чем прямо говорит опубликованный колофон эфиопской рукописи *Br. Mus. Or. 778 (Wright W. Catalogue of the Ethiopic manuscripts in the British Museum acquired since the year 1847. L., 1877. P. 235)*.

¹¹ ВНГ. 2329b, 145n, 1445nb, 1450f. Общий обзор см.: Лурье В.М. *Молитвенное пение в аспектическом и богословском предании Православной Церкви* // *Отечественная культура XX века и духовная музыка: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 1990*. С. 19–22. Интерпретацию содержания см.: Лурье В.М. *Богословская "теория музыки" и аскетическое предание в жизни Православной Церкви (в печати)*. Повесть могла быть составлена в подражание подобным рассказам.

¹² *Hanssens J.M. Aux origines de la prière liturgique: Nature et genèse de l'office des Matines*. Rome, 1952. P. 40; cf. P. 39 (*Analecta Gregoriana*. 57).

¹³ *van der Mensbrugge A. Fausses pistes de recherche sur les origines des Vigiles et des Matines* // *Überlieferungsgeschichtliche Untersuchungen (FS M. Richard)* / Hrg. F. Paschke. B., 1981. S. 553–572, esp. S. 558–559 (TU 125). Там см. критику всех концепций до о. Матеоса.

¹⁴ *Mateos J. De orthro seu matutino byzantino* // *Mateos J. Miscellanea liturgica*. Roma: Pontificium Institutum Orientale, s.a. P. 96–97 (отпеч. множ. ап.; далее: ML); *Idem. La psalmodie variable dans l'office byzantin* // *ML*. P. 110. Нам не был доступен опубликованный вариант: *Acta Societatis Academicae Romane: Acta Philosophica et Theologica*. Roma, 1964. Vol. II. P. 327–339.

А.В. ПОДОСИНОВ

КАРТОГРАФИЯ В ВИЗАНТИИ
(К постановке вопроса)¹

Вынесенное в заголовок статьи название звучит несколько парадоксально: оно предполагает систематическое рассмотрение всей картографической продукции на протяжении более чем тысячелетней истории Византийского государства, периодизацию истории картографии, выделение школ, периодов, описание матерских по изготовлению карт, исследование иностранного влияния на картографическую теорию и практику, изучение творчества отдельных выдающихся картографов и т.д.

Парадокс заключается в том, что мы ничего этого сделать не можем, так как не располагаем почти никакими памятниками картографии византийского происхождения. Встает логичный вопрос — а были ли в Византии вообще картография?

В 1987 году в США вышел в свет 1-й том фундаментальной "Истории картографии", посвященный доисторической, древневосточной, античной и средневековой картографии Европы и Средиземноморья². На вопрос "Была ли в Византии картография?" это издание отвечает, по-видимому, положительно, так как содержит специальную главу под названием "Картография в Византийской империи" (с. 257–275), написал известный английский исследователь римской картографии Освальд Дилке.

Вместе с тем, византийская глава производит несколько странное впечатление³. Во-первых, не кажется бесспорным помещение главы в античном, а не в следующем, средневековом разделе⁴. Конечно, для этого были некоторые основания: во введении к древнегреческим главам указывается на непрерывность развития греческой цивилизации с минойской эры до падения Константинополя в XV в. (с. 130), и действительно, в отличие от западноевропейского варианта развития Восточноримская империя не знала резких разрывов в традиции политики, науки, литературы и т.д. Однако несомненно и то, что и Равеннская "Космография", которая анализируется в византийском разделе, и "Христианская топография" Космы Индикоплова, и мозаичные карты из Никополя и Мадабы отражают новый этап геокартографического осмысления мира, во многом определяемый христианским мировоззрением. На это указывает и автор раздела О. Дилке, сопоставляя византийскую линию с картографией средневекового Запада⁵.

¹ Статья является расширенным вариантом доклада, прочитанного на VIII Международном конгрессе византистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.).

² The History of Cartography. Chicago: London, 1987. Vol. 1: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe / Ed. J.B. Harley, D. Woodward.

³ См. нашу с Л.С. Чекиным рецензию на это изд.: ВДИ. 1990. Т. 3. С. 205–216; то же см.: Imago mundi. L., 1991. Vol. 43.

⁴ Дилке прямо ставит византийскую цивилизацию в один ряд с "классическими". См.: The History of Cartography. P. 258.

⁵ Ibid. P. 261: "Это не случайно, что основные сохранившиеся карты — Космы Индикоплова и мозаичные карты Никополя и Мадабы — в такой же степени, как и позже *tabulae mundi* Западной Европы, отразили наложение этих новых (христианских. — А.П.) идей на античный фундамент. Эти карты можно понять только в религиозном контексте".

Однако, на полках этой библиотеки едва ли лежали одни лишь новые книги. Здесь имелись и древние манускрипты, вероятно, специально разыскивавшиеся и подвергавшиеся затем тщательному изучению. Так, можно предположить, что знаменитый список Платона, изготовленный Иоанном Каллиграфом в 895 г. для Арефы Кесарийского (Oxop. Clarke 39), находился в первой трети XIV в. в руках Феодора Метохита и принадлежал библиотеке Хоры: два первых, дополнительных, листа этой рукописи, содержащие отрывки из "Физики" Аристотеля, писаны писцом того же кружка, откуда вышли перечисленные выше списки сочинений самого Метохита¹⁷, а на нескольких листах основной части кодекса видны следы его работы — поновление угасшего текста IX в., маргиналии¹⁸. Две заметки в этом манускрипте — на полях лл. 236 об. — 237 — сделаны Григорой. Возможно, что еще при Метохите в его монастырь попал парижский список X в. сочинения патриарха Никифора (Paris. gr. 910), изучавшийся позже Григорой¹⁹.

Таким образом, передатировка иерусалимской рукописи *Παναγιῶν Τάφου* № 5, предположение о создании этого манускрипта и венского (Theol. gr. 94) кодекса, а также парижской и оксфордской частей списка "Речей" и Элия Аристида для знаменитой константинопольской библиотеки, наконец, отнесение к числу ее книг рукописи Платона Oxop. Clarke 39 и Cod. Paris. gr. 910 расширяют наши возможности исследования деятельности Феодора Метохита по организации им в первые два десятилетия XIV в. культурного и научного центра в монастыре Хора.

¹⁷ Plato. Codex Oxoniensis Clarkianus 39 phototypice editus. Praefatus est Thomas Guilelmus Allen. Pars prior. Lugduni Batavorum, 1898. Fol. V–VI v (=Ar–Br).

¹⁸ См. л. 1, 4 об., 5–5 об., 6 об. — 7, 8 об., 9–9 об., 10 об. — 11, 12 об. — 13, 15, 16 об., 32 (внутреннее поле), 256 об. (внешнее поле), 306 об., 378, 388 об. (?), 418 об.

¹⁹ См.: Featherstone J. An iconoclastic episode in the hesychast controversi // JÖB. 1983. Bd. 33. P. 179–198.

следующими возможностями (Л. 38): "...ниже *Да исправится*" (5 ркп.), "... ниже на *Да исправится*" (по контексту, тропари) (2 ркп.), пропуск слова (3 ркп.), — и она предпочла первое чтение (второе явно дефектно: в службе старца не было *Да исправится*, чтобы спрашивать о присоединяемых сюда тропарях). В результате, ей осталось лишь недоумевать, почему заходит речь о песнопении вечерни литургии Преждеосвященных Даров (Л. С. 231–232). Чтение А. Лонго принимается о. Тафтом, но он понимает его так, будто *Да исправится* когда-то следовало за *Сподоби* в общепринятом чине (*Taft. P. 224, 275*). Но вместо этой гипотезы лучше обратиться к чтению славянской версии. Оно соотносится с элементом, уже названным в чине старца (*Сподоби*), который по-греческим легко трансформируется в представленное двумя рукописями дефектное чтение: * *εις τὸ Καταξίωσον* → *εις τὸ Κατενδυνδήτω*. Принятие славянского чтения славит новый вопрос" о тропарях на *Сподоби* (см. п. 7). Чтения греческих списков объяснимы воздействием константинопольского богослужения, где иерусалимского *Сподоби* не было, а вместо того обычно исполнялось *Да исправится*, что после перехода столицы на иерусалимский устав сохранилось только на вечерне Преждеосвященных²¹.

7. Тропари на *Сподоби*. Естественно понимать их как стихиры на стиховне, что предложил уже М.Н. Скабалланович (ТТ. 1. С. 329), исходивший, очевидно, из славянского, а не греческого текста. Присутствие в монашеской службе стихир на стиховне дает четкое указание на X, а не на IX в. В IX в. служба СЧ не содержала даже псаломских стихов для их пения, хотя для городского богослужения псалом в этом месте указан уже Эгерией (IV в.) (СЧ. С. 75). Стихир на стиховне еще не было, однако, и в городском богослужении VIII–IX вв., сохраненном грузинским иадгари²².

Получив (п. 3 и 7) определенные указания на X в., мы можем предложить простое решение для проблемы стихословия псалтири: *Блажен муж* (т.е. 1 кафизма) — действительно, поздний элемент (и именно X в.: ср. ИТ), но вопреки А. Лонго, не интерполяция (ср. Л. С. 236). Свидетельство ИТ в пользу именно X в. следует подкрепить монашескими тиликонами, стремившимися воспроизводить чин Лавры св. Саввы, где на воскресной вечерне также положена 1 кафизма²³.

Итак, мы убедились, что рассказчики исходят из представления о савваитском чине вечерни X в., а не более древнего. Редакцию аввы Нила следовало бы назвать не столько архаичной, сколько "антигимнографической": подлинная архаика состояла бы не только в отказе от тропарей, но и от 1 кафизмы на вечерне. Смена на воскресной вечерне 18 кафизмы на 1 произошла вследствие изменения всего круга стихословия псалтири. (В СЧ за вечерней следовал чин причащения запасными Дарами, откуда наши изобразительные, так что 18 кафизма имела свой обычный евхаристический смысл, который она сохраняет поныне на вечерне Преждеосвященных.)

Утренняя

Соответствующая утрене часть СЧ утрачена, и можно лишь догадываться о том, что она там была (СЧ. С. 61). Остальные же источники отражают неподвижные элементы богослужения весьма непоследовательно.

²¹ Engberding H. Zur Geschichte. . . S. 311–313. В ЕВЦ П. С. 6 указана замена для *Да исправится* на среду и пятюк сырной седмицы.

²² Древнейший иадгари / Изд. Е.Н. Метревели, Ц.А. Чанкиева, Л.М. Хевсуриани. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.). Обзор содержания см.: Wade A. The Oldest Iadgari: The Jerusalem Tropologion, V–VIII c. // OCP. 1984. Vol. 50. P. 451–456. Ср.: Момина М.А. О происхождении греческой Триоди // ПС. Л., 1986. Вып. 28. С. 112–119.

²³ "Ипотипосис" св. Феодора Студита (основа IX в. с позднейшими наслоениями): А.А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Түпкү. Ч. 1. Киев, 1895. С. 228–229. Евергетинский типикон (записывался в XI–XII вв., основатель обители св. Павел должен был ориентироваться на савваитский чин первой половины XI в. См.: Там же. С. 256–656 (см. при каждой воскресной службе). Ср.: Pargoire J. Constantinople: le monastere de l'Evergetis // Échos d'Orient. 1906. Т. 9. P. 228–232, 366–367; 1910. Т. 10. P. 155–167, 259–263; Mateos J. La psalmodie. . . P. 110.

1. Шестопсалмие. А. Лонго обратила внимание, что существование его в VII в. слишком сомнительно (Л. С. 233). Это характернейший элемент, присущий лишь византийскому чину утрени, в которой соединились богослужения ночи и раннего утра. Исходная ночная служба ("полунощница", но не путать с своевременной полунощницей) открывалась четверопсалмием, которое сохраняется в армянской службе "ночной час"²⁴. Только после присоединения утренней службы к ночной вслед за первым из вступительных псалмов (Пс. 3) могли быть вставлены еще два, т.к. один из них, Пс. 62 *Боже Боже мой, к Тебе утренюю*, был элементом утренней службы²⁵. Шестопсалмие сформировалось гораздо позднее утрени, когда ее история была забыта. В X в. шестопсалмие не знали ни соборная утренняя храма Воскресения, ни даже монашеская утренняя студеев в Неделю Ваий, описанные в ИТ²⁶. Пс. 62 после Пс. 3 впервые документирован в X в., но в чине Великой Церкви, где не было шестопсалмия (ТВЦ 1. С. XXIII: в начале утрени Пс. 3,62:133). Даже при датировке нашего рассказа X в. он остается самым ранним упоминанием шестопсалмия.

2. *Отче наш* в начале и в конце службы. — Аналогично позднему "Трисвятому по *Отче наш*", впервые документированному в СЧ. Изолированное употребление *Отче наш* как вступительной и заключительной молитвы документируется только в армянском чине, а в соединении с Трисвятым — известно еще в чине халдейском с VIII–IX вв. Появление этого *Отче наш* у армян относят, примерно, к X или XI вв.²⁷ Итак, перед нами черта, несомненно, архаичная.

3. Правило псалмопения. Употребление в нашем тексте слова "правило" (греч. "канон") достаточно прокомментировано А. Лонго (Л. С. 232): оно имеет только старое значение последовательности псалмов, но отнюдь не гимнографического жанра. В церковнославянском употреблении омонимы греческой терминологии различаются: "канон" псалмопения переводится как "правило", а канон гимнографический остается "каноном".

3.1. *Бог Господь*. Упоминается как в вопросе посетителей: "...ниже на правиле *Бог Господь*. . ." (Л. 38), так и в ответе старца: ". . . *Бог Господь* на началех правила (*εις τὰ προόψια τοῦ κανόνος*. . .") (Л. 66–67). Из ответа старца видно и то, что этот элемент лишь воскресного богослужения (как сохраняется до сих пор в греческой практике, где на буднях положено *Аллилуиа*; у славян *Аллилуиа* только в Великий Пост). Песнопение имеет структуру прокимна и может быть столь же древним. О тропарях на *Бог Господь* никаких упоминаний нет; следовательно, монашеская утренняя еще не знала, и песнопение осознавалось не более чем "вступлением" (*προόψιον* ср. *προεΐμενον*) к правилу (ср. *Mateos. P. 203*).

3.2. Три "статьи" (*στάσεις*) псалтири (относительно их величины см. ниже). Такое количество стихословий сохраняется поныне в Великий Пост (3, а не 2 кафизмы); в другие дни третья кафизма заменяется полиелеем (когда он полагается), который исторически явился деформацией третьего стихословия под воздействием соборного чина (*Mateos. C. 203–205*), о чем свидетельствует и его одинаковое с кафизмами соположение: малая ектения + седален (ипакой). Деление псалтири на три части по 50 псалмов характерно для Ирландии, где монастырский устав IX в. предусматривал ежедневное чередование 50 псалмов (*Taft. C. 114–215*). Итак, наш текст отражает состояние монашеской утрени прежде включения элементов соборной. Слушание псалтири стоя — древняя палестинская практика; отсюда термины "статья" ("стояние") и "седален" (Л. С. 233), которые изменили свое значение позднее: "седальном" стала называться и сама псалтирная часть, а не только следующее за ней песнопение (но по-славянски

²⁴ Gišerayin Žam. — Žamagir' (Часослов). Valažapat. 1891. Ё 5–7. (Далее: Жамагирк).

²⁵ *Mateos J. Quelques problèmes de l'orthros byzantin // Proche Orient Chrétien, 1961. Т. 11. P. 17–35* 201–220, spéc. 24–26 (Далее: *Mateos*).

²⁶ Παπαδόπουλος-Κεραμής Α. Τυπικόν. . . Σ. 7; Bertoniere G. The historical. . . P. 87.

²⁷ Winkler G. The Armenian Night Office 1: The Historical Background of the Introductory Part of Gišerayin Žam // Journal of the Society for Armenian Studies. 1984. Vol. 1. P. 96–100, 108.

ки песнопение — "седален", а псалмы — "кафизма"), а "статьями" стали называться три части каждой кафизмы, при чтении которых теперь положено вставать только на заключительных *Славах*.

3.3. Чинопоследования после "статей". В утрени старца: *Отче наш* + *Господи помилуй* + Апостол. Три чтения, хотя не апостольских, а патристических, поныне упоминаются в Постной Триоди; для всего года такие чтения дает Евергетинский типикон (*Mateos*, P. 29–30). О. Тафт приводит более отдаленную аналогию из Уставов (III. 8.4) св. Иоанна Кассиана, где, однако, чтения новозаветные (*Taft*, P. 199). Идентификация остальных элементов более затруднительна. Мы не соглашаемся с предложением А. Лонго (Л. С. 233, примеч. 6) видеть здесь эквиваленты элементов соборной утрени: *Отче наш* вместо малой ектении, за которой в соборном чине также следует седален воскресный. Но монашеский чин даже в современном часослове иерусалимского устава не имеет ектений. Думаем, что нужно обратиться к богослужебной псалтири, структура которой также савваитская. Там после каждой кафизмы — "Трисвятое по *Отче наш*" + тропари + *Господи помилуй* (40 раз) + молитва (по происхождению иногда связанная с ночным псалмопением). Это может быть развитием чина старца: *Отче наш* + *Господи помилуй* (50 раз). Во всяком случае, *Отче наш* здесь должно соответствовать "Трисвятому по *Отче наш*" (см. п. 2). Завершение ночного псалмопения по армянскому чину "ночного часа" сходно с богослужебной псалтирью и тем самым подтверждает связь ее чина (теперь относящегося лишь к келейному правилу) с общественным богослужением: *malt'ank'* (похоже на тропари псалтири и седалны часослова) + *k'agoz* (близко к ектении часослова, ср. завершающие молитвы полунощницы и повечерия — "Помолимся о . . ." — и 40-кратное *Господи помилуй* псалтири) + *alot'k'* (как молитва псалтири) (Жамагирк, С. 37–39). Предполагаем поэтому, что и здесь наш рассказ передает когда-то существовавший чин: "статья" псалтири + *Отче наш* + седален воскресный + *Господи помилуй* (50) + чтение.

4. Стихословие дияблейских песен. А. Лонго (Л. С. 237) видит здесь единственное (!) основание для датировки не позднее VII в.: термина "канон" для гимнографической композиции еще нет, и, во-вторых, описывается, как она думает, "эмбриональная форма канона": междопесня по III и VI песнях, тропари на VIII. Но термин "канон" в этом значении — поздний и, возможно, непалестинский. Впервые он зафиксирован в Студийском "Ипотипосисе" (ТТ. 2. С. 256) в XII в., следовательно, если и может восходить к терминологии IX в., то константинопольской. Об отсутствии его в Палестине того же времени, как мы думаем, достоверно свидетельствует грузинская традиция, где соответствующий термин — *galobani* — переводится просто "песни" (*Кекелидзе*, С. 324–325; ср. *Leeb*). Очевидно, что перед нами калька термина *ῥῆμα*, который употребляется в нашем тексте. Итак, нет препятствий считать термин "песни" в нашем рассказе (тем более, с оговоркой относительно наличия тропарей) названием обычного канона из девяти песен.

Второй аргумент А. Лонго апеллирует к гипотетической конструкции. Подобным же образом М.Н. Скабалланович усматривал здесь указание на "однопеснец" из одной только VIII песни (ТТ. 2. С. 267, 262). Гипотезу однопеснца мы рассмотрим в п. 4.2, а здесь отметим лишь нереальность предположения А. Лонго о междопеснях на III и VI песнях *вместо* тропарей: это соответствовало бы принципиально иному пути развития гимнографии, нежели засвидетельствованный в Палестине, где относящиеся к песням тропари встраивались в их текст, а не продолжали его. Наш текст различает тропари и "междопесня": ". . . начахом песни без тропарей; и ниже на третьей песни... сотвори междопесние" ("тропарей" много, а "междопесние" одно).

4.1. "Междопесня" на III и VI песнях. Возможность отождествить их с нынешними седальном на III и кондаком и икосом на VI песнях не вызывает сомнений. Замена для них в чине старца — *Отче наш* + *Господи помилуй* (50) — подобна концовке "статей" псалтири, но в данном месте нам кажется беспрецедентной.

4.2. Тропари и междопесня на песнях трех отроков. Название "тропари" звучит в

вопросе посетителей (Л. 39–40), "междопесня" — в ответе старца (Л. 67): *εις τῆς μεσῆδια τῶν ὕμνων τῶν τριῶν παιδῶν* (в одной ркп. XVI в. пропущено; слав. версия с. 334, подтверждает чтение А. Лонго). Здесь приходится особенно пожалеть о недоступности нам арабской версии (она XII в.), т.к. текст, как нам кажется, требует конъектуры в строке 67. Сказуемое соответствующего предложения *ἔιδω* . . . *προοιδιαζομε* имеет прямые дополнения, к которым через предлог *εις* (слав. "на") присоединяются обстоятельства места; в данном же случае прямого дополнения нет, и, после сопоставления со строками 39–40, логично предположить, что пропущено именно словосочетание *τροπάρια* ("тропари"), как мы восстанавливаем в переводе. Речь, таким образом, должна идти о "тропарях на междопеснях песней трех отроков". А. Лонго предложил усматривать здесь ирмоса, предположив, что первоначально они пелись только на V и VIII песнях; это близко к гипотезе однопеснца. Вопрос нам кажется разрешимым через обращение к богослужебной псалтири. VIII песнь в ней имеет дополнительные стихи, которые вполне можно назвать "междопеснями": "Благословите, Отца. . . И ныне; к ним всегда припеваются тропари, хотя сами они неподвижны (и потому не могли быть указаны в иадгари и канонаре, где минимальное число песен в каноне 2). Получаем объяснение литургического смысла предложенной конъектуры. Неподвижные тропари савваитской псалтири представляют некоторое подобие однопеснца очевидно восходят к древней службе раннего утра, начинавшейся песнью *Дан. 3, 26–45*; если это предок канона, то чересчур отдаленный. Но мы предполагаем, что однопеснец с переменными тропарями существовали реально, будучи в отношении к канону формой не исходной, а параллельной, от которой до сих пор сохраняются добавочные стихи на VIII песне.

Подобные однопеснцы сохраняются только в двух чинах: в маронитском и в армянском. В маронитской *Цу*²⁸ стихословятся стихи песни с тропарями, а затем еще следует многострофная гимнографическая композиция *swgut'* — "песнь"²⁹. Эта "согито" не имеет аналогов в других сирийских чинах, где в соответствующей позиции нет даже *Благословите*. Тропари на *Благословите* суть очевидный результат позднейшего развития, еще невозможный в монашеской службе. Иное дело "согито", которой соответствует армянский *каноп* (меняющиеся по дням недели 2–3 тропаря: Жамагирк, С. 63–65). Налицо какая-то общая традиция, на основе которой развивалась маронитская согито. Армянская форма должна быть ближе к исконной; в то же время мы можем ее точнее датировать. В реконструированной службе *egekouean žam* (утреннего часа)³⁰ уже присутствует "канон", в отличие от следующих за ним сейчас *k'agoz* и *malt'eank'*, — хотя в VIII в. "канона" не было, согласно указаниям Иоанна Одзунского³¹ и Моисея Сюнийского³². Подобные элементы, типа шараканов, считаются нововведениями IX–X вв.³³ Итак, армянский "канон", маронитская согито и савваитская (ныне общеупотребительная) псалтирь отражают одну и ту же практику краткого цикла тропарей на *Благословите*, которые называются в нашем тексте "междопеснями с тропарями". Можно согласиться с М.Н. Скабаллановичем в том, что "однопеснец" предшествовал полному канону, но в то же время нужно признать, что развитие жанра канона шло независимо. Канон, содержащий от двух (VIII и IX) до девяти песен, постепенно поглотил "однопеснец". Наш текст отражает ту стадию этого процесса, когда тропари "однопеснца" еще составляли самостоятельный цикл. Название "канон"

²⁸ Ночная служба, но соответствующая часть происходит из монашеской утренней: *Mateos J. Liturgie des matins chaldéennes, maronites et syriennes* // OCP. 1960. Vol. 26. P. 51–73.

²⁹ *Officium feriale juxta ritum Ecclesiae Syrorum Maronitarum*, Roma, 1863. P. 1w–m', qt–qyd, q'–q'.

³⁰ *Winkler G.* Рец. на: R. Taft. *The Liturgy of the Hours*. . . Сбchin, 1984 // *Oriens Christianus*. 1984. Bd. 70. S. 200–201.

³¹ *Conybeare F.* *Rituale Armenorum*, Oxford, 1905. P. 497.

³² *Тагмизян Н.К.* Мовсес Сюнеци и его сочинение "Об уставе" // *Вест. общественных наук Арм. ССР*. 1972. № 11. С. 93 (на арм. яз.).

³³ *Nac'uni V.* *Patmut'iwn hayoc' albt'amatoyc'in*. Venetia, 1965. Ёж 220–227.

для композиции стихов с тропарями характерно для сирийского языка, причем, уже для наименее грецизированного халдейского чина (qnpw)³⁴, но нехарактерно ни для армянского³⁵ (кроме указанного случая), ни для греческого (где название "канон" для 9 песен — позднее). Все это позволяет предположить сирийское влияние в именовании "каноном" соответствующих песнопений византийского и армянского чинов. Если, в согласии с датировкой "Ипотипосиса", это влияние нужно датировать X—XI вв., то легко указать место такого влияния: Антиохийский патриархат, монастыри которого в это время становятся главным (до возвышения Афона в XIII в.) центром духовной жизни православных. Богослужебным языком мелькитов там еще был сирийский, и как раз в X в. шел интенсивный процесс перевода на сирийский греческих богослужебных книг, отражавших изменившуюся за время арабской оккупации (VII—X вв.) византийскую практику³⁶. Но одной из важнейших перемен было как раз появление канона.

Отсутствие экспостилария. — Такой вывод позволяет нам сделать полное умолчание о нем в повести. Современные воскресные экспостиларии составлены в X в. царем Константином и с Палестиной не связаны. Как они, так и воскресный "экспостиларий" *Свят Господь Бог наш* (так его называет Евергетинский типикон, но ср. и современную утреню Великой Субботы) связаны с чтением Евангелия по IX песни канона (*Свят Господь* — прокимен); эту практику сохраняет армянский чин (Евангелие после песни Захарии; *Mateos*, P. 212–215, 217–219), что наводит на мысль о ее нестоличном происхождении. Но нет данных в пользу ее существования в Палестине, где переход от песен к *Хвалите* вполне мог быть, как в Повести, непосредственным.

5. Тропарь на *Хвалитех*. Древнейший гимнографический элемент; имеется во всех иерусалимских типиконах и должен восходить к V в.

6. Евангелие. Старец подробно объясняет, почему неклирикам запрещено богослужебное (только) чтение Евангелия (Л. 230–238), и в его службе Евангелия нет. Но оно появляется в его вопросе: "...ниже на Евангелии *Всякое дыхание*. ..." (Л. 40); так же в славянской версии (С. 334). До критического издания ученые исходили из текста кардинала Питры, подтверждаемого только одной рукописью: *εις τὸ Μεγαλύνει* вместо *εις τὸ Μεγαλείον* переписчик, не поняв палестинского термина, заменил его на *Величит*, т.е. IX песнь канона. Славянский переводчик понял верно, но его версию знал только М.Н. Скабалланович, который предпочел ошибочное греческое чтение (ТТ. I. С. 328). Палестинский термин означает богослужебное Евангелие, от евр. *megilla* "свиток" (ЕВЦ. I. С. 81, пр. 1; С. 306)³⁷. А. Лонго не смогла объяснить это место и предложила "гипотезу", будто имеются в виду *Хвалитны* (Л. С. 235). Но в этом нет нужды, так как речь идет именно в Евангелии, читавшемся до Славословия. Так счел и о. Тафт, который упоминает о *Всяком дыхании* "прежде Евангелии" (*Taft*, P. 275). Евангелие между *Хвалите* и Славословием в X в. засвидетельствовано ИТ на Неделю Ваий, когда структура службы в ИТ повторяет обычную воскресную (*Bertoniere*, P. 77). О существовании подобной же практики в Константинополе прежде царя Константина свидетельствуют, на наш взгляд, утренние стихирь евангельские царя Льва Мудрого: очевидно, что константиновы экспостиларии составлялись в подражание им, когда Евангелие сместили вперед (оба вида песнопений дают пересказ и толкование воскресных чтений), а в IX в. Евангелие читалось по *Хвалитех* и в столице. То же самое предло-

ложил о. Матеос: помещаемые сейчас на *Хвалитех* для стихир стихи 33 и 2 Пс. 9 Синайский канонарь X—XI вв. прямо называет "прокимном"; эти же стихи сохраняются как прокимны воскресной утрени 5 и 7 гласов (*Mateos*, P. 213–214; там же некоторые другие доводы). Добавим, что за этими стихами на *Хвалитех* следует *Слава* для утренней стихирь царя Льва; место Евангелия было между прокимном и стихирой. Только в X в. в столичном чине Евангелие смещается вперед. Наш текст помещает на Евангелии *Всякое дыхание*, причем, употребляется предлог "на" (*εις*), который может значить и "перед" и "после" (ср. контекст в вопросе старца). *Всякое дыхание* раньше было не только первым стихом, но и постоянным припевом *Хвалитех* (*Mateos*, P. 214); этот же элемент служит как бы вторым прокимном перед Евангелием на современной утрени. Считаем, что и в нашем тексте *Всякое дыхание*, оставаясь припевом на *Хвалитех*, является и прокимном Евангелия после *Хвалитех*; вместе с тем, присутствие после *Хвалитех* в качестве особого евангельского прокимна двух стихов Пс. 9 (ст. 33 и 2), засвидетельствованных на Синае столетием позже предполагаемой нами даты текста, считаем вполне вероятным. Наш текст мог иметь в виду почти современную практику предъевангельских песнопений.

7. Великое Славословие и воскресный тропарь. Текст дает начальные слова неизвестного теперь тропаря³⁸; современное чередование двух тропарей воскресных — из старого чина Великой Церкви (*Mateos*, P. 215).

8. Заключительные молитвословия. В чине старца: *Верую + Отче наш + Господи помилуй* (300 раз или 30). Ближайший аналог находим в великопостной утрени: "Трисвятое по *Отче наш*" + богородичен + *Господи помилуй* (40). По тому же образцу построена концовка полунощницы (эта служба возникла как дублет старого полунощного богослужения, когда последнее вошло в византийский чин утрени), где еще сохраняется перед Трисвятым *Верую*. О чтении перед сном Символа веры свидетельствует и Житие аввы Филимона (табл. 2; о нем см. ниже). Относительно *Отче наш* см. п. 2.

8.3. *Господи помилуй* — 30 или 300 раз? А. Лонго и за ней о. Тафт принимают чтение "300" (6 ркп. против 2), но в славянском — "30", что близко к современному богослужению (где 40, а в некоторых случаях — например, в ектении на литии — 30). Весьма вероятно, что "30" — плод редактирования, так как "300" могло бы явиться при нормализации правила аввы Филимона; такое же количество, но Иисусовых молитв, сохраняется поныне в различных видах иноческого келейного правила.

О продолжительности стихословия *Псалтири* нужно сказать особо. Обычно здесь видят архаичную черту службы аввы Нила, но пока никто не указал ни одного чина бдения со стихословием полной псалтири. Только о. Тафт приводит туманную ссылку 18 правила св. Венедикта на "некоторых наших отцов" (*Taft*, P. 114); обычай вычитывать ежедневно всю псалтирь был распространен и среди русских подвижников XVII в. Но все это не доказывает существование регламентированного чина бдения. В то же время, известна структура древнейшего (до середины V в.) монашеского богослужения в Египте (*Taft*, P. 57–74), которая должна была тогда передаваться и в Палестину вместе с самим монашеством. Однако, она существенно иная.

Древний прототип службы аввы Нила

Искомый чин описан в "Повести зело полезной об авве Филимоне" (табл. 2)³⁹ и до сих пор не был замечен литургистами. За этим чином еженощного бдения следовал сон и 1 час. Чин повторяет основные элементы реконструированной монашеской утрени (включая Евангелие!), но, в отличие от утрени обычного типа, содержит полную псалтирь, как чин аввы Нила. Нам кажется, что чин аввы Филимона являет собой ту основу,

³⁴ Smith P. Thesaurus Syriacus. Oxford, 1868–1901. Col. 3660. О халдейском чине см.: *Dahane D.* Liturgie de la Sainte Messe selon le Rite Chaldéen. P., 1937; *Mateos J.* Lelya-Sapra: Essai d'interprétation des matines chaldéens. Rome, 1959 (OCA. 156).

³⁵ *Awetikean G., Siwrmielean X., Awgerean M.* Nor Bargirk' Haykazean lezumi. Venetik, 1836. H. 1. Eǰ 1051. "Канон" — часть псалтири или вообще чинопоследования, но не название определенного жанра.

³⁶ Ср.: *Brock S.* Syriac Manuscripts Copied on the Black Mountain, Near Antioch // *Lingua restituta orientalis: Festgabe für J. Assfalg.* / Ed. R. Schulz, M. Georg. Wiesbaden, 1990. S. 59–67.

³⁷ Ср.: *Lampe G.W.H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1968. P. 835. Из непалестинских примеров только св. Феодор Студит (вводящий палестинское богослужение) и Иоанн Малала.

³⁸ Нет в кн.: *Follieri E.* Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae. Città del Vaticano, 1960–1966. Vol. I–V. (ST 211–T 211–215). Поиски по восточным версиям мы не провели.

³⁹ ВHG. 2368; *Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν ὑπῆκῶν. 4τον ἐκδ.* Т. В'. Аθήνα, 1965. Σ. 241–252. Далее ссылки в тексте.

на которую впоследствии насаивались гимнографические элементы и элементы соборного последования.

Чин аввы Филимона, несомненно, египетский (авва жил в Скиту, в Лавре св. Иоанна Колова). Время жизни аввы не установлено, но очевидно, не позднее 570-х годов, когда Скит был полностью разорен кочевниками и, спустя более полувека, был восстановлен уже как монофизический исключительно. (Монофизитская традиция авву Филимона не знает. Это православный святой, удалившийся в Скит из Александрии после появления там "ереси" (С. 241. 20–22) – едва ли не монофизитской; агиограф сравнивает его со святым второй пол. V в. блж. Диадомом Фотикийским (С. 244. 20–21)). Предания православного монашества Египта послехалкидонской эпохи сохранились, в основном, через палестинскую традицию (вследствие массового изгнания православного монашества из Египта в VII в.). Не исключение, как видно, и Повесть об авве Филимоне: помимо литургической связи с палестинской повестью об авве Ниле нужно указать на терминологическую особенность: Евангелие в ней последовательно называется *μεγαλειον*. Все это позволяет нам датировать временем около VII в. перенесение в Палестину чина монашеского бдения аввы Филимона. Чин утрени аввы Нила составлялся в эпоху, когда структуру этого чина представляли себе уже достаточно смутно: так, авва Нил уже не воспринимает Евангелие как исконный элемент монашеского бдения. Поэтому дата утрени аввы Нила должна быть, скорее всего, далека от своего *terminus post quem* (середина VIII в. – время достаточно полного развития жанра канона в Палестине), что соответствовало бы датировке вечерни. Итак, для службы, привычной посетителям аввы Нила, получаем единую датировку – X в. – и считаем, что каждый элемент этого последования имеет свое соответствие в реальном чине. Однако, объясняя особенности, внесенные аввой Нилом, мы приходим к выводу, что относить их на счет простой архаичности было бы неточно (подлинная архаичность не согласуется ни с *Блажен муж* на вечерне, ни с шестопсалмием, ни с пропуском Евангелия): налицо искусственное редактирование службы X в. с изъятием гимнографии и таких торжественных элементов, как Евангелие и прокимны. Найдется ли и для этого историческое объяснение?

Чин палестинских монофелитов?

Нам известен еще один пример искусственной службы – в сиропалестинском часослове (СПЧ), переписанном в Иерусалиме в 1187–1188 гг. в монофелитской среде⁴⁰. В нем весь суточный круг вполне позднего вида (насыщенность гимнографией, междочасия. . .), но структура "утрени" резко отличается: *Святой Боже* (3) + *Слава в вышних* (1 стих, 3 раза) + *Господи, устне* (1) + Шестопсалмие (на две *Славы*, как сейчас) + "песни" (от Моисея до Захарии без всяких добавочных стихов) + *Слава*; далее следует 1 час обычного вида (СПЧ. С. 141–180; ср. в пер. С. 73–74). – Вступительные молитвословия соединены с шестопсалмием современного вида и песнями псалтири, на которых должны бы были стихословиться 9 песен канона, но последних-то и нет. Заключительная *Слава* и в современной псалтири завершает песнь Захарии и всю псалтирь, но теперь такие же *Славы* стоят на каждой песне. Название службы *slwt' dsprnyt'* (СПЧ. С. 147) явно выступает лишь калькой греческого названия "утрени", так как чин не имеет ничего общего с "сафро" ни одного из сирийских обрядов, где всегда главный элемент – *Хвалите*⁴¹. Такую службу нельзя было получить иначе как механическим вычленением из византийской утрени (только в утрени были возможны вместе все песни и шестопсалмие), хотя ее структура приблизилась к древней полунощнице (песни как бы заменили одну "статью" псалмов; в СПЧ "утрени" стоит в начале, т.е. на месте полунощницы). Механичность подобной архаизации очень напоми-

⁴⁰ Что видно из переделки одного тропаря (см. ниже). *Black M. A Christian Palestinian Syriac Hologion*. (Berlin Ms. Or. Oct. 1019). Cambridge, 1954 (Texts and Studies, N.S. 1). Упоминается у о. Тафта ошибочно под IX в. (*Taft*. P. 275).

⁴¹ *Mateos J. Les matins chaldéennes*. . .

нает "песни без тропарей" и другие черты последования аввы Нила. Но в СПЧ есть еще один пример механической переделки православного богослужения – на сей раз прозрачной целью: в одном из тропарей фраза ". . . двема познаваемый действом Пречисте, и волема. . ." греческого оригинала заменена на ". . . и познаваемый во двоем естеству и во единой воле совершен. . ." (СПЧ. С. 409; ср. С. 51, 124). Нам кажется, что повесть и СПЧ сближает не только место происхождения (Палестина) и характер редактирования византийского богослужения, но и среда, в которой они возникли: монофелитское монашество. Надеюсь подробнее рассмотреть это в связи с историей повести в "апофтегмологическом" ряду, отметим пока, что подчеркнутый аскетизм был характерной чертой монофелитского монашества⁴², причем, неизменным атрибутом его был отказ от гимнографии в богослужении⁴³. Напрашивается вопрос об отношении сиро-палестинского богослужения к палестинским монофелитам. Этот чин существовал недолго и в Палестине не смог конкурировать с православным богослужением на греческом и с монофизитским на сирийском. По структуре он сближается с мелькитским, но слишком немного от него уцелело, чтобы судить точнее⁴⁴. Что касается монофелитов в Палестине, то от них нам знаком лишь один документ – СПС⁴⁵. В Палестине монофелитов должна была объединять с мелькитами греческая (позднее арабоязычная) культура, но разделять – вера; с монофелитами Ливана объединять вера, но разделять культура. Итак, нет ли в наших документах следов попытки палестинских монофелитов разработать собственный чин на византийском субстрате (первоначально по-гречески, позднее на родном языке), подобно тому, как монофелиты Ливана разработали маронитский чин на субстрате сирийском?⁴⁶

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Сопоставление чина вечерни аввы Нила с чином часослова Лавры св. Саввы Освященного IX в. и с чином Иерусалимского патриаршего типикона 932–945 гг.

Авва Нил	Часослов IX в.	Типикон X в.
1 <i>Слава Отцу</i> с прочими	(<i>Слава Отцу</i>). Пс. 103	(<i>Слава Отцу</i>). Пс. 103
2 <i>Блажен муж</i>	18 кафизма	<i>Блажен муж</i>
3 <i>Господи, воззвах</i> без тропарей	<i>Господи, воззвах</i> без тропарей	<i>Господи, воззвах</i> со стихирами
4 <i>Свете тихий</i> ["тропари" на <i>Свете тихий</i> = прокимен]	<i>Свете тихий</i> Аллилуарий	<i>Свете тихий</i> Прокимен
5 –	–	Ветхозаветные паримии
6 <i>Сподоби Господи</i>	<i>Сподоби Господи</i>	<i>Сподоби Господи</i>
7 ["тропари" на <i>Сподоби</i>]	–	Стихиры на стиховне
8 <i>Ныне отущаеши</i> с прочими	<i>Ныне отущаеши</i> . Трисвятое	<i>Ныне отущаеши</i> . Молитва или отпустительный тропарь

⁴² *Madey J. Maronitisches Mönchtum // Assfalg-Krügner: Kleines Wörterbuch für christlichen Orient*. Wiesbaden, 1975. S. 257–259.

⁴³ Материал указан в примеч. 11. Не самый яркий; но достоверно "монофелитский" пример – поучение Феодора Византийского (ВНГ. 1445nb), где наряду с теми монахами, которые не постятся одинаково круглый год, порицаются "помрачающие свой ум через многопение" (*Theaurus asceticus*. . . / Ed. P. Possinus, Tolosae, 1683. P. 270).

⁴⁴ *Baumstark A. Comparative Liturgy*. L., 1958. P. 224.

⁴⁵ *Gribomont J. Documents sur les origines de l'Eglise maronite // Parole de l'Orient*. 1974. Vol. 5. P. 126.

⁴⁶ Ср.: *Macomber W.F. A Theory of the Origins of the Syrian, Maronite and Chaldean Rites // OCP*. 1973. Vol. 39. P. 235–242. Автор глубоко благодарит за содействие отцов архимандрита Василия Гролмунда, протоиерея Владимира Сорокина, а также господ А.Б. Черняка, Гюнтера Шульца и мисс Джейн Баум.

Чинопоследование палестинской монашеской воскресной утрени в X в.
(данные "Путешествия" и реконструкция) и чин аввы Филимона*

Данные "Путешествия"		Реконструкция	Чин аввы Филимона
авва Нил	Пропущенное старцем		
1	2	3	4
1. Шестопсалмие		Шестопсалмие	
2. <i>Отче наш</i>		<i>Отче наш</i>	
3.1	<i>Бог Господь</i>	<i>Бог Господь</i>	
3.2 Три "статии" псалтири по 50 псалмов "косно"		Три статии псалтири, объем каждой неизвестен	Псалтирь полностью "не борзяся"
3.3	После каждой "статии": <i>Отче наш</i> <i>Господи помилуй</i> (50)	<i>Отче наш Господи помилуй</i> (50?)	
	Седален воскресный	Седален воскресный	
4. Песни	Тропари	Чтение (Апостол?) Песни с тропарями (= канон)	Песни
4.1	После III и VI песен: <i>Отче наш</i> <i>Господи помилуй</i> /50?/ Междопесния	? ?	
4.2	После VIII песни: Тропари на междопеснях	Седалны на III и кондаки с икосами на VI песнях	
5. <i>Хвалите</i>	Тропари	Добавочные стихи с тропарями	
6.	Евангелие со <i>Всяким дыханием</i>	<i>Хвалите</i> со стихирами	
		I прокимен / <i>Воскресни Господи</i> / II прокимен / <i>Всякое дыхание</i> / Евангелие	Евангелие
7. Великое Славословие	Тропарь <i>Воскресение Спасово, еже хвалим</i>	Великое Славословие с тропарем <i>Воскресение Спасово, еже хвалим</i>	
8.1 <i>Верую</i>		<i>Верую</i>	(Символ веры**)
8.2 <i>Отче наш</i>		<i>Отче наш</i>	
8.3 <i>Господи помилуй</i> (300)		<i>Господи помилуй</i> (300?)	<i>Господи помилуй</i> яко не ктому изглашати возмощи" (пока хватит сил)
8.4 Отпущ		Отпущ	

* Изложение чина аввы Филимона: С. 243. 15–24 (см. примеч. 39).

** В чине аввы Филимона не упомянут, но старец советует одному брату всегда читать его перед сном (С. 245. 10–12).

Е.В. ГЕРЦМАН

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ МИХАИЛА ПСЕЛЛА

В наследии Михаила Пселла имеется несколько работ, тематика которых связана с теорией музыки. Будучи главой константинопольской школы философов, он не уделять должного внимания наукам квадривиума и, в частности, музыке. Его деятельность в университете и организованные им при императорском дворе ученые диспуты не обходились без обсуждения вопросов музыки, так как для аргументации общеприятных философских утверждений, как правило, должны были привлекаться примеры из различных научных областей и музыка не являлась исключением. Поэтому осмысленный объем знаний Пселла в этой сфере поможет в будущем более полно выявить музыкально-теоретических проблем, изучавшихся в византийской учебной практике XI в. Так как сохранившиеся специальные источники относятся, в основном, к более позднему периоду, то наследие Пселла, несмотря на всю скромность своей "музыкальной части", может оказать здесь существенную помощь¹.

Как известно, средневековая теория музыки, *musica speculativa*, ставшая неотъемлемой частью квадривиума, целиком и полностью строилась на положениях античной музыкознания. Это был некий застывший научно-учебный феномен, в основе которого лежали представления, сформулированные еще пифагорейцами и развитые более поздними древнегреческими учеными. Любой отход от традиций здесь был невозможен. Эволюция же средневековой музыкально-теоретической мысли совершалась в другой сфере — в *musica practica*. Что же касается *musica speculativa*, то близость изложения параграфов к наиболее фундаментальным античным первоисточникам рассматривалась как подлинная научная добросовестность и свидетельство глубины познания материала. Действительно, история средневекового квадривиума показывает, что наиболее основательными музыковедческими работами оказались те, которые либо буквально следовали канонам, либо пространно и обстоятельно комментировали их, не избегая сложных и "темных" мест. Когда же средневековые авторы старались упростить толкования древних (такая тенденция также была достаточно широко распространена) или привлекать сведения не из "первых рук", пользуясь сокращенными и зачастую нестычными пересказами античных сочинений, — то это было явным симптомом упадка и деградации. С таких позиций следует оценивать и музыкально-теоретические высказывания Михаила Пселла.

Его "Комментарии к возникновению души по Платону" ("ὑπόμνημα εἰς τὴν τ...

¹ Естественно, что для этой цели нужно использовать анализ только тех материалов, принадлежность которых Пселлу не вызывает сомнений. О псевдо-пселловской музыкально-теоретической литературе см.: Richter L. Antike Überlieferungen in der byzantinischen Musiktheorie // Deutsche Jahrbuch der Musikwissenschaft für 1961. Leipzig, 1962. Jg. 6. S. 95; Idem. "Psellus' Treatise on Music in Mizler's "Bibliothek" // Studies in Eastern Chant. L., 1971. Vol. 2. P. 112–128; Hennick Ch. Die Lehrschriften der klassisch-byzantinischen Musik // Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. II. S. 183–218.

Πλάτωνος Ψυχογονίαν")² представляют собой толкование разделов платоновского "Тимея" (31с–36е), посвященных описанию создания "души мира". Сочинение Пселла было написано под сильным влиянием и с обширными заимствованиями из "Комментариев к Тимею Платона" Прокла (410–485). В нем изложены определения музыкального звука, интервала, тона, апотомы (большого полутона), лейммы (меньшего полутона) и родов (диатонического, хроматического и энгармонического), которые полностью идентичны формулировкам, бытовавшим в древнегреческой науке. Знакомство Пселла с античными источниками, скорее всего, не шло дальше общих работ.

Так, он приводит общеизвестные положения о том, что "кварта выражается эпитритом, а квинта – полутонным отношением. Они называются у музыкантов первыми и простыми созвучиями. Октава же составляется из кварты и квинты, проявляясь в двойном отношении"³. Аналогичным образом в его комментариях можно увидеть популярное для античной науки положение о пропорциональных выражениях частей тона.

Вместе с тем, пселловское определение музыкального звука несколько отличается от древнегреческого. Античных теоретиков всегда интересовало качество музыкального звука: "Звук – это вид звучания на одной высотности" ("φωνῆς πτώσις ἐπὶ μίαν τάσις φθόγγος ἔστι")⁴. Так отмечалась точная интонационная высотность, отличающая звук, пригодный в качестве материала для музыки, от других звуковых форм. Пселл же акцентирует внимание своего читателя только на происхождении звука и видит в нем лишь звучащую данность, вызванную колебаниями струны, и не более: "Звук – это некоторый резонанс одной струны" ("φθόγγος γὰρ ἔστιν ἡ τῆς μιᾶς χορδῆς ποῖά τις ἀπηχήσις")⁵. Для средневекового квадривиума такое определение звука было вполне закономерно, несмотря на то, что отличалось от канонизированного античного. Ведь музыка в квадривиуме рассматривалась исключительно как математическая дисциплина и самое главное состояло в том, чтобы продемонстрировать физическую природу звука и математическую суть интервалов.

Сохранилось три письма Пселла, содержание которых так или иначе связано с музыкой. Они опубликованы еще в XIX в. Ш. Рюэлем⁶. По его предположению письма адресовались Михаилу VII Дуке. Однако более обоснованная гипотеза указывает на Иоанна Дуку, брата Константина X⁷. Одно из этих писем было вторично издано Г. Абертом⁸, не знавшем о публикации Ш. Рюэля. Г. Аберт без серьезных оснований считал, что изданное им письмо адресовано Константину IX Мономаху.

Первое из писем показывает тонкое знание Пселлом древнегреческой музыкальной мифологии. Он стилизует свою дискуссию с адресатом "под античность", начиная письмо с вопроса: "Очаровываю ли я тебя звучанием моих речей как авет, либо соревнуюсь я с твоей музыкой как соперник?"⁹. Далее он констатирует: "Я нахожусь во власти кифары твоих писем"¹⁰. По ходу изложения письма Пселл вспоминает и Пана ("козлоногий и рогатый бог, представленный в мифе"¹¹) и сирен, и Марсия, и Аполлона.

Второе письмо посвящено описанию некоторых сторон музыкально-теоретической концепции пифагорейства. В нем рассказывается, что "последователи Пифагора получили своеобразную первопричину звуков и создали созвучия, сопоставляя равные числа с одинаковыми звуками, а неравные – с неодинаковыми ("ταῖς μὲν ἴσους τῶν ἀριθμῶν τοῖς ἰσοτόνοις φθόγγοις παραβαλόντες τοὺς δ' ἀνίσους τοῖς ἀνισοτόνοις"). И для этого они приравнивают эпиморные и многочастные отношения к созвучиям"¹². Затем сообщается какие пропорции соответствуют простым созвучиям, – то есть кварта, квинта и октава. Завершая изложение основных воззрений пифагорейцев на взаимоотношения интервалов и пропорций, Пселл пишет, что "величина, составленная из октавы и квинты, выражалась тройным отношением, а составленная из двойной октавы – четверным. Из октавы и кварты они устанавливают несозвучную (ἀσύμμελον) величину, так как это отношение, выражаясь пропорцией 8 : 3 – ни эпиморное, ни многократное"¹³.

Здесь Пселл передает воззрения пифагорейцев, согласно которым консонансам являются только интервалы, способные быть выражены эпиморными и многократными отношениями. В эпиморном отношении (ἐπιμόριος) большее число полностью содержит меньшее и еще одну его часть (квинта – 3 : 2, кварта – 4 : 3 и т.д.), а в многократном (πολλαπλάσιος) большее число содержит меньшее более, чем один раз (октава – 2 : 1, децима – 3 : 1 и т.д.). Так как отношение ундецимы (8 : 3) не относится ни к одной из таких пропорций, то пифагорейцы не признавали ее консонансом ("созвучием").

Складывается впечатление, что ипату философов не были известны "Гармоники Птолемея, где критикуется пифагорейская трактовка ундецимы и сам этот интервал уже рассматривается как консонирующий ("созвучный"). Однако начало только что приведенного раздела из рассматриваемого письма Пселла представляет собой почти дословную цитату из "Гармоник" (I.7): "...мы соотносим равные числа с одинаковыми звуками, а неравные – с неравными" ("τοὺς μὲν ἀριθμοὺς τοὺς ἰσοτόνοις φθόγγοις ἀπομένον, τοὺς δὲ ἀνίσους τοῖς ἀνισοτόνοις")¹⁴. Скорее всего, Пселл был знаком лишь с кратким пересказом основных положений обширного сочинения Птолемея и не знал его важных "деталей", составляющих научную индивидуальность трактата. Возможно также, что в распоряжении Пселла была какая-то рукопись, содержащая главнейшие положения античного музыкознания и, в том числе, отдельные выдержки из "Гармоник". Во всяком случае, анализ текстов Пселла не дает оснований говорить, что он был глубоко знаком с текстом Птолемея.

Доказательство Птолемея о консонантности ундецимы не должно было заинтересовать составителя источника Пселла, так как оно базировалось на описании одинакового слухового восприятия ("τὴν αὐτὴν ἀντίληψιν γίνεσθαι ταῖς ἀποαῖς")¹⁵ кварты и ундецимы. Такое обоснование, посредством столь слабого и недостоверного инструмента, каким считалось слуховое ощущение, противоречило важнейшим методологическим принципам musica speculativa. Поэтому идея Птолемея не могла попасть в комpendium, которым пользовался Пселл.

Третье письмо Пселла можно условно разграничить на четыре основных тематических раздела. В первом ведется речь о гармонии в общеэстетическом плане – как способе упорядочения всего существующего в природе. Здесь излагается древнее известное еще во времен Гераклита, понимание гармонии как соединения противоположностей. Кстати, в этом разделе Пселл повторяет популярное позднеантичное и ранневизантийское определение "совершенного мелоса"¹⁶, выражающееся в сочетании

² Цит. по: Vincent A.J.H. Notice sur divers manuscrits grecs relatifs à la musique. P., 1847. P. 316–337.

³ Ibid. P. 327; ἐπίτριτος – 4/3, ημιόλιος – 3/2, διπλάσιος – 2/1.

⁴ См., например: Aristoxeni Elementa harmonica I.15 // Aristoxeni Elementa harmonica, Rosetta da Rios recensuit. Romae, 1954. P. 20; Cleonidis Isagoge harmonica 1 // Musici scriptores graeci Rec. prooemiis et indice instruxit Carolus Janus. Leipzig, 1895. P. 179.

⁵ Vincent A.J.H. Op. cit. P. 327.

⁶ См.: Ruelle Ch.-E. Rapports sur une mission littéraire et philologique en Espagne // Archives des missions scientifiques et littéraires. Ser. III. P., 1870. T. II. P. 612–619.

⁷ Weiss G. Forschungen zu den noch nicht edierten Schriften des Michael Psellos // Βυζαντινά. 1972. 4. S. 32.

⁸ Abert H. Ein ungedruckter Brief des Michael Psellus über die Musik // Sammelbände der internationalen Musikgesellschaft. 1900/1901. Bd. 2. S. 333–341.

⁹ Ruelle Ch.-E. Op. cit. P. 612.

¹⁰ Ibid. P. 613.

¹¹ Ibid. P. 612.

¹² Ibid. P. 614.

¹³ Ibid. P. 614–615.

¹⁴ Κλαυδίου Πτολεμαίου Ἀρμονικῶν βιβλία τρία // Die Harmonielehre des Klaudios Ptolemaios / Hrsg. I. Düring. Göteborg, 1930. P. 15.

¹⁵ Ibid. P. 13. (I.6).

¹⁶ См., например: Aristidis Quintiliani De musica libri tres / Ed. R.P. Winnington-Ingram. Leipzig, 1963. I.4 (P. 5); Anonymi Ars musicae III.29 // Anonyma de musica scripta Bellermanniana / Ed. D. Najock. Leipzig, 1975. P. 9.

нии слов, мелодии и ритма: "Τέλειον δὲ μέλος λέγεται τὸ συγκεῖμενον ἐκ λέξεως καὶ ῥυθμοῦ"¹⁷.

Вторая тема письма, затрагиваемая Пселлом — "Дело музыки — исправление нравов и лечение страстей" ("Ἔργον μουσικῆς ἢ τῶν ἠθῶν¹⁸ ἐπανορθώσεις καὶ ἢ τῶν παθῶν θεραπέια")¹⁹. В связи с этим Пселл вспоминает знаменитое античное предание о названиях древнегреческих "гармоний" (дорийской, фригийской и лидийской) и о племенах использовавших ту или иную "гармонию", в результате чего к "гармониям" перешли и наименования соответствующих племен²⁰.

Далее Пселл дает подразделение музыки на составляющие ее части. Согласно приводящейся им дифференциации, музыка состоит из четырех частей: "материальной" (ὕλικόν), "созидающей" (ἀπεργαστικόν), которая иначе называется "творческой" (ποιητικόν), "распространяющей" (ἐξαγγελτικόν), называемой также и "разъясняющей" (ἐρμηνευτικόν), а также "критической" (κριτικόν). "Материальная часть", включающая, скорее всего, основной состав средств музыкальной выразительности, в свою очередь, подразделяется на гармонику, ритмику и метрику. "Созидающая" же часть связана, по-видимому, с самим процессом творчества, так как Пселл говорит, что она целиком излагает "только дело искусства" ("τὸ μὲν μόνον τέχνης ἐστὶν ἔργον")²¹. В ее функцию входит реализация важнейших принципов музыки, посредством которых воплощаются в звучании гармоника, ритмика и метрика, а в итоге формируется "совершенный мелос". Несколько запутано Пселл излагает описание "распространяющей" части музыки. Судя по всему, речь идет об ее исполнении. Но почему-то говорится только об инструментальном исполнении: "распространение" осуществляется "посредством вдувающих, бряцающих и всех соответствующих инструментов" ("διὰ . . . τῶν ἐμπνευστῶν καὶ διὰ τῶν κρουστῶν καὶ διὰ τῶν ἐντατῶν ἀπάντων")²². Но так как "распространению" подлежит не только гармоника, но и ритмика, то отмечается, что "ритмика во всех частях распространения устанавливается отлично от театрального искусства" ("δίχα τοῦ ὑποκριτικοῦ")²³. Пселлу, пользовавшемуся античными материалами, — пусть даже через посредников, — нужно было сразу же, хотя бы намеком, показать свое отношение к осужденному еще на заре христианства языческому театру. Но, согласно традициям античного музыкознания, ритм рассматривался и "сам по себе" (καθ'αυτὸν), и "в самостоятельном танце" (ἐπὶ ψιλῆς ὀρχήσεως), а также вместе со звуками и со словами²⁴. Иначе говоря, ритм издавна объяснялся в различных ипостасях — поэтической, музыкальной и танцевальной. Задача состояла в том, чтобы показать своеобразие форм проявления ритмики в каждой из этих сфер. Поэтому Пселл поясняет формы ритмики в столь многозначительной фразе, которую нужно понимать так: в театре ритмика реализуется посредством движений тела, а в музыке — благодаря движению звуков.

При дальнейшем пселловском изложении основных частей музыки неизвестно откуда вдруг возникает "песенная" (ὠδικόν) часть, о которой до сих пор не было упомянуто. По словам Пселла она подразделяется на авлодию, лиродию и кифародию — пение, сопровождаемое игрой на авлосе, лире и кифаре. Видимо здесь подразумевается "распространение" гармоника, выражающееся в гармоническом (интервальном) сочетании пения и инструментального сопровождения. Это отдаленно напоминает деление музыки, зарегистрированное в трактате Аристиды Квинтилиана²⁵. Однако в целом принципы "разделения музыки" Аристиды Квинтилиана и Пселла различны. Г. Аберт

заблуждался, когда считал, что дифференциация Пселла полностью заимствована Аристиды Квинтилиана²⁶. Можно предположить, что Пселл либо соединил два неоднотипных метода "разделения музыки", либо опять-таки пользовался недошедшим к нам источником компилятивного содержания.

Последняя тема анализируемого письма — знаменитая "гармония сфер", описываемая Пселлом не в деталях, а вообще как единство "нашей гармонии с божественной музыкой" ("τῆς ἡμετέρας ἀρμονίας πρὸς τὴν θείαν μουσικὴν")²⁷.

Важной работой Пселла, связанной с музыкой, является "Введение в ритмическую науку" ("Προλαμβάνομενα εἰς τὴν ῥυθμικὴν ἐπιστημὴν"). Знакомство с этим небольшимopusом показывает, что основным источником для Пселла послужило сочинение Аристоксена о ритме. Имя Аристоксена упоминается сразу же в первом параграфе. Кроме того, достаточно сравнить отдельные фрагменты трактатов обоих авторов, чтобы без труда установить их взаимосвязь. Приведу лишь два из них:

Аристоксен § 7

"... ритм возникает, когда разделение времен принимает определенный порядок" ("... τὸν ῥυθμὸν γίνεσθαι, ὅταν ἢ τῶν χρόνων διαίρεσις τάξω τὰ λάβη ἀφωρισμένην...")²⁸

Аристоксен § 9

"... Речь разделит время такими своими частями как буквами, слогами, словами и всем подобным. Мелос же разделит время своими звуками. Телесное же движение — моментами, фигурами и чем-то таким, что является частью движения" ("... διαίρησει τὸν χρόνον ἢ μὲν λέξις τοῖς αὐτῆς μέρεσιν, οἷον γράμμασι καὶ συλλαβαῖς καὶ ῥήμασι καὶ πᾶσι τοῖς τοιοῦτοις: τὸ δὲ μέλος τοῖς ἐαυτοῦ φθόγοις τε καὶ διαοτήμασι καὶ συστήμασιν ἢ δὲ κινήσεσι σημείοις τε καὶ σχήμασι καὶ εἴ τι τοιοῦτον ἐστὶ κινήσεως μέρος")³¹

Пселл § 3

"Ритм — это некоторая система, образованная из времен, установленных по некоторому определенному способу" ("ἔστι δὲ ὁ μὲν ῥυθμὸς σύστημα τι συγκεῖμενον ἐκ χρόνων κατὰ τινὰς γρόπον ἀφωρισμένον")²⁹

Пселл § 5

"Время разделяется в слове буквами и слогами, в мелосе — звуками, в движении — фигурами и моментами" ("Διακερθεῖται δὲ ὁ χρόνος ὑπὸ μὲν τῆς λέξεως τοῖς τε γράμμασι καὶ ταῖς συλλαβαῖς, ὑπὸ δὲ τοῦ μέλους τοῖς φθόγοις, ὑπὸ δὲ τῆς κινήσεως τοῖς τε σχήμασι καὶ τοῖς σημείοις")³⁰

В сочинении Пселла имеются положения известные не только по "Ритмическим элементам" Аристоксена, но и вообще широко бытовавшие в античной науке. Например, во "Введении" (§ 11) присутствует распространенная у древнегреческих авторов параллель между стопой в ритмике и созвучием в гармонии: "И в природе ритма существует стопное отношение, подобно созвучию в гармонии" ("ἔστι δὲ καὶ ἐν τῇ τοῦ ῥυθμοῦ φύσει ὁ ποδικὸς λόγος ὡς περ ἐν τῇ τοῦ ἡρμοσμένου τὸ σύμφωνον")³². Здесь подразумевается, что временные отношения арсиса и тезиса стопы действуют как звуковысотные отношения в гармонии.

Несмотря на то, что "Введение" основано на большей или меньшей трансформации положений, заимствованных из античного свода научных знаний, в тексте этого сочи-

¹⁷ Ruelle Ch.-E. Op. cit. P. 617.

¹⁸ В рукописи ошибочно — τῶν ἔργων.

¹⁹ Ruelle Ch.-E. Op. cit. P. 617.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 618.

²³ Ibid.

²⁴ Aristidis Quintiliani De musica I.13 (P. 31–32).

²⁵ Ibid. I.5 (P. 6).

²⁶ Abert H. Op. cit. S. 341.

²⁷ Ruelle Ch.-E. Op. cit. P. 618.

²⁸ Aristoxeni Elementa rhythmica. 2 // Grundzüge der Rhythmik, ein Bruchstück, in berechtigter Urform mit deutscher Übersetzung / Neu hrsg. H. Feussner. Hanau, 1840. S. 4.

²⁹ Michaelis Pselli Praecepta ad rhythmicam scientiam // Westpaß R. Aristoxenos von Tarent: Melik Rhythmik des klassischen Hellenentums. Leipzig, 1893. Bd. 2. S. 89.

³⁰ Ibid. P. 89.

³¹ Aristoxeni Elementa rhythmica. 2. P. 7–8.

³² Michaelis Pselli Praecepta ad rhythmicam scientiam. P. 90.

ния можно обнаружить отдельные разрозненные наблюдения, свидетельствующие о размышлениях византийского автора над некоторыми вопросами ритмики. Так, например, в § 4 присутствует плодотворная идея о том, что ритмическое движение представляет собой процесс, где настоящее связано как с предыдущим, так и с последующим: "Ритм не образуется из одного времени, а его возникновение требует предыдущего времени и последующего" ("Ὁ δὲ ῥυθμὸς οὐ γίνεται ἐξ ἐνὸς χρόνου, ἀλλὰ προδεῖται ἢ γένεσις αὐτοῦ τοῦ τε προτέρου καὶ τοῦ ὑστέρου")³³.

Пселл также обращает внимание на взаимосвязь ритма и темпа, так как "слог не всегда сохраняет одно и то же время" ("ἡ γὰρ συλλαβὴ οὐκ αἰεὶ τὸν αὐτὸν χρόνον κατέχει")³⁴. Поэтому темп исполнения одного и того же ритмического образования может варьироваться.

В целом же взгляды, изложенные во "Введении", как и все другие известные воззрения Пселла на музыку, не входят за рамки пересказа самых популярных положений. Чаще всего он пользовался не подлинными античными музыкально-теоретическими сочинениями, а их сжатыми и упрощенными изложениями. В тех же случаях, когда можно говорить о работе Пселла непосредственно над древнегреческими первоисточниками, то ипат философов выбирает из них самые простые, чуть-ли не азбучные истины. Крайне редко в его музыкально-теоретических высказываниях можно обнаружить результат собственной мыслительной работы.

Не исключено, что перед нами знаменательная примета уже начавшегося процесса расслоения византийского квадривиума, когда один, даже столь образованный человек, как Михаил Пселл, не стремился к углубленному познанию все четырех дисциплин. Исторически более поздние материалы подтверждают такую тенденцию. Исключение составляет разве только один Георгий Пахимер. В его "Синтагме" материал, посвященный музыке, изложен так же обстоятельно и глубоко, как и по другим наукам. Все же остальные ученые специализировались в отдельной области знаний, и ориентировались лишь в самых основных вопросах других дисциплин. Во всяком случае невозможно указать ни одного византийского автора, который мог бы с равным успехом претендовать на глубокое познание в музыке и, одновременно, в какой-либо другой науке квадривиума. Следовательно поверхностное знание Пселлом вопросов теории музыки вписывается в общее направление развития византийской научно-учебной жизни.

³³ Ibid. P. 89.

³⁴ Ibid.

Г.Г. ЛИТАВРИН

УСЛОВИЯ ПРЕБЫВАНИЯ ДРЕВНИХ РУСОВ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В X в. И ИХ ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС

Представляется целесообразным, уточнив заглавие статьи*, рассмотреть сначала конкретные, реальные условия проживания и деятельности древних русов в Константинополе и перейти затем к невянятно выраженным в договорах X в. правовым нормам, по-прежнему и в современной историографии получающим самые противоречивые оценки¹.

Прежде всего — о месте и условиях расквартирования русских послов и купцов в столице империи. Если верить договору 907 г.², уже тогда местом пребывания русов был определен византийским правительством квартал св. Маманта ("Приходяще Русь в Маманту у святого Маманта"³). Оговоримся, однако, что вопрос о размещении посольств прибывающих в Константинополь по срочной государственной надобности, независимо от сезонных торговых караванов (о таких посольствах упоминается в 8-ой статье договора 911 г.⁴), нельзя решать однозначно. Послы имели гораздо более высокий официальный статус, чем купцы. Данные об этом бесспорны: именно послы по договорам 944 г. представляли власти Руси, именно их имена названы ранее имен купцов (в договорах 907 и 911 гг. имена купцов вообще не приводятся); до введения князем Киевом "верительных грамот", с которыми послы и купцы являлись в Константинополь, первые предъявляли властям империи золотые печати, а вторые — серебряные⁵; на втором приеме княгини Ольги императором ее послы получили подарки, превосходившие вдвое дарованное купцам⁶. "Слебное" ("слубное"?) — довольствие для послов, выдаваемое им в империи, отличается в договорах даже терминологически от "месячины" для купцов. Более высокий ранг послов учитывался, конечно, и при их размещении. Лиутпранд Кремонский, посетивший в качестве посла столицу империи в 949 и 968 гг., жаловался, что во второй раз ему, вопреки всем ожиданиям, отвели в качестве резид-

* Начало статьи см.: Литаврин Г.Г. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии: (Предварительные замечания) // ВО. М., 1991. С. 60–82.

¹ Обзор литературы о русско-византийских договорах X в., в том числе — о соотношении договоров 907 г. с договорами 911 и 944 гг. см.: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980; Капитанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988.

² Мы разделяем мнение значительного числа историков, признающих и автентичность и практическую значимость договоров 907, 911, 944 и 971 гг. Заново эта проблема изучена в новом издании, подготовленном Институтом Российской истории РАН. В Греции подготовлено исследование о языке договоров с рядом новых чтений и толкований (Malingoudis J. Zur typologische Struktur der byzantinisch-russischen Vorträge des 10. Jh. // XVIII Международный конгресс византистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. II. С. 717–718.

³ Памятники права Киевского государства / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 64–65.

⁴ Памятники права... С. 8.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae byzantinae libri duo. Bonnae, 1829. Bd. I. P. 598. 10–11.

денщи неуютный, лишенный воды и холодный дом, вдали от императорского двора, куда на встречи и приемы ему к тому же приходилось ходить пешком⁷.

Возможно, и послы Руси, приезжая не в компании купцов, проживали не всегда в квартале св. Маманта. Но вряд ли можно сомневаться в том, что, прибывая с купеческими караванами с целью обеспечения прежде всего торговых интересов Руси, послы размещались там же, где и купцы, хотя, вероятно, в более комфортных условиях. Тот факт, что о пригороде св. Маманта не упомянуто в договоре 911 г., не дает, на наш взгляд, права для заключения, что некоторое время между 911 и 944 гг. русы квартировали где-то в другом месте. Договором 944 г. резиденция прибывавших с торговыми флотилиями послов и купцов не "возвращалась" в квартал св. Маманта, а утверждалась как единственная, чтобы русы впредь не нарушали этого правила и не пытались (а случаи, повлекшие неприятные инциденты, без сомнения, бывали) проживать в иных местах или "зимовати у святого Мамы"⁸.

Квартал св. Маманта — предместье вне стен столицы, расположенное примерно в двух километрах от ближайшего участка северных стен Константинополя, на европейском берегу Босфора (Стена), близ выхода из пролива в Мраморное море⁹. Пригород получил свое название по имени монастыря, основанного в этом месте в честь великомученика Маманта. Монастырь уже существовал, когда после пожара 469 г. Лев I (457—474) воздвиг здесь всего за полгода роскошную загородную резиденцию — дворец с ипподромом, портиками и оборудованной гаванью; дворец стал местом празднеств и развлечений василевсов; разграбленный и сожженный по приказу болгарского хана Крума в 813 г., дворец был еще более пышно отстроен Михаилом III (842—867), который превратил его в свою почти постоянную резиденцию; здесь он был и убит в результате заговора Василия I Македонянина¹⁰.

Пригород вокруг этого монастыря и царского дворца и оказался местом расквартирования русов. Характерная деталь: видимо, хорошо изучив здесь побережье, порт и лоцию пролива, русы тяготели к этому месту даже во время конфликтов с империей — именно здесь, против высокого берега у квартала св. Маманта, они ставили в боевой порядок свои ладьи, принимая бой с византийским флотом и в 941 и в 1043 г.¹¹

⁷ Liutprand von Cremona. Die Werke / Hrsg. J. Becker. Leipzig, 1915. S. 206.

⁸ Памятники права... С. 32.

⁹ Дискутируя о местоположении монастыря, исследователи указывали еще на две обители в честь того же святого (у Влахерн и у Золотых Ворот), но спор был убедительно решен Ж. Паргуаром. См.: Pargoire J. St. Mamas, le quartier russe de Constantinople // EO. 1968. Vol. XI. P. 203—210; Janin R. Constantinople byzantine. P., 1950. P. 140, 189, 234, 431—432.

¹⁰ Iosephi Genesii Regum libri quattuor Rec. A. Lesmueller—Werner et I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1978. P. 72. 46—51; Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum Ed. I. Thurn. N. Y., 1973. P. 107. 44—108; 114. 50—51; 131. 11—12.

¹¹ Локализация этих сражений — предмет дискуссии. Известно, что флот Игоря построился у Фароса (маяка). Однако надо определить — о каком Фаросе идет речь. Источники чаще всего говорят о Фаросе в Вуклеоне, входящем в комплекс Большого императорского дворца. Этот Фарос стоял в самом городе, на террасе близ царской гавани, на южной стороне Константинополя, а не на Босфоре или Золотом Роге. Огонь на этом маяке был сигнальным — он зажигался, когда арабы вторгались в южные пределы малоазийских владений империи: Фарос был конечным пунктом в цепи сигнальных маяков, последовательно передающих весть о набеге врага от окрестностей Тарса до столицы (см. об этом: Theophanus Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus, Bonnæ, 1838. P. 197—198; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей Изд. подгот. Я.Н. Любарский. СПб., 1991. С. 85, 295; Io. Scyl. P. 229. 93—94). Описание сражений не оставляет, однако, сомнений в том, что они происходили не в виду царского дворца, а вдали от него. Тот же продолжатель Феофана пишет, что сражение 941 г. имело место близ другого Фароса (подлинно маяка, "указывающего дорогу плывущим ночью", "у входа в Понт Евксинский", "на Иероне"; после проигранной битвы часть русов разорила "побережье Стена" (Босфора) и сожгла много церквей (Theoph. Cont. F. 196). Согласно Скилице, эта битва произошла "в Иероне", "у Фароса и близлежащего берега" (Io. Scyl. P. 229. 93—94). Рассмотрев споры в литературе и сопоставив выводы ученых с приведенными данными источников, А. Поппе не скрывает своих колебаний, но склоняется к мысли, что этот маяк следует локализовать у входа в Босфор из Мраморного моря (Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa,

Согласно "Книге епарха", иногородние купцы — подданные империи обосновывались в столице во время торга в ксенодохиях или снимаемых за плату помещениях в частных домах. Что же касается иностранцев, то их размещали только в специально предназначенных для них гостиничных комплексах — подворьях (митатах, занимавших целые кварталы), в которых имелись не только спальни и трапезные, но и все другие бытовые службы, а также склады для товаров и конюшни для верховых, тяглых и вьючных животных¹². Такой порядок приема иноземцев в столице империи удовлетворял прежде всего одну из главных забот властей в отношении чужестранцев — обеспечивал постоянный (с экономной затратой сил) надзор за ними, о котором недвусмысленно говорится и в "Книге епарха" и в русско-византийских договорах. Размещение посла вне митата влекло дополнительные хлопоты: к дверям резиденции Лиутпранда были поставлены во весь срок его пребывания 4 вооруженных стража, мешавших его общению с жителями города¹³.

Следовательно и для русов помещения в пригороде св. Маманта должны были удовлетворять двум главным условиям: во-первых, быть достаточно большими для одновременного расквартирования нескольких сот человек¹⁴ и, во-вторых, располагать всеми необходимыми бытовыми службами для автономного проживания массы людей, элементарными удобствами которых никак нельзя было пренебречь, так как ежедневный выход множества вооруженного народа за пределы предместья, попытки самообслуживания (прежде всего поиск продовольствия и индивидуальное приготовление пищи) грозили бы опасностью беспорядков и конфликтов и с официальной властью, и с местными жителями.

В "Книге епарха" сказано, что иностранцы в Константинополе платили не только за гостиницу, но и "за проживание" (τὰ ἐνοίκια καὶ μὴνύη) ¹⁵, т.е., как мы это понимаем, "за размещение и за пищу", которую они принимали в трапезной своей гостиницы.

1968. P. 122. Not. 164). Мы решительно поддержали мнение, что речь должна идти о южном горле Босфора (Литаврин Г.Г. Война Руси против Византии в 1043 г. — Исследования по истории славянских и балканских народов эпохи средневековья. Киевская Русь и ее соседи. М., 1972. С. 203—204). Но в таком случае это место как раз и находится в том районе Босфора, где располагался квартал св. Маманта. Неясность остается, однако, относительно того, на каком берегу стоял маяк. Мы предпочитаем европейский по нескольким причинам: сохранившиеся известия о средневековых маяках на Босфоре "помещают" их именно на европейском берегу (Majeska J. Russian Travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth Centuries. Wash. (D.C.), 1984. P. 90, 245—246); целесообразнее для сооружения маяка была именно европейский, более высокий берег, именно здесь находилась и удобная бухта, обозначаемая и ныне на картах как стоянка судов; в 1043 г. русы проникли "уже внутрь Пропонтиды", они ждали битвы снова "у устья Понта", "у Фароса", во время сражения с ними разразилась буря и восточный ветер выбрасывал ладьи русов на скалистый (европейский) берег (Michel Psellos. Chronographie / Ed. E. Renauld. P., 1967. Т. II. P. 9.1—2; 11.8—12, 18). В.Г. Василевский, опираясь на источники, показал, что иногда в них под "Пропонтидой" подразумевается не только Мраморное море, но и Босфор или только Босфор (Василевский В.Г. Труды, Пг., 1915. Т. III. P. CXXX—CXXXVIII). В таком случае слова "у устья Понта" означали бы только северную часть Босфора. Однако в источниках обычно, в несравненном большинстве случаев, "Пропонтида" — именно Мраморное море, подлинное "Предпонтье". Мы уверены в том, что именно в этом смысле в приведенном выше месте употребил этот термин Михаил Пселл, имея в виду Мраморное море. Только при таком толковании понятно, что одновременно можно находиться "внутри Пропонтиды", "на Стене" и "у устья Понта". К тому же представляется абсурдным, на наш взгляд, чтобы русы, если бы они потерпели тяжкое поражение у северного входа в Босфор, тут же ринулись (прорвав блокаду имперского флота?) в пролив, чтобы с успехом разорить его берега.

¹² Византийская книга Епарха / Вступ. ст. пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 3, 55, 79, 157, 158, 161, 166.

¹³ Liutpr. P. 200, 206.

¹⁴ Мы по-прежнему считаем, что значительная (или даже большая) часть людей, обслуживавших торговую флотилию в пути, оставалась с момента прибытия и до отплытия в обратный путь в Месемврии, где, согласно Константину Багрянородному, завершалось плавание русов. См.: Литаврин Г.Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Междунар. съезд славистов. М., 1983. С. 67.

¹⁵ Книга епарха. С. 79. Так толкует это место и М.Я. Сюзюмов.

Вряд ли византийцы допускали самих русов топить и бани (столь непохожие на русские), в которых русы мылись, "елико хотять"¹⁶.

Все необходимое для размещения сотен русов "у святого Маманта" должно было, несомненно, иметься, но не потому, что власти империи оборудовали здесь специально пристанище для русов, приезжавших ради торговых целей. Пристанище здесь было создано давно, но для иных целей. Немало помещений и бытовых заведений требовалось уже для прислуги дворца и для отряда воинов, охранявших дворец (с помощью этих стражиотов Василий I и совершил переворот)¹⁷. В середине X в. отряд "крещеных русов" охранял большой императорский дворец¹⁸. Иноземных наемников предпочитали для этой роли, а русов и варягов среди них было немало уже в первой половине столетия. Именно они могли охранять и загородный дворец василевса. Однако для размещения множества русов в квартале св. Маманта нужно было иметь не только бытовые службы, но и свободные помещения. Полностью соответствовали бы для этой цели зимние квартиры столичных тагм (они располагались в пригородах, т.е. у западной стены города и за Золотым Рогом, где и находился квартал св. Маманта¹⁹). "Казармы" обычно пустовали как раз во время мореходного сезона на Черном море: войска уходили в военный поход или стояли в летних лагерях на учениях. У нас есть все основания предполагать, что наемный отряд, состоявший из русов и варягов, квартировал зимой именно в предместье св. Маманта. Известно, что в 911 г. 700 русов участвовали в походе имперских войск на Крит²⁰. Поэтому в договоре 944 г. выразительно подчеркнуто, что прибывающие для торговли русы "не имеют власти зимовати у святого Мамы"²¹ (квартиры следовало освободить для зимовки воинов). 700 воинов были необходимы для комплектования почти двух самостоятельных воинских единиц — турм (или банд)²², имевших свои фламулы (знамена) и не подлежащих расформированию на время зимовки. Не лишено значения и то обстоятельство, что довольствие воинам (опсоний, или ситиресий) выдавалось обычно помесечно, т.е. так же, как и купцам-русам, что и нашло отражение в термине "месячина" (от греч. *τὰ μηνιαία, τὰ μηνιαία*), т.е. "помесечное натуральное довольствие"²³. Иначе говоря, действия правительства в отношении к расквартированию и содержанию русских купцов были весьма целесообразны и продуманны: зимние "казармы" с налаженным бытом и снабжением попеременно занимали зимой наемные отряды из русов, а летом — русские купцы.

О численности русов, прибывавших с Руси и располагавшихся в квартале св. Маманта, можно высказать, разумеется, лишь догадки. В первой части данной статьи мы их уже сделали, полагая, что общее число русов, посещавших с торговой целью империю, за сезон могло достигать 1000—1500 человек²⁴. Но прибывали они не все сразу, и не все приезжавшие находили приют на Босфоре. По нашему мнению, в течение лета с Руси приплывали не менее двух торговых флотилий, отправлявшихся в путь в разное время. Сведения на этот счет, содержащиеся в весьма авторитетных источниках, представляют

¹⁶ Памятники права... С. 64.

¹⁷ *Io. Scyl.* P. 131.8—12.

¹⁸ *Const. Porph. De cerim.* P. 579. 20—22.

¹⁹ *Miller D.A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500—1025 AD // BS.* 1971. Vol. 32.1. P. 64, Not. 29.

²⁰ *De cerim.* P. 654.9—10.

²¹ Памятники права... С. 32.

²² Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1: (I—VI вв.). С. 387 (Коммент. В.В. Кучмы к "Стратегикону" Маврикия).

²³ *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 240. В типике монастыря св. Маманта этим термином (*μηνιαίων*) обозначается также натуральное довольствие монахов, которым заведовал особый диаконит (только он получал продукты из кладовой) (*Τυτικὸν τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μάμαντος / "Εκτ. ὑπὸ Σ. Εὐστρατιάδου // "Ελληνικά.* 1928, 1. Σ. 271.9—15.) Неясно, впрочем, почему это довольствие называлось "месечным": продукты были нужны ежедневно (обитель была общежительной). В отношении русов в св. Маманте этот термин объяснить проще — он был синонимом опсоний и, видимо, продукты для размещенных здесь зимой воинов поставлялись или калькулировались помесечно.

²⁴ *Литаврин Г.Г.* Древняя Русь... С. 67; *Он же.* О юридическом статусе... С. 80—81.

ся противоречивыми только потому, что они неполны. Все зависит от их интерпретации. Приведем эти свидетельства.

Согласно договору 907 г., русские купцы, получая довольствие в соответствии с поименным списком, "возмут месячное свое, первое от Киева и паки ис Чернигова и ис Переаславля" (эта фраза почти дословно воспроизведена и в договоре 944 г.), причем "емлють месячное на 6 месяцев хлеб [и] вино и мясо и рыбы и овощ"²⁵. А в "Книге эпарха", введенной в практику как раз в это время, трижды и недвусмысленно подчеркнуто, что иностранные купцы не имеют права оставаться в Константинополе более трех месяцев; ослушников ожидали конфискация, избиение, позорящая стрижка волос; не проданный за это время товар мог быть насильственно подвергнут распродаже властями, а его хозяин выслан из города²⁶. По сведениям Константина Багрянородного, русы отправлялись вниз по Днепру из Киева только в июне, дождавшись подхода ладей из всех иных городов, в том числе северо-западных (из Новгорода и Смоленска). При этом через 5 порогов они проходили, облепив ладьи и сами "наги-ми" (*γυμνοί*) сходя в воду; осенью же, "когда наступит ноябрь", архонты "со всеми росами" уходят в "полюдь" в Славинии, где остаются до апреля²⁷; по данным того же автора, княгиня Ольга и часть ее свиты (в том числе послы и купцы) 18 октября еще находились в Константинополе²⁸. Во время же военных экспедиций против империи в 860 и 941 гг. ладьи русов в начале-середине июня уже стояли под царственным городом²⁹.

Некоторые из этих известий следует оценивать критически. Так, мы полагаем, что августейший автор абсолютизирует, говоря о едином сроке отплытия русов и о едином торговом караване за сезон. Считаю мало вероятным, чтобы киевский князь и высшая знать всего Среднего Поднепровья, имея возможность воспользоваться высокой водой, по которой легко преодолеть пороги, ожидали бы не менее полутора месяцев "северян" (в краях которых реки вскрывались на две-три недели позже и которым до Киева предстояло пройти от 800 до 1200 км³⁰). Мы полагаем, что от Киева в весенне-летний сезон отплывали две флотилии: первую снаряжали из городов Среднего Поднепровья в конце апреля — начале мая (к началу июня она достигала предместья св. Маманта). Вторая — из городов Северо-Западной Руси — прибывала в Киев к середине июня, в конце месяца отплывала из Киева и к началу августа находилась у цели.

Прямое подтверждение такой интерпретации мы усматриваем в свидетельствах договоров, что первыми получали слобное и месячину послы и гости из Киева, Чернигова и Переяславля. Конечно, это указание не на престижное первенство в "очереди" за довольствием всех русов, прибывших одновременно, а на факт прихода с первой флотилией. Такой порядок представлялся бы наиболее целесообразным не только с пригодно-климатической, но и с организационной и бытовой точек зрения (квартирование у св. Маманта), что, на наш взгляд, и зафиксировано в договорах. В конце июля — начале августа вторая флотилия как бы сменяла в предместье св. Маманта первую, отплывавшую на родину.

Однако выражение "первое от града Киева" почти буквально ("первое на Киев") приведено совсем в ином контексте в начале договора 907 г.: "И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключ, и потом дати уклады на Руськны грады:

²⁵ Памятники права... С. 32, 65.

²⁶ Книга Эпарха. С. 79, 83, 89.

²⁷ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991. С. 44—50.

²⁸ *De cerim.* P. 598. 2—3.

²⁹ К 18 июня в 860 г. (*Analecta Bruxellensia. Chroniques byzantins du manuscrit 11370 Par F. Cumont. Rec. des travaux publ. par la Faculté de Philosophie et des lettres. Bruxelles, 1894. Fasc. 9. P. 33*) и к концу мая — началу июня в 941 г. (*Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 141).

³⁰ В 1389 г. Игнатий Смоленский (Смоляннин), отправившись из Москвы 13 апреля и держа путь в Царьград (он пролегал по р. Москве, Оке, далее — по суше до верховьев Дона, а затем до конца — водою), прибыл в Константинополь в конце июня, т.е. через 2,5 месяца. См.: *Majeska J. Russian Travelers.* P. 90—91). Путь от Новгорода был не менее труден и долгов.

первое на Киев, та ж на Чернигов и на Переяславль и на Ростов Полтеск [и] на Любеч³¹ и на прочая города, по тем бо городом седяху князья, под Олгом суще"³². Проблема дани (как и военных статей договоров) не входит в сюжет статьи. Этим вопросом уделил особое внимание А.Н. Сахаров. Его заключение, что в первой трети X в. Византия платила дань Руси³³, представляется убедительным: Константин Багрянородный наставлял политиков-современников, что только союз с печенегами позволяет избегать уплаты денег венграм и русам в обмен за мир³⁴. А.Н. Сахаров полагает, что в процитированном тексте договора 907 г. говорится сначала о единовременной дани (контрибуции), а затем — о регулярной (ежегодной?) дани — "укладах"³⁵. По мнению И. Сорлен, "уклады" — это особые соглашения империи с каждым из городов Руси об условиях торговли с империей, включая и вопрос о размещении и о месячине³⁶. К этой точке зрения, кажется, присоединяется и Д.А. Миллер³⁷.

Мы не разделяем этих мнений. Уже Дюканж в своем словаре среднегреческого языка указал, что *μηναι* или *μηνιαί* (месячина) — это *menstruae distributiones*. Принял это и И.И. Срезневский в своем словаре древнерусского языка. Никаких отдельных соглашений империи с отдельными городами Руси в X в. не существовало: в торговых сношениях с Константинополем все они, будучи "под рукою князя", находились в равных условиях. Имена знатных персон, которых представляли послы (сопровождаящие купцов), названы в договоре 944 г. не только для фиксации прав этих персон, но и для констатации их ответственности (дополнительно к гарантиям со стороны князя Киева) за поведение подвластных им послов и купцов (они творили иногда "бещинье" и "пако-сти" в селах империи). "Уклады" — это, по нашему убеждению, согласованные при заключении договора выдачи натурального довольствия послам и купцам Руси на время их ежегодных торговых операций в столице империи. То обстоятельство, что в договоре 907 г. о выдаче месячины сказано особо, почти в тех же выражениях, что и об "укладах" (т.е., при нашем толковании, сказано еще раз об одном и том же), можно объяснить, видимо, тем, что сначала в договоре изложен текст заявления (требования) от имени Олега (Руси). Причем в первую очередь говорится о самом главном — о дани, которая состоит из единовременной денежной суммы и из регулярных, ежегодных "укладов". Далее (также от имени Руси) конкретизируется — из чего состоят "уклады" и на какой срок (6 месяцев) они выдаются. И, наконец, по сути дела в третий раз (теперь уже от имени византийцев), сказано о месячине почти в тех словах, в каких о ней говорится в первый раз от имени князя, где она обозначена термином "уклад", т.е. прямо у нему приравнена.

Загадку о выдаче русам месячины на шесть месяцев можно решить, по нашему мнению, сделав два допущения. О первом (о двух, сменяющих друг друга флотилиях) мы уже сказали. Второе состоит в признании, что в общий счет шести месяцев, на которые выдается месячина, зачислялись два месяца (по одному на каждую флотилию) обратного пути русов от Константинополя до Киева: для византийской стороны было важно определить общий расход на содержание русов, а "брашно на путь", видимо, выдавалось им по той же норме. Итак, русы первого каравана содержались в течение июня и июля и получали продукты на август (на обратный путь), русы второго кара-

вана пользовались довольствием в империи в течение августа и сентября и снабжались ("на путь") на октябрь. Август, таким образом, становился для имперской казны месяцем двойных расходов. Установленный "Книгой эпарха" трехмесячный срок пребывания иностранцев в Константинополе и в данном случае не нарушался: напротив, русы каждой флотилии оставались в столице империи только на два месяца.

И. Сорлен пыталась решить проблему "шести месяцев" иначе: она полагает, что на 6 месяцев выдавалось только слобное, а месячина — лишь на 4 месяца: на июль, август, сентябрь и октябрь³⁸. Трудно принять такое толкование. Во-первых, по естественно-природным причинам: в таком случае новгородцы, чтобы к началу июля прибыть в Константинополь, должны были бы отправляться в путь в середине апреля, почти одновременно с ледоходом; что же касается возвращения домой, то, отправившись с чужбины в конце октября, они достигли бы родного города только в декабре, по санному пути (не говоря уже о том, что в порогах им пришлось бы бродить в стыллой, предзимней воде)³⁹. Во-вторых, крайне мало вероятно, чтобы князья и бояре северо-западных городов Руси отправились в ноябре в "полюдь", не встретив вернувшегося из империи торгового каравана, не осмотрев приобретенные для них заморские товары и не получив отчета от своих послов и купцов об их торговых операциях.

Говоря о примерной численности русов, одновременно останавливающихся в квартале св. Маманта, мы исходим из нашей гипотезы о двух флотилиях. По договору 944 г. в течение дня внутрь стен Константинополя одновременно впускалась группа, не превышавшая 50 человек. Следовательно, всего в гостинице на Босфоре находилось по крайней мере четыре группы (около 200 человек), ожидавших своей очереди для посещения рынка. Не менее 200 человек находилось в столице империи и с княгиней Ольгой (только побывавших с нею на приемах у императора было 149 человек)⁴⁰. Договор 907 г. определял, что приходящие "бес купли" не имеют права на месячину, а значит, как мы думаем, и на бесплатный кров и вообще на постой в квартале св. Маманта. Право на это получали только те, кто имел "удостоверения" (печати, а затем грамоты), полученные от князя в знак того, что они находятся под его покровительством и *законно* пользуются предоставляемыми по договорам льготами. Практика показала, что регламентация торговли русов в империи в соответствии с договором 911 г. не избавляет от инцидентов: необходимо было ужесточение контроля и со стороны князя и со стороны властей Византии, что и было с обоюдного согласия зафиксировано договором 944 г. Империя опасалась при этом не столько избыточного количества русских торговых судов и слишком большого числа послов и купцов (примерные возможности Руси на этот счет Константинополю, видимо, были известны), сколько появления у берегов империи "под прикрытием" регулярных русских караванов неучтенных, "диких" ладей с искателями славы и добычи, за которых правительство Руси не могло нести ответственности. И по договору 944 г. князь Киева и князья иных центров имели право отправлять в Византию корабли, "елико хотять", но с указанием в грамотах их точного числа в знак того, "оже с миром приходять", и с поименным перечнем всех послов и купцов (явившиеся без грамот подлежали аресту, сопротивляющиеся могли быть убиты, бежавшие на Русь — по уведомлению из Византии подлежали суду князя Киева⁴¹).

³¹ Тот факт, что соседний с Черниговым Любеч отнесен в договоре ко второй группе городов, противоречит нашей гипотезе о двух флотилиях (а именно — среднеднепровской и северо-русской). Но достаточно ли этого для отказа от обоснованного нами предположения? Могли иметь значение неизвестные нам соображения киевского князя, да и Любеч мог иметь особый статус (например, его послы могли представлять великого князя и при втором караване).

³² Памятники права... С. 64.

³³ Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 108.

³⁴ Конст. Багр. Об упр. имп. С. 38.

³⁵ Сахаров А.Н. Дипломатия... С. 108.

³⁶ Sorlin I. Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1961. Vol. 2, N 3. P. 330. Not. 68; 345.

³⁷ Miller D.A. Byzantine Treaty... P. 67.

³⁸ Sorlin I. Les traités... // Cahiers... Vol. 2, N 3. P. 350; 1961. Vol. 2, N 4. P. 458.

³⁹ Задержка Ольги в Константинополе до 2-й половины октября не может служить ориентиром — это был исключительный случай. Плавание в октябре по Черному морю не представляет особых трудностей для малых судов (чего нельзя сказать о ноябре) (см.: Черное море: Сб. ст. Варна, 1978. С. 65), но главные тяготы поздней осенью ожидали караван не в море, а в днепровских порогах. В. 1389 г. митрополит Киприан, отправившись из Константинополя 1 октября, не пошел днепровским путем: он поднялся по Днестру до района г. Сороки, откуда по суше направился в Киев (Majeska J. Russian Travelers... P. 90–91).

⁴⁰ Литаврин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополе и "дары" императора. — Визант. очерки. М., 1982. С. 72–74, 89.

⁴¹ Памятники права... С. 31.

Нет никаких сомнений в том, что право на размещение и довольствие имели не только перечисленные в грамотах и внесенные (также поименно) в свой реестр имперским чиновником послы и купцы, но и сопровождавшие их лица. Согласно протоколу второго приема Ольги, вместе с 22-мя послами русов во дворце находились и их "шесть людей"⁴² (ранг этих шести послов был, как кажется, в чем-то выше, чем у других 16-ти). По "Тактикону Филофея", в конце IX в. 30 болгарских послов могли взять с собой на прием не более "18 своих людей"⁴³. Лиутпранд негодовал, что ему не позволили привести с собой на прием у императора ни одного из своих 25 спутников⁴⁴. Конечно, свита каждого из русских послов, сопровождавших торговые флотилии, была намного скромнее (да и местá в загруженных товарами ладьях были "на вес золота"). Но и посол русов (персона, несомненно, видная на родине) не мог не иметь с собой по крайней мере трех помощников и слуг, помогавших в быту, в наблюдении за подвластными ему купцами и в торговле собственными товаром посла (послы также не упускали свой интерес, посещая мировое торжище: в частности, не гнушался торговать и аббат Клермонского монастыря Лиутпранд⁴⁵).

Безусловно, трех-четыре помощников (слуг или челядинцев) должен был иметь и каждый из купцов (товары нужно было не раз перегружать, переносить и охранять: сами греки при торговле дорогим товаром имели при себе ститоров-охранников⁴⁶). В 1043 г. драка русов с греками на константинопольском рынке стала поводом к межгосударственному конфликту⁴⁷. Все эти люди (и послы и купцы) в любой момент должны были быть в распоряжении их господ: раздельный в пространстве и времени прием ими пищи мог помешать делу и нарушить порядок. Мы считаем, что соглашение с греками предусматривало, может быть, с точно оговоренными деталями одновременное и бесплатное размещение и питание в квартале св. Маманта и всей этой прислуги послов и купцов, хотя и спальни и стол господ были лучше, чем у слуг (известно, что и в византийской армии командный состав, даже во время походов, питался отдельно от рядовых воинов, что, вне сомнения, было отлично известно и привычно и распорядителям и обслуге в "зимних квартирах" у св. Маманта). Общее число русов, имевших право на кров и пищу у св. Маманта, возможно, было разным в разные сезоны – в зависимости от ситуации, складывавшейся на Руси. В какой-то мере об ориентировочных цифрах можно судить по числу послов, отправлявшихся с караванами в империю. К 40-м годам X в. установился, по всей вероятности, порядок, согласно которому число купцов непосредственно зависело от числа послов. В договоре 911 г. этой зависимости еще нет: названы лишь 14 послов⁴⁸, в договоре 944 г. на 25 послов поименованы 30 купцов, а с Ольгой в Константинополь прибыли 22 посла и 44 купца (ровно вдвое больше). Если действительно на каждого посла приходилось по два купца, можно было бы думать, что каждая группа из трех поименно названных персон (посол и два купца) была подотчетна одному князю или боярину, продавала в основном его товар и закупала другие, выполняя наказ господина. Учитывая тот факт, что 3–4 посла представляли интересы князя Киева и членов его семьи, следует допустить, что в целом на Руси к середине X в. существовало около 20 городов⁴⁹. Неизвестно, однако, сколько ладей было у каждого посла. Есть некоторые

основания допускать, что "господским" был не весь товар, продававшийся купцами на Босфоре, – часть товара принадлежала самим купцам или их состоятельным согражданам, поручения которых они выполняли:⁵⁰ в статье 14 договора 911 г. говорится о должниках (скорее всего купцах), оказывавшихся несостоятельными и избегавших возвращения на Русь, на глаза своим кредиторам⁵¹.

Таким образом, численность послов и купцов, посещавших Константинополь за лето, вместе с их прислужгой, минимальным числом опытных мореходов⁵² и рядовых гребцов, допускаясь в предместье св. Маманта, и с привезенными для продажи рабами (составлявшими одну из главных статей торговли русов), вряд ли была меньше, чем 400–500 человек. Следует учесть также, что в том же квартале размещались скорее всего не только зимой, но и весной и летом десятки (если не сотни) отслуживших договорные сроки своей службы наемников (русов и варягов) и раненых и увечных, ожидавших прихода каравана, чтобы вернуться с ним на родину; сюда же прибывали с Руси, нередко крупными соединениями, воины, решившиеся служить в византийской армии. Конечно, империя имела определенные обязательства перед уволившимися воинами, пока они не покинули ее землю; не мог император сеять недовольство и среди тех, кто прибыл ему служить. Т.е. численность одновременно квартировавшихся и пользовавшихся бесплатным довольствием у св. Маманта следовало бы увеличить еще по крайней мере на 300–400 человек. Сознывая всю гипотетичность этих расчетов, мы полагаем все-таки, что с каждой из двух флотилий в митат (или в казармы?) св. Маманта одновременно прибывало около полутысячи человек.

Попытаемся, однако, опять-таки хотя бы приблизительно, определить размер месячины – этой своеобразной ежегодной дани в пользу Руси ("укладов"). Что касается слобного, то обычно для эпизодических посольств оно исчислялось особо. Содержание послов на казенный счет было издревле установившейся практикой в империи⁵³. Политические расчеты при этом решительно преобладали над какими бы то ни было соображениями экономии. Имперское правительство нередко само надолго удерживало послов против их воли. Как ни просился Лиутпранд домой, Никифор II задержал его на двое более долгий срок сравнительно с намечавшимся⁵⁴. Нарушил этот император и другую традицию – содержать послов бесплатно: Лиутпранд был возмущен, что греки не соблюдают "принципа" – они не выплачивают "стипендию" (*stipendium*), и в результате он не только кормит себя и 25 своих спутников, но содержит еще четырех византийских стражников, так что на день не хватает трех номисм на закупки продуктов на рынке⁵⁵. Но послы русов, прибывавшие с торговыми караванами, могли и не подходить под статус послов, присылаемых ради межгосударственных переговоров: их было слишком много и приезжали они ежегодно по делам, связанным, как правило, прежде всего с торговлей и наймом соотечественников на военную службу. Слобное для русов становилось, таким образом, заметной ежегодной статьей расходов казны и в данном случае могло исчисляться вместе с месячиной для купцов. Хотя официально оно (об этом достаточно четко заявлено в договоре 907 г., как справед-

⁴² *Const. Porph. De cerim.* P. 598.1–2.

⁴³ *Oikonomidès N. Les listes de présence byzantines des IXe et Xe siècles.* P., 1972. P. 203.10–15.

⁴⁴ *Liutpr.* P. 181.

⁴⁵ *Ibid.* P. 204.

⁴⁶ Книга Эпарха. С. 76.

⁴⁷ *Io. Scyl.* P. 430. 35–43.

⁴⁸ Договор не сохранился полностью: от самой важной для нас в данном случае 13-й статьи "О купле" остался лишь заголовок.

⁴⁹ Столько примерно городов и зафиксировано на Руси в X в. по данным археологии и летописным известиям. См.: Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 32–33, карта; Куза А.В. Социально-историческая типология древнерусских городов. X–XIII вв. Русский город. М., 1986. С. 21–22.

⁵⁰ Норманская высшая знать поручала отбывавшим в дальние края купить им торжественные одеяния, меха и дорогую посуду, т.е. "те ценные вещи, которые трудно достать там в стране" (т.е. в Норвегии). См.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С. 165–167.

⁵¹ Памятники права... С. 9.

⁵² У каждого судна, отправлявшегося в море, имелся свой кормчий, ответственный за благополучное плавание. См.: *Джаксон Т.Н.* Указ. соч. С. 131.

⁵³ Бесплатно содержали и персидских послов, заключавших в 562 г. договор с империей. См.: *Miller D.A. Byzantine Treaties...* P. 59; *Сахаров А.Н.* Дипломатия... С. 111, 168.

⁵⁴ *Liutpr.* P. 192 sq., 199 sq.

⁵⁵ *Ibid.* P. 193, 200. Лиутпранд пишет, что его пóбара при этом безбожно обчитывали на рынке: сумма действительно необычайно высокая – более чем 28 фоллов в день на человека (в номисме 288 фоллов, или 12 миллиариснев). Впрочем, столицу в то время поразил голод.

ливо отметила И. Сорлен) отличалось от месячины ("Русь слобное емлють, елико хотячи, а иже приходячи гости да емлють месячное..."⁵⁶).

Мы уверены в том, что во время проживания у св. Маманта русы получали довольствие не деньгами, а натурой (хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи), но и продукты выдавались им не на руки, а в виде регулярной готовой пищи в трапезных св. Маманта. Именно такой порядок существовал даже в оплачиваемых постояльцами-иностранцами гостиницах Константинополя. Тем более это вероятно в митате для русов: они располагались, как мы считаем, в зимних квартирах для войска, где был налажен механизм питания большего числа людей, к тому же это была чужестранная публика, часто по несколько дней подряд праздная и мало склонная соблюдать непривычные порядки, а поэтому нуждавшаяся в мощном дисциплинирующем факторе, каким и являлась ежедневная зависимость от общего дарового котла. Наконец, выплата "укладов" в такой форме обходилась казне намного дешевле. Дело в том, что продукты поставлялись не с рынка, а из государственных складов и хранилищ и из пригородных казенных имений. Значительная часть государственных налогов с крестьян взималась тогда натурой (в частности зерном и вином), а для нашего случая немаловажно также учесть, что не только центральные правительственные и благотворительные учреждения, но и "великая этерия" (т.е. воинское соединение наемников) владели в то время лежащими и близко и далеко от столицы собственными сельскохозяйственными имениями, откуда для их хозяев регулярно поступали продукты⁵⁷.

Дневной рацион византийца для этой эпохи, как и примерная стоимость дневного содержания, в целом известны. Однако сведения на этот счет чрезвычайно противоречивы. Не только в кругу византийской бюрократии, но и в обыденном сознании, приученном к чиновничеству, существовала убежденность, что потребности человека — даже в еде — находятся в прямой зависимости от его официального статуса в обществе (немогущему старцу-игумену полагалось в полтора раза больше продуктов, чем его молодому слуге⁵⁸). Принцип этот соблюдался и при раздаче подарков императора после приемов во дворце: послам-русам по 12 милиарисиев, а их людям — в 4 раза меньше⁵⁹. Нищий поденщик, абсолютно все покупающий на рынке для пропитания, тратил 10 фоллов в день⁶⁰. Святослав по договору с Иоанном I Цимисхием получил, покидая Болгарию, по 2 медимна (около 20 кг) зерна на воина примерно на 2 недели⁶¹. Исследователи определяют прожиточный минимум в Византии в X в. в денежном выражении в 5–7 номисм в год⁶² (если принять за среднее 6 номисм, то это составит ок. 5 фоллов на день). Для наших целей особенно важно, что сам Константин Багрянородный, подписавший договор 944 г., заявлял в своей новелле, что экипировка и содержание воина в течение года обходится в 18 номисм⁶³. Основные затраты на экипировку — покупка боевого коня (около 12 номисм)⁶⁴. Поскольку остальное (копье, меч, щит) составляли наследственный реквизит фемного воина (а речь в новелле идет именно о нем), то его содержание в течение года оценивалось, видимо, в 6 номисм.

Ориентируясь на эту, безусловно, минимальную сумму (полномисмы, т.е. 144 фолла в месяц на человека⁶⁵), мы должны, по-видимому, определить общую стоимость "укладов" на 500 человек на три месяца (включая "брашно" на обратный путь) для первой флотилии в 750 номисм, а вместе — для двух караванов — в 1500 номисм, или

⁵⁶ Памятники права... С. 64.

⁵⁷ Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 47.

⁵⁸ Там же. С. 235.

⁵⁹ Const. Parph. De cerim, P. 597.14–15.

⁶⁰ Книга Эпарха. С. 163.

⁶¹ Leonis Diaconi Caloënsis Libri decem, Bonnæ, 1928. P. 156.10–11.

⁶² Литаврин Г.Г. Византийское общество... С. 236.

⁶³ Jus Graeco-Romanum / Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857. Bd. 3. P. 266.

⁶⁴ Книга Эпарха. С. 256.

⁶⁵ Упомянутый выше поденщик тратил в месяц 300 фоллов, а Лиутпранд расходовал бы на тот же срок на одного человека более 840 фоллов (см. примеч. 55).

около 21 литры (фунта) золота. В.Т. Пашуто высказал предположение, что подарки (в серебряной монете — милиарисиях), полученные Ольгой и членами ее свиты в ходе двух приемов у императора, и представляют собой слобное и месячину⁶⁶. О неприемлемости этого мнения, помимо прочего⁶⁷, наглядно свидетельствует уже сама (весьма незначительная) общая сумма упомянутых даров — 240 номисм (в 6 раз меньше полученной нами суммы, в которую не включена еще стоимость якорей, парусов, веревок и прочих снастей, которые греки обязались предоставлять русам бесплатно по мере надобности перед их отплытием).

Говоря об условиях размещения и питания русов, нельзя обойти полным молчанием вопрос о стоянке ладей. Если наше предположение о двух флотилиях правдоподобно, то в путь одновременно отправлялось до 50–60 ладей под присмотром примерно 10–12 послов и 20–22 купцов. Часть ладей, освобожденных от груза, вместе с "излишними" для дела в столице гребцами и воинами охраны, оставалась в Месимврии. Остальные (половина или несколько меньше) бросали якорь в бухте св. Маманта. Гавань св. Маманта достаточно глубокая, но открыта восточным и юго-восточным ветрам. Имела ли она мол в то время, неизвестно, хотя, как упоминалось выше, была благоустроенной уже в V в. Берег гавани высокий, и товар вряд ли оставляли в ладах — его перегружали в склады при митате, откуда он партиями постепенно доставлялся на рынок (в той его части, которая не была закуплена оптом византийскими перекупщиками). Все окружающее столицу побережье было поделено на "эпохи" — рыбацкие участки и стоянки, имевшие своих хозяев. Гавань св. Маманта была, несомненно, императорской (казенной), и русы, как и за построй, ничего не платили за стоянку ладей. Попеременно, в дни рынка, 5–7 ладей одновременно перевозили товар, купцов и послов и одним из ближайших ворот города (такими воротами были ворота св. Варвары, Пеория и Друнгария). Не используемые ежедневно для дела ладей, видимо, постепенно приводились в порядок в предвидении обратного плавания.

Оставляя на будущее другие сюжеты, остановимся в заключение на одном предположении, касающемся различия в названии места расквартирования русов в византийских источниках и в летописях (точнее — в сохранившихся ими текстах русско-византийских договоров). Осмелимся предположить, что та форма, в которой наименование квартала св. Маманта сохранилось в договорах, является не передачей собственно греческого имени, а его переосмыслением на русском, причем — с явно эмоциональным оттенком⁶⁸.

Действительно: имя *Μάμας* (Мамас), в честь которого был назван монастырь, а затем квартал, почти не встречается в именительном падеже при указании на это предместье. Как определение к слову *μονή* (*μοναστήριον*) (монастырь) оно употребляется в греческих источниках обычно в родит. пад. (*Μάμαντος*), а также — с предлогами — в дательном (*Μάμαντι*) и винительном (*Μάμαντα*). Соответственно в косвенных падежах оно

⁶⁶ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 67.

⁶⁷ Подробную аргументацию см.: Литаврин Г.Г. Состав посольства... С. 89–92.

⁶⁸ Это было бы тем интереснее, чем вернее оказалась бы завоевывающая себя все больше сторонников точка зрения, согласно которой либо перевод на старославянский был сделан одновременно или почти одновременно с заключением договоров, либо тогда же была даже составлена самостоятельная старославянская (древнерусская) версия, сверенная с греческой (см. обзор: Сергеев Ф.П. Из истории изучения договоров русских с греками X в. // Старобългаристика. 1985. Т. IX, 2. С. 112–116). Как известно, существование на Руси деловой славянской письменности еще до принятия христианства отстаивал Н. Лавровский. См.: Лавровский Н. Византийские элементы в лексике договоров русских с греками. СПб., 1903. С. 17–18. Считал этот вывод доказанным и А.А. Зимин. См.: Зимин А.А. Памятники права... С. 23. Мысль об одновременном с заключением переводе договоров на старославянский поддержала И. Сорлен. См.: Sorlin I. Les traités... P. 376. Д.И. Миллер полагает, что по крайней мере ко времени заключения договора 944 г. в Киеве существовала княжеская канцелярия. См.: Miller D.A. Byzantine Treaties, 67–68. Ср.: Литаврин Г.Г. Культурный переворот в Болгарии и Древняя Русь // Хиляди и сто години от смъртта на Методий: Кирило-Методиевски студии. С., 1987. Кн. 4. С. 393–403. См. также: Malingoudis J. Zur typologischen Struktur... S. 717.

звучало: "Мамантос" (или "Мамандос"), "Маманти" ("Маманди") и "Маманта" ("Маманда"), мало напоминающая переданную договорами форму "Мама", которая к тому же и склоняется там как имя нарицательное (в договоре 907 г.: "Приходяще Русь да витають у святого Мамы", в договоре 944 г.: "и приходящим им да витають у святого Мамы", "да не имеют власти зимовати у святого Мамы")⁶⁹.

Предположению о сознательном переосмыслении имени не мешает тот факт, что в договорах неизменно во всех трех случаях стоит определение в мужском роде — "святого". Во-первых, это результат сверки официального документа с греческой версией (где, несомненно, стояло в муж. р. Ἀγίου); во-вторых, (и это главное), в просторечье не только язычники-русы не воспроизводили определение "святой", но и сами греки: κατὰ τὸν λεγόμενον Μάμαντα ("в так называемом Маманте"), сказано у Иоанна Скилицы⁷⁰, т.е. "у Маманта", "у Мамы"...

Вдали от родины, в чужой, заморской стране, плохо зная ее порядки и нравы ее жителей, не понимая или едва разбирая греческую речь, испытывая постоянный неотступный надзор полицейских агентов эпарха, не имея права брать с собой привычное средство самозащиты (оружие) при посещении Константинополя, русы в самом деле чувствовали себя в безопасности, почти как дома, только "у Мамы". Только здесь, вплоть до дня отплытия, они вращались в среде соотечественников, слышали родную речь, имели даровые кров и пищу, мылись в банях, "елико хотять", советовались с бывальыми людьми — ветеранами, отслужившими договорный срок в армии императора и ожидавшими, также "у Мамы", отправления каравана, чтобы вместе с ним вернуться на родину...

Я.Н. ЩАПОВ

ЭКЛОГА ЗАКОНОВ В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

При всех успехах современной науки происхождение, первоначальные содержание и вид славянских переводов таких византийских памятников права, как Собрания императорских новелл, Эклога, Прохирон, "Закон Моисеев", до сих пор остаются не изученными, а сами тексты известны по изданиям только отдельных списков, причем не всегда представляющих первоначальный их вид. Исследования и публикации последних лет, посвященные кодексам византийского права, предоставляют новые возможности для изучения не только византийских, но и славянских текстов и переработок этих памятников. Таковы критические издания греческих текстов "Моисеева закона" и Эклоги по всей известной археографической традиции¹, таково исследование происхождения прохирона².

Изучение по рукописям славянского перевода такого распространенного кодекса, как Эклога, показывает, что нам известны только восточнославянские (русские) списки переводов и переработок — ни болгарских, ни сербских списков ранних (до XVII в.) текстов Эклоги пока неизвестно³.

Эклога целиком или во фрагментах сохранилась в русских списках в четырех различных текстах, имеющих различное происхождение.

1

В Древнеславянской кормчей, известной по старшему списку как Ефремовская, находится ранний перевод распространенного в греческих рукописях установления о запрете (и регулировании вообще) браков между участниками крещения — крестным отцом и матерью, которые не являются ни родственниками по крови, ни свойственниками по браку. Здесь же говорится о регулировании брачных отношений между родственниками по второму браку⁴. Этот текст входит в состав 2-й главы 2 титула Эклоги⁵, но он был включен в 26 новеллу Льва и Константина⁶ и был известен в рукописях самостоятельно⁷.

Выпись дошла до нас в нескольких изводах. Наиболее кратка она в составе Кормчей

⁶⁹ Судя по старославянским переводам иных текстов, имя св. Маманта передавали по-разному, но явно стремились воспроизвести греческое звучание. См.: Мижовић П. Менолог. Историско-уметничка истраживања, Београд, 1973. С. 349 (Мантъ); С. 361 (Мамант); С. 276 (Маманьтъ), и лишь на С. 316 (Мама (сь)). В Южной Македонии в XIV в. существовало "село святого Маманта" (τὸ χωριὸν τοῦ ἁγίου Μάμαντος), принадлежавшее Ватопедскому монастырю (Goudas M. Βυζαντινὰ ἔγγραφα τῆς ἐν Ἀθῶν μονῆς τοῦ Βατοπεδίου // Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1927, Т. IV. Σ. 223 (№ 10), 235 (№ 14). Любопытно, что Я.Н. Любарский в своем переводе Продолжателя Феофана предпочел "летописное" "Мама" (Продолжатель Феофана... С. 85, 9Р, 103, 104, 295). При ссылке на договор 907 г. (о месте пребывания русов в Константинополе) отсутствует от греческой грамматики и И. Караяннопулос: κοινὰ στὸν Ἀγ. Μάμα (Καραγιαννόπουλος Ἰ. Οἱ Βυζαντινοβουλγαρικὲς συνκροβσεις ἐπὶ Συμεῶν // Βυζαντιακὰ. 1991, Т. 11. Σ. 36).

⁷⁰ Io. Seyl. P. 108. 73.

¹ Burgmann L., Troianos Sp. Nomos Mosaikos // Fontes Minores. III / Hrg. D Simon, Frankfurt a. Main, 1979. S. 126–176; Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V. / Hrg. L. Burgmann, Frankfurt a. Main, 1983.

² Schmitz A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbücher. Frankfurt, 1986. S. 55–107.

³ Ко второй половине XVII в. относится западносербский список компиляции Эклоги, созданной на основе текста печатной московской Кормчей 1653 г. См.: Соловьев А. Српске законске компиляции у XVII в. // Глас српске краљевске академије. С. 11. Други разред. 80. Београд, 1933. С. 110–151.

⁴ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / Труд В.Н. Бенешевича. София, 1987. Т. 2. С. 51–52.

⁵ Ecloga. S. 171–172.

⁶ Ius graeco-romanum / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856. Vol. III. S. 49–55.

⁷ Например см.: ГИМ. Моск. Сын. 397. P. 130^v–131^r. О других греческих списках записи см.: Бенешевич.

Ефремовской редакции (14 титулов без толкований)⁸ и в Устюжском сборнике⁹. Несколько более расширенный вид она имеет в Кормчих русских редакций XIII—XV вв. (Синодальной, Мясниковской, Чудовской, Софийской)¹⁰.

Существование таких выписей в византийской письменной традиции не позволяет видеть в ней перевод одной из глав Эклоги, выбранной славянским переводчиком. Есть все основания считать, что эта выпись попала на Русь в XI в. в составе Кормчей Ефремовской редакции и переведена на славянский язык вместе с этой кормчей или составными ее частями¹¹. В Устюжский сборник она вошла из Кормчей этой редакции, как вошла туда некоторые правила из этой же Кормчей. Синодальный извод содержит вставку, не изменяющую, а усиливающую положение о том, что дети участников крещения являются "братьями по духовному союзу" и брак между ними поэтому невозможен. Эта вставка имеет аналогию и в греческих списках Выписи, которые воспроизвел Сахарие¹². Списки Синодального извода Выписи известны только в русских редакциях Кормчей, поэтому появление этой обработки Выписи нужно связывать с Русью не позднее 1280-х годов. Выпись из Эклоги входит в Кормчие вместе с изложением норм Прохирона, представляющим собой пересказ 1 и 7-й глав VII титула этого закона, сделанный, вероятно, также на Руси¹³.

2. Части Эклоги в составе "Книг законных"

"Книги законные" — другой сборник права, на этот раз светского, в который вошли фрагменты Эклоги¹⁴. Источник большей части с статей (114 из 202) — Прохирон; из него включены нормы заключения и расторжения брака, нормы процессуального и пенитенциального права, порядок раздела военной добычи. Кроме того, в этот своеобразный кодекс включено 33 статьи Земледельческого закона. Поскольку компиляция такого состава в греческих рукописях неизвестна, это вместе со славянскими реалиями в переводе ее составных частей позволило А.С. Павлову увидеть в ней результат работы славянского составителя. Весьма вероятно мнение Павлова, что "Книги законные" появились на Руси в XII—XIII вв.¹⁵ Скорее всего, однако, что он появился здесь до того, как во второй половине XIII в. на Руси стал известен перевод полного Прохирона, в XIV в. получивший значительное распространение¹⁶. С XIV в. сохранился в русских рукописях и перевод полной Эклоги.

Вместе с тем, все "Книги законные" составлены из готового византийского материала, в них не включена ни одна статья из славянских памятников права. Это позволяет считать, что славянский переводчик имел дело с уже готовой компиляцией, которую он переводил, по возможности славянизируя (русифицируя?) отдельные ее реалии¹⁷.

шевич В.Н. Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. СПб., 1914. С. 52.

⁸ Древнеславянская кормчая. С. 51—52.

⁹ ГБЛ. Рум. 23, 77а—77в. Издана в вариантах там же.

¹⁰ Старшие списки: ГИМ. Синод. 132 (1282 г.). Л. 477—477 об.; ГПБ. П. 119 (конец XIV в.). Л. 134—135; ГИМ. Чуд. 169 (конец XV в.). Л. 160 об—161; ГПБ. Соф. 1173 (третьей четверти XV в.). Л. 324—325.

¹¹ О переводе Ефремовской кормчей см.: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси. М., 1978. С. 88—99; Милов Л.В. О древнейшей истории Кормчей книги на Руси // История СССР. 1980. № 5. С. 105—123.

¹² Zachariae a Lingenthal. Collectio librorum iuris graeco-romani ineditorum. Lipsiae, 1852. P. 15, comm. 12; Ius graeco-romanum. T. IV. p. 8, 65.

¹³ Шапов Я.Н. Византийское... С. 187—189.

¹⁴ Византийский земельный закон. Л., 1984. С. 233—234, 254—256.

¹⁵ Павлов А.С. "Книги законные", содержащие в себе в древнерусском переводе византийские зоны земельные, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885. С. 16—19, 25. Последняя исследовательница памятника Е.К. Пиотровская датирует его перевод в несколько более ранних пределах — концом XI — началом XIII в. См.: Византийский земельный закон. С. 222.

¹⁶ Шапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности // ВВ. 1977. Т. 38. С. 48—53.

¹⁷ К этому мнению как будто близка и Е.К. Пиотровская, которая пишет, что "текст компиляции "Книги законные" мог попасть на Русь... в конце XI — начале XIII в. и, по-видимому, тогда же мог быть осуществлен перевод". См.: Византийский земельный закон. С. 221—222.

Предисловием "Книг законных" является самая последняя часть предисловия Эклоги в готовом виде, то есть то место последнего, где говорится, что судьям следует воздерживаться от получения подарков у тех, кто обращается в суд, сообщается об установлении вознаграждения из казны судьям и служащим в суде для того, чтобы они не зависели от тех, к кому им приходится судить. Несомненно высокий авторитет Эклоги с ее Предисловием в глазах составителя этой компиляции. Однако славянский переводчик изменил смысл текста и вместо упоминания реального вознаграждения судьям из казны вставил напоминание о том, что вознаграждение за праведный суд нужно ожидать от бога. Возможно, что он просто понял текст Эклоги именно таким образом. По памятникам древнерусского права судебные органы обеспечивались за счет тяжущихся сторон, а не постоянного государственного жалования.

В главах о послухах (14 титул, гл. 4—8) говорится о том, что не могут быть свидетелями друг против друга родители и дети, не может раб или вольноотпущенник давать свидетельские показания по делу, касающемуся его господина, о том, как полагается привлекать к показанию свидетелей, живущих в отдаленных местах, и пр., то есть содержатся процессуальные нормы, некоторые из которых в славянском тексте имеют изменения сравнительно с греческим.

3. Перевод Эклоги в полном виде

Перевод Эклоги в целом ее виде давно известен в науке благодаря его изданию в московской Печатной кормчей 1653 г.¹⁸ По списку Мерила Праведного он был опубликован фототипическим способом М.Н. Тихомировым¹⁹. Полная редакция сохранилась в трех изводах текста, соответствующего тем рукописям, в которые она входит: в изводе Мерила, в изводе рукописной Кормчей и в изводе Печатной Кормчей.

Извод Печатной кормчей раньше всех других текстов памятника вошел в науку и известен больше всего, хотя он представляет собой позднейшую обработку, сделанную в XVII в. Эклога находится после Прохирона (Закона градского), за ней следуют выписи из новелл "Царя Алексия Комнина от новых заповедей". В издании патриарха Иосифа 1650 г. Эклога имеет номер главы 50, в издании патриарха Никона 1653 г. — номер 49.

Текст Печатной Кормчей основан на изводе Кормчей (а не Мерила, как утверждается в литературе²⁰) и является соединением чтений нескольких списков с многочисленными изменениями и поновлениями, которые могут быть связаны со стремлением облегчить язык и упростить содержание древнего памятника для использования его как юридического пособия. В Эклоге полностью опущен 12 титул (13 зачало по славянскому тексту), посвященный институту эмфитевзиса ("о насаждениях" в переводе), неизвестному русскому праву. Основная обработка текста состояла в поновлении лексики, хотя есть случаи, наоборот, введения литературных славянских форм. Это показывают следующие сопоставления:

Титул, глава (в скобках — по нумерации славянского перевода) и сноски ²¹ .	Извод Кормчей	Печатная кормчая (П)
5.5 (5) сн. 80	задница	благословение
5.7 (6) сн. 6	задница	оставшее наследие
5.7 (6) сн. 10	задница	наследие
7.1 (8.1) сн. 53	задница	останки

¹⁸ Кормчая книга. М., 1653. Л. 494—520 об, гл. 50; то же см.: Кормчая / Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912. Л. 494—520.

¹⁹ Мерило праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 334—393.

²⁰ Милов Л.В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 144.

²¹ Номера сносок и строк (ниже) издания славянского текста даются по выходящей в свет публи-

Титул, глава (в скобках – по нумерации славянского перевода) и сноска ²¹ .	Извод Кормчей	Печатная кормчая (П)
17.29 (16) сн. 77; 17.11 (37) сн. 3 Введение, сн. 115 18.1 (17.1) сн. 79 14.12 (15.4) сн. 38 17.10 (36) сн. 90 17.51 (27) сн. 73 Введение, сн. 91 11.1 (12.1) сн. 11 14.11 (15.3) сн. 23	имовит оубога жопаном (τοῦ ἄρχουσιν) въстание (σοῦτάσειε) на хусь на соху ради схранить войну	богат нища полководцем оставление на ратѣх на древо дельма вменят на приснѣ

Эти изменения появились уже в наборном экземпляре Эклоги, каким является список А (см. ниже). Редактор часто исправляет искаженные в списках формы слов (это видно по вариантам П), иногда добавляя новые слова, неизвестные греческому тексту²² и новые искажения²³.

Важны смысловые изменения и дополнения, которые характеризуют извод Печатной Кормчей, а не славянский перевод, как это считалось раньше. Так, в 2.8.2 византийская норма, согласно которой жена, оставившая детей от первого брака без опекуна, повинна восполнить их имущество, если оно пострадает, за свой счет и счет своего второго мужа, в печатном тексте изменена: не виноваты ни она, ни ее второй муж, воспитывая ("ведя") детей. В 6.2 вместо слов перевода о том, что при отсутствии близких кровных родственников жена умершего наследует половину его состояния, а вторую половину – "людские" (в греческом τῶ δημοσίῳ) "да примут", в Печатной Кормчей стоит "апостольская церковь и нищия да примут", а если у него нет жены, то по первоначальному переводу все его имение "людские да примут", а в Печатной Кормчей изменено: "или апостольская церковь, или царское сокровище, или людский соньм да примет" (6.2 сн. 6–7, 10)²⁴. В 14.2.2 византийская норма, запрещающая принимать свидетельские показания раба и вольноотпущенника, как за, так и против их господина (в славянском переводе: "раб или свободный да не послушествует"), в Печатной Кормчей изменена так, что освобожденный раб имеет право быть свидетелем по делам, касающимся его господина ("рабъ, но свободный да послушествует" сн. 32, 33)²⁵. Это изменение отразило включение в XVI–XVII вв. в России в число свидетелей и холопов, что зафиксировано в Сокращенной правде, актах и в Уложении 1649 г.²⁶ В Печатной Кормчей опущены отдельные фразы (2.9.2 сн. 75–76 и др.). Опускается архаичная частица *tau* или она изменяется в указательное местоимение *tay* (5.5 сн. 78–79).

Связь текста Печатной Кормчей с изводом Кормчей, а не Мерила, показывает не только текстологическое сравнение их чтений, но и сохранившийся оригинал печатного издания 1650 и 1653 гг. – наборная рукопись Кормчей книги с многочисленной

кациях: Die slawische Ecloga / Nach der russischen Überlieferung hrsg. J.N. Šćapov in Zusammenarbeit mit L. Burgmann, Frankfurt a. Main, 1992 (= Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, Bd. 14).

²² 6.2 (7.2) сн. 6–7 вместо "людский" – "апостольская церковь и нищия"; 3.1 сн. 18 доб. "Аще ли ни то"; 7.1 (8.1) сн. 67 добавлено "и дѣло да отдадут"; 17.3 (18,3) сн. 13 добавлено "да творят о немь" и др.

²³ Напр. "исцѣлти" вместо "исцѣлннн" (10.1.2, сн. 51), "отсюду" вместо "от суду" (Введение, сн. 26).

²⁴ Это чтение "славянского перевод" специально разбирает Т. Сатурник (*Saturník Th. Příspěvků k žifeni byzantskeho práva u Slovanu*, Pr., 1922, P. 30–31).

²⁵ На это место специально обращает внимание В. Ганев, считая его свидетельством переработки текста славянским переводчиком Эклоги, совпадающим по смыслу с Законом Судным. См.: Ганев В. Закон судный людем. София, 1959. С. 84, 477–479.

²⁶ Колычева Е.И. Холопство и крепостничество. М., 1971. С. 234–235.

редакторской правкой, которая содержит как чтения, общие изводу Кормчей, так и те новые чтения, которые вошли в печатный текст (например, заглавие "Леонъ и Константин върна царя", измененное здесь же на то, что есть в Печатной Кормчей). Таковы исправления в самой рукописи "задница" в "останки", "совершается" в "сообщается", "должницы" в "займодавы и пр."²⁷

Были ли привлечены для исправления текста Эклоги и греческий ее список? В ряде случаев обращение к такому источнику является несомненным. Прежде всего это вставка в Печатной Кормчей на месте случайного, вызванного соседними одинаковыми словами "написанно" пропуска древним переводчиком подчеркнутых слов "написанно составили брака, то и ненаписанно да сообщается женитва", которые отсутствуют во всех использованных в нашем исследовании русских списках, но являются точным переводом греческих *ἐγγράφως ποιῆσαι γάμον, καὶ ἀγράφως συνίσταται γάμος* (2,6, греч. 2.23). Трудно объяснить эту вставку силой логического мышления редактора. Соединение традиционного чтения русских рукописей и греческого текста показывает чтение "от царския руки руги и мѣсячное и уроки сим приплодишася" в Печатной (в списках: "от царская руки месячно емлюще и уроки сим приплодишася" 16.4; в греч. *ἐκ βασιλικῆς ῥόγας ἀννόμων τε καὶ ἀλλομένων τοῦτοσ προσημετήσασιν*, 642–643).

Здесь чтение греческого списка не заменило слово, появившееся в результате ошибочного осмысления, а было добавлено к нему. Однако многие ошибки списков, искажения и неясности перевода остались неисправленными, не были вставлены и непереведенные латинские слова греческого текста. Это показывает, что греческий список использовался при работе над текстом Эклоги в Печатной Кормчей, но это делалось лишь выборочно, в отдельных случаях, а сплошного сличения славянского и греческого сделано, вероятно, не было.

Привлечение для подготовки издания Кормчей греческой рукописи не может быть неожиданностью. Использование греческих рукописей известно было еще после царского указа 1616 г. об исправлении Требника, при жизни Филарета был пересмотрен Службник. При патриархе Иосифе в конце 1640-х годов в Москве действовал кружок по переводу книг в Андреевском монастыре, куда включился и украинский канонист-переводчик и писатель Епифаний Славинецкий, который перевел несколько кодексов канонического права.

При подготовке издания кормчей в 1649–1650 гг. была использована греческая кормчая книга (Номоканон), принадлежавшая иерусалимскому патриарху Паисию, который приезжал в Москву в 1649 г. В послесловии к Никоновскому изданию 1653 г. (л. 647) говорится об этой книге. Однако, как установил Б.Л. Фонкич, среди канонических сборников Синодальной библиотеки в Московском историческом музее такой рукописи нет – вероятно она была увезена назад²⁸.

Изводы Мерила и Кормчей сохранили текст, значительно более близкий к первоначальному славянскому переводу, чем печатный извод. При этом оба этих извода не связаны друг с другом непосредственно, но оба восходят к общему архетипу и в одних случаях один, в других – другой, сохраняют чтения, близкие к переводу памятника. Однако каждый из них имеет поновления, которые также должны учитываться при восстановлении первоначального текста.

Для извода Мерила характерно сохранение многих древних чтений славянского текста, которые оказались искаженными в Кормчей. Это видно при сравнении чтений обоих изводов с греческим текстом.

	Мерило (номера глав)	Кормчая
προσώπῳ (242)	лицу (2.8.1)	отцо
γάμων (243)	брака (2.8.1)	брата
ἀδελφόντων (263)	нераспустнаго (2.9.1)	Се распустнаго

²⁷ ЦГИАЛ. Ф. 834, Оп. 4, № 548, л. 287–293 (список А).

²⁸ Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 69, 107.

	Мерило (номера глав)	Кормчая
ποιῶνται (280)	творять (2.9.1)	тварь
πειπατῶν (393)	ходя (5.8)	хотя
μετὰ τῆν. . . ἐξέβον (419)	съ оудѣ [ва] ниemy (6.3)	съ оувѣдѣниемъ
ἐξεδιάξεν (421)	оудѣвати (6.3)	оувѣдати
τοῦ δὲ κκοῖς ἀβτῶν (711–12)	особь стяжанымъ (16.1)	особь сказанымъ
Ἄγραφος (321)	глава в (3.2)	глава и
περὶ τῶν ἐχόντων ἀδειαν	ненаписаное (4.1)	се же написаное
τοῦτο πράττειν (Ріпах 121–122) ²⁹	о имущих власть се творити (12.4) ³⁰	о мощех ³¹

Таким образом, некоторые чтения, сохранившиеся в изводе Мерила, помогают восстановить первоначальный перевод. Важно указание списков Мерила и на состав той греческой рукописи, с которой делался перевод. В нумерации глав 17 зачала (17 титула) в Мериле и Кормчей существует различие. Нумерация в Мериле учитывает утраченные вероятно еще в протографе главы 13 (17.31) о растлении малолетней и 20–21 (17.38–39) о мужеложестве, которые находятся, однако на соответствующих местах в греческих списках X, Q, Q₂, содержащих тот же порядок глав 17 титула и в издании Леунклавия. В Кормчей нумерация вторична и она исправляет эти пропуски. Это исправление нужно связывать со включением Полной Эклоги в кормчую Чудовской редакции, что относится к XIV в. Кормчие пропускают иногда частицу "таи", сопровождающую в славянском переводе слово "послухи" (послуха таи, например, 5.8/444).

В некоторых случаях извод Мерила сохранил и ранние языковые формы, например двойственное число, измененное в списках Кормчей во множественное (это характерно не только для старшего Троицкого списка XIV в., но и других списков Мерила XV–XVI вв.), например, в Мериле: отъ нею (двух братьев), в Кормчей: отъ нихъ (16.2.1//464).

Все это вместе с принадлежностью к изводу Мерила наиболее старшего списка Полной редакции славянской Эклоги и дало основание положить в основу ее издания список этого извода.

Вместе с тем и для извода Мерила характерны многочисленные мелкие пропуски слов и их сочетаний, которые не наблюдаются в Кормчих. Таковы частые упрощения в начале фраз и казусов: Ли. . . вм. Аще ли. . . пропуски в заглавиях слов Глава (400, 403, 426, 558), имѣя (главу ã и др., 513, 581, 774, 785, 15.1). Сознательными пропусками надо считать также опущения вводных слов: яко же реченно есть (бысть, 172, 8.1.1, 531–832), си речъ (17.33); дополнительных объяснений: рекше к женѣ братнѣ (154), рекше отецъ чадомъ сдържателници (208), еще во истину притяжаи (470), вводных слов: рекше (117, сн. 59), оубо (144 сн. 94; 166, сн. 40). Возможно, что имеет смысловое значение пропуск выделенных слов, указывающих на возраст, после которого молодой супруг имеет право требовать передачи ему обещанного приданого: боле сыи *деудесять и пяти лѣтъ* (329). Большой частью, однако, это пропуски случайные, из-за сходства соседних слов: [имѣ въ] имя (389), [аще ли пятеро. . . да оставлять. Аще] ли (499–501), на [ити на] домъ его (344). Пропуски в изводе Мерила, восполняемые по спискам Кормчей и имеющие соответствие в греческом тексте, вставляются в квадратных скобках.

Что касается списков Кормчей, то они также сохранили чтения, близкие к первоначальному переводу и греческому тексту.

Следующие чтения показывают лучшее сохранение текста в Кормчей, чем в Мериле:

	Мерило	Кормчая
κατὰρα (203)	молитва (2.5.2)	клятва (216)
χίρα (215)	въ двоици (2.5.3)	вдовици (230–31)

²⁹ Ecloga / Hrag. L. Burgmann. S. 153–244.

³⁰ Мерило праведное по рукописи XIV в. С. 334–393.

³¹ ГБЛ. Троицк. 15, втор. половина XIV в. Л. 165 об. 195.

	Мерило	Кормчая
πράγματα (253)	ветши (2.8.1)	вещи (271) ³²
εἰκοσιπέντε ἐτῶν (299)	Вѣ и ѣ лѣтъ (3.1)	двоудесять и пяти лѣтъ (328)
ἀλλ' ἐξείψαι (586)	не подобаеъ (12.2)	но подобаеъ (728)
ἀδελφός (855)	рабъ (17.27/17.9)	брат
ἐν τοῖς τοῦλοις (958–959)	настануть (18.2/17.2)	на стану

Некоторые изменения в Мериле отражают обрусение и поновление языка по сравнению с чтениями, сохранившимися в Кормчей:

	Мерило	Кормчая
μὴ παιδοποίησας (228)	несть дѣтии (2.6)	не дѣтотворения (247)

Вместе с тем и списки Кормчей содержат пропуски, но их значительно меньше и они показывают случайный характер, например: Ли послѣдъ возникнет [долгъ, наслѣднику и о семь невѣжество стяжавъ] послухов ради (553–554, сн. 49–50); Воиньствении [оуроци суть] яже воины (450, сн. 44–45), хотя смысловые изменения также имеют место:

	Мерило	Кормчая
ὅπως τὴν τῆς ἀληθείας κατάληψιν εὐρωσω (639–640) (чтобы добиться понимания истины)	яко да истинное оставление въ правду обрящуть (14.1)	Яко да истинное правление обрящуть
ὡς φόνον πεπονηκὼς τιμωρεῖσθαι (935)	яко оубиство створивъ да мучень будетъ (17.49)	яко оубо бои створив да моучен будетъ

Таким образом оба извода, и Мерила и Кормчей важны не только для изучения истории Эклоги на Руси в XIII–XIV вв., но и для восстановления первоначального текста славянского перевода памятника.

4. Сокращенная редакция перевода

Дополнительный материал для изучения истории Полной редакции Эклоги дает и Сокращенная редакция³³. Эта редакция представляет собой тот же перевод греческой Эклоги, что и в Полной редакции, но со значительными пропусками и некоторыми сокращениями текста глав. Из 140 с лишним глав (с подглавками) славянской Полной редакции³⁴ в Сокращенной оставлено лишь 29 глав. В нее не включено и Предисловие к Эклоге. Двойственное число раннего текста в списках Кормчей конца XV–XVI вв. изменяется на множественное, что объясняется отсутствием в указанное время этой архаичной грамматической формы, примененной при переводе Эклоги (пример 1). Вместе с тем происходит контаминация текстов, находящихся рядом, в тех же рукописях, новые чтения Сокращенной редакции в Кормчей "восходят", "в первѣмъ бывшемъ" (2, 3) проникают и в некоторые списки Полной редакции (возможно, что в последнем случае влияние шло и от Полной редакции в Кормчей к Сокращенной): Что касается вторичного чтения "же ти словомъ" (5), то оно показывает, что в Кормчую Сокращенная редакция попала непосредственно из Мерила праведного, причем архетипным текстом был один из протографов Троицкого списка, где находилась та же описка, что и Троицком: "жисломъ" вместо "же числомъ"³⁵. Она и породила осмысление "же ти словомъ".

Таким образом, судьба Сокращенной редакции в русских рукописях оказывается

³² В другом случае (280) также *ветши* вм. *вещи* дают и извод Мерила, и извод Кормчей (в форме *ведъши*).

³³ Мерило праведное по рукописи XIV в. С. 146–152.

³⁴ В греческой Эклоге по разделению Л. Бургмана 150 глав, но главы 1 и 2 17-го титула были утрачены в том списке, который был источником перевода, главы 31, 38 и 39 опущены, а глава 53 также отсутствовала в источнике. С. комментарий к 17 титулу.

³⁵ См.: Милов Л.В. Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. С. 59, примеч. 14.

несколько иной, чем Пространной. Как и Полный перевод, она не была перенесена на Русь в составе Кормчей книги, а оказалась включенной только в сборник Мерило праведное и уже оттуда была перенесена в Кормчую Чудовской редакции, как самостоятельный памятник, хотя ее текст и контаминировал с текстом Полной редакции и, возможно, другими памятниками в тех же рукописях.

Мы получаем в результате предварительного изучения этой обработки существенную информацию о том, что она была произведена в условиях, когда большинство глав и норм Эклоги не были актуальными и, вместе с тем, из ее богатого содержания особый интерес представляли.

Текст Сокращенной редакции не имеет никаких указаний на время, место и причины возникновения этой обработки нашего памятника. Это делает необходимым ее специальное изучение. Впервые об этом тексте сообщил в 1850 г. Н.В. Калачов, который нашел его в Кормчих книгах собрания Царского № 214 (ныне в ГИМ) и Румянцева № 238 (ныне в ГБЛ) и сообщил, что "греческий текст этого извлечения мне неизвестен"³⁶. Специальную статью посвятил этому памятнику и его соотношению с полным переводом Л.В. Милова³⁷.

Важно отличие от Полной редакции в содержании памятника. В Сокращенной редакции сохранены только некоторые установления, посвященные имущественным отношениям (дарения, завещания, мировые сделки), освобождению рабов и процессуальным нормам (свидетельские показания и наказание клеветников).

Из титула 4 о дарениях в нее вошли главы о простом дарении, не оформленном письменно (при чем опущено общее указание на число необходимых свидетелей), о дарении, оформляемом письменно (опущено упоминание необходимости совершеннолетия дарителя), о дарении перед смертью или после смерти. Из титула 5 о завещаниях сохранены главы о процедуре совершения письменного и устного завещания, количестве требуемых свидетелей и о завещании раненого на войне или находящегося в дороге. Включен весь титул 15 о мировых сделках, без сокращений. Из титула 18 об освобождении рабов включены все основные положения об этом, но опущены главы о том, что освобожденный из плена остается зависимым от того, кто его освободил и о случаях утраты свободы освобожденными. Полностью вошел весь титул 14 о свидетелях, без всяких сокращений. Из обширного 17 титула о казнях включена только одна глава (17.52) о том, что клеветники наказываются тем же, что полагается за соответствующее дело. Таким образом, неизвестного составителя этой редакции не интересовали все установления Эклоги об обручениях и заключении брака (титула 1–2), о приданном (3), о легатах (6), об опеке над сиротами (7), о продаже и покупке (9), о займе (10), окладах (11), об эмфитевзисе (12), о наймах (13), о воинских имуществах (16), о разделе добычи (18), и почти все установления о наказаниях (17).

Сокращенная редакция сохранилась в составе тех же рукописей Мерила Праведного и Кормчей Чудовской редакции, что и Полная, но занимает в них другое место и, как видно, попала в них другими путями. Различия текста в них не столь велики, как в изводах Полной редакции, но все же оно есть:

№	Полная редакция		Сокращенная редакция	
	Мерило	Кормчая	Мерило	Кормчая
1. 5.8	обрящета		обрящета	обрящуть
2. 14.7	восхотять		восхотять	восходят
		(но ОУЛ: восхотять)		
3. 14.7	во прежде бывшем	во первом бывшем	во прежде бывшем	во первом бывшем

³⁶ Калачов Н.В. О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1850, с. 120, прим. 60.

³⁷ Милов Л.В. Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестн. Московского ун-та. История. 1984. № 3. С. 56–65.

	Полная редакция		Сокращенная редакция	
	Мерило	Кормчая	Мерило	Кормчая

4. 14.9		тауларин		жюпанъ
5. 14.11		же числом	сод: жисломъ	же ти словом
			КСД: же числом	
6. 15.2		о вишь	о вишь	о видънии
7. 17.52	глава 22	глава 19	глава 22	глава 28

Сравнение текстов показывает, что в основе Сокращенной редакции лежит архаичный текст Полной, причем к нему ближе тот текст Сокращенной редакции, который находится в Мериле, а текст ее в Кормчей получает новые чтения, не имеющие оснований ни в греческом тексте, ни в переводе (примеры 6 и 7). Такие институты права, как дарение и мировые сделки, актуальные в условиях определенного развития частной собственности и имущественного права. Под рукой неизвестного редактора возникла, следовательно, выборка из византийского свода законов, которая могла служить лишь дополнением к каким-то местным или другим переводным или компилированным установлениям, охватывающим другие сферы права. Если ранний переводчик переводил весь кодекс целиком, не зная точно, что может быть применено на практике, то отбор глав в Сокращенной редакции произведен осмысленно и скупое с учетом тех норм и записей права, которые уже существовали в соответствующей славянской стране, например, в Пространной Правде на Руси. Сам состав отобранных глав отражает значительное развитие имущественного права по сравнению со временем перевода Эклоги.

Что касается места и времени, где и когда было произведено это сокращение, то в статье Л.В. Милова были приведены данные в пользу того, что это могла быть Русь конца XIII в. Действительно, анализ целого комплекса статей "О послусах и о числах" в составе Мерила праведного, в который входит сокращенная редакция Эклоги, показал, что в нем находится и статья "о послушестве" (из Пространной редакции Русской Правды XII в.), а некоторые правовые вписки в этом комплексе, например "Новая заповедь" Алексея Комнина, отражают терминологию, имевшую широкое распространение на Руси этого времени (замена "свидетеля" "послухом"), что указывает на его составление и обработку на Руси. Поскольку при этом были использованы сочинения, попавшие на Русь в 1260-х годах и вошедшие затем в Русскую редакцию Кормчей 1270-х годов, сам комплекс не мог возникнуть ранее этого времени³⁸.

Однако Сокращенная редакция была включена в раздел "О послусах" Мерила праведного уже в готовом виде, ибо она содержит статьи не только о свидетелях, но значительно более широкий подбор норм, охарактеризованный выше. Это позволяет считать, что эта редакция возникла вне связи с разделом "О послусах", и относить возникновение Сокращенной редакции не к концу XIII в., а к более раннему времени в течение XII–XIII вв. и, по-видимому, к Северо-Восточной Руси, где Мерило праведное получило новую жизнь и оказывало влияние на другие русские сборники права и Кормчие книги.

Сокращение славянского перевода Эклоги нужно скорее связывать с одним из политических центров Руси XII–XIII вв. Происхождение и история текста сборника Мерила праведного, в составе которого оно впервые появляется в сохранившихся рукописях, остается неизученным, что не позволяет использовать эти данные для нашей темы. Все же нужно считать установленным, что сборник существовал уже в конце XIII в., когда он включил в себя переводные памятники, появившиеся на Руси в 1270-х годах (Прохирон, Закон Моисеев и др.)³⁹ Возможно, что в первоначальном виде он был создан значительно ранее, но не включал правовых кодексов.

³⁸ Милов Л.В. О древнерусском переводе...

³⁹ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 97; Шапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности. С. 51–52; Вздорнов Г.И. Искусство книги в древней Руси. М., 1980, № 20 (без пагинации). Здесь наиболее полная, но не исчерпывающая, библиография.

Вместе с тем, возможному русскому происхождению Сокращенной редакции противоречит лексическая замена слова *тауларии* Полной редакции на *жюпанъ* Сокращенной (пример 4). При переводе и первоначальном создании славянской Эклоги был оставлен без перевода термин *ταβουλλάριος* – византийский нотариус, заверявший сделки и гражданские акты. Не найдя в своем языке аналогичного понятия, переводчик оставил слово без перевода, включив греческий термин в свой язык. Но в Сокращенной редакции здесь появилось южнославянское слово *жюпан* в русской форме (с мягким ж). Может ли эта замена свидетельствовать, что сокращение Эклоги сделано у южных славян?

Институт жупанов известен у южных славян уже в раннее время, в VIII–X вв., термин упоминает Константин Багрянородный. В Сербии в конце XI – начале XII в жупаны были чиновниками на различных ступенях административной иерархии, позднее этот термин применялся для обозначения местных феодалов. Он встречается в протоболгарских надписях, в болгарском Супрасльском сборнике, в Законе судном людем⁴⁰. Русские тексты термина жупан не знают.

Таким образом, эта замена могла принадлежать южнославянскому редактору, работавшему скорее всего в раннее время, в XI в.; а не в XII–XIII в. Однако в Болгарии это время подчинения Византии, отмены местной администрации, уничтожения болгарских письменных памятников, когда создание такой обработки не могло иметь места. Вряд ли она могла быть совершена в это время и в Сербии, находившейся на раннефеодальной стадии развития и бывшей в вассальной зависимости от Византии.

В этих условиях видеть в Сокращенной редакции памятник южнославянской рецепции права Эклоги нет оснований. Это скорее может быть русская обработка полного перевода. Обращает на себя внимание сходство обработки Эклоги с произведенным в Киеве в 1260-х годах митрополитом Кирилом отбором материала при сокращении другого византийского кодекса права – Прохирона, из 40 титулов которого во время создания Русской редакции Крмчей книги было оставлено только 5. Наряду с установлениями об обручениях (тит. 1) и расторжении брака (тит. 11) это были имущественные отношения, связанные со вторым браком (титулы 2 и 3) и передача имущества на правах дара (титул 12). Некоторые из этих норм и содержит Сокращенная редакция Эклоги.

Важны также наблюдения Л.В. Милова о составе "выборки" "О послуших и о числе их", в которую входит эта обработка Эклоги и которая включает также русскую статью "Владимира князя о послушестве", восходящую к установлениям Владимира Мономаха (умер в 1125 г.)⁴¹

Появление в этом тексте южнославянского термина в русской его форме можно объяснить в таком случае более поздней, чем само сокращение текста заменой слова *тауларии*, после включения сокращенной Эклоги в Мерило праведное, где она заняла место рядом с Законом судным. Именно в этом памятнике в соответствующей главе о свидетелях на месте византийского термина упоминается *жюпанъ*. Возможно, что редактор заменил непонятное для него слово другим из сходного текста соседнего Закона судного.

Полная редакция перевода Эклоги	Закон судный людем	Сокращенная редакция перевода Эклоги
14.8. Послуши слуху да послушствуют, глаголяще, яко слышахом от некоего должнаго же, мне же низложити. Аще тауларии будут послушствующе, (14.9) послушания ради да не веруют им тауларии. . .	22. Сведетели от слуха да не свидетельствуют, глаголяще, яко слышахом от кого сего дол [ж]ника или ино что свидетельствующе от слуха, аще и жюпани суть, иже свидетельствуют.	21. Послуши слуху да послушствуют, глагол юще, яко слышахом от некоего должнаго же, мне низложити. 22. И аще жюпани будут послушствующе, послушанья ради да не веруют им жюпан. . .

⁴⁰ Грачев В.П. Сербская государственность в X–XIV вв. (Критика теории "жупной организации"). М., 1972. С. 286–297; Beševliev V. Die protobulgarischen Inschriften. В., 1963. N 52, 60, 62.

⁴¹ Милов Л.В. Древнерусский перевод Эклоги. С. 56–65.

О возможности такого изменения говорят приведенные выше примеры замены этих слов другими под влиянием соседних сходных текстов, а также наблюдения о том, что Сокращенная редакция первоначально входила в состав Мерила Праведного (державшего в себе Закон судный), а из него была перенесена в Кормчую⁴².

5. Соотношение архетипного текста русских списков и первоначального текста перевода

Изучение сохранившихся текстов перевода Эклоги как Полной, так и Сокращенной редакций, позволяет восстановить примерный состав и чтения того текста, который лежал в основе русских списков. Наш анализ чтений всех привлеченных для издания рукописей позволяет сделать два существенных наблюдения. Первый – о том, что они восходят к одному тексту, по-разному сохранявшемуся в процессе переписки и переработки. Второй о том, что архетип русских списков не совпадает с текстом,шедшим из рук переводчика, но отделен от него и временем, и некоторыми изменениями.

Для восстановления архетипа русских списков Эклоги значительный материал дадут оба извода Полной редакции и Сокращенная. Они позволяют представить состав текст этого памятника, хотя анализ отдельных чтений показывает, что во всех списках отразились некоторые искажения, бывшие в этом архетипе, которых не могло быть в самом славянском переводе. Таких искажений очень много, они выявлены в комментариях к тексту, здесь же вынесены некоторые из них для иллюстрации.

Русские списки	Греческий текст	Реконструкция перевода
1 3̄ лѣтъ (1.1)	ἑπταετοῦς (112)	3-и лѣтъ (3-и лѣтъ)
2 7̄ – и, трии, 7̄–хъ (16.2.1)	δεκατριῶν (724)	7̄
3 во 11̄; во 1̄ на 1̄; во второе на десять (2.8.1)	δευτερογαχίσει (247)	во 1̄-и (во 1̄-и)
4 возвращениемъ (2.5.1)	ἐν ἐπαυξήσει (193–194)	возвращениемъ
5 руки (16.4)	ῥόγας (742)	руги
6 ветши, ведъши (2.8.2)	πράματα (261)	вешти (вещи)
7 отъ пакости (12.2)	ἐκπίπτει (595)	отпадаетъ
8 печатници (12.6)	φροτισταί (615)	печальници

Здесь мы встречаемся с ошибками в обозначении чисел с буквами "и" и "7̄", приобретшими или, наоборот, терявшими цифровое значение (примеры 1–3), с переосмыслениями слов в результате изменения, вставок или пропусков отдельных букв (примеры 4–6). Искажение ветши, ведъши (6) могло появиться на основе южнославянской формы слова вещи – вешти.

В ряде случаев, однако, при этих изменениях текст и в новом виде получал осмысление. Так, в примере 4 несомненное искажение "возвращение" (отдача назад) из "возращение" (увеличение) может быть объяснено другим пониманием нормы, чем это было в переводе и греческом тексте: вдове при выходе ее замуж следует "возвращать" (от детей, владельцев отцовского наследства?) ее имущество – приданое. Термин печатникъ (8) известен на Руси по источникам XIII–XIV вв., в южнославянских же текстах он не отмечен. Это позволяет связывать переосмысление нормы с Русью.

Из сохранившихся списков наибольшую близость к архетипному тексту показывают Трицкий список Мерила, сам очень неисправный и содержащий много пропусков и искажений.

Сравнение текста Полной редакции с греческими текстами Эклоги показывает, что источником перевода был список, представляющий близость к первоначальной Эклоге и к т.н. Частной Эклоге. С последней сближает славянский текст перенос титула 16 праве пекулия ("О воинских особъстажанных вещех. . .") между титулами 5 и 6, так что именно он имеет номер 6, а следующие за ним получили номера 7 и далее. Такую же перестановку имеют и греческие списки Частной распространенной Эклоги. Вместе

⁴² Там же. С. 65.

тем, в Частной Эклоге из титула 2 выделен титул 3 о праве развода⁴³, что ни в Частной распространенной Эклоге, ни в славянском тексте не имеет места.

Перестановка глав в 17 титуле совпадает с той, которая есть в Венском (по которому этот титул был издан Леунклавием) и Мюнхенском списках и, не являясь таким образом особенностью только славянского текста, показывает близость последнего к греческим версиям, отличающимся от основной византийской традиции.

Таким образом, на основании сохранившейся русской традиции Эклоги может быть в значительной степени с успехом реконструирован тот оригинал, который возник под первым славянского переводчика. Большую помощь в этой реконструкции оказывает и привлечение греческих списков, которые оказываются наиболее близкими к славянскому переводу. Однако среди последних не удастся отыскать списка, передающего все особенности славянского текста. Это свидетельствует и о том, что при переводе текст был частично изменен, и о том, что непосредственный греческий оригинал перевода не сохранился.

М.В. БИБИКОВ

РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ГРЕЧЕСКИХ СПИСКОВ ПРОТОТИПА ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 г.*

Дальнейшие разыскания по истории рукописной традиции греческого прототипа Изборника Святослава заставляют включить в круг рассматриваемых списков и тем самым в стемму еще по крайней мере три кодекса, с которыми удалось поработать в итальянских библиотеках. Это:

O — Оттобонианский список Ватиканской библиотеки: Ottob. gr. 414, XI в.

F — Лауренцианский (старший) список: Laurent. gr. IV 6, XI в.

F1 — Лауренцианский (младший) список: Laurent. gr. IV 7, XII в.

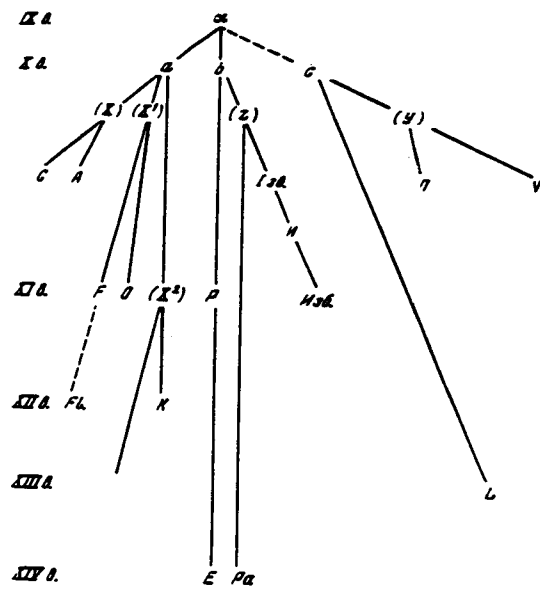
Их текстологический анализ, материалы которого целесообразно будет опубликовать особо, привел к следующим предварительным выводам. Как по составу и композиции, так и по особенностям разночтений самого текста, все эти списки следует отнести к Куалено-амброзианской группе. Текстологически и кодикологически (формат, разлиновка, оформление) все три списка оказались близки между собой. Но если совпадение чтений O и F со списками C (чаще) или A и K (реже) при отсутствии совпадений в написании с другими сборниками не является абсолютным, то такие гапаксы зафиксированные лишь в O и F как *εις (εις) δ βασιλευς* в лемме 32-го, по Я. Гретсеру. Вопросы, *κνει* в 33-м, редакционный пропуск окончания 48-го Ответа, атрибуция *Θεοδώρου* одной из последних статей 154-го Ответа при одновременном исключении из последующего текста фрагментов Ириния и Августина и т.д., показательны, и свидетельствует о происхождении этих двух списков не только от прототипа одной группы, но и, скорее всего, от единого протографа. Датировка O по пасхалиям (л. 229 об.) 1005 годом позволяет отнести этот протограф к рубежу X/XI в., а тем самым прототип "а" данной группы списков датировать в рамках X в. Текстологические и кодикологические особенности F1 позволяют предположительно возводить его к F. Тогда предложенная ранее стемма обретет следующий вид (см. след. стр.).

Наконец, важные дополнения O и F касаются завершающих сборники летописных выкладок, аналогичных опубликованным нами ранее по Старшему Куаленовскому и Лаврскому спискам¹. Оттобонианский список содержит краткие хроники римских пап ("патриархов Рима"), иерусалимских, александрийских, антиохийских и константинопольских патриархов, иудейских, ассирийских, греческих и римских царей, а также "христианских василевсов" (л. 175–180 об.), т.е. византийских императоров. Старший Лауренцианский список имеет только каталог "христианских василевсов" (такая формулировка леммы свойственна только этим двум спискам) (л. 250–250 об.)

* Окончание. Начало см. в т. 53.

¹ Биби́ков М.В. Сравнительный анализ состава "Изборника Святослава 1073 г." и его византийских аналогов // ВВ. 1990. Т. 51. С. 99–100.

⁴³ Burgmann L. S. 51, 72.

Содержание, состав и объем свидетельств в этих двух рукописях соответствуют данным, опубликованным по С и L. Различия касаются указанного числа лет правления в ряде случаев (при этом датировки О и F совпадают с хронологией Краткой византийской хроники № 14, по П. Шрайнеру), а также имени последнего из упоминаемых в О византийских монархов. Как Лаврский, так и Старший Лауренцианский списки хроник оканчиваются императором Александром с указанием числа лет и месяцев его самостоятельного правления. В отличие от Лаврского каталога, обе рукописи итальянских библиотек указывают один и тот же период царствования — 1 год, 15 месяцев, но в О имеется еще одна запись: "καὶ Κωνσταντῖνος υἱὸς Λέοντος" ("и Константин, сын Льва") — без указания срока правления! Таким образом, подтверждается высказанная нами ранее мысль о том, что: 1) прототип славянского Изборника обрел свои достаточно устойчивые формы уже на византийской почве; 2) это относится и к хронологическим записям в конце сборников, составлявших определенный корпус с неизменным составом, независимо от времени переписывания этих текстов, ибо как в манускриптах X в., так и в XI и XIII вв., как церковные, так и императорские хроники не расширялись за счет дополнения сведениями о новых папах, патриархах, царях и императорах, но сохранились копиями в том виде, в каком они появились некогда в архетипе. Формирование сборника в том виде, в каком он был положен в основу славянского перевода, следует датировать временем правления Константина VII Багрянородного, но во всяком случае до 17 декабря 920 г., когда соправителем стал Роман I Лакапин, никак не упомянутый ни в одном из выявленных списков.

Дальнейшие исследования, как например, издание Ж. Жоанне "философских фрагментов" Изборника Святослава и параллельного греческого текста с привлечением еще двух списков — Ambros. N 257 inf. (gr. 1041) XIII в. и Coisl. 116 XV в.², позволят внести новые уточнения в решение данной проблемы.

² *Johannet J. Les chapitres de définitions philosophiques dans l'Isbornik de 1073 (Édition gréco-slave) // RESL P., 1991. T. 63. P. 55–111.*

ПРИЛОЖЕНИЕ (окончание)

		C	V	A	Π	P	K	L	B	Pa	E
18	(OM.)	23									
18в. 19–20	что дѣвно не- долодомо бѣде. го отъ дѣржиши	23 ^y	38 ^y		39 ^y	262 ^y		11		22	
18г. 27		24	39 ^y		40 ^y	262 ^y		12		22 ^y	
19а.22	да видши		40		40 ^y	263		12			
19б.28-29	цѣло оубо бѣ не множество ли законьнѣа	24	40 ^y		40 ^y	263		12			
19г. 7	въпалаеть	24 ^y	41		41	263 ^y		12 ^y		23	
19г.	(OM.)	24 ^y									
20б.1	прѣлсти	25	42		41 ^y	264		13		23	211 ^y
21а.27	образомъ	26	44		41 ^y	264		13			
22г. 22	стѣла	27 ^y	47		42	265		13		23 ^y	
23а. 5–6	дар отъ ба	27 ^y	47 ^y		43			14		24	
23а. 16–17	стѣлхъ	27 ^y	47 ^y		44 ^y			15 ^y		25	
23а.20	стѣлхъ	27 ^y	47 ^y		45						
23	(OM.)	28	48		45	241				25 ^y	194
24а. 11–12	родившася	28 ^y м.	49		45 ^y	242				26	195
24б. 29–в. 1	изгнаны бѣвъ с омасть	29	50		46	242 ^y					

			C	V	A	Π	P	K	L	B	Pa	E
276.18-19	въ члѣствѣ	ἐν ἀνθρωπότητι	31	55		49						
276.20	анастасиѣви	(OM.) Ἀναστασίῳ	31				248 ^v				28 ^v	
296.9-10	никоого	οὐδεμία οὐδεμεις	32	55			9					
29г.15	блгодѣти	ἀγαθότητι		58 ^v 59 ^v		51 ^v	9 ^v				30 ^v	
306.20-и 21	и не можете богу	ἀγίῳ καὶ οὐ δύνασθαι	33 ^v	60 ^v		51 ^v	10 ^v				30 ^v	
306.21	работати	θεῷ (OM.) θεῷ δουλεύειν	34	60 ^v		51 ^v	10 ^v				30 ^v	
30г.6	жртва вечернѣ	(OM.) /стерто 2 строки, в т.ч.: θύσια ἑσπερινῆ καὶ		61								
33а.6-7	истина разоумѣхомы	(OM.) ἀλήθειαν ἐμάθομεν				52	11				31	
356.17-18	съличень	(OM.) συμβάων σημαίμων	38	64 ^v		54	13 ^v 16 ^v					
37а.12	отъ	ἀπὸ	39	68 ^v		56 ^v	19					
37г.2-3	оубо	ἐπὶ οὖν		71 ^v 72 ^v		58 ^v 58 ^v	19 ^v					
40а.9-10	своѣмъ	ἀνθρώπε μον	39 ^v				21 ^v					
40г.25	михеино	(OM.) Μιχαίου		76 ^v 78		61 ^v 62	23 ^m				38 ^v	
	(OM.)	(OM.) καὶ θάρσεται οὗτοι...	42 ^v	78 ^v		62	23				38 ^v	
44а.13	бо	καρδίας υμῶν γὰρ	44 ^v	83 ^v		65 ^v	27	2 ^v	16 ^v			
	(OM.)	δ' (OM.)						2 ^v	16 ^v			
44г.18-19	дѣломъ не плодныимъ	ἡμῶν ἔργοις τοῖς ἀκάργοις		84 85		65 ^v 66	27		17			
45а.21	сѣвдзано	ἀκάργοις ἔργοις δεδεμένα	45	45			28 ^v 28 ^v	3 ^v 3 ^v	17 ^v		3 ^v	
	(OM.)	λελυμένα (OM.) οὐ Δαβὶδ	45	85 ^v 86 ^v		66 ^v	29	4	18		4	
45г.3-4	ходштимъ сѣ спсти	βουλομένων σωζεσθαι σωζεσθαι βουλομένων (OM.: пропуск строки) (OM.) + τὰς ἁμαρτίας σου	46 ^v	86 ^v		67	29	4	18		4 ^m	
	въ себѣ	(τὰς ἀνομίας σου) ἐνεκεν ἐμοῦ, καὶ τὰς ἁμαρτίας σου	46 ^v		87	67		4 ^v	18		4	
47а.11-12	гожденѣа что творить	τὰς ἁμαρτίας σου ἐνεκεν ἐμοῦ, καὶ τὰς ἀνομίας σου ἐν ἑαυτοῖς ἑαυτοῖς	47	88 ^v			30 ^v		5		19	
47а.21-22	слова	ἀρέσκεαι τι ποῶν ἀρέσκει ἀντιποῶν λόγοις	89 47					5 ^v				
47г.13	горьчаншь	λογίαις θεωῖς λογίαις		89 ^v		68 ^v	31				19 ^v 19 ^v	43
48г.4	иде	ἀργλειότεραν ἀκμαιοτέραν ἀπῆλθε	47 ^v 48 ^v	90		69	32	6				
49в.22-23	блоудница оудове	(OM.) πόρνης μέλη		91 ^v 93 ^v		70	33	7	21			
50а.14	больша	πόρνης μέλη πορνης μείζονος	49			71	34 ^v	8			21 ^v	
516.2-3	къ оучителю своѣа грѣхы	πλεώονος τῷ διδασκάλῳ	50	94 96		71	35	8 ^v			22	
51в.16	братиса	τὰ σα πλημμελήματα τὰ σα πλημμελήματα τῷ διδασκάλῳ	50 ^v			72 ^v	36 ^v	9 ^v			23	
52г.20-21	ѣдиною, ни иже ѣдиною или же	παλαίῳ πολεμεῖν		96 ^v				10			23 ^v	
52г.25-26	присно пристапѣати, а иже не соуть тащиги	ἀπαξ, οὐτε τοὺς (OM.) ἀεὶ	51 51	98 ^v		72 ^v					24 ^v	
	(OM.)	προσέωσαι, οἱ δε μή τοῦδῳτοι (OM.) (OM.)	51 ^v	98 ^v		74 74	38	11				
53в.12-13	въ мирьскыихъ	καὶ τιμωρίαν τῶν ἐν τῶν λαστελούντων		98 ^v 99 ^v				11			25 ^v 25 ^v	
			52			74 ^v 74 ^v	38 39					

			C	V	A	Π	P	K	L	B	Pa	E
54a.	(OM.) (OM.: пропуск строки) /	το ἴδιον τοῦ σώματος	53	101		75		40	12 ^v	26		49
54	(OM.)	(OM.)	53 ^v	102 ^v	76			41 ^v	13 ^v	27		
55a.5	ихъ	καὶ αὐτοὶ αὐτῶν	54	103 ^v		76 ^v	41 ^v	13 ^v	27			
566.5	своѧ	(OM.) αὐτῶν	54 ^v	104		77	42 ^v	14	27 ^α			
566. 12-13	в несмыслѣни хытри суть	(OM.) καὶ οὐ συνετοὶ σοφοὶ εἶσι τοῦ σοφὸς εἶσι σοφὸς εἶσι	54 ^v			77	42 ^v	14	27 ^α			
57в. 1-2	питаниѧ	(OM.: пропуск строки) / καὶ τρυφήс	55 ^v M.	104				15 ^{M.}				
57в.13	свиноѧ	(OM.) συνώδη		106 ^v		78	44		28		51	
57г. 17-18	зълосмрадиѧ	εὐόλωθρον	55 ^v	106 ^v		78 ^v	44	15 ^v	28		51	
	си	δυσωδίαν	55 ^v	107		78 ^v	44 ^v	15 ^v	28 ^v		51 ^v	
	(OM.)	σου	57	109 ^v			46	16 ^v	29 ^v			
60в. 3	вълноуаштееса	(OM.)	57	110		80 ^v	46 ^v	17	30		52 ^v	
616. 9-10	въстлаплѧемы	καὶ ἠγαπημένοι κυμανομένην κομαιομένην ἀνακοπόμενα	58	111 ^v			47 ^v	18	31		53	
		ἀνακοπόμενα (OM.)	58 ^v	113		82	49		31 ^v			
62в. 5	намъ	ἡμῶν		114 ^v		83	50 ^v					
62в. 10	и	(OM.)	59 ^v	116		84	51	19 ^v	32 ^v			
		καὶ οὐδὲν	60						33			
63в. 19-21	отъ другъ обидимъ есть или	ὑπὸ φίλων ἐπιβουλεύεται, ἢ	60 ^v			84	51 ^v	21 ^v				
64г. 6	ихъ	(OM.) αὐτῶν		116 ^v					33 ^v			
		(OM.)	61	117			52	21 ^v	34			
65в	(OM.)	(OM.)		119 ^v		86	54		35 ^v			
	и	ρησω δ θεός	62					23				
		καὶ		123			56 ^v		37 ^v			
68a. 26-28	или оупъвати на чловъка. блго надънагисѧ на га	ὡς ἢ πεποιθέναὶ ἐπ' ἀνθρώπων ἀγαθὸν ἐλπίζω ἐπὶ κύριον ἢ ἐλπίζω	63 ^v					25				
68a. 25	оупъвати	(OM.) πεποιθέναὶ	64	23 ^v		88 ^v	57	25	38		58	
	(OM.)	ἐλπίζω	64 ^v				57		38		58	
69a. 11	ба	(OM.) πάντως	64 ^v	124		89	57 ^v	25 ^v	38 ^v			
69г. 14-16	акы горько въздааниѧ бидиѧ дастьѧ емоу	θεδν (OM.) ὡς πικρὰ ἀντίδοτος αὐτῶ δωθήσεται	65 ^v	124 ^v		89	58		38 ^v	18	58 ^v	59
		(OM.)		126 ^v				26 ^v	39 ^v			
70г. 14	на	πρὸс		128		91 ^v			40 ^v			
71a. 29	б.Аахоу	ὡс ἦσαν	66	128 ^v			59 ^v	28	41			
716. 3	въ	(OM.)	66 ^v				60	28				
71в. 24-25	от (ъ) всѧхъ	ἐν	66 ^v	128 ^v			60 ^v	28 ^v				
71г.	(OM.)	(OM.)	66 ^v	129		92			41 ^v		60 ^v	
	(OM.)	περὶ αὐτῶν	67	129 ^v		92 ^v	61	28 ^v				
		(OM.)		130					42			
756. 8	глоубины	ὁμοῦ	67 ^v				61 ^v	29	44 ^v			
		ἄβυσσος	69 ^v				64	31				
756. 21	и	ἄβυσσος		135					44 ^v			
		καὶ		135			64		44 ^v			
75в. 3	тырпить	(OM.)	69 ^v					31	44 ^v			
		κακροθυμῆ		135 ^v			64 ^v					
75г.		(OM.)						31				
		τοῦ αὐτοῦ ἐκ (τῆс)	70			96 ^v	65 ^{M.}	31 ^v	45			
		τῶν πράξεων										
76a.3	злато и срѣбро	(OM.)		136								
		τὸ χρυσίον καὶ τὸ ἀργύριον		136		96 ^v			45		63	
		τὸ ἀργύριον καὶ τὸ χρ.	70				65	31 ^v				

			C	V	A	Π	P	K	L	B	Pa	E
766.22	Сирахово	τοῦ Σιράχ Τοῦ Χρυσοστόμου ἐκ τοῦ Σαλομῶντος	70 ^V	136 ^V			97	65 ^V			63	
76	и	καὶ		137 ^V			97 ^V	66				
77в.23	испълнь	οὐκ γέμοιτα γενόμενον	71	138 ^V			98 ^V	67				
		οὐ διέστειλλον διέστειλλον πρὸς δόσω (OM.)	71 ^V 75 ^V 75 ^V		2			72 ^V	33 37 ^V			56 ^V
82		γὰρ κάπηλος κάπηλος	75 ^V	146 ^V	2 ^V		103	72 ^V				
83		οὐκ ἔσακούσομαι αὐτῶν (OM.)	76	146 ^V 147 ^V	2 ^V 3		103 104	72 ^V 73 ^V				57
83		κόπου πόνου	76	148	3 ^V			74	38 ^V			
83		δέξασθαι ἀνοσίω ἀνοσίω δέξασθαι	76 ^V	148 ^V	3 ^V		104 ^V	74				58
83		ἀκούτος ἀργύρων ἀργύρων ἀκούτος	76 ^V	148 ^V	3 ^V		104 ^V	74				58
83в.24	оуглије	ἀνθρακας ἀκανθας	76 ^V	148 ^V	3 ^V		104 ^V	74	38 ^V			58
84в.9	отъмеш'	ἀποσεύμενος ἀποστρεψόμενος	76 ^V	148 ^V	4		104 ^V	74 ^V	39			58
84в.22-23	имѣнѣа	πόρους πόνους	77	149	5		105 105 ^V	75 ^V				
86		οὐ σοι (OM.)	78 ^V	150 153	8			77 ^V				
		λεοποιεῖν τὸν θεόν ἴλεψ τὸν θεόν ποιεῖν τα ἔτερων	79	153 ^V	8 ^V		107 ^V					
87б.22	сюже	(OM.)	79 ^V	154 ^V 155	9 ^V		108 ^V 108 ^V	78 ^V 79	42			61
87		μηδὲ καὶ μὴ		155	9 ^V		108 ^V	79				61
88		καὶ καὶ θυσάντων τοῖς θεοῖς αὐτοῖς	79 ^V 80		10 ^V			80	42 43			
		τοῖς θεοῖς αὐτῶν θυσάντων		156 ^V			109 ^V		55			

В. Византийский временник, т. 54

89		καὶ μὴ καλῶς ἀνὰ διοικήσασθαι	81 ^V		12			82 ^V			71 ^V	63 ^V
90		(OM.) ἀγῶι ἐσω		158 ^V 160			100 ^V 111 ^V	83 ^V			72 ^V	63 ^V
90 г. 24	Θεодорита	(OM.) Θεοδώρησιν Θεοδώρου	82 82 ^V		13 ^V 14				45			
91		καὶ πλοῦτον (OM.)		160 ^V 162								
92		κατέχοντες ἀγοράζοντες	83 83 ^V	162 ^V 163	15 ^V 15 ^V		113 ^V 113 ^V	85 86			58	
92		συνόκησιν σὸς νήκησιν		163	15 ^V		113 ^V	86				
92		Ἰάωβ Ἰακώβ	83 ^V 84	163	15 ^V		113 ^V	86				
92		συνέβη αὐτόν συνέβη	84	164	16 ^V		114	86 ^V	17			
93		φησὶν τὸν κύριον τὸν κύριον φησὶν	85	165 ^V	18		115	88				
93	(OM.)	(OM.) φησὶν	85	166	18		115 ^V	83			48 ^V 48 ^V	
		λίθοις βληθεῖς λιθοβληθεῖς	85	166	18		115 ^V	88				
94		καθευθυνθήσεται καθευθυνθήσεται ἐπὶ	85 ^V	166 ^V	18 ^V		115 ^V	88 ^V				
94		τῆς γῆς πάντας	85 ^V		18 ^V			88 ^V				
94		(OM.) ψεύδος	85 ^V	166 ^V	18 ^V		116	88 ^V				
95		ψεύδος ἀπαντας ἄξιον	86 ^V	166 ^V	20		116	90 ^V	50			
95в.25	ФОКА	ἀνάξιον Φωκῶς	86 ^V	168 ^V	20 ^V		117	90 ^V	50			
		φωνεῖ(ς) πικρὰ	86 ^V	169	20 ^V		117					
		μιαρὰ (OM.)	86 ^V	169	20 ^V		117 ^V	90 ^V				
97а.12	въ Издранли	ἐν Ἰ(σρα)ήλ ἐν Ἰ(εροσα)λήμ	87 ^V		22							
97		δυσσεβῆς βασιλεὺς	87 ^V	171 ^V 171 ^V			118 ^V 118 ^V	92 92				

			C	V	A	Π	P	K	L	B	Pa	E
		(OM.)	115 ^V									
132		ἐν ἀκαρεῖ		226 ^V		154 ^V	132					
132		ἀκαρεῖ	116		63							
132		τῆ οὐσία, καὶ τῆ		227	63	154 ^V	132					
132		σοφία καὶ										
132		τῆ σοφία, καὶ τῆ οὐσία καὶ	116	227 ^V		155						
132		ἡμέσης										
132		ἡμέσης πολεως	116 ^V		63 ^V				78			
132		(OM.)										
132		ἡμεσίω	116 ^V				132 ^M					
132		γάρ			64		133					
132		(OM.)		227 ^V								
133		ἄνθρωπος		229 ^V	65 ^V	156 ^V	134					
133		οὐρανός	117									
133		καὶ διὰ τὰς... ETC.	117		65 ^V	156 ^V	134					
134		OM.: пропуск строки		229 ^V								
134		τῶ ονόματι		231	66 ^V	157 ^V	135					
135β. 21	стааго	τὸ ὄνομα	118									
135β. 21	стааго	τοῦ ἁγίου										
135		(OM.)	118 ^V	232 ^V	67 ^V	158 ^V	136					
135		καὶ ἡμεῖς οὐχὶ	118 ^V		67 ^V							
135		οὐχὶ καὶ ἡμεῖς		232 ^V		158 ^V	136					
136-137		ΣΧΟΛ. (INC.) Ἄβραάμ		234 ^V			138				83 ^V	
136-137		ἐγέννησεν τὸν Μωσαῖον										
136-137		(DES.) εἰς τὸν Μωσαῖον										
137	(OM.)	(OM.)	119 ^V		69 ^V	159 ^V						
137	(OM.)	(OM.)		235	69 ^V	160	138					
137	(OM.)	περὶ τῆς Ἄβραάμ	119 ^V									
137	(OM.)	περὶ τῆς Ἄβραάμ										
137	οὐδο	λαοῦ παροικίας		235	69 ^V	160	138					
137	οὐδο	τοῖνον										
138		(OM.)	120									
138		καὶ παίδων παῖδες	120 ^V		70 ^V		139					
138		(OM.)		236		160 ^V						
137γ. 27-138γ. 10		Υἱὸς τοῦ Σήμ	120 ^M	236								
138γ. 10-138γ. 14		(OM.)			70 ^V	160 ^V	139					
138γ. 10-138γ. 14		Υἱὸς τοῦ Χάμ		236 ^V								
138γ. 15-		(OM.)	120 ^V		71	161	139 ^V					
138γ. 15-		(OM.)	121 ^M	237 ^M								
138γ. 15-		Υἱὸς τοῦ Ἰαρέθ										

139A.9		(OM.)			71 ^V	161 ^V	140					
138γ. 11-12		Μάκωνες, Μάκρωνες		237		161	139 ^V					
139		Μάκωνες	120 ^V		71							
139		ἐσπλαγχνισθεῖς		239								
139		σπλαγχνισθεῖς	121	239 ^V		162 ^V	141 ^V					
139		ἐμβροσθησοῖ	121 ^V									
139		ἐμβροσθησοῖ			73							
140		εἰ	122									
140		ἢ			73 ^V							
140		(OM.)		240		163	142					
141A.7	зѣлни	πονηρῶν		240 ^V		163 ^V						
141A.7	зѣлни	πονηρῶν	122 ^V									
141		μοχθηρῶν	122		74	163 ^V	142 ^V					
141		ἔπει οὐν οὐ μόνον...										
141		πλήσιον		241								
141		(OM.) : пропуск строки		243								
143	рѣлътъ	πληγὴν ἐτιηροῖ			76 ^V	165 ^V	144 ^V					
143	рѣлътъ	πληγὴν ῥοῖ	124									
143 γ. 1	томаштинны	τυραννοῦντες		245 ^V		166 ^V	145 ^V					
143 γ. 1	томаштинны	πολεμοῦντες	124 ^V		77 ^V							
144		πως	125		78	166 ^V	146					
144		εἴπεν		246								
144		λέγων	125		78		146					
144		εἰπων										
144		λέγω		246		166 ^V						
144		ἔστιν		246	78	166 ^V	146 ^V					
144		ἐπὶ	125									
144	волю	πρόσταγμα		246 ^V		167 ^V	146 ^V					
144	волю	πρόσταγμα	125		78 ^V							
144 γ. 7-8	самохотыными	ἐκουσίων		247		167 ^V	147					
144 γ. 7-8	самохотыными	ἐκουσίων	125 ^V									
146β. 9	Фогора	Φογῶρ		250		169 ^V						
146β. 9	Фогора	Φογῶρ	127		81 ^V							
146		γράμμασι		250 ^V		169 ^V	148					
146		προστάγμασι	127		81 ^V							
146		πράξιν	127		81 ^V		148					
146		τεκνῶν		250 ^V		169 ^V						
147	сы	ων		251		170	148					
147	сы	(OM.)	127 ^V		82							
149	(OM.)	(OM.)		254 ^V		172 ^V	150α					
149	(OM.)	τον υ(ω)ν	129		85							

			C	V	A	Π	P	K	L	B	Pa	E
151		φάντασμα φάσμα (λαкуна)	131	258 ^v	88	174 ^v						
151		καὶ καταλυπεῖ (ομ.) (лакуна)	131 ^v	258 ^v	88 ^v	175	150α/151					
151г.22	Златоустааго	ἐκ τοῦ Χρυσσοστόμου ἐκ τῶν Χρυσσοστόμου Χρυσσοστόμου	131 ^v	259 ^v		175 ^v	151					
152		καὶ τὰς ἐξ ἐπιεῖθεν (ομ.)	132	260 262 ^v	89 ^v	175 ^v	151 ^v					
153г. 14-15	въ Скоуѣхъ	Σκυθίας Σκυθίας χώρας	133 ^v	262 ^v	91 ^v	177 ^v	153 ^v					
153		τριβόμενος καὶ χρώμενος τριβόμενος	133 ^v	262 ^v	92	177 ^v	153 ^v					
154		Θεοδώρητου Θεοδοσίου	133 ^v	263		178	154		98 ^v			
155		ἄσµα ἄσµα	134 ^v	265	93	179	155					
155		χερσέων τε πετειῶν τε καὶ νηκτῶν χερσεων πετειων	134 ^v	265 ^v	93	179 ^v	155 ^v					
155		λαον καλόν	135	265 ^v	93	179 ^v	155 ^v					
157 г. 19-20	плачный неже въ домъ	πένθους ἢ εἰς οἶκον (ομ.)	137	269 ^v	96 ^v	182	158 ^v					
158		ἅγια μ' πηχῶν ἦν, τὰ δὲ ἅγια	137	270	97	182 ^v	158 ^v - 159					
158		ἅγια ἕψος	137	270	97	182 ^v	159					
159		ἕψος πηχῶν πρόσταξω	138	272	98 ^v	183 ^v	159 ^v					
160	Последовательность глав: затем -	"Θεοδώρητου" "Ἐκ τῶν ἀποστολικῶν διατάξεων"		273 274		184 ^v 184 ^v - 185	160 ^v 161 ^v					

		"Ἐκ τῶν ἀποστολικῶν διατάξεων"	138 ^v		99 ^v							
	затем -	"Θεοδώρητου ἐκ τῆς θεραπευτικῆς"	139 ^v		100 ^v							
161		θεοῦ (ομ.)	139	275		185	162					
161		καλοῦ (ομ.)	139 ^v	275 ^v	100 ^v		162					
160		ἐθνῶν ἐθνῶν		273 ^v		184 ^v	161					
162		θεῶν ἐλαου	139 ^v	276	101	186	162 ^v					
162в. 7	невидѣни	ἐλπισαίω τὴν χάριν ἄρασιᾶ ἀκρασίᾶ	140	276 ^v	101 ^v 102		163					
163		ἀγαπητός ἀγαπητός μου	141	278 ^v 287 ^v	103 ^v	187 ^v 192 ^v	164 ^v					
164		ζωοφθορία, φαρμακεία ζωοφθορία, μαλακεία (ομ.)	145 145 ^v				167 ^v					
165		καὶ καπάρας τὰς εὐλογίας (ομ.)		287 288 ^v	108		167 ^v	134 ^v				
166	Акы	ὡς (ομ.)	146 ^v		109 ^v		169					
169в. 10	то да выкнетъ	εἰ δὲ βούλοιο εἰ δὲ μὴ βούλοιο	149		LAC.							
172	НЕ завель	Ἰεζάβελ Ἰεζάβελ	151 ^v	294	114 ^v	196 ^v	173 176					
172		καὶ φοβηθεὶς ἔφυγεν εἰς τὴν ἐρημονοδοὺν μ' ἡμερῶν καὶ βλαστησας (ομ.)	151 ^v	298	114 ^v	199	176					
172		μοι τῷ λόγῳ τῷ λόγῳ	151 ^v	298	115	199 ^v	176					
172	(ομ.)	(ομ.)	152	299		199 ^v	176 ^v					
172		ἀτμάζει πάντας οὐ χαλωῖ		299 ^v			177					
173		χαλωῖ ἰσίου	152 152				177					
174		δικαίου (ομ.)		299 ^v		200						
174		ἐννεουσα καὶ ταῖς παριαῖς μηδιῶσα		301 ^v		200 ^v	178 ^v					

			C	V	A	Π	P	K	L	B	Pa	E
174		ἐννεύουσα μαγεύουσα καὶ τοὺς χηῶνας σύρουσα	153	301 ^V	117 ^V		200 ^V					178 ^V
174		μαγεύουσα ἀρεσκουσα	153		117 ^V							
175	(ομ.)	ἀρεσκουσα καὶ τῷ σώματι ἐκπορεύουσα (ομ.)	153	301 ^V	117 ^V		200 ^V					178 ^V
176		παίτες λύτρωσις ἐν Χριστῷ	154 ^V	304 ^V	118 ^V		202 ^V					180
176	(ομ.)	λύτρωσις (ομ.)	154 ^V	304 ^V	119		203					181
176β. 22	Богословъца	ἐκ φθορᾶς Θεολόγου	154 ^V	304 ^V	119		203					181
177		Τοῦ αὐτοῦ Ἐἶπτε καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεὸν καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος	155	305 ^V 306 ^V	120		203 ^V					182
178β. 20	Златоустваго	(ομ.) Τοῦ Χρυσσοστόμου (ομ.)	155 ^V	308 ^V	120 ^V							99
178		ἀφίημι φημί	155 ^V	308 ^V	122 ^V		205 ^V					184
179		ἦν φησὶν φησὶν ἦν	156 ^V 157 ^V		123 124		184 185					
180		κρητὴς γὰρ ἔστιν ἀδικίας (ομ.)	158	310 311 ^V			206 207					
182		ἐν ἡμέρᾳ ἐν καιρῷ	159 ^V	314 ^V	125 ^V		186					
182		ἀνδρὶ ἁμαρτωλῷ καὶ συμμερόμενον (ομ.): προпуск строки	160		129		188 ^V 189					104
182		δακρύσει καὶ ἔαν εὐρῆ καρὸν οὐκ ἐμπλήσθησεται	160	315 ^V 315 ^V			209 ^V 209 ^V					104
182		ἀφ' ἁμαρτίας δακρύσει κακὰ καὶ σου	160	315 ^V	129		209 ^V					104
							189					

184		αὐτῶν αὐτῶν καὶ στόματι αὐτῶν	161	317 ^V	131		190 ^V					105
184		σέβονται με σεβονται με διδάσκοιτες ἐπιτάγματα ἀνθρώπων καὶ διδασκαλίας	161	317 ^V	131		191					105
184	(ομ.)	(ομ.) Ἄβδωῦ ἄνδρες ... ἠποκάτω σου	161 ^V	318	131 ^V		191					
184		Ἐκ τοῦ Λεμοναρίου, INC. Ἠρώτησεν τις πατέρα... DES. πάντων ἀπέχου (помещена выше)	161 ^V		131 ^V		191					
184		(ομ.) ἔπει	161 ^V	318	131 ^V		209 ^V					105
184		(ομ.) λαλῶν	162	318 ^V	132 ^V		211 ^V					191 ^V
185		καλῶν ου (ομ.) καῖτοι καὶ	162 162 163	319	132 ^V 134 ^V		192 193 ^V					
186β. 21-22	ΑΓΑΓΑ	Ἄγαγ αὐτῶν καὶ	163 ^V 163 ^V	321 ^V 321 ^V	135 ^V 135 ^V		213 ^V 213 ^V					194
186		(ομ.) καὶ	163 ^V	322	136		213 ^V					194 ^V
187	(ομ.)	(ομ.)	164	322 ^V	136		214					194 ^V
189γ.22	Статья "Отъ Исходъ"	Ἀθανάσιου Статья Τοῦ Ἐξοδου	166	322 ^V	140		198					
190	(ομ.)	(ομ.) Пропуск статьи (ομ.)	166 ^V	327	216 ^V		199					
191		παίτες καὶ τοῦ διαβόλου συνεργούτος	167	328 329	217 ^V 218		199 ^V					
191		(συγχωροῦτος) (ομ.) διὰ το μη εἰρεῖν ἄξιον αὐτῆς πολλῶ μᾶλλον ἢ κατάρτα ἐπισπέρει	167 ^V		142		218 ^V					199α
192		(ομ.) καὶ	168	329 ^V 331	144		200					
193		(ομ.) ἀπὸ ὄμφαλοῦ ἐπ' ὄμφαλοῦ	168	333	145		220 ^V					107 ^V
			169	333	146		201 ^V					

			C	V	A	Π	P	K	L	B	Pa	E
195		τῆς νηστείας	170		148 ^V	222	203 ^V					
195		(ΟΜ.) νηστ εὔσαι τό σάββατον		335 ^V								
195		(ΟΜ.) έκεῖνο μόνον	170 ^V	336		222 ^V	204					
196		μόνον ἐκεῖνο	170 ^V		149							
196		δανάμνησιν		337	150		204 ^V					
198	(ΟΜ.)	(ΟΜ.) ἀπὸ τοῦ παραδείσου	173 ^V		154						134	
199		ἡ προκοπή σου	174				209					
202		σου ἡ προκοπή		343		227						
202		οὐχὶ ἐμώρανεν ὁ θεός	176		160 ⁻		212					
202		τὴν σοφίαν τοῦ κόσμου			160 ^V							
204	(ΟΜ.)	(ΟΜ.) Εὐσεβίου ἐκ τῆς ἀρχαιολογικῆς	178	347 ^V		229 ^V						
204	(ΟΜ.)	(ΟΜ.) ἱστορίας		351	163 ^V	231 ^V	214 ^V					
204	(ΟΜ.)	(ΟΜ.) γὰρ πεπαιδευμένος	178	351 ^V		231 ^V	215					
204		ταχυνάτω		351 ^V	164							
204		τραχυνάτω	178			232	215					
205		συμφέρει		352 ^V		232 ^V	216					
205		συμβαίνει	178 ^V		165							
207-209	Перестановка глав:											
	затем —	"Τοῦ Θεολόγου"	180 ^V		168 ^V							
	затем —	"Τοῦ ἁγίου Βασιλείου"										
		τοῦ ἁγίου Βασιλείου		356 ^V		235	219					
207		"Τοῦ Θεολόγου"		360		237						
207		ἐκ τῆς	181		169							
207		(ΟΜ.) ὁ δὲ ἑαυτὸν εὐνοχίας		357		235	219					
207		(ΟΜ.)	181	357		235 ^V	219					
209		ὅτι εἰς χρη μνημονεύει τοῦ		361		237 ^V						
209		κυρίου										
209		(ΟΜ.)	183				221 ^V					
210		κυρίου	183				222					
210		—		361 ^V		238						

210		θεοῦ ὁ ἐρησυχάζων		362 ^V		239	223					
210		θεοῦ	183 ^V		174 ^V							
211		γὰρ		363		239	223					
211		(ΟΜ.) καὶ ἀρπάξουσιν	184		175							
211		(ΟΜ.) εἰς εὐεργεσίαν	184	363 ^V		239	223 ^V					
211		εἰς ἐργασίαν	184		175 ^V							
211		ἐν	184 ^V		176		224 ^V					
211		(ΟΜ.) ἀδικοὶ		364 ^V		240						
212		δικαίω	185		177		225					
213		τελειωθῶσιν	186		178 ^V		226 ^V					
213		τέλος		365 ^V		240 ^V						
214		καὶ τὴν πόλιν	186		179		226 ^V					
214		τὴν αγίαν (Ἱερουσαλήμ				242						
214		καὴν										
2146.14	отъ нихъ	(ΟΜ.) ἀπ' αὐτῶν		368								
2146.14		(ΟΜ.)	186 ^V	368 ^V			227					
214		ἐν τῷ	186 ^V		180		227 ^V					
214		ἐν τῇ οἰκίᾳ		369								
214		μόνοι πολλοὶ εἰσὶν		369								
214		μοναὶ εἶναι πολλάς	186 ^V		180		227 ^V					
214		ἢ ψυχ(ι)	187 ^V	371 ^V		243 ^V	229					
216		διὰ τὴν οἰκονομίαν		372 ^V								
216		διὰ τὴν ἐπιδημίαν					220α					
216		τὴν οἰκονομίαν	188 ^V		183							
216		μητέρα		373			220β					
216		(ΟΜ.)	188 ^V		183 ^V							
217		αὐτὸν οἱ δὲ ἐδίωκσαν		375			221β					
217		(ΟΜ.)	190		185							
217		ἡ τοῦ θεοῦ ἐκκλησία	190		185 ^V	246 ^V	222α				148	
217		(ΟΜ.)		375 ^V								
218		τοῦ δὲ ἀσθητοῦ ὁ	190		185 ^V	246 ^V	222α				148	
218		ὁ νόμος τοῦ δὲ ἀνθρώπου										
218		εἰκῶν ἔστιν τὸ ἱερατεῖον										
218		(ΟΜ.)		375 ^V								
2186.29-в.	I небеснымъ	οὐρανίων	190 ^V		186 ^V		222β					
2186.29-в.		(ΟΜ.)		376 ^V		247						
218		ἴσθη		376 ^V		247	222β					
218		ὡς ἦν	190 ^V		186 ^V							

			C	V	A	Π	P	K	L	B	Ρα	E
219		μνησθῶ		378			224α					
219		μάθω	191 ^V									
219		ἐπικλήσεως		378			224α					
219		ἐκκλησίας	191 ^V									
220		ἕτερα		378 ^V			224BIS					
220		(ΟΜ.)	191 ^V									
221		πνεύματι		380 ^V		249 ^V	225 ^V α					
221		πατρὶ	192 ^V									
221		(ΟΜ.)		381								
221		παραδόσεις κατέχει καὶ	193		190	249	226α					
221		κρατέει τὰς										
221		Βασιλείου		381 ^V		250	226 ^Y α				150	
221		Τοῦ αὐτοῦ	193		190 ^V							
221		κήρυγμα· οὕτως καὶ ὁ		382		250	226 ^Y α				150	
221		υ(ῶ)ς τοῦ θεοῦ... Λόγος										
221		ἐκλήθη διὰ τὸ ἀπαθές τῆς										
221		γεννήσεως										
222		ἀπαθές τῆς φύσεως	193 ^V									
222		κατὰ τοὺς	194 ^V		191			191 ^V				
222		ἐκ τῶν			192 ^V							
224	(ΟΜ.)	(ΟΜ.)		384 ^V		251						
224		ἐν ἄλλω τῶν ἀπηριθμένων	195 ^V	386 ^V		252 ^V			161 ^V			
224-237		τουτων										
224-237		INC. ἐντενθεῖσαν ἐκάστη	196-									
224-237		εἶδει πρὸς κίνησιν ...	205 ^V									
224-237		DES. τῆς ὑποστάσεως τὰ										
224-237		συμβεβηκότα										
224-237		(ΟΜ.)										
237		φύρσιν δὲ ἐπὶ τῶν ξηρῶν	205 ^V	387 ^V		253				162		
237		καὶ ὑγρῶν ἀλεύρου καὶ				253 ^V				162		
237		ὕδατος κατὰ										
237		(ΟΜ.)										
238	(ΟΜ.)	(ΟΜ.)		388								
238		(ἀψυχὰ) ἢ ἀπὸ ἀψύχων ἐπὶ	206	388 ^V		254 ^V						
238		(ἐμψυχὰ)										
239	(ΟΜ.)	(ΟΜ.)	207									
239		ἔστιν										
240		ἐταῖροι τῶν λόγων	208 ^V	393		256 ^V						
240		ἐτέραι τῶν νεωτέρων		393		256 ^V						

241		ἄλλα καὶ Ἐφραίμ περιστερὰ		394		257						
241		ἄνους· διὰ τὸ ἄλογον καὶ										
241		ἀκόλαστον τοῦ ζώου										
241		(ΟΜ.)	208 ^V									
241		ἡμεῖς		394 ^V			228 ^Y α					
241		(ΟΜ.)	209									
241		ἔχουσιν ἐκ τῆς ἐνεργείας		395			228 ^Y α					
241		ἐκ τῆς ἐνεργείας ἔχουσιν	209									
242		αὐτοῦ	209 ^V				229α					
242		κυρίου		395 ^V								
242	(ΟΜ.)	(ΟΜ.)	209 ^V									
242		λεπίτης		396			229α					
243		γὰρ		397			230					
243		(ΟΜ.)	210									
244		τῆν δαίρεσιν ἀναιρεῖταιως		399			231 ^V					
244		καὶ τὸ λέγειν ἐν δύο										
244		φύσεσιν										
244		(ΟΜ.)	211									
244		καταργεῖ		399			231 ^V					
244		κατηγορεῖ	211									
244		ἰδὼν μὲν γὰρ τοῦ	+				232					
244		πατρὸς τὸ ἀγέννητον										
244		(ΟΜ.):		399 ^V								
244	(ΟΜ.)	(ΟΜ.)		399 ^V								
244		ἁγίου	+				232					
245		Ἄλδ αβαῶθ	212									
245		Ἰαλδ αβαῶθ		401			233					
246		αὐτὴν εἴποι σοφὴν	213				234 ^V					
246		ἐν ἄλλω δὲ μωρῶν										
246		καὶ ἀσυνετον οὐδε										
246		ἐν τούτῳ μὲν										
246		(ΟΜ.)		403								
246β. 4-25	се оубо различье... ... двухъ животьных	ταυτὴν γοῶν διαφορὰν ...					234 ^V				154 ^V	
246β. 4-25		... πνεύμα ζωτικόν										
246β. 4-25		(ΟΜ.)	213									
249-250		повтор текста	214			262	239					
249-250				408.17-								
249-250				-409.1								
250		γεννήσεως τοῦ		409 ^V								
250		Χριστοῦ										
250		Χριστοῦ γεννήσεως	214				235 ^V					
250		ς		410			240					
250		εφ'	214 ^V									

Рукопись представляет собой книжечку очень маленького формата (величина листов — 16,8 X 12,8) и при этом весьма толстую (около 500 листов; точно — 493 с текстом + 20 пустых), так как состав текстов в ней обширный. По обиходу это почти кубическая форма, что для переписывания неудобно и что вызвано явно каким-то индивидуальным вкусом и заказом. Очевидно, владелец хотел иметь книгу, содержащую основные, какплодливо читаемые священные тексты в миниатюрном, изящном, как мы сказали бы сейчас — карманном издании. Несомненно, не была предназначена для церковной службы, но принадлежала частному лицу. К тому же она написана так называемым "гуманистическим письмом"⁴ — специальным почерком, которым было принято переписывать тексты античных авторов, но отнюдь не литургические книги. Написанные таким письмом Нового Завета и Псалтири — случай редчайший в практике византийских писцов.

Весь текст, кроме предисловия, написан двумя людьми; оба — профессиональные писцы, однако роль их — неодинакова. Тот, что переписал почти весь текст — настоящий виртуоз. Он сумел написать этот манускрипт мельчайшими буквами, приспособившись к неординарно малому формату книги. Индивидуальные особенности его почерка близки (по определению Б.Л. Фонкича) к знаменитому скриптору Плануда—Триплиния, писцы которого были учеными-филологами, работавшими в начале XIV в. в Константинополе и Фессалониках. Второй писец, помощник или ученик, пишет чуть крупнее и обычнее. Палеографические приметы его почерка относятся к тому же времени. Этому писцу были поручены только краткие тексты предисловий к каждой главе, объясняющие содержание.

Итак, оба писца принадлежали к образованной филологической среде первых десятилетий XIV в., периода Палеологовского Ренессанса. Заказчиком рукописи мог быть только состоятельный и культурный человек, раз он имел возможность и желание обратиться именно к таким неординарным переписчикам. Этот человек явно имел классические вкусы, так как захотел, чтобы даже книга священных текстов, которой он пользовался, была бы написана шрифтом, предназначенным для сочинений древних авторов.

Можно сказать, что такой манускрипт достоин был бы принадлежать знаменитому эрудиту, литератору и ученому Федору Метохиту, или даже самому императору-меленату Андронику II Палеологу. Разумеется, это только образное и достаточно фантастическое предположение. Настоящего владельца книги мы, к сожалению, не знаем. Но если это был даже и не столь известный человек, все же среда, к которой он принадлежал, очевидна. Это круг ученой элиты эпохи так называемого палеологовского расцвета.

Кажется, все это могло бы уточнить время создания рукописи как первую четверть, или, максимум, первую треть XIV в. (по определению Б.Л. Фонкича — 20—30-е годы, с преимущественной возможностью на первые и упоминанием вторых лишь для большей осторожности). Между тем, все истории искусства, которые интересовались этим манускриптом (М.В. Алпатов, В.Н. Лазарев, Х.Г. Беллинг, датировали его миниатюры серединой XIV в.⁵ Впрочем, именно и только миниатюры, ибо саму рукопись никто из них не изучал⁶. Казалось бы, разница в несколько десятилетий (20—30-е или 50—60-е годы) очень мала при рассмотрении культуры столь далекой эпохи. Между тем для XIV в., и особенно для первой его половины — это не так. На протяжении 30-х годов явно прослепляют очертания кризиса. Нарушается гармония, более или менее оп-

⁴ Весь палеографический анализ рукописи проведен Б.Л. Фонкичем, за что сердечно его благодарю.
⁵ О. Демус дает даже более позднюю дату — 3-я четверть XIV в. (!). См. примеч. 3.
⁶ Во всех описаниях (см. примеч. 1) рукопись датирована XII в., поэтому истории искусства (примеч. 3) считали, что миниатюры сделаны позже, чем сам манускрипт. Первым такое суждение высказал М.В. Алпатов (см. примеч. 3). Между тем они созданы одновременно. Исправление рукописи датирована правильно XIV в. (с более тонкой атрибуцией к первой его трети) Б.Л. Фонкичем (работа не опубликована, ссылка на услугу его консультанта).

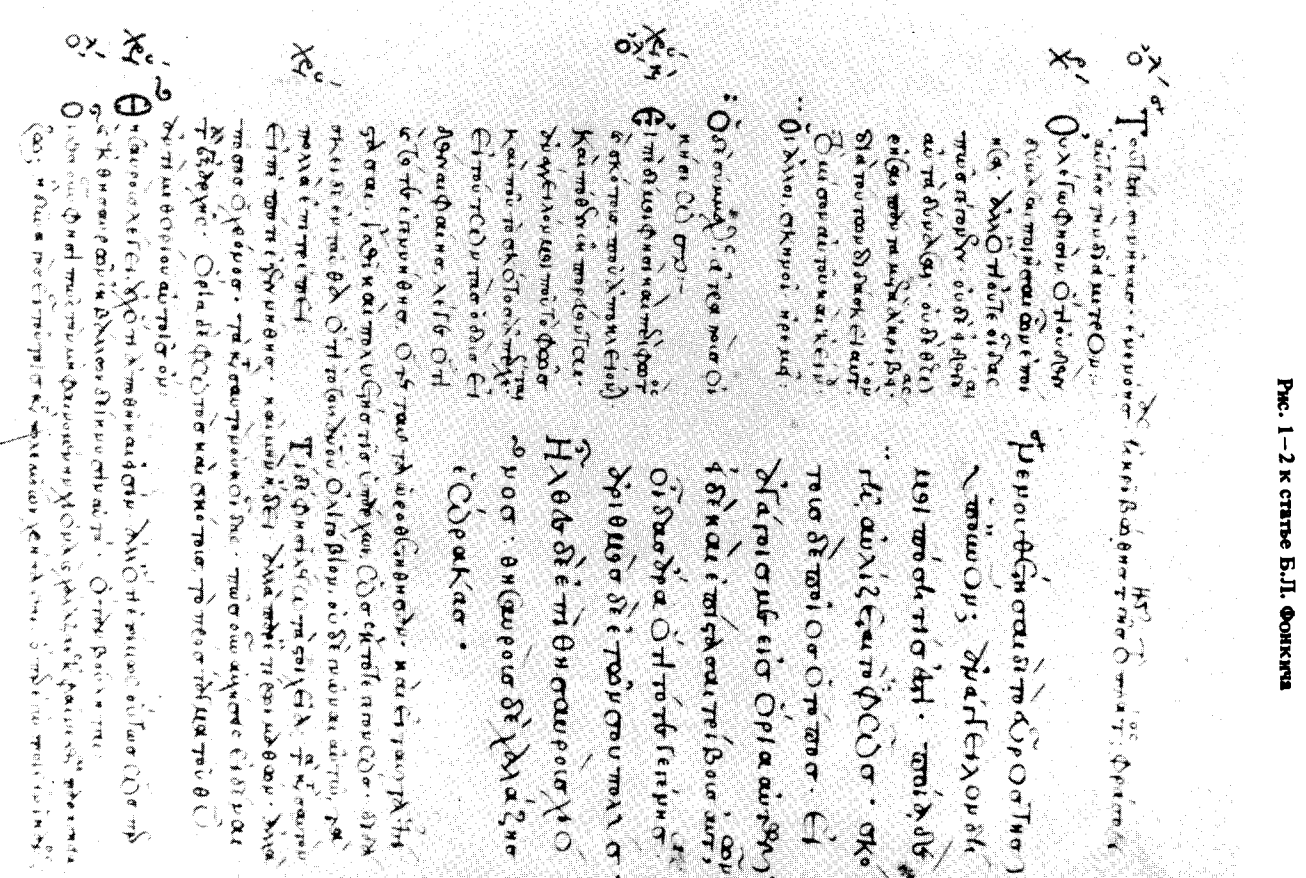

Рис. 1-2 к статье Б.Л. Фонкича

Рис. 1. Санкт-Петербург, ГПБ, греч. 382. Л. 1

Рис. 1. Пенелопа с женихом. Котлоская ткань VII в. Москва, ГМИИ им. А. С. Пушкина

ределявшая перед этим соотношение культуры и духовной жизни, и, соответственно, самую атмосферу культуры. 30-е и особенно 40-е годы — это резкая кризисная ситуация. Напротив, уже в 50-е и тем более 60-е годы — вновь происходит стабилизация церковной и даже государственной жизни, и одновременно — новое возрождение искусства. Начало ему положила победа на церковном соборе 1351 г. Григория Паламы и последовавший за этим расцвет исихастской духовности. В результате в искусстве устанавливается позитивный идеал, ясно читаемая теологическая и нравственная программа образа, символическая осознанность стиля. Несмотря на упрощая процесс, можно сказать, что в течение первой половины и середины XIV в. византийское искусство пережило три достаточно разных состояния и дважды сделало довольно крутые повороты: от классицизма первых десятилетий к деградации 30–40-х годов и после этого — снова к обретению равновесия, впрочем, совсем иного, чем в начале века, основного теперь на примате духовного. В начале этого процесса — искусство типа Кахрие Джамии; в конце — образы типа иконы "Христа Пантократора" 1363 г. из Эрмитажа, фресок монастыря Пантократора на Афоне (60-е годы), Перивленты в Мистре (60-е годы), "Црквага" в Иваново (50-е годы).

Обычно принятые традиции в византийской живописи первой половины XIV в. на Палеологовский Ренессанс и все остальное, подразумеваемое под понятием "около середины века" или "эпоха застоя"⁷, представляются слишком неочными. Середина века вернее было бы назвать временем еще одного подъема в искусстве. А вот предшествующие 30–40-е годы — это период больших волнений, когда в искусстве создаются образы возбужденные, весьма экзальтированные, когда причудливо смешиваются, как бы перепутываются, весьма разные черты стили.

Синодальный кодекс № 407 относится именно к этому периоду. Агрибулико середины века, выдвинутую историками искусства, мы вынуждены решительно отклонить. В датировке, предложенной данными палеографии, выбираем самый поздний возможный момент, т.е. 30-е годы.

Прежде чем рассматривать миниатюры, отметим еще две особенности рукописи, которые могут что-то косвенно рассказать об истории ее создания.

1. Все орнаменты — таблицы канонов и заставки, незаконченны, причем работа над ними как бы спешно, в какой-то момент брошена: все они в разной стадии завершенности. Для одних сделан только рисунок, в других проложено золото, в третьих частично нанесены краски. Между тем, манускрипт — такого высокого качества, что небрежностью этот факт объяснить невозможно. Явно какое-то событие оборвало работу над ним. К счастью, это произошло, когда все его миниатюры уже были созданы, как и написан весь текст. Не повезло только орнаментам.

2. Предисловие к рукописи, занимающее первые 20 листов, сделано позже изготовления манускрипта. Палеографические приметы относят этот текст, по определению Б. Л. Фонквича, к середине века или даже точнее — к 60-м его годам. Значит, к работе над книгой вернулись спустя 2–3 десятилетия после ее замысла. Разумеется, ее очень ценнили. Вероятно, новый ее выделел, человек уже другого поколения (во всяком случае таковым был ее новый, третий писец), принадлежал опять же к родовитому столпному обществу, так как почерк исполнителя предисловия близок автографам Иоасафа, т.е. Иоанна Кантакузина и писцов его круга. Возможно, в течение всех этих десятилетний манускрипт находился в библиотеке какого-то знатного дома. Уже не царского ли? Не гражданская ли война 40-х годов оборвала работу над ним? Или, быть может, смена власти и, тем самым, отсутствие интереса заказчика? Впрочем, убедительных, но не доказуемых исторических фантазий может пройти немало.

После всех этих предварительных сообщений рассмотрим миниатюры. Их много (как уже говорилось, 26), они распределены в кодексе неравномерно, сплываясь в его

⁷ Chatzidakis M. Classicisme et tendances corporales au XIV siècle: Les tentatives sur l'évolution du style // Actes du XIV Congrès International des études byzantines. Vicares, 1971. Vicares, 1974. Т. 1. P. 171–172.

конце, где они иллюстрируют короткие гимны и поэтому размещаются на каждом листе подряд.

Почти все миниатюры занимают полный лист, лишь некоторые сочетаются с 5—6 строками текста. Несмотря на такие исключения, можно сказать, что миниатюры задуманы как полностраничные композиции. Псалтирь с гимнами из этого кодекса по иконографическому составу миниатюр и типу иллюстрирования текста принадлежит к так называемой "аристократической" редакции лицевой Псалтири, как известно, пользовавшейся особой любовью в X в., в период Македонского Ренессанса, и затем — во второй половине XIII в., во времена заметного интереса к классическим моделям прошлого.

Строго говоря, в синодальном кодексе № 407 сами псалмы не иллюстрированы, им только предшествует изображение царя Давида. Миниатюры же относятся не к самой псалтири, а к приложению к ней — избранным гимнам.

При рассмотрении миниатюр сразу бросаются в глаза две манеры. В одной из них, основной, исполнена большая часть иллюстраций. Во второй — только некоторые листы: Встреча Марии и Елизаветы, Три отрока перед Навуходоносором. Три отрока в печи, и, быть может, Моление Анны.

Миниатюры первого типа кажутся более совершенными, листы же второй группы, напротив, более резкими, даже диссонансными. В последних обильно используется яркий красный цвет, причем с минимальными моделировками. Этот густой красный цвет образует крупные плоские поверхности и обладает почти оглушительной активностью. Он не только доминирует в красочной гамме, но нивелирует ее разнообразие. В миниатюрах этой же второй группы встречаются некрасивые лица с крупными, резкими чертами не классического, но характерного типа; в них можно увидеть такие пластически утрированные ракурсы (особенно — сцена с Марией и Елизаветой), что создает не только экспрессию, но более того — дисгармонию. Все это в четырех миниатюрах в конце кодекса, и что интересно, не последних. Завершает книгу молитва пророка Аввакума и, соответственно, его образ, созданный так же, как и все основные изображения.

Можно было бы предположить, что эти четыре листа изготовлены другим художником. Однако при всматривании в иллюстрации манускрипта возникает впечатление, что все они написаны одним человеком. Оно создается при разглядывании самых мелких деталей, буквально мелочей письма, а отнюдь не признаков стиля.

К таким мелочам принадлежит, например, то, как нарисован глаз, бровь и тень под глазом, — единой твердой и беглой линией, без отрыва кисточки от листа. И это во всех миниатюрах, как основной, так и второй манеры. Такая деталь — особенность индивидуального почерка, вроде личной привычки писать ту или иную букву. Вряд ли второй мастер перенимал у главного такие нюансы, оставляя в то же время без внимания более существенные приемы. Поэтому и думаем, что все миниатюры создал один человек.

Вероятнее другое предположение: в художественных мастерских были разные образцы, и к этому времени, к первой половине XIV в., их могло быть много. Да и "живых" образцов, т.е. произведений искусства, находящихся в многочисленных церквях, например, Константинополя, к этому периоду было огромное количество. Художник мог использовать разные образцы одновременно. Думается, это неоднократно практиковалось в искусстве Византии и византийского круга, особенно всех последних его периодов. Можно привести примеры, когда разные художественные манеры встречаются в одном ансамбле и даже в одной композиции, хотя исполнителем был один человек. Произведение при этом сохраняет цельность, если, конечно, оно — не ремесленное изделие. Возможно, такой случай мы имеем и в листах Синодального кодекса.

Миниатюры рукописи, все до единой разные. Образцы и типы никогда не повторяются, даже приемы стиля многократно варьируются. И все же сходство их всех впечатляет больше, чем оригинальность каждого отдельного листа. Все они пронизаны сильной возбужденностью. Она существует как результат весьма различного содержания образов: воодушевления и даже истинного вдохновения (Исайя), острой внутренней на-

пряженности (Иоанн-апостол), а иногда — состояния экзальтации (Иоанн Богослов перед Апокалипсисом). Традиционные для Византии портреты вдумчивых богословов размышляющих и пишущих, чередуются с образами визионеров, мистиков, духовидцев, застигнутых Божественным видением и изогнувшихся от потрясения в любых подчас невероятных позах (Аввакум). Во всех этих образах и фигурах почти всегда выражено волнение, иногда — беспокойство, даже тревога, постоянно — отсутствие простоты и уравновешенности.

Для всех миниатюр характерна классическая основа стиля, — такая же, какая была принята во всем искусстве Палеологовского Ренессанса. При этом во всех них — нарушения многих черт классической системы, разного рода отклонения: сгущение, утяжеление чего-то одного и наоборот, облегчение, истончение чего-то другого, словом — диссонансы, художественная аритмия, что нарушает равновесие, обязательное для классической модели.

Суммируя приемы мастера и не вглядываясь в вариации и оттенки его метода и вкуса, воплотившиеся в разных листах, опишем наиболее характерное в созданной им особой художественной образности.

Как говорилось, классическая основа — вот ее стержень. Фигуры стройны, благородно и даже элегантно пропорционированы. Позы, живые и свободные, лишены какой-либо схематичности и заученности. Движения гибкие, жесты эластичны. Фигуры столбчатые, что легко живут в пространстве. Объемность, округлость их форм близка понятиям скульптурности. Пластика всех открытых частей подчеркнута, а в отдельных случаях — анатомически совершенна. Одежды будто сделаны из гладкой, тяжелой скользящей материи. Их обильные складки пластичны так же, как и сами фигуры. Цвет, насыщенный и часто очень плотный, всегда сгармонирован в оттенках. Преобладают характерные византийские гаммы: либо лилово-коричневые с синим, густые и напряженные, либо зелено-голубые, светло сливочные, изобилующие светом и будто источающие гармонию. Световых бликов, лежащих на фигурах, очень много, форма их острая, условная, для Византии тридиционная. Их рисунок, частый и мелкий, такой же, какой был распространен в живописи раннего XIV в. (всего круга Кахрие Джамии). Он призван имитировать непринужденное мелькание света на поверхности материи, при этом приемы его изображения не выходят за рамки принятых в Византии условных символических форм.

Пространство, в котором существуют персонажи, уменьшено и конкретизировано. Его заполняют тумбы, подножия и столы. Все эти предметы — массивны и даже огромны. Иногда они сливаются в какие-то сплошные тяжелые формы, похожие скорее на постройки, чем на мебель. Фигуры оказываются в их окружении, чуть ли не внутри них или, во всяком случае, на фоне их тяжелой и весьма материальной массы, т.е. в небольшом, обозримом пространстве. Даже золото фонов и отсутствие линии почвы не может больше придать столь суженому пространству чувство беспредельности.

И, наконец, еще одна черта: особая ясность художественного языка, отчетливость приемов, легко читаемая его формальная структура, если можно так сказать — пластичность самого художественного мышления и обозримость формальной художественной логики.

Во всех описанных здесь признаках, которые можно было бы умножить, нетрудно увидеть совпадение с художественным кредо искусства Палеологовского Возрождения. И однако с его созданиями миниатюры этой рукописи никогда не спутаешь. Черты, кажется, те же, но явное нарушение меры в их соотношении сообщает им совсем иную интонацию. Как будто утратился центр, главная ось, составлявшая раньше смысл искусства раннего XIV в., — его гармония.

В листах синодального кодекса много такой беспокойной энергии, которая не могла бы наделять композиции Кахрие Джамии. Все предметы не только организуют, но заслоняют пространство. Они эффектно и весьма вещественно развертывают свои широкие поверхности. Их объемы выглядят громоздкими и хаотично наставленными. Пред-

меты часто кажутся "вздыбленными" и почти сталкиваются друг с другом. Массивность, чересчур напористая, зато очень достоверная, теперь едва ли не главный феномен в организации композиции. Она заменяет ритмический порядок форм в живописи Палеологовского Возрождения. Драпировки одежд избыточны, нагромождаются каскадами. Из пышное изобилие и ритмическая страстность придают изображениям чувство драматизма и масштаба. По сравнению с одеваниями фигур в живописи палеологовского Возрождения они выглядят как творение барокко рядом с классицизмом.

Контуры изображений как правило не совпадают с силуэтами самих фигур. Широкие, причудливо раздувающиеся плащи образуют целые "облака", обволакивающие фигуры. Кажется, что евангелисты и апостолы возносятся на них, а не сидят в креслах. Иногда контуры одежд обведены белой полоской света. В результате витиеватые облакоподобные драпировки превращаются в светящуюся ауру, окружающую фигуру. Впрочем, в этой рукописи есть и другой способ передачи одежд и силуэтов. Вместо расширенных контуров — предельно сжатые. Их простые скулые очертания обводят узкие сухие фигуры. Силуэт строг, аскетичен, как бы безволвен. Тот и другой случаи равно удалены от живых поз, мягких драпировок и естественных движений в живописи Кахрие Джами.

Немало диссонансов и в передаче пластики. В основе, как уже говорилось, лежит классическое чувство формы, сочными мазками округленной. Однако в отдельных листах прослеживается утяжеление ее до некоторой грубости; почти материальной; в других — утончение до некоторой сухости, почти анемичной. Особенно заметны эти колебания в письме лиц.

Цвет, как и пластика, тоже в основном традиционен и, как говорилось, вполне классичен для византийской живописи. Однако и в нем есть дисгармоничные перепады. Интенсивность его доводится до большой остроты, сочетания тонов — до тревожной нагнетенности, — и это почти во всех миниатюрах. Колорит же двух из них, Иоанна Богослова перед Апокалипсисом и Моисея на Синае, вообще совершенно необычен. Он построен целиком на монохромной тональности. Лилово-коричневый цвет разных оттенков окрашивает и широкие плащи, и уступы скал. Немногие пятна синего не нарушают единство этой сумрачной гаммы. Разнообразие красок природы и жизни отброшено. Еще недавно, только что, оно звучало в ансамбле Кахрие Джами. Уже ни в одной из миниатюр синодального манускрипта нет гармонии и нежности его колорита. Цвет последних гораздо пронзительнее. Однако только в двух из них, о которых идет речь, цвет получает как бы полное очищение, освобождение от земных впечатлений. Его сдержанность призвана соответствовать духовной аскезе. Его необычность — символизировать преображенную жизнь материи. Его глухая напряженность, склонность к чуть фантастическому свечению как нельзя более подходит для выражения мистического состояния духа.

Как известно, такую гамму позже использовал в своих фресках Феофан Грек. Более того, он сделал ее важнейшим средством для создания мистической атмосферы, в которой пребывают его образы. Интересно, что в миниатюрах синодальной рукописи эта особая тональность сообщена самым вдохновенным образам — Иоанну Богослову и Моисею, изображенным в необыкновенный момент Богообщения, находящимся, по сюжету, в личном контакте с Богом.

Ко всему, уже описанному, добавим, что позы и жесты некоторых фигур не только потеряли спокойствие, достойное классики, но прямо-таки кричат и вопиют, крутятся спиралями (Аввакум), ошеломленно распахивают объятия навстречу небу и видению, вжимают голову в плечи от страха и трепета (Иоанн Богослов), нахмуривают брови, пронзают взглядами и напрягают лица столь невообразимо, что они становятся похожи на гротескные маски (Иоанн-апостол); в радостном порыве встречи, похожей на ветер или даже вихрь, буквально сталкиваются головами и как-то странно "вминаются" лицами и носами (Встреча Марии и Елизаветы). Кажется, художника не беспо-

коят преувеличения. Гораздо важнее передать пульсацию, более того, лихорадочный ритм, который пронизывает и человеческие души, и внешние формы мира.

Этому же служит и свет. Часто он имеет вид слишком беспокойных бликов, волнующих и будоражащих форму. Иногда он насыщает материю столь обильно, что как бы ослепляет ее, подобно тому, как было в живописи второй половины XII в., в период сильнейшей спиритуализации образов и стиля, вплоть до маньеристического повышения всех возможностей последнего. Иногда свет охватывает контуры, делает тем самым фигуру окруженной сиянием (апостол Петр). В целом можно сказать, что энергия света и интерес к его вариациям превышают практику мастеров Кахрие Джами.

Еще одна особенность этих миниатюр. В некоторых листах масштаб фигур — очень крупный, и образы имеют величественную монументальность. Особенно в композициях с Иоанном Богословом и Моисеем. Оба они — не в горах, среди скал, не на фоне их уступов и пещер, как представлялось обычно. Оба — на самой вершине, кругом и впереди — только золотое небо и Божественный свет, горы же — где-то внизу, за пределами композиции, они даже не видны. Возрождения не имеют никакого оттенка литературности и сценичности, столь популярных в Кахрие Джами. Напротив, своей аскезой и концентрированной простотой они обретают характер особо значительного действия. Мистический смысл сюжетов сочетается с композиционным величием (и все это — при очень маленьком формате листов!).

Камерное искусство Палеологовского Ренессанса таких свойств не знало. Судя по синодальному кодексу, которое уже через одно-полтора десятилетия, т.е. чуть-чуть позже, искусство теряет вкус к красоте античного типа и к приближенному, легко обозримому масштабу, сосредотачивается на духовном смысле и возвращается к своему религиозному назначению. По этому пути оно будет идти большую часть оставшейся ему творческой жизни.

Число устойчивых классических черт, равно как и новаций в миниатюрах синодального кодекса можно увеличить. Однако и уже описанного достаточно, чтобы ощутить смешанный, переходный характер этого искусства. В вариациях его образов проступает сложный и страстный характер эпохи.

Новых по отношению к палеологовскому Возрождению понятий не только много, но они явно преобладают. Правда, быть может, не количественно. Но они столь резко вторгаются в классическую художественную структуру, что сильно заслоняют ее. Миниатюры, созданные так близко по времени к Палеологовскому Ренессансу, представляют собой по существу уже антиклассическое явление. Множество нитей ведут от него к живописи второй половины XIV в., причем к разным граням и возможностям последней. Хочется подчеркнуть, что уже на исходе Палеологовского Возрождения образовалась весьма концентрированная закваска последующего византийского искусства XIV в.

Однако, это отдельная тема, и в замысел данной статьи она не входит. Для нас важно другое: проследить истоки новшеств, которые так очевидны в миниатюрах синодального кодекса. Оказывается, некоторые из них существовали уже в живописи первой четверти XIV в., но были там рассеяны среди образов и приемов совсем иногда характера никогда не определяли атмосферу целого. Однако, если всмотреться, их было довольно много. Отметим некоторые.

Они заметны в характере типов и образов. Даже учитывая, что искусство раннего XIV в. было на редкость для Византии психологизировано, что допустимая шкала индивидуализированных характеристик была довольно велика, все же некоторые образы явно не координируются с понятиями палеологовского Возрождения.

Отцы церкви в расписи Богородицы Левишки (ок. 1310—1313)⁶ впечатляют мощной и весьма экзальтированной энергией. У них аффектированные ракурсы, асимметричные лица, удлиненные головы, вдохновенные взоры, кривящиеся абрисы лиц, силь-

⁶ Панић Д., Бабић Г. Богородица Љевишка. Београд, 1975. Табл. V—VII.

ная, даже избыточная и при этом деформированная пластика. Главное в их образах — мистическая приподнятость духа, т.е. то, что классике по существу инородно. Художественный язык с точки зрения классической меры полон неправильностей. Однако целое убедительно и обладает значительным, даже великим масштабом явления. Похожие образы есть в росписях Жичи (1309–1316)⁹ и Грачаницы (1318–1321)¹⁰. Таким типам, характеристикам, усиленно и несколько гротескно одухотворенным, близок апостол Иоанн из синодального кодекса № 407.

Вообще, во многих живописных ансамблях палеологовского Ренессанса, возникших и в Константинополе, и в Македонии, и в Сербии, нередко встречаются образы, противоречащие основным установкам этого искусства, и тем не менее в контексте его уживающиеся. Именно они, чем-либо выпадающие из основной эстетической программы, часто сходны с миниатюрами нашей рукописи.

Апостолы из "Успения" в Кральевой церкви (1313)¹¹, при всей гармоничной и даже эстетизированной красоте поз, тканей, всех ритмов, — как-то странно, нервно улыбаются, почти тощ в тощ, как евангелист Иоанн из синодального кодекса. Лица апостолов благодаря этому имеют многозначное, сложное выражение — скорби и радости, печали и света, слез и улыбки одновременно, что подходит сюжету и выражает его на редкость адекватно.

Весь ансамбль этой церкви отличается особо подчеркнутыми, идеальными мерой и вкусом палеологовской классики. Образы же апостолов в "Успении", вполне вписываясь в атмосферу этого ансамбля, тем не менее обладают и еще чем-то дополнительным, эмоционально экзотическим, что лишает гармонии черты их лиц, вызывает на устах как бы недоуменную, чуть растерянную улыбку. В образах Кральевой церкви такая тема раскрыта с психологическим и душевным правдоподобием. В образе евангелиста Иоанна из Синодальной рукописи — иначе: тема экстаза связана с духовидческой озаренностью, видением, светом. Внешне же асимметрия, антиклассичность лиц во фреске и миниатюре — похожи.

Из всех изображений синодального манускрипта всего более поражает лист с Иоанном Богословом перед Апокалипсисом. Это, несомненно, самый мистический образ, созданный художником. Наверное, не случайно из всех текстов Нового и Ветхого Заветов, соединенных в рукописи, он предваряет именно Апокалипсис.

Тип лица отличается от Иоанна — автора евангелия и Иоанна — автора апостольских посланий, и дело не только в возрасте, хотя в образе Иоанна Богослова специально подчеркнута старчество. Впрочем, Иоанн-апостол тоже изображен как старый человек, но различие их типов лица и характеристик велико.

В обоих первых изображениях Иоанна — яркая портретная индивидуальность, крупные черты, энергичная пластика, взволнованные, вдохновенные и в конечном результате сияющие лица. У Иоанна, видящего апокалиптические видения другой облик, без столь эффективной внешней характеристики, наоборот, физиогномически менее приметный, и при этом совершенно пронзительный. Аскетичное лицо с высоким морщинистым лбом и небольшими глазами, узкими, как щели, запавшими, провалившимися, едва видимыми из-под слишком нависающих бровей. Взгляд — остро-сварлящий, как бы насквозь видящий, внушающий трепет. Никакой светлой озаренности, как в двух других портретах Иоанна. Напротив, тяжесть, гнет, пророческое знание будущих испытаний. Конечно, можно сказать, что есть в этом облике исключительная по удаче адекватность историческому образу творца Апокалипсиса. В этом — личное чутье художника, отсутствие скованности предшествующей традицией. В этом, пожалуй, — атмосфера культуры Палеологовского Ренессанса. Но этого сказать недостаточно. В образе

столь же, если не еще больше, притягивает обобщенность типа, у которого впереди в искусстве — большая жизнь.

Это — тип отшельника, аскета, с запятанными или преодоленными эмоциями, молчаливый, взглядывающийся, вслушивающийся, подчиняющийся ему одному видимым образам и слышим голосам. Созерцатель, пустынный, совсем ушедший от красоты и суеты мира, с незффектной, ничем наружным не привлекательной, как бы "спрятанной" внешностью, будто "отказывающийся" от выразительного лица — портрета, столь любимого во все века в Византии, наоборот, скрывающий его под густыми зарослями бровей и однообразно-коричневым, бескровным и бескрасочным цветовым покровом. Подобный тип образа, как нельзя удачнее соответствующий понятиям об исихасте XIV в., варьировали и повторяли художники второй половины XIV в., и среди них острее и оригинальнее всех Феофан Грек. Начало же такого образа, как увидим, много раньше, уже в десятилетия Палеологовского Ренессанса.

Цельность эстетической программы и красота классического стиля искусства начала XIV в. широко известны и не случайно оказались столь привлекательными для исследователей. Описанию феномена позднего византийского Возрождения посвящено много прекрасных страниц. Палеологовский классицизм был по заслугам воспет и воспевается донныне. Вместе с этим, и, возможно, как результат этой очарованностью византийской классикой, "византийской античностью", совсем в тени, а чаще всего и вовсе незамеченными оказываются в исследованиях другие, боковые явления и образы в искусстве этого времени¹².

Такие образы есть даже в самых программных ансамблях эпохи — Кахрие Джамии и Фетие Джамии, например, Давид Фессалоникский из Параклесиона монастыря Хора¹³. Небольшая, узкая фигура аскета-столпника. Приглушенная, стремящаяся к монохромности гамма. Длинное сухое бескрасочное лицо. Маленькие, "шелевидные", глубоко посаженные глаза. Самопогруженный взгляд. Никакого внешнего движения. Тишина, молчание, замкнутость. Малая видность и даже малая заметность образа, помещенного, кстати, в углу, на самом теновом невыигрышном месте. Не только отсутствие каких-либо эффектов, которыми так щедро изобилует весь ансамбль Кахрие Джамии, но как бы специально наоборот, неприметность образа. Тип лица Давида Фессалоникского — молчащего старца, погруженного в созерцание, — похож на Иоанна Богослова в синодальном кодексе.

Столпник Давид — не единственный персонаж с таким внутренним содержанием в галерее образов раннего XIV в.; их целый ряд, например, Феофан и Козьма гимногри-

¹² Именно так вопрос ставился для истории собственно византийского общества раннего XIV в., вопрос о существовании одновременно и совершенно рядом спиритуалистического и классицистического направлений. См.: *Meyendorff J. Spiritual Trends in Byzantium in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Art et Société a Byzance sous les Paleologues. Venise, 1971. P. 53–71; The Kariye Diami. Princeton, 1975. 4. P. 95–106.* Между тем в истории искусства вопрос так не ставился никогда. Казалось бы, В.Н. Лазарев, заметил сходство образов Феофана Грека с некоторыми образами Кахрие Джамии, например, с головой Адама во фреске "Сошествие во ад" (*Лазарев В.Н. Феофан Грек. М., 1961. Табл. 1*), так как именно с этого Фрагмента удачно начинается альбом репродукций к его монографии о Феофане. Однако интерпретация этого явления у В.Н. Лазарева совсем иная. Такие образы из Кахрие Джамии, как Адам, или даже как Давид Фессалоникский (Там же. Табл. 66), служат для него примером "живописного" раннепалеологовского стиля; никаких признаков спиритуализма в них он не отмечает. Феофан Грек для него — последний представитель раннепалеологовского искусства, несвоевременный, "запоздалый цветок на иссохшей ниве византийской художественной культуры" (второй половины XIV в. — *О.П.*) (Там же. С. 30). Мы считаем такие суждения полным заблуждением и объясняем эти явления прямо противоположным образом: искусство Феофана Грека, мистика и, вероятнее всего, исихаста, совершенно адекватно и идейным, и живописным установкам его эпохи. Действительно имеющееся сходство его образов с целым рядом образов и Кахрие Джамии, и других произведений раннего XIV в. объяснимо тем, что уже в искусстве эпохи Палеологовского Ренессанса существовали весьма аскетические и даже мистические образы, соответствовавшие спиритуалистическим тенденциям в духовной жизни.

¹³ *Underwood P. The Kariye Diami. N.Y., 1966. 3. N 260. P. 506–507.*

⁹ *Кашанин М., Бошковић Дж., Мижовић П. Жића. Београд, 1969. С. 137.*

¹⁰ *Тодић Б. Грачаница. Сликарство. Београд; Приштина, 1988. Т. 20.*

¹¹ *Бабич Г., Кораћ В., Нирковић С. Студеница. Београд, 1986. С. 120; Бабич Г. Кральева црква у Студеници. Београд, 1987. С. 50. Табл. XIX.*

фы из Параклесиона Кахрие Джамии¹⁴; вдова из "Воскрешения сына вдовицы" (оттуда же¹⁵); длиннородые святые старцы из Фетие Джамии¹⁶.

Мы не будем перечислять и характеризовать все возможные варианты сходного типа. Важно только отметить, что такие качества, как ретроспективизм, любовь к классике, утонченный эстетизм, увлечение интеллектуальным и артистическим, хотя и явно доминировали в искусстве Палеологовского Возрождения, но при этом не составляли его единственного содержания. Рядом с образами, вызванными к жизни всеми этими понятиями, жили художественные создания, порожденные иным образом мыслей, возникшие как бы даже не в сфере культуры, а в кругу религиозных духовных поисков. Можно только поражаться, как мирно, хотя и несколько поверхностно, все это сосуществовало в первой четверти XIV в.

Проследим далее, хотя бы кратко, другие особенности миниатюр синодального кодекса, имеющие аналогии в живописи раннего XIV в. и при этом антиклассические по своей природе.

Среди типов — это характерные лица, далекие от идеальной модели, с тяжелыми чертами, острыми или толстыми носами, с резкими, иногда гротескными профилями, — такие, как отроки в огненной печи, Давид, Захария, даже Мария и Елизавета. Аналогий им много во фресках Кральевой церкви¹⁷, Грачаницы¹⁸, Жичи, Баньи Прибойской¹⁹ и др. То же самое и в миниатюрах греческих рукописей, например, в Менологии из Фессалоник 1322–1340 гг. (Бодлеанская б-ка, Gr. th. j. 1 (S. C. 2919)²⁰, или в Евангелии из Венской библиотеки, греч. 300²¹. Довольно широкое укоренение такого образа и стиля произойдет во второй половине XIV в. Начало же его — ранний XIV в.

Необычные, "крутящиеся" ракурсы Иоанна Богослова и Аввакума в синодальном кодексе можно видеть в купольных мозаиках Фетие Джамии и Кахрие Джамии, т.е. в раннем XIV в. Правда, в этих ансамблях такие спиралевидные позы имеют более манерный характер и при этом выглядят более мягкими, чем мощные страстные порывы фигур в миниатюрах синодальной рукописи. Более близка последним (очень близка!) фигура Иоанна Богослова в "Распятии" во фресках Баньи Прибойской (в настоящий момент еще не опубликованы). Однако во всех этих случаях, и в раннем XIV в., и в 30-х годах (или 30–40-х годах?) — сходные побуждения художников изогнуть фигуру, нарушить классическую позу, и тем самым внести экспрессию.

Избыточные драпировки, нередко с вихрящимися концами, можно видеть в миниатюрах целого ряда греческих рукописей 20–40-х годов. Вот некоторые из них: Менологий 1322–1340 гг. (Бодл. Gr. th. j. 1); Евангелие около 1330 г. (Бодл. Selden Supra. 6)²²; Евангелие 1333 г. (Афон, Лавра св. Афанасия. А. 46)²³; Евангелие 1334–

1335 гг. (Патмос. Cod. 81)²⁴; Евангелие Асана 1346 г. (Синай; MS. Gr. 152a)²⁵; Евангелие, вероятно, 30–40-х годов XIV в. (Бодл. Canon gr. 38)²⁶; Евангелие около середины XIV в. (Афины, Cod. 75)²⁷. Впрочем, во всех этих миниатюрах драпировки редко образуют такие большие "облака", окружающие фигуры, как в синодальном кодексе гр. 407. Но во всех них очевидна одинаковая тенденция в какой-то бурной, нервной одушевленности форм. Как будто вдруг стало утрировано или даже гротескно преподноситься то, что наметилось уже в Кахрие Джамии²⁸, однако не выделялось там как особый резкий прием, но растворялось в общей гармонии стиля.

Наконец, еще одна остро выразительная и редкая особенность миниатюр синодального кодекса — это монохромная коричнево-лиловая тональность некоторых листов. Она использовалась уже в искусстве раннего XIV в. Правда, редко. Известный нам случай — это часть фресок в церкви святого Никиты под Скопье²⁹, в юго-западном углу интерьера, частью на южной, частью — на западной стене (довольно большая, хотя угловая и затененная часть ансамбля). Вероятно, такие опыты были не единичными в то время. Возможно, что существуют и неизвестные нам аналогичные примеры.

В миниатюрах синодального кодекса есть и другие черты подобного же рода, противоречащие основным установкам искусства Палеологовского Возрождения и в то же время встречающиеся в нем неоднократно. Все их мы перечислять не будем. Описанных здесь достаточно, чтобы оценить необычный характер явления.

Итак, уже в начале XIV в., на фоне так называемой гуманистической культуры и классицистического искусства делаются "пробы" иного рода, а иногда не только "пробы", но создаются весьма емкие образы, которые под стать самым духовным художественным созданиям второй половины XIV в.

В миниатюрах синодального кодекса № 407, возникшего чуть позже Палеологовского Ренессанса, подобные качества наследуются и усиливаются. И хотя, как мы видели, в этих миниатюрах много и классических, и антиклассических черт, последние сгущены уже настолько, что затмевают классический остов. Смысл новых граней образной характеристики и стиля — обостренное одухотворенное состояние персонажей, экстаз, выраженный разнообразно, и как внутренняя сдержанная аскеза, и даже как физическая ошеломленность и экзальтированный порыв тела.

Перипетии византийской истории 30–40-х годов XIV в. и порожденная ими атмосфера, очевидно, могут дать объяснение беспокойным настроениям, осязаемым в миниатюрах кодекса Син. гр. 407. Однако они не в состоянии разъяснить самую своеобразную их особенность — интенсивную и притом мистически ориентированную духовность. Почва для формирования таких образов — в сфере религиозной жизни и своеобразия ее в этот период в Византии.

Позволим себе кратко обговорить некоторые специфические черты византийской духовной ситуации этих десятилетий³⁰. Важность для всех сторон византийской жизни

¹⁴ Ibid. N 227. P. 432–434; N 225. P. 428, 429, 435.

¹⁵ Ibid. N 202. P. 362.

¹⁶ *Belting H. Mango C., Youriki D.* The Mosaics and Frescoes of St. Mary Pammakaristos (Fethiye Camii) at Istanbul. Wash. (D.C.), 1978. T. IX. 82–87, 90, 91.

¹⁷ Некоторые лица похожи почти буквально точно. См.: иудейский отрок (левый) в сцене "Три отрока в печи огненной" в Син. греч. 407 (*Лазарев В.* История византийской живописи. М., 1986. № 532) и летящий апостол в "Успении" в Кральевой церкви (в верхнем ряду крайний слева) (*Балиш Г., Коран В., Нирковић С.* Студеница. Т. 101; *Бабий Г.* Кральева црква у Студеници. С. 164. Табл. 111). См. также аналогичные физиогномические типы в Кральевой церкви: апостол Петр и апостол крайний слева в Евхаристии (*Бабий Г.* и др. Студеница. Т. 90, 92; *Бабий Г.* Кральева црква у Студеници. С. 44–45, 116, 118, 205).

¹⁸ *Тодић Б.* Грачаница. Т. 35, 40, 81.

¹⁹ Лик апостола в сцене "Тайная вечеря" из Баньи Прибойской почти буквально (8) похож на лицо евангелиста Луки в Евангелии в Вене греч. 300.

²⁰ *Pächt O.* Byzantine Illumination. Bodleian Library. Oxford, 1952. Fig. 16, 24 a, b.; *Hutter I.* Corpus der byzantinischen Miniaturenhandschriften. Stuttgart, 1978. II, N 1. Abb. 1–105 Farbentafel.

²¹ *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. 1948. Т. II. Табл. 313.

²² *Hutter J.* Corpus ... I. N 67. Abb. 406–413.

²³ *Palekanidis S.M., Christou P.C., Tsioumis Ch., Kadas S.N.* The Treasures of Mount Athos' Illuminated Manuscripts. Athens, 1979. III. N 31–34.

²⁴ *Mouriki D., Ševčenko N.P.* Illustrated Manuscripts. Patmos: Treasures of the Monastery. Athens, 1988. P. 293–295, Pl. 41–45.

²⁵ *Belting H.* Das illuminierte Buch. ... Fig. 26.

²⁶ *Hutter J.* Corpus ... I. N 68. Abb. 414–417. Farbtafel V.

²⁷ *Μαραβα-Χατζηνικολαυ Α., Τουφεξη-Πασχου Χ.* Καταλογος μικρογραφων της Ἐθνικης βιβλιοθήκης της Ἑλλάδος. Ἀθηνες, 1983. Τ. Β'. 38. Εικ. 339–346.

²⁸ *Underwood P.* The Kariye Diami. 3. 204–1. P. 372.

²⁹ Этот факт нуждается в объяснении: в такой гамме исполнена только малая и угловая часть ансамбля. Большая часть фресок в храме имеет краски светлые, яркие и разнообразные по многим оттенкам цвета. Пожаром объяснить это явление невозможно: огонь не мог идти строго по разгранке росписей (!). Значит, осознанно и специально в угловой части применена иная манера, чем на основных стенах. Не так ли и в Параклесионе Кахрие Джамии, в юго-западном и северо-западном углах помещены фигуры некоего святого (неидентифицирован) и св. Давида Фессаконикского, наиболее аскетические по образной выразительности и наиболее сдержанные, практически почти монохромные по цвету?

³⁰ Большую литературу по этому вопросу мы перечислять здесь не можем. Укажем лишь на главные труды, из которых почерпнуты сведения, изложенные дальше в этой статье. Почти весь на-

такого явления, как исихазм, не нужно доказывать, это теперь понимают все. Мы хотим только подчеркнуть отдельные его моменты, имеющие, как нам кажется, связь с развитием искусства.

Во-первых, исихазм не был распространен только в середине и второй половине XIV в., как это к сожалению часто считают историки искусства. Традиция его была непрерывна, начиная со второй половины XIII в. (Никифор Исихаст). О более древних временах мы сейчас не говорим, так как нас интересует палеологовская культура.

Уже в самом начале XVI в. исихазм получил широкое распространение: Григорий Синаит, патриарх Афанасий, митрополит Филадельфийский Феолепт, Исидор, ученик Григория Синаита и будущий патриарх, создавший в 20-х годах в Фессалониках исихастский кружок, куда входил и Григорий Палама. У Григория Синаита были многочисленные ученики. В 1316 г. Григорий Палама (ему было тогда 20 лет) отправляется на исихастский Афон, где учится широко известному там исихазму, а отнюдь не выступает поначалу в роли проповедника и учителя его. Судя по описаниям, несомненно близок исихазму был отец Григория Паламы, важный сановник, погружавшийся в созерцание и "умное делание" даже на заседании государственного совета. Вероятно также, что почитателем исихазма был и сам император-меценат Андроник II, ибо он был дружелюбен, послушен и даже смиренен по отношению к строгому исихасту-аскету патриарху Афанасию.

Даже этого перечня достаточно, чтобы представить себе, как рано в XIV в., уже в первые его десятилетия, был распространен исихазм.

Во-вторых, исихазм не был собственностью только монахов. Он был популярен также и в городской среде, и притом уже в эти первые десятилетия XIV в. Имена перечисленных выше персонажей говорят об этом достаточно ясно. Более того, у Исидора Фессалоникского, Феолепта Филадельфийского и Григория Паламы была специальная цель вывести духовность исихазма за стены монастырей и сделать доступной мирянам. Вряд ли нужно объяснять, как активизировало это исихазм, усиливало воздействие его на все стороны жизни, в том числе и на искусство.

В-третьих, особо подчеркнем, что в первой четверти XIV в. исихазм спокойно уживался с интеллектуальной культурой элиты. Правда, патриарх Афанасий произносил грозные предостерегающие проповеди. Однако в целом мир и гармония не были нарушены. Два византийских полюса — культура и духовность, сосуществовали рядом, совсем близко, часто в лице одних и тех же людей. Отсюда понятна возможность преобразования исихастских образов в классических ансамблях.

В-четвертых, исихазм в это время, разумеется, не определял искусство. Его курировала аристократическая элита. Однако в эти десятилетия исихазм время от времени явно воздействовал на мир гуманистической культуры. В результате в искусстве произрастали образы, совершенно инородные для его классицистической программы.

В-пятых, исихасты XIV в. почти никогда не практиковали полного отшельничества. Они предпочитали соединять уединенную молитву с общинной церковной службой, с участием в литургии в храме. Из мест своего одиночества они непременно возвращались на субботу и воскресенье в монастырь. Индивидуальная мистика сочеталась с традиционной церковностью.

Процессы, происходившие в это время и позже в искусстве, хотя и косвенно, но поразительно похожи на эти законы. Традиционное для Византии и очень популярное в ней искусство, основанное на классике, никогда в XIV в. не отвергалось, но насы-

щалось новой программой, разными, часто очень индивидуальными способами одухотворялось и внутренне активизировалось.

В-шестых, мы не случайно сказали в предыдущем пункте: "почти все исихасты". Исключения были. Например, Григорий Синаит, предпочитавший полное отшельничество общинному монашеству, а уединенную молитву — литургической. Последнюю он считал "слишком внешним средством". Полагаем, что аналогичные явления были и в искусстве, где могла возникать художественная система, крайне аскетическая по отношению к традиции.

Наконец "антропология исихазма основана на библейской концепции человека как нераздельного психофизиологического единства. Она полностью торжествует в исихазме несмотря на века дуалистических соблазнов неоплатонизма" (И. Майендорф), в Византии очень популярного во все времена. Эту концепцию проповедовал в XIII в. Никифор Исихаст. В XIV в. она стала в исихастской среде общераспространенной.

Аналогичны этому и явления в искусстве, близком идеологии исихазма. Мистическое видение, сообщение человеку божественных энергий может проявляться как физически выраженный экстаз. (Именно так — в некоторых миниатюрах синодальной рукописи). И, наоборот, классицизм искусства Палеологовского Возрождения, рожденный вкусами гуманитарной элиты, идеологией, буквально насыщенной неоплатонизмом, как известно, никакого экстаза не терпел.

После всего этого подчеркнем, что приведенные здесь аналогии художественных явлений и мотивов идеологии, разумеется, не нужно понимать буквально и ставить между ними знак равенства. Однако эта косвенная адекватность предлагает, как нам кажется, интересный материал для размышлений.

Итак, греческий манускрипт № 407 из Синодального собрания является продуктом весьма смешанной культуры. Возникший скорее всего в среде палеологовских гуманистов, однако не во времена их блеска и удачи, но позже, в период их спада, он насыщен в своих миниатюрах множеством новых мотивов. Именно они, а не традиции палеологовской классики, — самое живое и творческое в перспективе развития византийской живописи. Эти новые особенности формировались в художественной среде, близкой духовным установкам исихазма. Подобно тому как исихазм был весьма распространен уже в начале XIV в., так же и эти черты искусства жили рядом с классицистической системой живописи и даже внутри нее. 30—40-е годы — это сильный рост исихастских: устроений уже в широких кругах, более того — это "борьба" его за жизнь, за признание, хотя в основе — борьба за сущность учения. В эти годы и возникает синодальная рукопись. Интересно наблюдать, как исихастские понятия воздействуют на художественные создания, связанные своей родословной с совершенно другим, интеллектуальным миром. Впрочем, как мы видели, в Византии уже первых десятилетий XIV в. все это переплеталось и в человеческих судьбах, и в искусстве. То же происходило и в 30—40-е годы, но гораздо более интенсивно и драматично. Судя по миниатюрам синодального кодекса, в искусстве этих десятилетий устроения, связанные с исихазмом, стали столь сильны, что уже явно доминировали над палеологовским классицизмом.

бор их есть в книге: *Meyendorff J., Gregoire S. Palamas et la mystique orthodoxe*. P., 1956. Так же см.: *Meyendorff J. Society and Culture in the Fourteenth Century: Religious Problems // XIVe Congrès International des Etudes Byzantines. Rapports 1. Bucarest, 1971; Idem. Spiritual Trends in Byzantium in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venise, 1971 (The Kariye Djami, 4, Princeton, 1975). Также см.: Beck H.-G. Kirche und Theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959; Idem. Humanismus und Palamismus // Rapports du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines. Ochride, 1961. Beograd; Ochride. 1961. III.*

В.Н. ЗАЛЕССКАЯ

АФОНСКИЕ РЕЗНЫЕ КРЕСТЫ И ОБРАЗКИ

(по материалам собрания Эрмитажа)

Искусством художественной резьбы по дереву афонские монастыри славились на протяжении нескольких столетий. Первые образцы деревянной пластики появились на Афоне в XIII в.¹, и с этого времени резные предметы являлись гордостью святогорских мастеров. В XIII в., когда под ударами крестоносцев распалась единая Византийская империя и на ее территории возникли отдельные политические образования греческой государственности и культуры, начало быстро расти влияние монашеских обителей на полуострове Халкидика. После взятия Константинополя монастыри Святой Горы приняли значительное число монахов, бежавших от преследования латинян. Афон стал превращаться в главный идейно-догматический центр восточного православия, а в культурном плане начал играть роль объединителя основных художественных течений, шедших из Греции и государств балканских славян. Расцвет искусства резьбы по дереву совпал с общим культурным подъемом в монашеской республике и опирался прежде всего на давние, восходящие еще к XII в. традиции художественной обработки дерева в Македонии и особенно в Фессалониках².

Следует заметить, что еще в ранневизантийское время, как о том свидетельствуют жития святых, обработка дерева процветала в обителях пустынножителей Сирии, Палестины и Египта: из дерева, выполнялись различные бытовые предметы как для нужд братии, так и на продажу; наряду с ними изготовлялись и предметы культа³. Резьба по дереву — одно из истинно монашеских занятий, так как это искусство требует исключительной сосредоточенности, большого душевного и физического напряжения, почти подвижничества.

Виртуозно выполненные напрестольные кресты часто оправлялись в серебряную позолоченную оправу, которую украшали розетки и растительные побеги, птицы, шатровые башенки, кивории, чаши со змеями, держащими в пасти плод; рукава креста заканчивались ажурными, покрытыми сканью бусинами, под ними нередко помещались парные драконы из филигранны. Все части такого орнамента были полны скрытого смысла: птицы на кресте символизировали спасение души, башенки и цветы — райские чертоги, драконы — дьяволов, побежденных воздвигнутым над ними крестом⁴. В основе описанного декора лежали конструктивные элементы и приемы украшения, присущие искусству поздней готики, породившей к XVI в. эту причудливую орнаментику.

Центральные части двусторонних крестов занимали сцены Распятия и Рождества. Замена последнего Крещением означала использование данного креста для освящения

¹ Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 216—217.

² Sotirion G.A. La sculpture sur bois dans l'art byzantin // Mélanges Charles Diehl. P., 1930. T. 2. P. 171—180.

³ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 148—149.

⁴ Филимонов Г.Д. Значение луны под крестом // Сб., изд. обществом древнерусского искусства при Московском публ. музее. М., 1866. С. 158.

воды⁵ (Рис. 1). На боковых сторонах, если они не были скрыты оправами, нередко находились вертикально расположенные колонки греческих букв, каждая из которых являлась начальной литерой слова, входящего в сакральное изречение. Эта, известная уже с XI в.⁶ тайнопись, становится обычной в XVI—XVII вв. Чаще всего встречаются три буквосочетания: Т, К, П, Г; А, П, М, Σ; Т, Т, Д, Ф, связанные с символикой Голгофы и Адамовой головы и содержащие изречения типа "Τόπος κράλιου ταραδειου γέγονε" (Место Лобное стало раем); "Αδάμ Πρωτάπλατος μετέστη σταυρώ" (Адам Первозданный восстал крестом); "Ταύτο το [ξύλον] δάκμονες φρούττουσι" (Сего[древ]демоны трепещут)⁷.

В собрании Эрмитажа имеется более двадцати крестов описанного выше типа. Поступление их различно. Отдельные памятники были приобретены у частных лиц — парижского антиквара Э. Сегредакиса, севастопольского коллекционера Лейпунского⁸, стамбульского торговца древностями Михеладаки; есть среди них образцы, принадлежавшие некогда Н.П. Кондакову⁹, М.П. Боткину (Рис. 2), семье Шереметевых, археологу и историку архитектуры П.А. Рапопорту; есть памятники, ранее находившиеся в Русском археологическом институте в Константинополе, в музее барона Штиглица, в бывшем Музее поощрения Художеств¹⁰. (Рис. 3). Большая же часть таких предметов происходит из собора Зимнего дворца и, вероятно, относится к дипломатическим подаркам (Рис. 4, 5). Так, на двух крестах, — один из них воспроизведен на рис. 1, — имеются надписи "Государю Александру Павловичу", что служит указанием на то, что, скорее всего, эти кресты некогда составляли подношение Александру I от афонских монахов, благодарных России за защиту обителей Святой Горы. Последним во время восстания греков против турок в 1821 г. грозило полное уничтожение, так как султан Махмуд II собирался отдать приказ войскам, оккупировавшим Афон, срыть монастыри до основания¹¹. Гипотетически дипломатическим подарком мог быть и другой эрмитажный памятник, резной диптих в сканном окладе с эмалью (инв. № ω379), вероятно, выполненный в XVII в., стамбульскими греками. Последние работали в так называемом "персидском стиле", когда изготовленная из драгоценных металлов оправа, на которой чеканились и гравировались всевозможные растительные узоры, покрывалось цветами и листьями из сканных нитей, заполнявшихся эмалью белорозовых тонов¹². Сходным образом были украшены, например, хранящиеся в Оружейной Палате в Москве золотые рукомой и чаша, привезенные из Стамбула в 1692 г. для матери Петра I, царицы Натальи Кирилловны, и переданные ею затем внуку царевичу Алексею¹³. В растительный орнамент оправы эрмитажного складины включены два медальона с зеленой эмалью; один с изображением креста и традиционной греческой надписью "Иисус Христос — победитель", другой — с двуглавым орлом, окруженным неизвестной до сих пор греческой криптограммой Θ, Μ, Κ, Τ, возможно, раскрываемой как Θ[εου] Μ[εγαλειων] Κ[α] Τ[ροπαιων] или Τ[ερχος] — "Божье величие и победное знамя (или твердыня)". Здесь уместно вспомнить замечание Н.В. Покровского о том, что многие из нетрадиционных афонских криптограмм были индивидуальным изобретением резчика-монаха, и потому любое предлагаемое современным исследователем толкование всегда будет более или менее произвольным¹⁴.

⁵ Кондаков Н.П. Указ. соч. С. 216.

⁶ Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. 356.

⁷ Millet G., Pargoire J., Petit L. Recueil des inscriptions chrétiennes de l'Atos. P., 1904. P. 184.

⁸ Смирнов А.П. Греческий резной поставец под крест из собрания ГАИМК // СК. Пр. 1927. Т. 1. P. 147—150.

⁹ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Т. III. С. 157, № 1008.

¹⁰ Согласно архивным данным, сообщенным мне Ю.А. Пятницким, за что выражаю ему благодарность, этот крест был подарен музею А.П. Базилевским.

¹¹ Соловьев И.И. Монашеская республика: (Из наблюдений и воспоминаний о Святой Горе Афонской) // Ист. вест. СПб., 1903. Т. 92. С. 950.

¹² Chatzidakis M. Musée Benaki. Athènes, 1975. P. 10—11.

¹³ Путеводитель по выставке иранского и турецкого искусства XVI—XVII вв.: Оружейная Палата. М., 1960. С. 10—11.

¹⁴ Покровский Н.В. Указ. соч. С. 356.

Наличие двуглавого орла в медальоне заставляет предположить, не был ли этот резной диптих одним из тех подношений, которыми, как например, в 1656 г. "ударил челом великому государю царю... Алексею Михайловичу гречане-цареградцы?" Яркоселеный прозрачный фон эмалевого медальона характерен для работ константинопольских ювелиров. Эмалью такой же тональности были украшены карманные золотые часы, привезенные в 1658 г. "цареградцем" Иваном Анастосовым в дар царю Алексею Михайловичу¹⁵. Изображение двуглавого орла вполне оправдано на подарке русскому самодержцу. Впрочем, этот же "державный" образ мог указывать и на то, что дар исходил от греческого церковного иерарха высокого ранга. После взятия Константинополя турками в 1453 г. двуглавый орел, по христианским представлениям символ духовного возрождения и даже самого Христа¹⁶, затем эмблема византийской империи, в поствизантийское время превратился в церковный символ, и в XVII–XVIII вв. его можно было видеть на печатях, панagiaх и энколпиях вселенских патриархов и греческих митрополитов¹⁷. Тогда же двуглавый орел стал распространенным мотивом народного искусства и символом стремления греков к возрождению своей государственности¹⁸.

Деревянные кресты собрания Эрмитажа так или иначе связаны с Афоном: либо они были привезены со Святой Горы, как это было с двумя крестами, поднесенными Александру I, либо их происхождение явствовало из надписи, как например, на образке (инв. № ЭРД1310), — *χαρω̄ εῡλογιᾱ εκ̄ τ̄οῡ ἀγίοῡ ὄρος̄ τ̄οῡ ἱεροῦ̄ μοναστηρίοῡ Ἐσφιμμένοῡ* "Эвлогия со Святой Горы храма монастыря Эсфигмен", либо подобные им и сейчас хранятся в местных обителях.

Основным материалом резчикам служил самшит, но для поставцов часто использовалось другое дерево¹⁹. Так, поставец под самшитовый крест собрания М.П. Боткина (Рис. 2) был вырезан из клена, а поставец, поступивший от Лейпунского — из инжира (фиги), что наводит на мысль о том, не был ли этот кусок дерева, родина которого в Палестине, привезен как памятный предмет из Святой Земли, а обработан на Афоне. Оправы для крестов и образков, как правило, изготавливались позже оправляемого предмета и иногда достаточно далеко от того места, где работал резчик по дереву. Выше уже шла речь о сканной оправе стамбульской работы. Другая оправка (инв. № ω — 1155) с эмалью зеленых и голубых оттенков принадлежала русскому мастеру, работавшему, если судить по характерным московским образцам, в первой трети XVII в.²⁰ Пышные сканые обрамления с "готическими" башенками, птицами и змеями, как правило, выполнялись мастерами Сербии и Македонии²¹. Крестов в таких оправках много в сербских собраниях и в Рильском монастыре в Болгарии²². Характерным образом такой работы можно считать оправку креста на подставке из бывшего Музея поощрения Художеств (Рис. 3). На обратной стороне подставки, где было принято помещать посвящения, имеются три группы литер, разделенные точками: AN., I., AP. Первыми двумя, — AN. и I. — отмечен не только эрмитажный крест, но и серебряное кадило, которое Анфимий Иверский (AN. и I.), бывший в конце XVII в. иеромонахом монастыря Снагов в Валахии поднес этому монастырю²³. С 1708 по 1716 гг. Анфимий был Унгроталашским архиепископом (AP. — ахиепископ). Если наша гипотеза верна, то в собрании Эрмитажа имеется подлинное изделие, принадлежавшее некогда

этому церковному деятелю. Сочетание же кириллицы и латиницы в надписи — явление, достаточно типичное для памятников Валахии, так же как и то, что определенное их число было выполнено выходцами из Сербии.

Приписываемые Афону кресты и образки, как хранящиеся в Эрмитаже, так и в других собраниях, имеют греческие надписи, сопровождающие изображения святых и праздничные сцены. Однако, далеко не все могут считаться выполненными греческими мастерами. Приняв во внимание письменные свидетельства, подтверждающие принадлежность конкретного памятника со всеми его иконографическими и стилистическими особенностями, определенному историческому лицу, можно выделить предметы греческой, сербской и болгарской работы. Последние, отсутствующие в эрмитажном собрании, не обладают ярко выраженными отличиями и являют собой местный вариант образцов, созданных в Хиландаре²⁴. Типичным "сербским" памятником может считаться крест для освящения воды из подношения Александру I, значащийся под № 1 (Рис. 1). На одной его стороне в пяти прямоугольных рамках представлены в центре Распятие в окружении двух евангелистов, вверху — Сретение, внизу — Сошествие во ад, на противоположной стороне — Крещение между двумя евангелистами, — вверху — Благовещение, внизу — Преображение. На торцах вырезаны буквы Α, Π, Μ, Σ и Τ, Κ, Π, Γ. Структурное деление поверхности таких крестов не позволяло размещать на их сторонах более шести праздничных сцен, подбор же их и расположение могли варьировать. Так, на другом кресте из собрания Эрмитажа (инв. № ω — 1190) вокруг центрального Распятия помещены — Воскрешение Лазаря, Сошествие св. Духа, Вознесение, Сошествие во ад, Успение, а вокруг сцены Рождества — Благовещение, Крещение, Сретение, Преображение и Вход в Иерусалим. Тожественную группировку сцен вокруг Рождества имеет и четырехконечный крест (инв. № ω — 1156), но на его другой стороне вокруг Распятия сцена Воскрешения Лазаря заменена Оплакиванием, а вместо Сошествия во ад представлен Хритос и святые жены.

Иной подбор сцен и особую разбивку граней креста можно видеть на памятнике из собрания М.П. Боткина (Рис. 2). На собственно кресте вырезано двадцать евангельских сцен, некоторые из которых повторяются дважды: Преображение, Распятие, Воскрешение, Уверение Фомы, Оплакивание, Сошествие во ад, Благовещение, Рождество, Крещение, Сретение, Вход в Иерусалим, Христос в Эмаусе, Вознесение, Бегство в Египет, Обрезание, Воскрешение Лазаря. На поставце в четыре ряда размещены с некоторыми повторами тридцать две композиции: Воскрешение (по западному образцу), Воскрешение Лазаря, Оплакивание, Христос перед Пилатом, Христос и самаритянка, Исцеление паралитика, Исцеление слепого, кающаяся Магдалина, Троица ветхозаветная, Жертвоприношение Авраама, Несение креста, Бичевание Христа, Христос на суде первосвященника Анны, Умывание рук, Тайная вечеря, Омовение ног, Моление о чаше, Предательство Иуды, Суд у Каиафы, Решение Пилата.

Сопоставление двух (Рис. 1 и 2) вышеописанных памятников позволяет отметить три основных различия между изделиями греческих и югославянских мастеров.

1. Первые сосредотачиваются на передаче мельчайших деталей; вторые трактуют формы более обобщенно; иначе — греки создают ювелирные произведения, а славянские мастера — образцы мелкой пластики²⁵.

2. На крестах греческой работы — множество (до 20–30) сцен, некоторые сложной и редкой иконографии, случаются повторения, на так называемых "сербских" крестах на каждой стороне располагается не более шести сцен, и они иллюстрируют только основные евангельские праздники.

3. "Греческие" кресты редко имеют металлические оправы и подставки, их замечают деревянными поставцами²⁶, оформленные с той же ювелирной тщательностью.

²⁴ Радојковић Б. Једна непозната група древних крстова са релјефима празника // Музеј Примењене Уметности. Београд, 1959. № 5. С. 79–98.

²⁵ Pelekanidis S.M., Christou P.C., Tsioumis Ch., Kadas S.N. The Treasures of Mount Athos. 1974. Vol. 1. P. 43.

²⁶ Icons and East Christian Works of Art / Ed. and publ. M. van Rijn. Amsterdam, 1980. P. 83.

¹⁵ Успенский А.И. О художественной деятельности евангелиста Луки. М., 1901. С. 8–9.

¹⁶ Patristic Greek Lexicon. 1961. Fasc. 1. P. 40.

¹⁷ Chatzidakis M. Byzantine Museum. Athens, 1975. N 36.

¹⁸ Chatzidakis M. Collection Hélène Stathatos: Les objets byzantins et postbyzantins. Limoge, 1957. P. 70–74.

¹⁹ Все анализы пород дерева были произведены на кафедре анатомии и физиологии растений Ленинградской лесотехнической Академии М.И. Колосовой.

²⁰ Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство, — его центры и мастера. М., 1974. С. 126–127.

²¹ Radojković B. Les objets sculptés d'art minuer en serbie ancienne. Beograd, 1977. P. 41.

²² Генова Е. Миниатюрны дърворезба 17–19 век. С., 1986. С. 35–45.

²³ Nicolescu C. Argintaria laica si religioasa in tarile Romane (se. XIV–XIX). București, 1968. P. 181, 365, N 252.

что и сами кресты. У "сербских" мастеров вся выдумка направлена на создание серебряного кружева оправы и подставки²⁷.

Датировка резных деревянных крестов до сих пор не разработана, и потому любые хронологические раскладки, даже основывающиеся на точно датированных образцах, носят характер предварительных наблюдений. Первые выдающиеся образцы резьбы по дереву относятся к эпохе Палеологов. В собрании Эрмитажа имеются два таких памятника: расписной самшитовый поставец под крест со сценами Благовещения, Рождества, Крещения и Сошествия во ад, сопровождаемые греческими надписями, содержащими отрывки из соответствующих каждому празднику церковных песнопений, и найденная в Радопи створка складня со сценами Воскрешения Лазаря и Успения, также сопровождаемые текстами из церковных песнопений²⁸.

XVI в. является особой страницей в истории развития деревянной резьбы на Афоне. Относительно низкий рельеф изделий XIV—XV вв. уже в начале следующего столетия сменяется подчеркнутой глубиной пространства и объемно преданными фигурами в сложных поворотах, с особой виртуозностью исполнения, когда мельчайшие детали едва различимы невооруженным глазом. Среди памятников этого времени много точно датированных и даже подписных вещей²⁹. Одним из знаменитых афонских резчиков XVI в. был Георгий Ласкарис, изготовлявший на престольные кресты с изображениями евангельских сюжетов и башнеобразные многогранные поставцы к ним со сценами исключительно страстного цикла³⁰. Среди них можно встретить такие достаточно редкие композиции как "Христос на суде первосвященника Анны", "Суд у Каиафы", "Решение Пилата" (отличное от сцены "Христос перед Пилатом"). В эрмитажном собрании нет изделий Георгия Ласкариса, но есть близкие им по стилю и иконографии, к каковым относятся предметы, поступившие от Лейпунского и Боткина. Последний (Рис. 2) имеет на поставке греческую надпись: + ἔδελαιώθη ἔτει ΑΦΜΘ Ἰούλιου ΚΔ — "Крест, — передан пиктографически, — закончен в 1549 году 24 июля". Ажурная резьба в стиле мастера Георгия сохраняется, как о том свидетельствуют другие датированные образцы, до середины XVII в., когда деревянное кружево вытесняет всякое представление о рельефе. К этому времени меняется не только характер резьбы, но и приемы заполнения пространства. На крестах и образках второй половины XVII в. и рубежа XVII—XVIII вв. изображения библейских сцен, равно как и апостолов, пророков и мучеников помещаются не в прямоугольные рамки, но в круглые медальоны, образуемые извилами виноградной лозы. В собрании Эрмитажа имеются как кресты (Рис. 4), так и образки (Рис. 5), украшенные в такой манере и, следовательно, выполненные на рубеже XVII—XVIII веков. На всех этих памятниках виноградная лоза оказывается исходящей или от спящего пророка Иесея, когда она обрамляет сцены из жизни Богоматери, или от Ионы во чреве кита, когда в медальонах излагается история Христа. Мотив древа Иесея — давний, появившийся еще в XI в. сюжет, связанный с богородичным циклом. На резных крестах и энколпиях он располагается на той стороне предмета, где преобладают сцены, прославляющие Богоматерь, а в переплетениях лозы изображаются предки Марии — Моисей, Аарон и сам Иессей, предсказавший появление пророка Ионы. При изображении сцен из жизни Христа, — тоже в извилах лозы, — у ее корней оказывается пророк Иона, своим чудесным спасением символизирующий воскресение и являющийся как бы связующим звеном между Ветхим и Новым заветами³¹.

Афонская деревянная резьба еще ждет своих исследователей. Тем не менее, предварительное изучение изделий святогорских мастеров позволяет наметить основные вехи в развитии этого вида искусства, проследить смену стиля и иконографического подбора сцен на резном дереве Афона на протяжении нескольких столетий.

²⁷ Дрουμεв Д. Златарско изкуство. С., 1976. № 197—229.

²⁸ Искусство Византии: ... Т. III, № 1007—1008.

²⁹ Пуцко В.Г. Деревянный крест с рельефными изображениями праздников и святых // ЗВ. 1989. Вд. 25, т. 1. С. 76.

³⁰ Смирнов А.П. Указ. соч. С. 147—150.

³¹ Уваров А.С. Христианская символика. М., 1908. Т. 1. С. 110.

И.В. СОКОЛОВА

МОНЕТЫ ПЕРЕЩЕПИНСКОГО КЛАДА

В 1912 г. у с. Малое Перещепино Полтавской губернии был найден большой клад кочевнических, византийских, сасанидских и тюрко-согдийских золотых и серебряных вещей. Дата сокрытия его сразу была определена находившимися в нем византийскими монетами, последние из которых принадлежали императору Константу II. Необыкновенно богатый и разнообразный состав клада вызвал сильный интерес к нему не только в России, но и за границей. Многие вещи клада публиковались неоднократно разными авторами, но комплексное издание всей коллекции, поступившей в Эрмитаж, было подготовлено только в середине восьмидесятых годов, однако до сих пор не напечатано. Настоящая статья касается только одной части клада — монет, которые имеют важное значение для датировки и понимания значения всего сокровища.

Все монеты клада, за исключением одной (№ 11¹) и двух медальонов (№ 4, 5), переданы в украшения — связаны в цепочки, на некоторых на лицевой стороне напаяны гнезда (одно или пять) для вставки пасты или драгоценных камней.

Монетам клада посвящена большая литература², однако она основывается преимущественно на двух публикациях: кратком сообщении о составе Перещепинского клада (с указанием типов по каталогу Британского музея) хранителя нумизматического отдела Эрмитажа Н.П. Бауэра, помещенном в немецком нумизматическом издании в 1931 г.³, и еще более краткой информации в топографии находок византийских монет В.В. Кропоткина, сопровождающейся, однако, двумя таблицами с изображением 61 монеты (монеты из поступления 1930/184 им не воспроизведены)⁴. К сожалению, в обе публикации вкрались досадные неточности. Так, Н.П. Бауэр указывает, что не были превращены в украшения 4 монеты, в то время как без следов "вторичного" использования сохранилось лишь три монеты (№ 4, 5 — медальоны Ираклия и Ираклия Константина, — и № 11 — Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона). Названную Н.П. Бауэром цифру монет клада (61) В.В. Кропоткин уточнил, прибавив еще 8 экземпляров, поступивших в Эрмитаж в 1926 г. из собрания Ханенко и не учтенных Н.П. Бауэром. Однако, подводя итог общему количеству монет, он назвал 18, а не 19 солидов Константа II и неточно указал количество монет, с различными марками (CONOB — 11 экз., в действительности — 10, OBXX — 2, в действительности 19 и 8 экз. с несуществующей маркой BOOX, под которыми, очевидно, подразумеваются 10 солидов с маркой BOXX +). В цепочке из 8 монет Кропоткиным неправильно указаны

¹ Указанные в тексте статьи номера монет соответствуют номерам монет в каталоге, который должен появиться в одном из следующих номеров Византийского вестника.

² Полную библиографию см. в публ.: Перещепинский клад: Издание одной коллекции / Подгот. к изд. на нем. яз.

³ Bauer N. Zur byzantinischen Münzkunde des VII. Jahrhunderts // Frankfurter Münzzeitung. 1931. N 15, Marz. S. 227—229.

⁴ Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // Свод археологических источников. М., 1962. Вып. Е 4-4. С. 10, 36, № 250.

знаки в обресе монет Ираклия: в действительности 4 из них несут знак BOXX, 1 — BOXX +. Кроме того, он отметил, что в гнездах сохранились драгоценные и полудрагоценные камни⁵, хотя на самом деле сохранилась лишь паста в одном из гнезд на монете Маврикия (№ 1). В 1957 г. о возможной принадлежности к комплексу Перещепинского клада легких солидов Ираклия с сыновьями и Константа II, хранящихся в Полтавском музее сообщил Х.Л. Адельсон⁶. Основываясь на сообщении из Полтавы, Х.Л. Адельсон указывает и другой возможный источник части этих монет — Новые Сенжары. Впоследствии советские археологи установили, что полтавские монеты Константа II происходят из Новых Сенжар⁷, а к Перещепинскому комплексу принадлежит лишь один из двух двадцатикаратных солидов Ираклия⁸.

Монетная часть Перещепинской находки привлекает внимание нумизматов уникальностью состава, внимание археологов — богатством, величиной и возможностью датировать комплекс. Из сохранившихся в Причерноморье кладов VII в. она самая большая (в Келегейском кладе было 7 монет, в Новосенжарском — 7, остальные — единичные находки). Исключение представляет найденный до середины XIX в. у с. Майстров, Запорожской области клад в несколько сот солидов, из которого известна одна лишь монета Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона⁹.

Из 69 перещепинских монет (или 70, если учитывать экземпляр из Полтавского музея), только восемь являются обычными константинопольскими солидами в 24 карата: один чеканен в правление Маврикия (582–602, № 1¹⁰), два — правление Фоки (602–610, № 2¹¹, 3¹²), четыре относятся к последнему периоду совместного правления Ираклия и Ираклия Константина (629–632 гг., №№ 6–9¹³), и один — конца правления Ираклия (совместно с Ираклием Константином и Ираклеоном, 638–641 гг. № 10¹⁴). За исключением последней, это наиболее ранние монеты клада.

Основную же массу составляют легкие солиды в 20 карат, выпущенные в один из последних годов правления Ираклия с сыновьями (637/638 гг. № 11–50)¹⁵ и в начале правления Константа II (641–646, № 51–69)¹⁶. Все монеты Константинопольского монетного двора.

Тот факт, что в Перещепинском кладе наиболее ранние солиды полновесные, является его особенностью, так как в Причерноморье в VI — начале VII вв. поступали и легкие солиды, о чем свидетельствует присутствие двадцатикаратного солида Ираклия (класс I, 610–613 гг.)¹⁷ в Келегейском кладе¹⁸.

В связи с этим хочется обратить внимание на то, что именно к ранней группе солидов клада относятся по времени два необычных памятника — медальоны с изображением

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Adelson H.L. Light Weight Solidi and Byzantine Trade during the Sixth and Seventh Centuries // NNM. N.Y., 1957. N 138. P. 185, 186, Not. 112, 113, 116, 117.

⁷ Смиленко А.Т. Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары // Славяне и Русь. М., 1968. С. 162, 163, Рис. 3; Семенов А.И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // АС. Гос. Эрмитаж. Л., 1986. № 27. С. 96, 93, Рис. 3.

⁸ Семенов А.И. К реконструкции состава... С. 93, Рис. 3, С. 94, № 1347.

⁹ Кропоткин В.В. Клады... С. 31–32. № 159.

¹⁰ DOC. I. P. 296, 297. N. 5; MIB. 2. Prägetabelle VI, N 11E.

¹¹ DOC. II. 1. P. 153, 154, N. 5; MIB. 2. Prägetabelle X, N 7.

¹² DOC. II. 1. P. 157. N 10; MIB. 2. Prägetabelle X, N 9.

¹³ DOC. II. 1. P. 254, 255. N 26. P. 256. N 30; MIB. 3. Prägetabelle I. N 29, 37.

¹⁴ DOC. II. 1. P. 262. N 44; MIB. 3. Prägetabelle I. N 53.

¹⁵ DOC. II. 1. P. 263. N (47); MIB. 3. Prägetabelle I. N 66.

¹⁶ Cp. DOC. II. 1. P. 395. N 1. P. 423. N 10; MIB. 3. Praget. V. N 3a, 48.

¹⁷ DOC. II. 1. P. 246. N 7; MIB. 3. Prägetabelle I. N 63.

¹⁸ О том, что этот клад содержал монеты легкого веса, сообщил Н.П. Бауэр в упоминавшейся выше статье. В настоящее время монеты выявлены А.И. Семеновым среди материала Музея драгоценностей в Киеве. Правильность его идентификации подтверждается написанной рукой А.Н. Зографа запиской (описанием типа монет Келегейского клада со ссылками на каталог Британского музея), сохранившейся в архиве Л.А. Мацулевича (ОЛ Архива АН СССР. Ф. 991. Д. 151. Л. 238, 239).

Ираклия и Ираклия Константина того же типа, что и солиды клада, выпускавшиеся в последний период совместного правления этих царей, с 629 по 632 гг. Они весят 11,12 и 11,18 г, т.е. равны 2 1/2 солида. Нужно согласиться с Ф. Гриерсоном, что это медальоны¹⁹, а не монеты в 10 скрупул, как пишет В. Хан²⁰. Подобные памятники известны для более раннего времени (последний опубликованный медальон — в 6 солидов Маврикия Тиберия²¹). Они выпускались в единичных экземплярах и предназначались для раздачи при дворе по случаю особых событий или для посылки иностранным государям и несли изображение делавшего подарок императора на одной стороне и символику его победоносности — на другой. В отличие от этих произведений искусства, где рисунок размещался на всем пространстве кружка, медальоны из Перещепина сделаны штемпелем солида, так что на кружке остались большие пустые поля. Техника изготовления вызывала сомнение. Дело в том, что они идентичны, выполнены общим штемпелем, но оба имеют совершенно одинаковые двойные очертания букв в надписи оборотной стороны, как получается при двойном ударе, но этот "двойной удар" должен иметься на штемпеле, что кажется маловероятным. Поэтому возникало подозрение, не отлиты ли эти медальоны в одной форме, которая по небрежности была оттиснута недостаточно тщательно с помощью солида. Однако этому противоречит внешний вид кружков с острыми, а не сглаженными, как при литье, краями. Кроме того, на одном из медальонов по краю видны трещины, которые возникают при чеканке недостаточно разогретого металла. Против литья говорит также и разная центровка штемпеля на кружке, что было бы невозможно при литье в одной форме. Поэтому мы должны принять, что медальоны были чеканены одним штемпелем, дефект которого получился при его изготовлении. Факт же чеканки штемпелем константинопольского солида и точная юстировка медальонов указывает, что они могли быть сделаны только в столице империи и предназначены для посылки владетельным лицам во времена выпуска этих солидов, т.е. между 629 и 632 гг. Таким образом несомненно, что именно в эти годы медальоны пришли в варварский мир Причерноморских степей и, вероятнее всего, вместе с ними поступили и солиды того же периода (№ 6–9). Что касается солидов Фоки и Маврикия, то о них с такой же уверенностью сказать это невозможно.

Подавляющее большинство монет клада выпущено в правление Ираклия с сыновьями (41 экз.) и Константа II (19 экз.). Все монеты Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона принадлежат к четвертому классу этого правления: на лицевой стороне три стоящих в рост, анфас императора, в центре — Ираклий с длинной бородой и пышными усами, по сторонам — его сыновья, причем, Ираклеон изображен в короне и одного роста с Ираклием Константином. За исключением одного экземпляра в 24 карата (№ 10), у которого на оборотной стороне в левом поле монограмма имени Ираклия, в правом — буква ε, а в обресе — CONOB, все монеты этой группы являются легкими солидами в 20 карат со знаками на реверсе BOXX (№ 11–40) и BOXX + (№ 41–50) — обресе и монограммой имени Ираклия и лигатурой букв I и A (▲) — в поле. Последняя лигатура большинством исследователей трактуется как указание на 11 индикт (637/638 гг.)²². Для чеканки их было использовано 11 штемпелей лицевой стороны и 14 — оборотной, т.е. штемпели соотносятся как 1:1,3, что чуть отличается от обычного соотношения²³. Это может быть объяснено отчасти тем, что из-за напаянного на лицевую сторону гнезда у монет с инвентарным номером 1930/24 и 1930/184 не всегда можно уверенно идентифицировать штемпели. Сомнительные случаи засчитывались

¹⁹ DOC. II. 1. P. 9; Grierson P. Byzantine coins. L., 1982. P. 92.

²⁰ MIB. 3. S. 85.

²¹ Grierson P. The Kyrenia Girdle of Byzantine Medallions and solidi // NCh. Ser. 6. 1955. Vol. XV. P. 55–70.

²² DOC. II. 1. P. 263. N (47), (48); MIB. 3. S. 86. Prägetabelle I. N 66, 67.

²³ Morrisson C. Le trésor byzantin de Nikertai // RbN. 1972. CXVIII. P. 39 (Av: Rv = 1 : 1,04); Adelson H.L. 'Leight Weight Solidi. P. 64 (Av : Rv = 1 : 1,02). Cp.: Guery R., Morrisson C., Slim H. Le trésor de monnaies d'or byzantines // Recherches archéologique Franco-Tunisiennes à Rougga. III: Palais Farnese, 1982. P. 55 (Av : Rv = 1 : 5).

за новый штемпель, так что в действительности их может быть меньше. Возможно, этим можно объяснить несовпадение количества штемпелей, указанных в данной и других публикациях. Ту же причину нужно учитывать и при сравнении количества штемпелей монет Константа II. Следует отметить, однако, что установленные нами в 1960 г. штемпельные связи полностью совпали при вторичном исследовании в 1985 г. Монеты с разными знаками в обресе оборотной стороны не связаны общими штемпелями лицевой.

На монетах Константа II на лицевой стороне изображен правящий император анфас, погрудно, безбородый, в короне с крестом и в хламиде, с державой в правой руке. По кругу надпись: DNCONSTANTI NVSPPAVC. На оборотной стороне — крест на трех ступенях, круговая надпись VICTORIA AVC, в обресе OBXX. Этот тип солидов чеканился с начала 642 по 646 гг. Как и монеты Ираклия с сыновьями, солиды Константа II чеканены небольшим количеством штемпелей (5 оборотной, число лицевых штемпелей — 7 — условно, так как большой процент монет с напаянными гнездами). Среди монет Константа II имеется экземпляр с мелким изображением императора — тип, который Ф. Гриерзон отнес к правлению Ираклеона²⁴, однако многие нумизматы находят правильным придерживаться старой его атрибуции Константу II — первая эмиссия — 642 г.²⁵ Этот экземпляр Перещепинского клада также относится к двадцатикратным солидам и несет знак в обресе OBXX (№ 51). Присутствие перещепинского экземпляра в блоке с монетами Константа II, отделенными от предшествующих монет клада четырьмя типами, в том числе и тем, на котором император изображен в головном уборе с плюмажем, говорит в пользу последней точки зрения.

Наличие большого количества легких солидов 637–646 гг. в Перещепинском кладе, оказавшееся не вполне точным очень краткое сообщение Н.П. Бауэра о кладах с легкими солидами времени Ираклия и Константа II в Келегейских хуторах и у Новых Сенжар²⁶, наличие подобных монет в собраниях Советского Союза и почти полное их отсутствие в европейских²⁷ породило естественное желание увязать производство этих номиналов в Византии с событиями на северных границах империи. Конечно, предположение венгерского археолога С. Балинта, что в начале пятидесятых годов VII в. в Причерноморье жили такие кочевники, которые стали в отличные отношения с Византией, и император выпускал для них индивидуальные, непригодные в ежедневном обращении более тяжелые и более легкие монеты²⁸, является крайностью. Однако отмеченная Ф. Гриерзоном связь периода выпуска в Византии золотых монет уменьшенного веса с периодом византийско-аварских отношений²⁹ заслуживает внимания. Согласно сербскому исследователю И. Ковачевичу, с 558 по 626 г. авары получили из Византии приблизительно 6 000 000 солидов, т.е. 26 тыс. кг золота³⁰.

Легкие солиды начали выпускаться с конца царствования императора Юстиниана I (527–565), чеканились три номинала — в 20, 22 и 23 карата, последний солид легкого веса в 23 карата известен, от времени Юстиниана II (685–695), чеканка же солидов в 20 карат прекращается в правление Константина IV (668–685). Вопрос о причинах появления в Византии легких солидов возник давно и дебатруется до сих пор. В труде Х.Л. Адельсона, специально посвященном изучению этих монет, на основании собранных сведений о находках легких солидов, высказано мнение, что выпуск их был

связан с торговлей с западными странами, где стандарт золотой монеты складывался ниже, чем в Византии³¹. Однако Ф. Гриерзон и М.Ф. Хенди обратили внимание исследователей на то, что в Византии существовал запрет на вывоз золотых монет за пределы империи как византийскими, так и иностранными купцами³². По мнению М.Ф. Хенди, легкими солидами делались государственные как внутренние, так и внешние платежи, однако на территории Византии эти монеты не тесаврировались, так как не соответствовали золотому стандарту³³. Совершенно иначе рассматривает солиды в 20, 22 и 23 карата В. Хан. Он считает, что соотношение золота и меди, а также постоянные колебания стопы в монетном деле Византии породили эти неполные солиды как необходимый элемент для сложных расчетов в золоте внутри страны³⁴. К мнению В. Хана присоединяется С. Морриссон, которая считает его толкование наиболее убедительным, если даже детали и могут быть изменены³⁵.

Разноречивость мнений о легких солидах можно понять, если обратиться к материалу находок. Легкие солиды в кладах на территории Византии крайне редки. Так, в кладах VII в. они встречаются в единичных экземплярах. Например, в кладе из Никертай (Сирия) из 534 экземпляров золотых монет только солид Ираклия и Ираклия Константина в 23 карата, два солида Константа II 651–654 гг. (с длинной бородой) по 23 карата и один того же типа с обозначением BOXX в обресе оборотной стороны, равный по весу также 23 каратам³⁶. Клады из Дафне (Сирия), Афруз³⁷, Аидин³⁸, Анталиа³⁹, Израиль⁴⁰, Туниса⁴¹ не содержат легких солидов. Только один клад из Северной Африки, опубликованный Ф. Гриерзоном, включал один экземпляр в 22 карата (вес 4,09 г.)⁴².

Два клада содержали несколько большее количество легких соледов: из местности Хама (близ Антиохии), где из 326 экземпляров было 8 солидов по 22 карата и три с обозначением BOXX (веса не указаны) все времени Юстина II⁴³, и из Бет Галим (Израиль), в котором из перечисленных 81 солида Фоки было два по 23 карата и два двадцатикратных (веса не указаны)⁴⁴.

Аналогичную картину преобладания полновесных солидов можно наблюдать и в находках Грузии, но для сравнения с дальнейшим материалом следует особо отметить, что в крепости у с. Нокалакеви (древний Археополис) был найден клад, состоящий только из солидов в 23 карата, выпущенных в правление Маврикия⁴⁵.

³¹ Adelson H.L. Light Weight Solidi. P. 98, 127–137.

³² DOC. II. 1. P. 14; Hendy M.F. Light Weight Solidi, Tetartera and the Book of the Prefect // BZ. 1972. Bd. 65. S. 60, Anm. 9.

³³ Hendy M.F. Op. cit. S. 59–63.

³⁴ MIB. 1. S. 26, 48, 49 etc.; 2. S. 15, 16, 38; 3. S. 16, 17.

³⁵ Morrisson C. De solidus à l'hyperpère: devaluations et declin de la monnaie d'or byzantine // Cercle d'études numismatiques: Bulletin. 1977. Vol. 14, N 4. P. 68; Bertelé T. Numismatique byzantine // Edition française mise à jour et augmentée de plaques par C. Morrisson. Wetteren, 1978. P. 38, Not. 2; Morrisson C. Alterazioni e svalutazioni // La cultura bizantina: Oggetti e messaggio / Università degli studi di Bari: Centro di studi bizantini. Corso di Studi IV. 1979. Roma, 1986. P. 79, 80, 115.

³⁶ Morrisson C. Nikertai. P. 84. N. 415–417.

³⁷ Metcalf W.E. Three Seventh-century Byzantine Gold Hoards // ANSMN. N.Y., 1980. N 25. P. 87–96.

³⁸ Grierson P. Two Byzantine Coin Hoards of Seventh and Eighth Centuries at Dumbarton Oaks // DOP. 1965. T. 19. P. 209–219.

³⁹ Coin Hoards. I. 1975. N 237.

⁴⁰ Ibid. II. 1976. N 330.

⁴¹ Guéry R., Morrisson C., Slim H. Op. cit. P. 70–73.

⁴² Grierson P. A Byzantine Hoard from North Africa // N Ch. 6 ser. 1953. XIII. P. 146, 147. N 15.

⁴³ Adelson H.L. Light Weight Solidi. P. 80, 149–152, N 43, 47, 49, 58–65; Grierson P. The Kyrenia Girdle. P. 65. N 38.

⁴⁴ Coin Hoard. I. P. 66. N 235. Сведения о более ранних находках и литературе см.: Adelson H.L. Light Weight Solidi. P. 78–103.

⁴⁵ Клад времени Ираклия, найденный в 1958 г. около с. Чибати, содержал только полновесные солиды см.: Абрамишвили Т. Византийские монеты Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.). С. 53, № 121/9738 (Тибериус II); С. 55, примеч. 243, № 9739 (Маврикий);

²⁴ DOC. II. 2. P. 391: Grierson P. Byzantine coins. P. 94.

²⁵ MIB. 3. S. 86, 87, 124: Morrisson C., Seibt W. Sceaux de commerciaires byzantins du VII siècle, trouvés à Carthage // RN, 6 ser. 1982. T. XXIV. P. 225.

²⁶ Bauer N. Op. cit. S. 228.

²⁷ Adelson H.L. Light Weight Solidi. P. 168–173, N 160–179; MIB. 3. Ираклий с сыновьями: S. 217. N 66–69; Констант II: S. 242. N 48, 49; Константин IV: S. 256. N 13, 14.

²⁸ Balint C. Über einige östliche Beziehungen der Frühawarenzeit (568–670/680) // Mitteilungen des archäologischen Institute der ungarischen Akademie der Wissenschaften. 1980/1981. N 10/11. S. 144, Anm. 54b.

²⁹ Grierson P. Byzantine coins. P. 100.

³⁰ Јован Ковачевић. Авари и злато // Старијар. Нова серија. 1962/1963. Књ. XIII/XIV. С. 126.

Золотые византийские монеты VII в. в Армении крайне немногочисленны⁴⁶.

Совсем другое дело — находки в Причерноморье: почти все известные комплексы содержат легкие солиды в 20 карат, хотя и не в такой большой пропорции, как Перещепинский. В состав упоминавшегося Келегейского клада входило пять полновесных солидов — четыре Ираклия с сыновьями, один Константа II (безбородого, обычного типа) и один двадцатикаратный солид начала правления Ираклия с ОВХХ в обрезе реверса. Относительно номинала последней монеты — с изображением Ираклия и Ираклия Константина, тип II — ничего сказать нельзя, так как у нее плохо отчеканился реверс⁴⁷. В Новых Сенжарах было найдено пять полновесных солидов (один — Фоки, четыре — Ираклия с сыновьями, типы IVa и IVб) и два солида по 20 карат 642–646 гг. правления Константа II⁴⁸. О распространенности легких солидов в 20 карат в Причерноморских степях говорят и случайная находка монеты Ираклия с сыновьями около г. Жаботино⁴⁹, и ожерелье, сделанное из серебряных позолоченных отливок с двадцатикаратного солида Константа II, найденное в Днепропетровской обл.⁵⁰

Как видно из приведенного перечисления, в Причерноморье поступали как полновесные, так и легкие солиды, но последние являлись непременным компонентом кладов, составляли в них значительный процент и все до сих пор зафиксированные весили 20 карат. В этой связи хочется обратить внимание на то, что один из солидов Фоки из Перещепина (№ 3) имеет вес в 20 карат — 3,56 г, хотя несет марку CONOB (экземпляр обычной толщины, не обрезан), а в кладе из Никертаи единственная монета со знаком ОВХХ в обрезе оборотной стороны весит 4,23 г, как и присутствовавшие в том же кладе солиды в 23 карата. И кажется не случайным, что на территории Грузии, где были византийские войска, найдены солиды в 23 карата, а совсем как будто недалеко, но за Кавказским хребтом, в аланском могильнике обнаружен солид со знаком ОВ + х на обороте (вес 3,6 г.), чеканенный в течение недельного совместного правления Юстина II и Тиберия II⁵¹. Если даже допустить, что византийцы выборочно тезаврировали солиды

С. 58–60, № 152–169 и перечисленные в подстрочных к ним причетаниях (Фока); С. 63, № 181–184 (Ираклий, начало правления). Случайные находки также состоят из полновесных солидов: Там же. № 186 (Ираклий и Ираклий Константин), 187 (Ираклий с сыновьями), 239, 242 (Константин IV). Солид Маврикия (инв. № 9727 с. 55; примеч. 247 к № 131/3138) мог быть и в 23 карата, так как вес его не указан, а описан он в качестве аналогии к 23-каратной монете. Однако нужно учесть, что и при описании полновесного солида Маврикия как на аналогю дается отсылка к легкому в 23 карата (С. 55, № 133). Ноклакевский клад издан: Абрамишвили Т.Я. Ноклакевский клад // ВВ. 1961. Т. XXIII. С. 158–165.

⁴⁶ Кротокин В.В. Клады. С. 43, № 383.

⁴⁷ Пять монет этого комплекса имеют ушко, одна пробита и одна без следов вторичного использования. Монеты Ираклия с сыновьями все относятся к 638–641 гг. и различаются знаками в правом поле реверса и оффичинами: 1 экз. с В в поле, в конце легенды I; один — с Е в поле и X в конце легенды; два — без знаков в правом поле, оффичины Е и Н. Монета Константа II имеет С справа от CONOB и С в конце легенды реверса. На оборотной стороне монеты Ираклия и Ираклия Константина отчеканились лишь следы креста и круговой надписи. От надписи на лицевой стороне сохранилось лишь несколько букв. Вес ее, по словам П.И. Семенова, около 2 г. Не подражание ли это? Помимо ссылок на Каталог Британского музея и зарисовок в упоминавшейся выше записке А.Н. Зографа (см. выше примеч. 18) в моем распоряжении были фотографии монет, любезно предоставленные мне А.И. Семеновым, за что приношу ему глубокую благодарность.

⁴⁸ Смиленко А.Т. Указ. соч. С. 163 и рис. 3; Семенов А.И. К реконструкции... С.96. Солид Фоки того же типа, что и из Перещепинского клада, также оффичина I. Среди монет Ираклия с сыновьями имеется солид с Ираклеоном в короне без креста, в поле справа — Θ, оффичина — Δ. Справа от CONOB — С. Три других солида Ираклия с сыновьями — 638–641 гг.: с В в правом поле реверса, оффичина, по-видимому Z, (по репродукции точнее не определяется), и С в правом поле, оффичина I, а также без букв в правом поле, оффичина I. Оба легких солида Константа II имеют оффичину Θ, как № 52 Перещепинского клада, но других штемпелей, по определению А.И. Семенова, — одной пары.

⁴⁹ Кротокин В.В. Клады С. 37, № 274.

⁵⁰ Голенко К.В. Имитация солида VII в. из Поднепровья // ВВ. 1956. Т. XI. С. 292, 293; Кротокин В.В. Клады. С. 31, № 149.

⁵¹ Ртвеладзе Э.В., Рунци А.П. Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска // ВВ. 1976. Т. 37. С. 151.

более высокого веса, то в Причерноморье монеты безразлично перемешивались при изготовлении украшений, и если бы солиды в 23 карата поступали сюда, они непременно оказались бы в составе находок.

Таким образом, представляется вероятным, что разные категории легких солидов имели разное назначение, и солиды в 20 карат направлялись на север (причем, граница на востоке проходила по Кавказскому хребту, на западе, по-видимому, — севернее Дуная), где они оседали в руках племенной верхушки кочевников.

Названные выше комплексы Поднепровья, включая и легкие и полновесные солиды, имеют разный состав (см. выше), что подтверждает мнение А.И. Семенова о неоднократном их поступлении в эти места⁵². Любопытно, с той точки зрения, что, например, три солида Ираклия, Ираклия Константина и Ираклеона с ε в правом поле реверса, имеющиеся в погребениях Перещепино, Келегейских хуторов и Новых Сенжар, не только не связаны общими штемпелями, но и происходят из разных оффичин (соответственно S — № 10—, Z и ε). Константу II в Новосенжарской находке принадлежат два легких солида, чеканенных одной парой штемпелей (из девятой мастерской), в то время как в Перещепинском кладе подобный только один, к тому же других штемпелей. Интересно также, что в этих находках, содержащих в общем-то не очень большое количество солидов, сравнительно много редких вариантов. И во всех последними являются солиды Константа II с изображением безбородого императора (642–646 гг. выпуск).

Легкие же солиды здесь относятся только к началу и к концу правления Ираклия и к самому началу правления Константа II. Полностью отсутствуют экземпляры самого обильного, по мнению В. Хана, выпуска двадцатикаратных солидов — времени Ираклия с Ираклием Константином (619–629 гг.)⁵³, которые, судя по большому количеству их в Будапештском музее, в значительном количестве встречаются в находках в Венгрии⁵⁴. Такие лакуны в Причерноморье существуют и для более раннего времени. Солид Юстиниана I, с ОВХХ на реверсе приписывавшийся в Херсонском музее Келегейскому кладу⁵⁵, скорее всего, происходит из местных находок. Но это единственный случай в Поднепровье⁵⁶. Зато восточнее, в Белоаяровке Донецкой обл., найден целый клад двадцатикаратных солидов Юстиниана I⁵⁷, один легкий солид найден на р. Цимле, притоке Дона⁵⁸. Но на всей территории Северного Причерноморья отсутствуют легкие солиды правления Юстина II (565–578), Тиберия II (578–582) за исключением солида из Алании, Маврикия (682–602). Монеты 2-й половины VII в. кладами не отмечены, но и отдельные находки легких солидов, крайне редких вообще, для Поднепровья

⁵² Семенов А.И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга. С. 97.

⁵³ Известно погребение в Печеной Кировоградского района с золотой монетой Ираклия и Ираклия Константина (Кротокин В.В. Клады. С. 33, № 196). Как сообщила заведующая отделом нумизматики Одесского Археологического музея Е.С. Столярик, за что ей глубоко благодарна, это выпуск 629–632 гг.: Ираклий с длинной бородой и Ираклий Константин с короткой бородой погрудно анфас; монета Ираклия и Ираклия Константина того же типа "варварского" варианта в Келегеях. Из большого клада в несколько сот монет опубликована лишь одна — полновесный солид Ираклия с сыновьями (у с. Майстров. С.: Кротокин В.В. Клады. С. 31, 32 № 159).

⁵⁴ МВ. 3. S. 217, N 64, 65. К сожалению, список монетных находок Венгрии, опубликованный Д. Чаланем, имеет в большинстве случаев такие глухие ссылки, что по ним очень трудно выявить легкие солиды: Чалань Д. Византийские монеты в аварских находках // Acta archaeologica. 1952. II. С. 235–244. Адельсон назвал лишь один клад из Венгрии с легкими солидами: Adelson H.L. Op. cit. P. 80.

⁵⁵ Кротокин В.В. Клады. С. 37, № 268. Монета отсутствовала в первоначальном составе клада, когда А.Н. Зограф делал зарисовки в Херсонском музее (ЛЮ Архива АН СССР. Ф. 991. Оп. 1. Д. 151. Л. 233–289). Слпок с нее был прислан ему для определения позднее, в сопроводившей его записке содержался вопрос: "по-видимому, из Келегейского клада?", на что А.Н. Зограф и ответил отрицательно (ЛЮ Архива ИА. Ф. 2. Оп. 1. 1927. Д. 27. Л. 85).

⁵⁶ Золотая монета Юстиниана I, найденная в с. Кичкас, Запорожской обл., более точно не определяется (Кротокин В.В. Клады. С. 31 № 157).

⁵⁷ Там же. С. 36 № 253. Состав еще одного клада юстиниановского золота из местности Юрт, близ станицы Елизаветинской, Азовского района, не известен (Там же. С. 27, № 83).

⁵⁸ Там же. С. 48, № 125а. Небольшой клад золотых монет Юстиниана I, найденный в Луганске, более точно не определяется // Там же. С. 35, № 232).

не известны. Единственный двадцатикаратный солид Константа II с сыновьями (около 661–663 гг.), происхождение которого зафиксировано, открыт на хуторе Чембурко Анапского района Краснодарского края⁵⁹.

Поскольку выше было высказано мнение, что легкие солиды в 20 карат предназначались для господствующей племенной верхушки, они являются как бы "мечеными атомами": их распределение в разное время по разным районам показывает какие-то исторические движения в мире кочевников, выяснение которых еще предстоит.

Легкие солиды Ираклия и Константа II из Поднепровья, в отличие от разнящихся вариантами полновесных монет, связаны общими штемпелями и несомненно поступали сюда непосредственно с монетного двора. Это относится и к Перещепинскому кладу. Особенностью его, может быть, благодаря величине, является то, что легкие солиды в нем не только преобладают, но и распадаются на две группы, разделенные отсутствием известного по экземпляру из Эрмитажа промежуточного варианта — монеты Ираклия с сыновьями с буквами [B в поле реверса. Является ли это признаком того, что обе группы пришли одновременно или обусловлено спецификой работы монетного двора и финансового ведомства в Византии, сказать трудно. Во всяком случае, наличие ранее неизвестного варианта солида в 20 карат с мелким изображением Константа II можно объяснить тем, что данная часть монет Перещепинского клада поступила в Причерноморье в самом начале правления этого императора.

Легкие солиды из Перещепино все отличной сохранности и, несомненно, не использовались ни в обращении, ни как украшение для постоянного ношения. Они были употреблены для изготовления украшений к погребению сразу же по пришествии, в начале правления Константа II⁶⁰. В это время они перемешались с пришедшей ранее частью полновесных солидов (некоторые из которых значительно потерты), так что монеты Фоки (№ 3) и Ираклия с Ираклием Константином (№ 6 и 7) оказались в одной цепочке с легкими солидами Ираклия с сыновьями и Константа II. Однако, нужно обратить внимание на то, что опять гнезд напаяны только на полновесных солидах. Не говорит ли это о том, что они были изготовлены несколько ранее, до смешивания обеих частей клада? (Адельсон считал, что монеты могли быть превращены в украшения еще на монетном дворе⁶¹, но для этого нет никаких оснований, так как и пробитые и с одним гнездом связаны общими штемпелями).

Итак сложный состав монетной части клада Малое Перещепино показывает, что она образовалась, по крайней мере, из двух поступлений. Одно включает медальоны и полновесные солиды Ираклия и Ираклия Константина, оно точно датируется медальонами, которые, как уже говорилось, могли быть посланы только выпустившими их правителями, т.е. в 629–632 гг. Легкие солиды могли поступить и дважды, но скорее всего, они пришли единым комплексом в самом начале плавления Константа II, когда монеты Ираклия еще не разошлись с монетного двора⁶².

Ю.А. ПЯТНИЦКИЙ

ВИЗАНТИЙСКИЕ И ПОСТВИЗАНТИЙСКИЕ ИКОНЫ В РОССИИ*

С принятием христианства в 988 г. Древняя Русь вошла в орбиту влияния византийской художественной культуры. Из Византии и с Балкан приезжали на Русь первые умелые строители храмов, искусные ремесленники, украсившие церкви росписями, иконами и утварью. В русских летописях и других письменных источниках неоднократно встречаются упоминания о поступлении византийских икон. Уже в сказаниях о крещении Руси сообщается, что князь Владимир взял из Корсуни (византийский Херсонес) иконы, церковные сосуды и кресты, которые затем пожертвовал Десятиной церкви, основанной им в Киеве¹. Образцы византийской иконописи окружались особым почитанием. Их берегли, украшали камнями и жемчугом, драгоценными окладами. Но часто именно из-за своих драгоценных окладов и украшений эти памятники в первую очередь подвергались грабежу и разорению. От начальных веков христианства на Руси до нас дошли лишь единичные образцы византийской живописи. Во вражеских набегах, междуусобных княжеских смутах, пожарах гибли чудные памятники искусства. Особенно большой урон был нанесен татаро-монгольским нашествием XIII в., буквально опустошившим страну. Однако мы должны быть благодарны судьбе, сохранившей от тех времен такой прославленный мировой шедевр, как икона Богоматери, получившей название Владимирской. Привезенная в Киев из Константинополя, она была в 1155 г. взята князем Андреем Боголюбским во Владимир. Эта исключительная по своим художественным особенностям византийская икона стала одной из самых почитаемых святых на Руси, своеобразным палладиумом Русского государства².

Следует отметить, что русские иконы XI–XIII вв. мало чем отличались от византийских по иконографии и очень близки к ним по стилю. Известно, что иконы этого периода не составляют четких стилистических групп и объединяются общим понятием памятников домонгольского времени. Учитывая факты работы в это время на Руси гречес-

* Данная работа была написана как вступительная статья к каталогу выставки "Византия, Балканы. Русь." (М., 1991). Это определило ее описательный характер, манеру изложения и минимальный справочный аппарат. По ряду причин она не была помещена в каталог, но предложена к публикации в "Византийском Временнике". Относительно атрибуции многих памятников, затронутых в статье, в научной литературе и среди специалистов часто нет единого мнения. Однако, даже краткое упоминание в примечаниях различных точек зрения не только в несколько раз увеличило бы объем данной работы, но и увело бы нас в сторону от основной задачи исследования. Поэтому мы указываем датировку икон в соответствии с той литературой, на которую дается ссылка. В ряде случаев, которые мы старались оговаривать, атрибуция отражает собственное представление о памятнике автора данной статьи, отнюдь не старающегося выдать ее за единственное существующую и возможную.

ПВД М.; Л., 1950. Ч. I. С. 80.

Наиболее полно сведения об иконе изложены в работах А.И. Анисимова: История Владимирской иконы в свете реставрации; Владимирская икона Божией Матери // Анисимов А.И. О древнерусском искусстве: Сб. ст. М., 1983. С. 165–274, 426–433; Корина О.А. Живопись домонгольской Руси, М., 1974. С. 46–50, № 7.

⁵⁹ Там же. С. 23, № 33. Однако почти все известные экземпляры легких солидов 651–685 гг. находятся в Эрмитаже. Происходящая из собрания И.И. Толстого монета была куплена в Петербурге. Поэтому можно предполагать, что все они — с территории России.

⁶⁰ Ни о какой длительности обращения монет в Причерноморье до поступления в клад говорить невозможно (Bauer N. Op. cit. S. 227). Монеты Маврикия и Фоки могли прийти одновременно с монетами Ираклия, так как присутствие их в кладах последнего обычно для Византии.

⁶¹ Adelson H.L. Light Weight Solidi. P. 92.

⁶² Возможно, аналогичный перещепинскому состав монет имел клад из Макуховки. См.: Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. XXVI. С. 178. № 73; Семенов А.И. К реконструкции состава Макуховской находки // СГЭ. 1986. Т. 51. С. 33.

ких мастеров, не исключено, что ими были созданы некоторые наиболее "византизирующие" памятники этой группы. Наиболее полно сохранившиеся домонгольские иконы представлены в труде В.Н. Лазарева "Русская иконопись от истоков до начала XVI века" и каталоге выставки "Живопись домонгольской Руси"³.

Более многочисленны материальные свидетельства тесных контактов русских городов с Византией в XIV–XV вв.⁴ Особенно выделяются три центра; не подвергавшийся татарскому разорению Новгород, претендовавшая на роль объединяющего Русь центра – Тверь и ее счастливая соперница – Москва. Последняя уже с первой половины XIV в. быстро становится крупным культурным центром, тесно связанным с Константинополем, а затем и политическим, возгласив объединение русских земель и борьбу с татаро-монголами. Желая подчеркнуть единение Руси и ведущую роль Москвы, ее князья стремились вывести в свою столицу святыни и реликвии присоединенных территорий.

В 1380 г. князь Дмитрий Донской перенес из Владимира в Москву образ св. Дмитрия Солунского "письма греческого", выполненный на гробовой доске святого. Эта икона упоминается в Лаврентьевской летописи как привезенная из Солуни в 1196 г.⁵ Из Владимира в 1395 г. была доставлена прославленная икона Богородицы Владимирской (XII в.)⁶. В 1497 г. в Москву был взят из Троицкой церкви в Новгороде почитаемый древний образ Богородицы Умиление (в 1508 г. он был возвращен на свое место)⁷. Ряд икон был принесен в 1518 г. из Владимира "для поновления" и некоторые из них навсегда остались в храмах Московского Кремля. Это "Спас с припадающим митрополитом Киприаном", "Спас Эммануил с ангелами" (конец XII в.), возможно, Деисус (начало XIII в.)⁸.

После опустошительного московского пожара 1547 г. царь Иван IV "разослал по городам по святыя и честныя иконы, в Великий Новгород, и в Смоленск, и в Дмитров, и в Звенигород, и из иных многих городов многие чудные святыя иконы свозили и в Благовещенье поставили на поклонение Цареву и всем христианам, доколе новые иконы напишут"⁹. Однако после создания новых произведений далеко не все "чудные иконы" вернулись на свои места. По-видимому именно тогда появился в Благовещенском соборе Кремля знаменитый Деисус, приписываемый Феофану Греку¹⁰. При Иване Грозном была перенесена из Коломны прославленная икона Богородицы, получившая наименование "Донской"¹¹.

Из Новгорода в течение XV–XVI вв. неоднократно вывозились древние памятники

в том числе "корсунские иконы греческих иконописцев"¹². Лишь немногие из них, как, например, "корсунский образ" Петра и Павла середины XI в. из Софийского собора, вернулись обратно¹³. Сегодня к привезенным из Новгорода памятникам относят: "Устюжское Благовещение" и "Св. Георгий" из Юрьева монастыря, "Спас Нерукотворный с Прославлением креста" на обороте из храма Святого Образа (все – XII в.), "Спас царя Мануила", "Предста царица", "Похвала Богородицы с Акафистом" (все – XIV в.), "Богородица Иерусалимская" (утрачена во время войны с Наполеоном в 1812 г.)¹⁴.

В 60-е годы XVII в. в Кремле в церкви Преподобной мученицы Евдокии стоял "образ Пречистой Богородицы с Предвечным Младенцем, что принесена из Полоцка", называемый Корсунским¹⁵. Позднее, по-видимому, эта икона была перенесена в церковь Воскресения Христова в Кремлевском дворце, где в начале XX в. ее видел русский византист Н.П. Кондаков¹⁶.

В храмах Москвы также концентрировались иконы и святыни, приносимые с Православного Востока. В немалой степени этому способствовало перемещение в Москву митрополичьей кафедры, которую часто занимали греки по происхождению. Как правило, при митрополичьем дворе существовали свои мастерские, где нередко работали мастера, приезжавшие вместе с митрополитом – греком. Иногда они вызывались им специально для крупных работ. Так, в 1344 г. в Москве грудилась артель константинопольских художников, приглашенных митрополитом Феофаном для росписи Успенского собора¹⁷. В конце 70-х годов XIV в. на Руси появился Феофан Грек. В 1395 г. в Москве он расписывал с учениками церковь Рождества Богородицы, в 1399 г. – Архангельский собор, в 1405 – Благовещенский¹⁸. Оживленным дипломатическим и церковным контактам Древней Руси с Византией и Балканами в XIV–XV вв. сопутствовал привоз на Русь произведений византийского искусства. В 1355 г., по возвращению из Константинополя, митрополит Алексей подарил привезенную "честную икону образа Христова" в основанный им Спасо-Андроников монастырь¹⁹. В 80-е годы XIV в. в Россию попали икона Пименовской Богородицы (по преданию привезена из Константинополя митрополитом Пименом) и Деисусный чин, присланный из византийской столицы Афанасием Высоцким в Серпуховский монастырь²⁰. Уже в первой половине XIV в. в Москве существовала греческая колония с монастырем, посвященным Николаю Чудотворцу. Безусловно, здесь были греческие иконы, иллюминированные рукописи, церковная утварь²¹.

Привозились византийские памятники и в другие города. В 1399 г. в Тверь была

³ Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983. С. 31–47, 163–171, ил. 1–29; Корина О.А. Живопись домонгольской Руси. М., 1974. № 1–27; см. также: Анисимов А.И. Домонгольский период древнерусской живописи // Вопросы реставрации. М., 1928. Т. 2. С. 102–182; Салько Н.Б. Живопись Древней Руси XI – начала XIII века. Л., 1982. С. 216–297; Клокова Г.С. Несохранившиеся памятники древнерусской живописи Рязанского края по письменным источникам // Древнерусское искусство: Исследование и реставрация. М., 1985. С. 3–14; Она же. Икона "Богородица Одигитрия" из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // Памятники русского искусства: Исследование и реставрация. М., 1987. С. 3–9. Для XIV в. обзор упоминаний о привозе византийских произведений см. в кн.: Потова О.С. Искусство Новгорода и Москвы первой половины XIV века: Его связи с Византией. М., 1980. С. 24–32; Пятницкий Ю.А. Один из путей проникновения памятников балканского искусства в Россию // Древнерусское искусство (в печати).

⁴ ПСРЛ. Л., 1927. Т. I. Вып. 2. В. 414.

⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 222–225.

⁶ Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. II. С. 63.

⁷ Лазарев В.Н. Два новых памятника русской станковой живописи XII–XIII вв. // Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. М., 1972. С. 128–139.

⁸ Московские соборы на еретиков XVI века // ЧОИДР. М., 1847. С. 19.

⁹ Шенникова Л.А. О происхождении древнего иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля // Советское искусствознание. 81. М., 1982. Вып. 2. С. 81–129.

¹⁰ Шенникова Л.А. История иконы "Богородица Донская" по данным письменных источников XV–XVI веков // Советское искусствознание. 82. М., 1984. Вып. 2. С. 321–338.

¹² О вывозе новгородских древностей см.: Попов Г.В. Три памятника южнославянской живописи XIV века и их русские копии середины XVI века // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 358–360; Смирнова Э.С. Две новгородские иконы из Успенского собора // Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля – 500 лет: Тез. науч. конференции. М., 1979. С. 74–75; Смирнова Э.С., Лаурин В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода XV век. М., 1982. С. 200–201.

¹³ Корина О.А. Живопись домонгольской Руси. С. 23–26, № 1.

¹⁴ Там же. С. 32–36, 75–76, 101–107, № 4, 16, 23; Толстая Т.В. Успенский собор Московского Кремля. М., 1979. С. 36, № 64, 65, 79–81.

¹⁵ Забелин Н. Материалы по истории, археологии и статистики г. Москва. М., 1884. Ч. 1. Стб. 1232.

¹⁶ Архив АН СССР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

¹⁷ Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 366–367; Жидков Г.В. Московская живопись середины XIII в. М., 1928. С. 68–70.

¹⁸ Вадорнов Г.И. Феофан Грек. М., 1983. С. 50–52, 253–260.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 357–358.

²⁰ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II. С. 247–260; Антонова В.И., Мневя Н.Е. Каталог древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи. М., 1963. Т. 1. № 327, 329; Лазарев В.Н. Новые памятники византийской живописи XIV века: Высоцкий чин. // Лазарев В.Н. Византийская живопись. М., 1971. С. 357–372; Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Вып. 3, № 950, 951.

²¹ Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 19. 44.

привезена из Константинополя икона Страшный суд²². Греческой либо сербской работой XIV в. является, по мнению В.Н. Лазарева, двухсторонний выносной образ: Богоматерь Одигитрия — Николай Чудотворец. Он был найден в церкви села Васильевского близ Старицы²³. В Псковском Ивановском монастыре во время реставрационных работ были обнаружены замурованные в нишу келейные иконы. Среди них — византийский золотофонный образ Пантократора Духеспасителя XIV в.²⁴ В 1381 г. по заказу Суздальского епископа Дионисия в Константинополе были сделаны точные списки с образа Богоматери Одигитрии. Один из них находился в соборе в Суздале, другой — в Спасской церкви Нижнего Новгорода²⁵. В нижегородском Благовещенском монастыре хранилась "корсунская" икона Божией Матери, вложенная в 1370 г. монахом Алексием. Из некогда многочисленных произведений греческих и балканских мастеров, находившихся в Новгороде Великом, следует отметить сохранившиеся до сегодняшнего дня Двенадцать праздников главного иконостаса Софийского собора, обычно связывающиеся с деятельностью архиепископа Василия, который возобновил погоревшие в 1340 г. иконы собора²⁶.

Византийские памятники попадали иногда даже в глухие уголки России. На севере, в Архангельском крае, в далеком Кривецком погосте села Кривого были обнаружены трехчастный Деисус конца XIV в., приписываемый сербскому мастеру, и того же времени образ Христа — Царя Славы²⁷.

Однако, безусловно, наибольшее количество византийских и балканских произведений концентрировалось в храмах и дворцовых покоях Московского Кремля. В казне великого князя и его домовом храме — Благовещенском соборе — хранились "образцы украшенные златом и бисером многоценным, Греческого писма, прародителем его от много лет собранных"²⁸. Утрата этих святынь особо отмечается в источниках о пожаре 1547 г., когда "да и в казнах великого князя и в постельных крест животворящее древо, на нем же распят Господь Наш Иисус Христос, и мощи святых, и пречистый образ Редегитцкая, и иные святые образы Карсунского письма и Греческого и Цареградского, и платья, и все казны выгореше"²⁹. Семейные иконы передавались по наследству, ими благословляли при крещении и на свадьбах. Племянница последнего византийского императора Константина XI Зоя Палеолог, ставшая в 1472 г. женою великого князя московского Ивана III и получившая в России имя Софии, привезла с собою чудный греческий образ Всемиловитейшего Спасителя. В XVII в. эта почитаемая икона по приказанию царя Михаила Федоровича была поставлена в Верхоспаском соборе Кремля ("Спас за золотой решеткой")³⁰.

Уникальна история бытования византийской золотой чеканкой иконки конца XIII в. "Богоматерь Умиление". Этот высокохудожественный византийский памятник уже в начале XV в. находился в Московском Кремле. Об этом свидетельствуют оглавление и драгоценные камни, которыми была украшена иконка в так называемых мастерских митрополита Фотия. В XVI в. эта реликвия, по-видимому, входила в

состав казны великих княгинь уцелевшей в пожаре 1547 г. Позднее, в 1589 г. она послужила образцом для русского мастера, изготовлявшего золотой ковчежец по заказу Ирины Годуновой. В середине XVII в. эта византийская иконка упоминается среди других царских реликвий и связью хранившихся в Образной палате Московского Кремля (ныне она находится в собрании Эрмитажа в Ленинграде)³¹.

Часто семейные иконы вкладывались в храмы и монастыри "на помин души". На Святой Горе Афон, в монастыре Ватопед находится византийская мозаичная икона XIV в. "Святая Анна с Марией", на обороте которой надпись: "царицы и великой княгини Анастасии"³². Согласно этой надписи икона принадлежала первой жене русского царя Ивана IV Грозного. Известно, что этот царь неоднократно жертвовал афонским обитателям крупные денежные суммы, посылал драгоценную утварь и иконы, особо отмечая монастыри Хиландарь и Ватопед. Делались им вклады и на помин царицы Анастасии. Вероятно вместе с деньгами была послана в Ватопед и мозаичная иконка. Можно высказать предположение о том, каким путем этот редкий византийский памятник оказался в Москве. Икона по нашему мнению принадлежала Анне Глинской, старшей дочери сербского воеводы Стефана Якшича. Анна Глинская приходилась бабкой царю Ивану IV Грозному. В 1547 г. во время женитьбы Ивана IV она находилась в Москве, принимала активное участие в свадебных торжествах и благословила этой мозаичной иконой Анастасию³³.

С именем Грозного связана и сербская икона XV—XVI вв. (?) Иоанн Предтеча. После смерти царя она перешла к его сыну Федору, а затем, с царицей Ириной Годуновой, принявшей постриг, попала в Новодевичий монастырь, где находится и сегодня³⁴.

В России существовал древний обычай, по которому на гробах погребаемых лиц приносили иконы оставшиеся потом в усыпальнице либо в храме. Из таких икон, а обычно это были семейные реликвии и благословения родителей, сохранилось уникальное собрание Троице-Сергиевой Лавры. По мнению Т.В. Николаевой, хранящаяся в Лавре сербская икона XIV в. "Анна с младенцем Марией" была привезена на гробе погребенного в монастыре Воейко Войтеговича, выходца с Балкан, основателя рода Воейковых³⁵. Вкладной иконой считается Богоматерь Перивлепта (византийский мастер второй половины XIV в.), которую связывают с домом радонежских князей³⁶. Ипатьевский монастырь в Костроме находился под покровительством рода Годуновых. По-видимому из усыпальниц Годуновых происходит сербский памятник XIV в. — образ "Маги Божия Молебница". Встречающееся в литературе мнение, что икона является вкладом царя Алексея Михайловича ошибочно и не подтверждается документами³⁷.

Особый этап в истории поступления в Россию византийских памятников начинается после 1453 г., когда пала столица Византийской империи. Константинополь, ставший

²² ПСРЛ. Т. XI. С. 168; Попов Г.В., Рындина А.В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV—XVI века. М., 1979. С. 79—80.

²³ Лазарев В.Н. Русская иконопись... С. 147. Примеч. 289; Попов Г.В., Рындина А.В. Указ. соч. С. 268—273; Салтыков А.А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева. Л., 1981. № 12—14.

²⁴ Циркуль Г.В. Келейные иконы XIV—XV веков из Ивановского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство: Исследования и реставрация. М., 1985. С. 39—46.

²⁵ ПСРЛ. Т. XV. С. 142.

²⁶ Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 3, № 946; Филатов В.В. Праздничный ряд Софии Новгородской. Л., 1974.

²⁷ Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 3, № 974—975.

²⁸ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 151.

²⁹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 182—183.

³⁰ Современное местонахождение неизвестно. См.: Вьюева Н.А. Малые шедевры Большого дворца // Наука в СССР. М., 1990. № 5. С. 108—126. В начале XX в. икону видел Н.П. Кондаков. См.: Архив АН СССР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 143. Л. 14.

³¹ Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 3, № 908; Пятницкий Ю.А. Один из путей проникновения...; Он же, Московский Кремль и греко-русские связи XVI—XVII веков (в печати).

³² Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 113—114. Табл. XII; Furlan J. Le icone bizantine a mosaico. Milano, 1979. N 25.

³³ Пятницкий Ю.А. Мозаичная икона "Св. Анна с Марией" / Византия и Ближний Восток. (в печати).

³⁴ Постникова-Лосева М.М. Три камня Государственной Оружейной палаты. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 225—226.

³⁵ Николаева Т.В. К вопросу о связях древней Руси с южными славянами. // Сообщения Загорского музея. Загорск, 1958. Вып. 2. С. 19—24.

³⁶ Антонова В.И. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. // ТОДРЛ. Т. XIV. М.; Л., 1958. С. 569; Николаева Т.В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977. С. 29, 73, № 98; Пименова М.М. Византийская икона "Богородица Перивлепта" конца XIV в. // Древнерусское и народное искусство: Сообщения Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 17—27.

³⁷ Искусство Византии в собраниях СССР. Вып. 3, № 971; Попов Г.В. Малоизвестный памятник станковой живописи "юго-западной" школы XIV в. из Костромы // Советское славяноведение. М., 1969. № 3. С. 92—94; Пятницкий Ю.А. Один из путей проникновения...

турецким Стамбулом, прекратил свое существование, как крупный художественный центр православной религиозной живописи. Мастера переселились в другие регионы, в том числе на Русь, где продолжали традиции византийского искусства. После 1453 г. контакты Древней Руси с Православным Востоком становятся не столь оживленными и прямыми, как в предшествующие столетия. Но уже с начала XVI в. статейные списки регулярно отмечают многочисленные приезды духовных лиц с Православного Востока. В основном они приезжают за "милостыней" и для большего успеха привозят с собою святые реликвии и благословения. Москва, считавшая себя духовной наследницей Византии, оплотом истинной веры, "вторым Константинополем" довольно любезно принимала просителей и оказывала материальную поддержку обителям Востока. Одновременно русские правители не забывали и о собственных выгодах: добились церковной независимости (в 1589 г. в России была учреждена патриархия), использовали греков, даже высших иерархов, в качестве политических агентов на Востоке, собирали православные святыни и древности, подражая "граду царя Константина". На Русь хорошо разбирались в ценности и значимости привозимых даров. Исходя из этого определялась посылаемая "милостыня". Наблюдательные греки очень быстро уловили эту закономерность и старались привезти какую-либо "древность", подчас сопровождаая привозимые предметы легендами об их принадлежности "царям и святым лицам" и о "чудесном обретении". Справедливости ради следует отметить, что чаще всего греки сами искренне верили в эти легенды и предания. Среди привозимых произведений были как действительно древние, византийского периода, так и памятники поствизантийские (т.е. созданные после 1453 г.). Анализ письменных источников свидетельствует, что таким путем в XVI — начале XVIII вв. в Россию поступили многие сотни, если не тысячи византийских и поствизантийских произведений. Все эти многочисленные подношения в основном попадали в храмы Московского Кремля и в Образную палату при дворце, где хранились семейные и подносные иконы, кресты, реликвариимощевики, пелены и другая "святошь" русских царей. По существу это было своеобразное древлехранилище церковных памятников. До наших дней дошла опись Образцовой палаты середины XVII в., в которой упоминается множество икон "греческого письма", "с греческими подписями", либо поднесенные восточным духовенством³⁸. Из привезенных восточными иерархами в XVI—XVII вв. памятников в первую очередь следует отметить две византийские мозаичные иконы. Обе принесены с Афона. В сентябре 1585 г. старцами монастыря Хиландарь был поднесен царю Ивану IV Грозному "мозаичский в серебре образ Архангела Михаила"³⁹, а в мае 1625 г. Архимандрит Игнатий из монастыря Ватопед поднес царю Михаилу Федоровичу "Образ Спасителя"⁴⁰. Вместе с мозаикой старцы из Хиландаря привезли "Образ Богоматери", обложенный серебром с греческой надписью "надежда ненадежным", который поднесли царевичу Федору Ивановичу. Судя по известным иконам в серебряных окладах с аналогичной надписью — в Фрейзингском соборе, монастыре Ватопед, церкви Богоматери Панагуды в Солуни — поднесенная царевичу икона скорее всего была произведением палеологовского времени⁴¹.

В марте 1588 г. афонский монастырь Ватопед послал в Москву "икону и миро от великомученика Георгия, оставленное их обители блаженным императором Палеологом"⁴². В 1603 г. иерусалимский патриарх прислал древнюю икону Богоматери,

³⁸ Успенский А.И. Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII в. М., 1902. С. 1–83.

³⁹ [Муравьев А.Н.] Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. Ч. 1. С. 128; Леонид. Историческое описание сербской царской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам сербскому и русскому // ЧОИДР. М., 1867. Кн. 3, Отдел. 3. С. 102.

⁴⁰ [Муравьев А.Н.] Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб. 1860. Ч. 2. С. 27–28.

⁴¹ Grabar A. Les revêtements en or et en argent des icônes byzantines du Moyen Age. Venise, 1975. N 16, 32; Кондаков Н.П. Македония: Археологическое путешествие. СПб., 1909. С. 136–137. Рис. 80; Он же. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. 2. С. 216–217, 315. Рис. 104.

⁴² [Муравьев А.Н.] Сношения России с Востоком... Ч. 1. С. 188.

обложенную серебром. По преданию она принадлежала византийской императрице Елене⁴³.

К сожалению, по кратким описаниям невозможно определить время создания и характер живописи привозимых икон. Если же исходить из названий, отражающих иконографические типы, то следует заключить, что большая часть подносных произведений должна быть отнесена к поствизантийскому времени. Именно для этого времени характерны такие изводы, как "Образ Всемихлостного Спаса, писан в корени Есееве", "Образ Св. Саввы и Симеона сербских с благословляющим Спасом", "Икона царей сербских", "Образ Иоанна Нового", "Апостолы Петр и Павел, держащие храм", "Мученическая смерть Георгия Нового"; копии с прославленных чудотворных афонских икон — Богоматери Хиландарской, Иверской, Ватопедской, Типикарницы, Св. Пантелеймона, Св. Георгия Зографского и других. Кроме икон привозились деревянные резные кресты, складни, образки, панагии, часто оправленные в серебро и украшенные финифтью; стеатиты, камеи, перегородчатые и расписные эмали, серебряные и золотые кресты и реликвариимощехранилища.

Состав Образной палаты не был постоянным. Отсюда иконы, кресты, мощи брались царями для дворцовых покоев и придворных храмов, для вкладов в церкви и монастыри, для подарков членам царской семьи и приближенным лицам. Только в 1647–1648 гг. царь Алексей Михайлович пожаловал в новый храм Новоспасского монастыря более трехсот икон греческого и московского письма и особо 42 иконы из подношений восточного духовенства⁴⁴. В 1619 г. иерусалимский патриарх Феофан поднес царю Михаилу Федоровичу "Нерукотворный образ". Пройдя сложный путь через Образную палату, молельню императрицы Анны Иоанновны и Троице-Сергиеву Лавру, в 1790 г. эта икона попала в Ярославль, в церковь Параскевы Пятницы на Туговой горе, где стала особо почитаемой святыней⁴⁵. По традиции часть царских реликвий хранилась в придворном Благовещенском соборе. Именно в XVI—XVII вв. сюда поступили в основном из подношений восточного духовенства произведения византийского прикладного искусства, дошедшие до сегодняшнего дня⁴⁶. В 1689 г. иконы из Образной палаты передавались в царскую казну на Казенном дворе. В 1730 г. образа и святые мощи отпускались в Измайловский и Лефортовский дворцы. В 1763–1777 гг. некоторые иконы, кресты и сосуды увозились в Петербург в храмы Зимнего дворца. В 1775 г. более 2 тыс. икон, по распоряжению князя Г.А. Потемкина, было передано в Успенский собор Кремля⁴⁷.

В XVIII в., с переносом столицы в Петербург, учреждением Синода и введением так называемой "Палестинской дачи" приезды духовенства с Востока стали реже. Подносимые предметы в это время практически не попадали в Московский Кремль, и Образная палата стала терять свое значение древлехранилища.

Греческие и балканские произведения имелись также в палатах и церквях патриарха Всея Руси. В патриаршей церкви св. апостола Филиппа, освященной в 1656 г., был целый иконостас "греческого письма" — видимо работы приезжих греческих или славянских мастеров⁴⁸. Показательна опись 1658 г. домовой казны патриарха Никона. В ней упоминаются: "Икона ветха, Трех Святителей Вселенских, резная, съемостичена вся, а ненаписана"; "образ Пречистыя Богородицы Успения в киоте, письмо греческое"; "две иконы Пречистыя Богородицы, письмо греческое, в киотах"; "образ

⁴³ Кантрев Н.Ф. Характер отношения России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 101.

⁴⁴ См.: Н. Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 42, 120–124.

⁴⁵ Пятницкий Ю.А. Обзор поствизантийских памятников в России (по данным архивных и письменных источников) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Вып. 23. С. 60–67.

⁴⁶ Писарская Л.В. Памятники византийского искусства V–XV веков в Государственной Оружейной палате. Л.; М., 1970. С. 17–18, 20–21, 24–26; Качалова И.А., Маясова Н.А., Щенникова Л.А. Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. С. 87.

⁴⁷ См.: Пятницкий Ю.А. Один из путей...

⁴⁸ Патриаршая ризница: Отечественные достопамятности. М., 1823. Ч. 4. С. 9.

Пречистия Богородицы Хиландарские, писан на золоте"; "образ Пречистия Богородицы Хиландарские, писан на золоте"; аналогичная икона "на прозелени"; "образ Всемиловитого Спаса на красках, письмо греческое, шти листовый"⁴⁹. Кроме того, еще будучи архимандритом Новоспасского монастыря, Никон заказывал греческим мастерам копии с чудотворных афонских образов. Одна из них — копия образа Богоматери Иверской — исполненная в 1648 г. мастером Яввлихом, хранится ныне в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря⁵⁰.

Отдельные произведения поствизантийской живописи имелись во многих храмах России, не только в столичных или в прославленных обителях, но и в небольших сельских церквях. В основном это вкладные иконы, которые либо были привезены из паломнических поездок к "святым местам", либо издревле хранились в семье вкладчика. В этом плане заслуживает внимания история привоза в Россию иконы Влахернской Богоматери. Эта икона, считающаяся воскомастичной, была обнаружена в XVII в. в Стамбуле замурованной в стену. Она была приобретена специально для подношения русскому царю Алексею Михайловичу от имени иерусалимского протосингелла Гавриила. Однако вначале икону отправили для реставрации на Афон, где с нее изготовили три рельефные, покрытые раскрашенным гипсом копии. Все четыре иконы в 1654 г. были привезены в Москву. В России равным образом почитались и подлинная Влахернская и афонские копии, являющиеся уже памятниками поствизантийской живописи. Подлинная икона хранилась в приделе апостолов Петра и Павла Успенского собора. Одна из копий находилась в селе Новоспасском у Головиных, другая — в селе Кузьминки у князей Голицыных, третья — в московском Высоко-Петровском монастыре, куда поступила от семейства Дубровиных в 1704 г.⁵¹

В писцовых книгах Коломны 1577—1578 гг. в церкви Преображения Спасского монастыря упоминается "образ Пречистые Одегитрея, цареградское письмо, пятница, поставление Варлама ж Юшина, над дверми, обожен серебром, позолочен"⁵². Копию с чудотворного образа Троеручицы принес с Афона в 1661 г. основатель Белобережской пустыни Брянского уезда отец Симеон. Граф Б.П. Шереметев привез с острова Мальты икону Богоматери с младенцем, подаренную ему в 1697 г. мальтийскими рыцарями. В XVII в. для князя Одоевского был прислан из Александрии образ Св. Иоанна Милостивого, который хранился в Воскресенской церкви села Городно, Коломенского уезда. Стольнику В.П. Головину восточные патриархи прислали икону *Noli me tangere*, которая была поставлена в храме села Новоспасское, где находился и образ Петра и Павла, привезенный из Рима⁵³.

Одной из почитаемых реликвий Никольского собора в Петербурге является итало-греческая икона XVII в. Св. Николая Чудотворца, поднесенная царю Петру I греческими моряками. При Петре I в Вологду был сослан иконописец грек-критянин, который исполнил там иконы трех верхних ярусов и Распятие для иконостаса городского Софийского собора⁵⁴. В храмах г. Нежина, где проживало значительное количество греков, в конце XIX в. хранилось много древних рукописей, греческих икон, предметов прикладного искусства⁵⁵. Целый иконостас греческой работы XVIII в. имелся

в Софийском храме в Херсоне. Живописные иконы размещались среди пышной барочного типа деревянной резьбы. В 1861 г. в Петербурге была заложена греческая церковь Св. Димитрия. Иконостас с иконами и утварь для нее были привезены из Греции⁵⁶. В 1833 г. иерусалимский патриарх послал образ Св. Георгия на дубовой доске, греческого письма в новгородский Юрьев монастырь, в благословение архимандриту Фотию. В 1845 г. купец Ширяев привез с Афона икону "Богоматерь Отрада" (список с чудотворной Ватопедской) и подарил ее в 1861 г. в Богоявленский храм села Подоклинье, Псковской губернии. Две парные афонские иконы — Вседержитель и Иоанн Предтеча — принадлежали основателю Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря игумену Парфению, вывезшему их с Афона. Оттуда же, со Святой Горы, были привезены три образа (Богоматерь Иверская, Скоропослушница и Св. Пантелеймон) петербургским купцом Е.Н. Сивохиним, вложившим их в 1879 г. в Белогостицкий монастырь близ Ростова Великого. В 1905 г. константинопольский патриарх Иоаким III послал в благословение жителям города Казани точный список с мозаичной иконы Богоматери Помакаритиссы, хранившейся в патриархии в Стамбуле. Таковы лишь некоторые примеры бытования в храмах России поствизантийских памятников⁵⁷.

Отдельные поствизантийские произведения находились в частных руках. Обычно среди семейных и родовых святынь встречаются от двух-трех до полтора-двух десятков подобных памятников. Источник их поступления в Россию традиционен: благословение, подарки приезжающего духовенства, подношения при посещении "святых мест". Последний источник особенно характерен для XIX в. Эти памятники владельцы рассматривали, в основном, как святыни, исторические или родовые древности, и очень редко как произведения искусства, обладающие художественной ценностью. Отметим, что подобный подход к иконе в России сохраняется до 1910-х годов и соседствует наряду с обращением к иконе, как к художественному произведению.

Патриотический подъем, охвативший русское общество во время Отечественной войны 1812 г. вызвал усиление интереса к национальной культуре, ее истокам, традициям, святыням и древностям. Огромным успехом во всех слоях общества пользовалась "История государства Российского" Н.М. Карамзина, которую читали и в императорском дворце и в крестьянской избе. В 40-х годах XIX в. началась работа над многотомным роскошным изданием "Древности Российского государства"⁵⁸. Одновременно в России возрос интерес к Православному Востоку и Древней Византии, чему в немалой степени способствовала внешняя политика России на Балканах и в Средиземноморье, в частности победоносная русско-турецкая война 1828—1829 гг. Формирование значительных собраний византийских и поствизантийских икон в середине XIX в. связано с именами путешественников по Востоку А.Н. Муравьева, архимандрита Порфирия Успенского и П.И. Севастьянова.

Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) принадлежал к семье выдающихся русских деятелей XIX в.⁵⁹ В 17 лет он вступил на военную службу, участвовал в войне 1828—1829 гг., а после ее окончания, двадцатичетырехлетним молодым человеком совершил путешествие в Иерусалим к "святым местам". Свои путевые записки А.Н. Муравьев издал в 1832 г.⁶⁰ Книга произвела сильное впечатление на русское общество и имела большой успех. Она написана живым увлекательным

⁴⁹ *Беллев И.Д.* Переписная книга домовою казны патриарха Никона. // ВОИДР. М., 1852. Кн. XV; Материалы. С. 107—112.

⁵⁰ Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Богоматери, принесенной в Россию в 1648 г. М., 1879. С. 1—7. Прилож. V.

⁵¹ *Казанский П.* Село Новоспасское, Деденево тоже и родословная Головиных, владельцев онаго. М., 1847. С. 81—92; *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России... С. 83—85; 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки. М., 1988. № 91. Специальная работа о привозе Влахернской иконы в Россию подготовлена к печати Б.Л. Фонкичем.

⁵² *Калачев Н.В.* Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 318—319.

⁵³ *Пятницкий Ю.А.* Обзор поствизантийских памятников в России... С. 62—63.

⁵⁴ Архив АН СССР. Ф. 246. Оп. I. Д. 96. Л. 530.

⁵⁵ *Кирсенко М.В., Терентьева Н.А.* Из истории культурных связей между Украиной и Грецией (XVIII—XIX вв.) // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, 1990. С. 82—83; *Сторожевский Н.К.* Нежинские греки. Киев, 1863.

⁵⁶ *Антонов В.В., Кобак А.В.* Утраченные памятники архитектуры Петербурга—Ленинграда. Л., 1988. С. 28—29, № 85.

⁵⁷ *Пятницкий Ю.А.* Обзор поствизантийских памятников в России... С. 63—64.

⁵⁸ *Древности Российского Государства.* М., 1849—1853. Отделение I—VI.

⁵⁹ Наиболее полно литература о А.Н. Муравьеве представлена в ст.: *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи А.Н. Муравьева // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 235—247 (особ. см. примеч. 1,4).

⁶⁰ *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 г. СПб., 1832.

языком в популярном в то время жанре путевых заметок, обладает несомненными литературными достоинствами и может быть поставлена в один ряд с подобными произведениями Стендала, В. Гюго, Ф. Шатобриана. Своей книгой А.Н. Муравьев обратил внимание современников на святых Палестины, возбудил стремление к путешествиям по Православному Востоку и его научному изучению. Путешественники всегда стремятся привезти на память какой-нибудь раритет, а благочестиво настроенный религиозный паломник — "святых": иконы, крестики, ампулы и т.д. Подобную коллекцию "святых" собрал и А.Н. Муравьев, путешествовавший по Востоку также в 1838, 1849–1850, 1874 г. Иконы были собраны А.Н. Муравьевым в храмах Палестины, Грузии, на Афоне, в Италии, Греции, Малой Азии, Болгарии и России. С 1859 г. он поселился в Киеве и завещал свою коллекцию музею Киевской Духовной Академии. Эта коллекция очень традиционна для XIX в. В ней соседствуют незамысловатые реликвии: окаменелости, камни из реки Иордан с подлинными ценными памятниками древности. А.Н. Муравьев был блестящим писателем, известным историком русской церкви (его труды были переведены на все европейские языки), но кроме того он обладал тонким художественным вкусом и интуитивным чувством древнего памятника. Достаточно отметить, что из его собрания происходят такие замечательные произведения, как миниатюра XII в. Апостол Павел (ныне в Реклингхаузене)⁶¹ и костяная икона Богоматерь Одигитрия X в. (ныне в Думбартон-Окс)⁶². К сожалению коллекция А.Н. Муравьева осталась неизданной и, считается погибшей во время Второй мировой войны. Несколько икон, воспроизведенных в начале XX в., лишь подтверждают высокие достоинства этой коллекции. В ней находился фрагмент синайских святцев XII в., икона Антония Великого XIV в. и того же времени Св. Антоний, Евфимий и Савва; Иоанн Предтеча в рост XV в. с датой и вкладной надписью на подземе⁶³. Кроме подлинных икон он заказывал иконописцам-реставраторам Н.И. Подключникову и М.С. Пошехонову копии и списки с древних памятников. Для него были скопированы: мозаика с изображением Богоматери, Юстиниана и Константина, открытая во время ремонтных работ 1848 г. в Софии Константинопольской; местные иконы Лавры Св. Саввы в Палестине; Деисус, приписываемый Андрею Рублеву⁶⁴. Из подлинных памятников, связанных с именем А.Н. Муравьева до нас дошли фрагмент фрески XIV в. (?) из монастыря Пантократор, икона Распятие (мы относим ее XV в.), найденная им на Афоне в 1844 г. и посланная в подарок московскому митрополиту Филарету для Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры. Там же, на Афоне, в монастыре Пантократора, А.Н. Муравьев приобрел образ Двенадцати апостолов, палеологовского времени, который подарил в 1868 г. Румянцевскому музею в Москве⁶⁵.

Большую известность, чем муравьевская коллекция, получило собрание другого

путешественника по Востоку — архимандрита Порфирия Успенского (1804–1835)⁶⁶. Так же, как и А.Н. Муравьев, он завещал хранившиеся у него 42 иконы в музей Киевской Духовной Академии. К сожалению их постигла участь муравьевских икон: они тоже пропали во время Второй мировой войны. Уцелели лишь четыре уникальные энкаустические иконы, найденные Порфирием в монастыре Св. Екатерины на Синае⁶⁷. Однако порфирьевская коллекция почти вся была опубликована в начале XX в. и это позволяет нам достаточно обоснованно судить о входивших в нее памятниках⁶⁸. В отличие от А.Н. Муравьева, архимандрит Порфирий вышел из низших слоев русского общества: его отец был псаломщиком в городе Костроме. Получив духовное образование, вначале в костромской семинарии, затем в Петербургской Духовной Академии, Порфирий Успенский продвигался по служебной лестнице медленно и тяжело. Только в 1841 г. он был назначен настоятелем посольской церкви в Вене. С этого времени по заданию Синода и русского правительства начались его систематические поездки по Востоку, а с 1847 по 1854 гг. Порфирий жил в Иерусалиме, занимая пост начальника русской духовной миссии. Служебную деятельность он совмещал с научными занятиями. Постепенно скромный самоучка стал первоклассным археографом, палеографом, историком церкви, одним из лучших знатоков Православного Востока. Его отличали живой ум, настойчивость, трудолюбие и поистине энциклопедическая широта интересов. Он разыскал и опубликовал знаменитую Ерминию Дионисия Фурноаграфота⁶⁹, собрал обширные материалы по церковной живописи на Востоке, хранящиеся ныне в Архиве Академии наук и Ленинграде⁷⁰ и ценную коллекцию икон. Однако, при всех несомненных заслугах и достоинствах Порфирия Успенского, он не обладал развитым художественным вкусом и интуицией, по крайней мере в отношении памятников иконописи. Наличие уникальных образцов византийской живописи в его собрании связано с местом их приобретения — монастырем Св. Екатерины, а не с его научными знаниями и коллекционерскими навыками. Беспомощность Порфирия в художественных вопросах наглядно была им продемонстрирована в попытке подготовить альбом лучших икон своей коллекции. Выбор памятников был сделан неудачно (не попали даже мозаичная и энкаустические иконы), а изготовленные художником Африкановым рисунки не передавали характера подлинников⁷¹. Как коллекционер Порфирий Успенский был намного слабее, чем его современники А.Н. Муравьев и П.И. Севастьянов. Однако именно архимандритом Порфирием были привезены в Россию древнейшие памятники византийской живописи. В 1850 г. он посетил монастырь Св. Екатерины на Синае, где приобрел 26 икон, найденных по его словам, в куче расколотых и изуродованных образов, сложенных монахами в

⁶⁶ Об архимандрите Порфирии Успенском с подробной библиографией см.: *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 183–186, 332–333.

⁶⁷ *Bank A.* Byzantine art in the Collections of Soviet Museums. Leningrad, 1985. N 109–114; *Лихачев В.Д.* Традиции античного искусства в ранневизантийской станковой живописи (Иконы "Богоматерь с младенцем" и "Сергий и Вах" из собрания Киевского музея) // *ВО. М.*, 1977. С. 236–244; *Быкова Г.З., Этингоф О.Е.* Две энкаустические иконы из музея западного и восточного искусства в Киеве // *Музей. М.*, 1981. № 2. С. 38–43; *Этингоф О.Е.* О надписи на иконе "Мученик и мученица" из Киевского музея западного и восточного искусства // *ПС. Л.*, 1986. Вып. 28 (91). С. 183–185.

⁶⁸ *Петров Н.* Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Киев, 1912. Вып. 1: Коллекция синайских и афонских икон преосвященного Порфирия Успенского. С. 3–17. Табл. II–XXI; *Лихачев Н.П.* Материалы..., Т. I, № 1–5, 14, 15, 38–40, 49, 50.

⁶⁹ Ерминия или Наставление в живописном искусстве, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфотом. 1701–1733 год. // *Тр. Киевской Духовной Академии.* Киев, 1868. Т. I. С. 269–315, 526–570; Т. II. С. 494–563; Т. IV. С. 355–445.

⁷⁰ *Сырку П.А.* Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в имп. Академию наук по завещанию. СПб., 1891; *Архив АН СССР. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1–166.*

⁷¹ Иконы Синайской и Афонской коллекции преосвященного Порфирия, издаваемые в лично им изготовленных 23 таблицах. СПб., 1902.

⁶¹ *Kunstsammlungen des stadt Recklinghausen. Ikonen-museum. Recklinghaus.*, 1968. N 475.

⁶² *Weitzmann K.* Ivories and steatites // *Catalogue of the byzantine and Early Medieval antiquities in the Dumbarton Oaks Collection.* Wash. (D.C.), 1972. Vol. 3. P. 69–70, N 29; *Мишакова И.А.* К истории одного памятника византийской резной кости // *Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв.* Л., 1988. С. 78–81.

⁶³ *Лихачев Н.П.* Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1906. Т. I, N 6, 20, 21; *Кондаков Н.П.* Русская икона. Пр., 1929. Т. II. Тбл. 136.

⁶⁴ [*Муравьев А.Н.*] Описание предметов древности и святых, собранных путешественником по Святым местам. Киев, 1872. С. 11–13, 19, 21; *Петров Н.И.* Муравьевская коллекция в Церковно-археологическом музее при Киевской Духовной Академии. Киев, 1878. С. 9, 15; *Он же.* Указатель Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Киев, 1897. С. 47–49; *Кондаков Н.П.* Иконография Господа Нашего и Спаса Иисуса Христа. СПб., 1905. С. 53, 87. Табл. 26 — с ошибочными указаниями на происхождение фрески из Протата и нахождения ее в коллекции П.И. Севастьянова.

⁶⁵ *Искусство Византии в собраниях СССР.* Вып. 3. № 954, 933; *Антонова В.И., Мневя Н.Е.* Указ. соч. Т. 1. № 330; *Филимонов Г.* Новейшие приобретения Московского Публичного музея, по отделению христианских древностей // *Современная летопись.* 1868. № 26. С. 10–11.

башне над папертью собора. Представления Порфирия о средневековой иконописи наиболее ясно видны из характеристики, данной им этим памятникам. Он писал, что "отобрал для себя лучшие образцы старинного письма греческого, грузинского, абиссинского, нубийского и негрского. Черные иконы индиан с халдейскими письменами и нубийцев с греческими составляют замечательную редкость в моем собрании святых образов"⁷². На самом деле и "индианские" и "нубийские" иконы оказались византийскими. Причем древность и ценность этих произведений обнаружены были случайно. В 1864 г., живя в Петербурге, архимандрит Порфирий узнал, что реставратор А.И. Травин открыл новый способ очистки старых икон с помощью изобретенной им жидкости. Он пригласил реставратора и поручил ему расчистку черной иконы Богоматери с младенцем. Во время этой реставрации и выяснилось, что икона отнюдь не черная, а обладает ярким красочным колоритом и написана восковыми красками. "Не будь Господина Травина, я не знал бы, что у меня есть такая диковина" — просто душно воскричал владетель⁷³. В конце XIX в., уже когда порфирьевская коллекция находилась в музее, было определено, что древнейшими энкаустическими произведениями VI—VII вв. являются также Иоанн Предтеча, Св. Сергей и Вакх, Св. мученик и мученица (возможно Св. Платон и Гликерия)⁷⁴. С Синая была вывезена миниатюрная мозаичная иконка Николая Чудотворца (XII в.) и образцы византийской иконописи X—XV вв. В.Н. Лазарев, осматривавший их в 1920-х годах предлагал следующие датировки: Св. Пантелеймон (X—XI вв., возможно энкаустика), Даниил, Савва Освященный, Богоматерь Заступница (XII в.), Деисус (вторая половина XII в.), Евфимий Великий, Спас Эммануил, Богоматерь со св. Саввой, Федор Тирон и Федор Стратилат, Св. Петр и Арсений (XIII в.). К палеологовскому времени он относил "Богоматерь Деисусную" и "Апостола Павла", которого считал работой сербских мастеров. XV веком датирован небольшой образок "Снятия с креста и оплакивание". Одна икона XII в. была приобретена Порфирием в Иерусалиме — дверка сакристия с изображениями апостолов и святых⁷⁵.

Менее интересны иконы с Афона, поступившие к Порфирию в 1859 г. В основном это поствизантийские произведения. К лучшим образцам относились: круглый образок Иоанна Предтечи, возможно XV в.; три праздничных иконы: "Сретение", "Уверение Фомы" и "Вознесение" с подписью мастера Мануила; "Божественная Литургия" работы Николая Критянина; складни с вкладной надписью монаха Самуила⁷⁶. Афонская часть коллекции ни шла ни в какое сравнение с синайскими иконами. По существу, мы не видим здесь ни одного произведения, отмеченного высокими художественными достоинствами. И это еще раз характеризует Порфирия Успенского, как коллекционера.

Если Порфирий и А.Н. Муравьев обогатили своими собраниями Киев, то музеи Москвы и Петербурга обязаны своими сокровищами византийской иконописи П.И. Севастьянову.

(Продолжение следует)

А.Я. КАКОВКИН

ДВЕ КОПТСКИЕ ТКАНИ С ЭПИЗОДОМ ИЗ "ОДИССЕИ"

Разнообразная тканая продукция IV—XII веков, обнаруженная в христианских захоронениях Египта в 1880-х годах и получившая условное название "коптские ткани", запечатлела мотивы, героев, сцены из художественного арсенала древнего Египта, Греции, Рима, Сирии, Персии, Византии¹.

Для специалистов, занимающихся изучением коптских тканей, одной из сложных проблем является идентификация отдельных персонажей и целых сцен. Трудности определения объясняются целым рядом объективных причин: техническими особенностями тканей (толщиной и круткой нитей, плотностью тканей), степенью их сохранности, отсутствием пояснительных надписей², естественными искажениями при копировании изображений с рисунков-образцов, которые были в распоряжении ткачей³. Несомненно оказывали влияние и субъективные факторы: профессиональная выучка мастеров-ткачей и общая подготовка и специализация изучающих ткани специалистов. Использование ткачами рисунков-образцов предопределяло изготовление серий тканей с одинаковыми или очень близкими изображениями.

Рассматриваемые в этой статье памятники являются характерными примерами и тканей-двойников, и тканями, изображения на которых представляют известные трудности при идентификации. Речь пойдет о фрагментированной ткани из Археологического музея (инв. № 7425) во Флоренции и двух вставок из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (инв. № 5828, 5829) в Москве.

Флорентийская ткань попала в музей в 1888 г. (покупка Папини; значится как происходящая из Ахмима). Московские вставки поступили в музей в 1911 г. из собр. В.С. Голенищева, который приобрел их в Египте зимой 1888—1889 г.

Степень сохранности тканей разная. Флорентийская представляет собою фрагментированную льняную тунику (24,2 X 22 см) с двумя вотканными вставками: прямоугольником (10 X 10 см) и полосой, "ломающейся" под прямым углом. Обе вставки украшены фигурными и орнаментальными изображениями, которые очень повреждены. В московском музее хранятся две вставки — аналоги флорентийским, без остатков

⁷² Порфирий Успенский. Второе путешествие в Синайский монастырь в 1850 г. СПб., 1856. С. 164.

⁷³ Порфирий, архимандрит. Важное изобретение петербургского иконописца Алексея Ивановича Травина // Духовная беседа. СПб., 1864. № 8. С. 287; *Вздорнов Г.И.* История открытия и изучения... С. 185—186.

⁷⁴ *Strzegowski J.* Byzantinische Denkmäler. Wien, 1891. Bd. II, S. 116—120. Taf. 8; *Idem.* Orient oder Rom. Leipzig, 1909. S. 123—124, Abb. 77; *Айналов Д.В.* Синайские иконы восковой живописи // ВВ. СПб., 1902. Т. 9, Вып. 3. С. 343—377. Табл. I—V; *Этингоф О.Е.* О надписи... С. 183—185.

⁷⁵ *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 81, 97, 98, 227, 239, 254, 262.

⁷⁶ *Петров Н.* Альбом достопримечательностей... Вып. 1. С. 14—17; 25, 27, 28, 30—37, 39, 42, 43.

¹ О коптских тканях как историко-художественном феномене, о мотивах и сюжетах, заимствованных из древнеегипетской и греко-римской мифологий, о восточных влияниях и христианской иконографии см.: *Rutschowskaya M.-H.* Tissus coptes. P. 1990. P. 66—146. См. также: *Каковкин А.Я.* Коптские ткани как исторический источник // Вспомогательные дисциплины. Л., 1991.

² В подавляющем большинстве случаев вытканые на тканях надписи представляют набор разного рода значков, лишь некоторые из них схожи с буквами. См.: *Gaselee S.* Lettered egyptian textiles in the Victoria and Albert Museum // *Archaeologia.* 1924. 23. P. 80—81.

³ *Donadoni-Roveri A.M.* Fouilles dans le Musée de Turin: Un statuette de Tiyi-Touéris. Des cartons de tissage copte // Acts 1st International Congress of Egyptology. Cairo (October 2—10, 1976). P., 1979. P. 181—186. Pl. IX—XI. Но ткачи наверняка пользовались не только наборами образцов-рисунков, они наверняка обращались к памятникам изобразительного искусства, к тканым изображениям, вдохновлялись театральными представлениями, мистериями, ритуальными действиями и т.п.

полотна. Сохранность вставок, особенно прямоугольника (9,5 X 10,3 см), хорошая.

Объектом нашего внимания будут в основном вставки-прямоугольники. Поскольку московский образец лучшей сохранности, то и даем только его воспроизведение (см. ил.). Итак, выполненные в гобеленной технике шерстью и льном по льняной основе из двух крученых нитей, изображения без каких бы то ни было разграничений располагаются в двух регистрах. В верхнем, занимающем примерно две трети всего поля, представлены две человеческие фигуры: слева, за каким-то довольно больших размеров инструментом сидит на складном стуле женщина, повернувша голову к стоящему перед нею полубогаемому юноше (с плащом за спиной и в сапожках) с посохом в правой руке. В нижней части выткана распластанная фигурка крылатого человечка (в литературе их обычно называют "путти"), пытающегося поймать зайца. Этот мотив охотящегося за зайцем путти, повторяется несколько раз во вставках-полосах. В фоне вставки — стебель с листом, основание колонны и два небольших, продолговатых предмета с точками на концах. Обрамляет вставку волнообразный орнамент.

Обе ткани изданы: флорентийская — Л. Гюррини в 1957 г.⁴, московская — Р.Д. Шуриновой в 1967 г.⁵ Точки зрения исследовательниц по многим вопросам относительно памятников совпадают: они не сомневаются, что ткач воспроизвел античный образец, представив женщину, молодого мужчину, путто и зайца. Специалисты указали и ряд аналогий изобразительным элементам сцены как из античного, так из коптского репертуара (что позволило Р.Д. Шуриновой прийти к выводу о том, что ткани выполнены "в одной мастерской и даже, может быть, одним мастером" и связать их с александрийской традицией⁶). Единодушны они и в определении времени изготовления памятников — V–VI вв. И Л. Гюррини, и Р.Д. Шуринова рассматривали сцену в чисто бытовом ключе, однако толковали ее по-разному. Л. Гюррини, не зная о существовании московских образцов, видела здесь "сцену из жизни женщины". Оставляя без внимания инструмент, за которым сидит женщина, она отмечает, что к сидящей женщине амурчик подносит какой-то предмет, может быть, зеркало; внизу — гений и заяц. Р.Д. Шуринова, напротив, много внимания уделила инструменту, стоящему перед женщиной. Придя к выводу, что это кифара, она посчитала, что здесь сцена, в которой к музицирующей женщине приближается юноша; внизу — путто и заяц.

В 1987 г. московская ткань привлекла к себе внимание Е.В. Пищиковой. Принимая датировку ткани, предложенную ее предшественницами, она посчитала, что на ней представлена сцена из Библии (Кн. царств. XVI, 11, 12, 19) — "Призвание Давида к Иессею" (с "ангелочком" внизу)⁷ (сцену, кстати, известную по ряду коптских тканых образцов, составляющих довольно близкую по иконографии группу⁸, ничем, на наш взгляд, не связанную с интересующими нас тканями).

Как видим, мнения относительно толкования сюжета на тканях диаметрально противоположны. Нам кажется, что ближе всех к истине в определении сюжета подошла немецкая исследовательница Клаудиа Науэрт. Она посвятила флорентийской и московской тканям специальную статью⁹. Не оспаривая датировку памятников¹⁰, К. Науэрт убедительно доказала, что изображенный перед женщиной предмет не что иное, как вертикальный ткацкий станок¹¹. Из фигурирующих в античной и христианской мифологии ткачих, которые могли быть представлены в данной сцене, она остановила свой выбор на героине "Одиссеи" — Пенелопе¹². В стоящем рядом с Пенелопой юноше К. Науэрт видит либо некоего атлета, либо Телемаха. По мнению, К. Науэрт, создатели этой сцены вполне могли вдохновиться картиной Зевкаса из Гераклеи (описание которой оставил Плиний Старший) или так называемым фессалийским рельефом (изданным Робертом), т.е. памятниками, на которых была представлена занятая ткачеством верная жена Одиссея¹³.

По мнению К. Науэрт, Пенелопа закончила ткать саван для своего свекра Лазрта и вручную дорабатывает его. Атлет (или Телемах) наблюдает на работе Пенелопы или беседует с нею. Об окончании работы свидетельствуют, как думает К. Науэрт, расположенные в верхней части сцены два (один над другим) продолговатых предмета с точками (отверстиями?) на сглаженных концах — ткацкие инструменты (*webgeräte*).

Мы не сомневаемся, что источник сцены определен К. Науэрт верно — эпизод из "Одиссеи", детально разработанный в 24-й песне поэмы. Однако полагаем, что немецкая исследовательница ошиблась в определении роли мужского персонажа и напрасно не затронула изображения в нижней части сцены. Уточнение и определение роли этих компонентов сцены придаст представленному эпизоду конкретный смысл и наполнит его глубоким символизмом. Все это как раз и будет соответствовать специфике большинства изображений на коптских тканях: такие изображения (особенно те, которые иллюстрируют мифологический или литературный источник), как правило, являются ключевыми в событиях.

Итак, на тканях представлен эпизод поэмы, в котором Пенелопа занята ткачеством. Предыстория его такова: Одиссей, отправляясь в поход под Трою, наказал жене хранить ему верность до совершеннолетия сына Телемаха. Шли годы, установленный Одиссеем срок давно истек, а о нем все не было никаких известий. Пенелопу осаждали сватающиеся к ней десятки "благородных мужей" из Итаки, Самы, Дулихия и Закинфа¹⁴. Чтобы хоть как-то оттянуть роковой день выбора нового мужа, Пенелопа прибегла к хитрой уловке: она пообещала выйти замуж, когда окончит ткать саван для свекра Лазрта. Чтобы затянуть процесс ткачества, Пенелопа, дурача домогающихся ее руки

⁴ *Guerrini L.* Le stoffe copte del Museo archeologico di Firenze (antica collezione). Roma, 1957. P. 45–46, N 49. Tav. XII.

⁵ *Шуринова Р.Д.* Элементы александрийского и восточного искусства в коптских тканях: Две коптские ткани из собрания МИИ им. А.С. Пушкина // Древний Египет и древняя Африка: Сб. ст., посвященный памяти акад. В.В. Струве, М., 1967. С. 139–145; *Она же.* Коптские ткани: Собрание Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Л., 1967. № 140. Табл. 57. См. также: Византийское искусство в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977. Т. 1. С. 174. № 347 — "музыкантша и юноша".

⁶ *Шуринова Р.Д.* Элементы... С. 145.

⁷ *Пищикова Е.В.* Коптская ткань с изображением Давида // Древний и средневековый Восток. М., 1987. С. 114–120.

⁸ К памятникам этой группы, приведенным в моей статье (*Каковкин А.А.* Две коптские ткани с изображением Давида // ВВ, 1983, Т. 44. С. 182–185), следует добавить еще несколько: фрагмент из музея им. Ф. Дери в Дебрецене (*Kádár Z.* Kopt textilek a Debreceni Déri Múzeumban // Különpomat a Déri Múzeum 1948–56. Debrecen, 1957. S. 96–97. Tábl. B), на тканях из Городского музея (инв. № УП. 72) в Трире, Галереи искусств Уолтерса (инв. № 83,727) в Балтиморе, Гос. музеев (инв. № 6965) в Берлине (*Nauerth C.* David Lyricus // Festgabe für L. Steiger: Beiheft 5 der Dielheimer Blätter zum Alten Testament und seiner Rezeption in der Alten Kirchen. Heidelberg, 1985. S. 275–285. Abb. 1–3).

⁹ *Nauerth C.* Penelope auf Koptischen Stoffern // Beiheft 3 zu Dielheimer Blätter zum Alten Testament und Siner Rezeption in der Alten Kirche. Heidelberg, 1984. S. 295–299.

¹⁰ Нам кажется, что ткани, скорее всего, принадлежат VII в. Непропорциональные фигуры, бросающиеся в глаза анатомические погрешности в их трактовке, использование нитей черного цвета в качестве контура и для подчеркивания деталей и теней наверняка указывают на отход от господствовавших на ранних этапах коптского ткачества (IV–V вв.) художественных принципов. В то же время техническая добротность исполнения, отсутствие ярких, аппликативно сопоставляемых цветов и явного стремления к стилизации не позволяют отнести их к более позднему времени.

¹¹ Близкие изображения таких станков см.: *Guillou A.* La civilisation byzantine. Arthard, 1974. Fig. 95 (миниатюра XIII в.); *Керимов Л.* Азербайджанский ковер. II. Баку, 1983. Рис. 22, 22а (рельефы XV–XVI вв.).

¹² Такое же предположение мы высказали в 1983 г. в своем отзыве на ст. Е.В. Пищиковой, присланную редколлегией "Византийского временника".

¹³ *Nauerth C.* Op. cit. S. 298. К этим памятникам можно добавить роспись краснофигурного скифоса (около 440 г. до н.э.) из собрания Археологического музея в Кьози. На нем изображена сидящая перед ткацким станком Пенелопа, рядом с нею стоит юноша. В нем обычно видят Телемаха, по нашему мнению, уместнее видеть в нем одного из женихов Пенелопы (*Nowicka M.* Malarsztwo antyczne. Zarys. Wrocław et al., 1985. Рис. 46).

¹⁴ По Гомеру, к Пенелопе сваталось 108 женихов, по Аполлодору, их было 92. См.: *Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 97, 185.

женихов, днем ткала саван, а ночью тайком распускала его. Иными словами, в течение трех лет каждое утро для Пенелопы начиналось с подготовки станка к работе: т.е. натягивались нити основы, крепились грузила, вставлялись челноки и проч. Нам кажется, что на заинтересовавших нас тканях представлен эпизод, когда Пенелопа только собирается ткать: на станине видны лишь три вертикальные параллельные линии — нити основы, ткацкие инструменты, о которых упоминала К. Науэрт, — это вполне могли быть прясла, служащие для уплотнения ткани грубни (бердо), но, скорее всего, челноки¹⁵. В это время к ней приходит один из претендентов на ее руку и сердце. Пенелопа с радостью пользуется возможностью отвлечься от своего занятия, чтобы побеседовать с ним.

Как это было принято в позднеантичном искусстве (образцами которых широко пользовались коптские мастера¹⁶) юноша представлен почти обнаженным¹⁷. Левую руку он протягивает к Пенелопе, приветствуя ее или обращаясь к ней с вопросом. Правой рукой он опирается на посох, навершие которого заканчивается личиной какого-то зверя или птицы (что, кстати, вполне может указывать на знатное происхождение юноши). Левая нога жениха поставлена на небольшой предмет. К. Науэрт приняла его за шкатулку с рукоделием Пенелопы. Нам кажется, что, скорее всего, это либо невысокая колонна, либо ее остаток — нижняя часть; в любом случае, она, как и посох в руке юноши, могла символизировать пройденный им долгий путь¹⁸.

Несомненно, что в тесной связи, не только композиционной, но и символической, следует рассматривать изображение в нижней части вставки, т.е. путти и зайца. Поза путти, его широко расставленные ноги и растопыренные пальцы рук, распластанные крылья, взметнувшаяся вверх накидка — убедительно говорят о его страстном желании поймать зайца. Животное, прижав уши к телу, вытаращив глаза, высунув язык и широко разбросав передние лапы, явно стремится не попасться в руки ловца и укрыться от погони. Думается, что эту сценку (повторяющуюся несколько раз на вставках-полосах) вполне можно рассматривать как метафорический намек на исход представленного над нею эпизода: надежды юноши будут столь же безрезультатными, как и старания путти.

Нам кажется, что в изобразительных мотивах сцены есть два косвенных указания и на дальнейшую судьбу претендента на руку и сердце Пенелопы — его близкую смерть (от стрел Одиссея). Речь идет о зайце и колонне. У греков охота на зайца издавна связывалась с погребальными обрядами¹⁹. Колонна могла символизировать мученичество (вспомним привязанного к столбу и бичуемого Спасителя, святого Себастьяна и др.). Разрушенная колонна (как на наших вставках) могла служить намеком на близкую смерть, поскольку была храмовой символикой потусторонности²⁰.

В заключение остановимся на вопросе, который почему-то совершенно не интересовал наших предшественников, изучающих эти памятники. Чем объяснить выбор тка-

чем (или заказчиком тканей) в качестве героини изображенной сцены именно Пенелопа? Мы уверены, что выбор этот не был случайным, он наверняка обдуман, сознательно сделан, поскольку заключает в себе глубокий смысл.

Дочь спартамца Икартия и наяды Перибей — Пенелопа занимает среди гомеровских героинь особое место. Женщине труднее раскрыть и реализовать свои возможности, чем мужчине, у которого больше шансов проявить себя, и, тем не менее, Гомер нашел способы выделить Пенелопу из круга других своих героинь. В ряде мест поэмы рассыпаны эпитеты, характеризующие физические и моральные качества Пенелопы: "многославная", "непорочная", "стыдливая", "сильная", она превосходит других жен "видом и станом", "величием", "разумом", "красотой", "благоразумием", "мудростью" и т.п.²¹ Все эти качества как бы подводят к главному в образе Пенелопы.

Верная жена, преданно ожидающая двадцать лет возвращения мужа, она стала воплощением идеала женского благородства и супружеской верности. Именно в этом морально-этическом аспекте запечатлелся ее образ в сознании сотен поколений людей от современников поэмы до наших современников.

Вероятно, в памяти людей жило и одно из преданий, согласно которому Пенелопа обрела бессмертие: Телегон (сын Одиссея и Кирки) после нечаянного убийства своего отца, женился на Пенелопе, Кирка дарует новобрачным бессмертие и переносит их на острова блаженных²². Обретение Пенелопой бессмертия воспринималось людьми как достойная награда за все ее добродетели. Этот-то момент и явился основополагающим в выборе героини. Представление на тканях Пенелопы за ткачим станком, рядом с женихом — это символ гомеровской героини, ее своеобразный опознавательный знак, запечатлевший переломный момент в ее жизни. В другой интерпретации главную героиню "Одиссеи" просто трудно было бы узнать.

Факт обретения Пенелопой бессмертия послужил главным мотивом изображения ее на заинтересовавших нас туниках, обнаруженных, как и большинство коптских тканей, в захоронениях. Ведь большинство вытканых, вышитых, нашитых, нарисованных на коптских тканях изображений, очень разнообразных по тематике и стилистике, воплощало неистребимую веру людей в благополучное продолжение жизни после смерти²³. Эта вера, близкая сердцу язычников, христиан, мусульман, обусловила живучесть в пестрой этнической и конфессиональной среде долины Нила подобных рассмотренной сцен на протяжении всего I тыс. н.э.

¹⁵ Недаром же в одном из произведений Леонида из Тарента (VI. 289) рассказывается о том, что жительницы острова Крита принесли Афине-Пряхе коллективный дар, в котором был и "ткацкий челнок... — страж брачного союза Пенелопы" (Нахов И.М. Книжеческая литература, М., 1981. С. 121).

¹⁶ Основную литературу по этому вопросу см.: Каковкин А.Я. О двух группах коптских памятников с античными сюжетами // ВДИ. 1990. № 1. С. 80.

¹⁷ Нагота юноши нас не должна удивлять, хотя это произведение мастера-христианина. Помимо того, что, скорее всего, в таком виде герой был представлен на образце, с которого ткач копировал изображение, вероятно, нагота в глазах коптов воспринималась как героизированная. Нередко логика сюжета диктовала изображать героев, особенно античных, обнаженными. См. об этом: Rickerman E.J. Symbolism in the Dura Synagogue: A review article // The Harvard Theological Review. Cambridge (Mass.), 1965. Vol. 58. P. 142.

¹⁸ Мотив опирающегося на колонну, камень и др. ногой героя в античном искусстве рассмотрен К. Ланге. См.: Lange K. Über das Motiv des aufgestützter Fusses in der antiken Kunst. Leipzig, 1879.

¹⁹ Picard Ch. La chasse à couvreur du lièvre // Studia antiqua Antonio Salas septuagenario oblata. Pr., 1955. P. 156—159.

²⁰ Шталь И.В. Эпические предания Дневней Греции. Гераномехия: Опыт типологической и жанровой реконструкции. М., 1989. С. 154.

²¹ О достоинствах Пенелопы см.: Шталь И.В., Попова Т.В. О некоторых примерах построения художественного образа в поэмах Гомера и византийском эпосе XII века // Античность и Византия. М., 1975. С. 71—72.

²² Аполодор. Мифологическая библиотека. С. 98; Ярхо В.Н. Пенелопа // Мифы народов мира. М., 1982. Т. II. С. 299—300.

²³ Впервые эту мысль автор данной статьи высказал в докладе, прочитанном 5 декабря 1980 г. на научной сессии, посвященной 60-летию отдела Востока Эрмитажа. В тезисной форме эта идея отражена в ст.: Каковкин А.Я. К вопросу о символике изображений на коптских тканях // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения: Сб. к 75-летию акад. Б.Б. Пиотровского. Л., 1985. С. 209—215. В развернутом виде ее см.: Он же. Изображения на коптских тканях: Украшения или символы? // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв.: Сб. статей, Л., 1988. С. 37—66.

М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ

УЧЕНЫЙ И ВРЕМЯ:

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Я. СЮЗЮМОВА

Бурный двадцатый век постоянно вторгался в жизнь византистики и византистов. Особенно непростой оказалась судьба русского византиноведения. Первая мировая война разорвала международные связи ученых, а Октябрьская революция, гражданская война и интервенция привели к исчезновению или ослаблению прежних научных центров. Многие византисты эмигрировали, а наследие прежней школы оценивалось в апологетических статьях как "разбитое корыто русской византологии"¹.

Время, именуемое эпохой, судьбой, стечением обстоятельств, вторглось и в жизнь молодого, подававшего надежды ученого Михаила Сюзюмова. Он был на 25 лет — с 1917 по 1942 гг. — вырван из научной среды и, оказавшись в глухой провинции, по сути дела лишен был возможности заниматься научными изысканиями. И только в пятидесятилетнем возрасте он сможет снова погрузиться в область исследований, которая столько лет была для него не более, как неосуществленной мечтой его юности.

Имя Михаила Яковлевича Сюзюмова (20.11.1893—01.05.1982) занимает особое место в истории советского византиноведения. Оно олицетворяет живую связь с русской школой византистики начала века, а через нее — с методами и идеями немецкой медиевистики прошлого столетия. Будучи в 1911—1916 гг. студентом историко-филологического факультета Юрьевского (бывшего Дерптского, позднее Тартуского) университета, М.Я. Сюзюмов учился у таких известных ученых, как А.А. Васильев, В.Е. Регель, П.А. Яковенко, М.Н. Крашенинников. Памятью о времени "ученичества" молодого Сюзюмова может служить его университетская работа "Походы южноитальянских норманнов против Византии 1081—1185 гг.", текст которой, находящийся в архиве ученого, хранит карандашные пометы научного руководителя профессора Регеля². Как известно, по совету В.Н. Регеля эта работа, получившая на университетском конкурсе золотую медаль, была подготовлена к печати и даже сдана в типографию, но не была издана по причине германской оккупации Юрьева.

В год окончания Михаилом Сюзюмовым университета были опубликованы в издаваемом университетом научном сборнике "Византийское обозрение" две его статьи — "Об источниках Льва Диакона и Скилицы" и "Об историческом труде Феодора Дафнопата"³. Интересно заметить, что с именем Льва Диакона связаны две работы ученого — первая и последняя, вышедшая уже через шесть лет после его смерти⁴. Так было угодно распорядиться судьбе. Комментарий к "Истории" Льва Диакона, написанный задол-

го до кончины ученого, вероятнее всего, не увидел бы света, если бы не помощь московских коллег-византистов.

М.Я. Сюзюмов любил говорить о своей усвоенной с юности "немецкой" системе работы, в основе которой была тщательность и аккуратность. Несмотря на кажущуюся внешнюю рассеянность и несобранность, он до старости сохранил свои юношеские комплексы работ немецких исследователей (может быть они и помогли ему "выжить" как ученому в годы златоустовских буден). В студенческие годы Михаил жил в немецкой семье — поэтому немецкий язык он считал языком своей юности, и позднее, читая какое-либо исследование, испещрял поля темпераментной готической вязью. Тяготая к классической немецкой литературе, Михаил Яковлевич, став отцом, сочинял для своих детей полные романтики сентиментальные баллады, которые те помнят до сих пор наизусть.

В основу студенческих статей Сюзюмова положен источниковедческий сравнительный принцип. По замечанию А.П. Каждана, они являются "примером хорошего текстуального анализа, выполненного в соответствии с немецкой филологической традицией, так модной в дореволюционном Тарту"⁵.

Однако, прожив свои детские и юношеские годы в Эстонии, испытав в период студенчества влияние немецкой классической культуры, Сюзюмов подчеркивал свое чисто русское происхождение. В автобиографии, хранящейся в архиве университета, он в середине 70-х годов написал в присущей ему несколько "чуждаковой" манере (особенно если вспомнить, что она писалась для отдела кадров): "Мое происхождение: мои предки, как выселенцы из Великого Новгорода, охраняли южные границы Русского государства, в XVI—XVII вв. служили в Троицком остроге. Один из моих предков Овдей был казнен во время выступления Разина. В 1671 г. его сыновья были переселены в Пензу и поверстаны в казаки. В XVIII в. переведены на положение государственных крестьян. Мой дед Адриан имел подгородное хозяйство близ г. Пензы, мой отец Яков обучался в Пензенском училище, потом окончил Ветеринарный институт в Юрьеве и был ветеринарным врачом". Но в целом Сюзюмов был далек от мыслей о какой бы то ни было национальной исключительности и скорее был сторонником старой общеевропейской культуры, имевшей в основе античные ценности⁶.

Октябрьские события 1917 г. застали Михаила Сюзюмова в Петрограде, где он работал по теме магистерской диссертации о Феодоре Дафнопате. На одной из встреч со студентами он позднее рассказывал, что сидя в Публичной библиотеке, он услышал какие-то выстрелы, а наутро узнал, что произошла революция. Однако время круто повернуло жизнь профессорского степендиата. Он вместе с отцом и братом Борисом (семья в это время переехала в Петроград в связи с оккупацией Юрьева) стал служить в четвертой Петроградской дивизии Красной Армии, а в годы интервенции и гражданской войны оказался в составе 27 дивизии на Восточном фронте. Тяжело заболев тифом, Сюзюмов был снят с поезда в незнакомом провинциальном городе Златоусте. С этого июньского дня 1920 г. его жизнь навсегда будет связана с Уралом.

Хотя казалось бы удачно складывавшаяся жизнь была сломлена, однако Златоуст, где Сюзюмов жил до 1929 г., стал для него "голубым периодом": здесь он женился, стал отцом, здесь он познал радость преподавания. 27-летний директор школы, оторванный от книг и научной среды, излил бурлившую в нем потребность к творчеству на своих подопечных. До сих пор седые уже его златоустовские ученики с любовью вспоминают о своем Михеле — так называли они за глаза своего директора. Для них Сюзюмов 20-х годов — это и кружок филателистов со ставшей сейчас признанной "златоустовской платформой"⁷, и праздничные оперетты с либретто на школьные темы,

¹ Лозовик Г.Н. Десять лет русской византологии (1917—1927) // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 228.

² ГАСО. Ф. Р-802. Оп. 1. Д. 3. 154 с.

³ Византийское обозрение, Юрьев, 1916. Т. 2. Отд. 1. С. 106—166; 295—302.

⁴ Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко, ст. М.Я. Сюзюмова, коммент. М.Я. Сюзюмова, О.А. Иванова, М., 1988.

⁵ Kazhdan A. Portraits of Soviet Byzantinists. 1: M. Ja. Siuzjumov // BS. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 204.

⁶ Этим тезисом я спорю с А. Кажданом. Ср.: Kazhdan A. Portraits... P. 214.

⁷ Советский коллекционер. М., 1925. № 5 (3). "Златоустовская платформа" коллекционирования марок по историческим сюжетам повторно была опубликована в журнале: Советский коллекционер. 1971. № 9. С. 3—20. К столетию со дня рождения ученого в связи с его заслугами в области филателии выпущен конверт с его портретом.

и не очень поощряемые местным начальством танцевальные вечера, когда директор сам садился за рояль или учил школьников мазурке. Сюзюмов жил тогда при школе вместе со своей женой, учительницей французского языка Валентиной Михайловной. Здесь и родились их дети — Людмила, которая станет доктором биологии, и будущий геолог Лев. "Михель" ввел в школе преподавание отвергнутого эпохой латинского языка, а параллельные классы назвал буквами греческого алфавита...

Снова вторглось время в жизнь Сюзюмова в апреле 1936 г., когда за связи с иностранными коллекционерами марок он был арестован органами НКВД. К счастью, после девяти месяцев пребывания в свердловской тюрьме, Сюзюмов был освобожден. С присущим ему жизнелюбием он, вспоминая об этом времени на юбилее в связи с его 80-летием, сказал, что он как историк благодарен судьбе, позволившей ему познать совершенно незнакомую среду и познакомиться с интересными людьми. Однако на деле все было не так просто. В письме конца 30-х годов, хранящемся в Свердловском партийном архиве, М.Я. Сюзюмов писал в адрес горкома партии: "Все мои попытки получить должность преподавателя истории в г. Свердловске оказались безуспешными. Во всех учреждениях я получал в той или иной форме отказ, причем единственной причиной была моя судимость. На тот факт, что я имею помилование ВЦИКа, никто не обращает внимания"⁸.

С того сентябрьского дня, как М.Я. Сюзюмов в последний раз вышел из здания петербургской библиотеки, прошло уже двадцать лет. А как же византиноведческие штудии, которым было отдано в юности столько сил и увлеченности? Все эти годы Сюзюмов был оторван от греческих текстов, от новейших зарубежных исследований, от научной среды. Да и ситуация в таком научном направлении как византиноведение была в 30-е годы явно неблагоприятной. Идеологически считалось по крайней мере непоощрительным заниматься историей империи, передавшей по наследству России такие одиозные по понятиям тех лет институты как самодержавие и православие.

По всей вероятности, Сюзюмов продолжал свои научные штудии, по крайней мере с переездом в Свердловск. В 1937 г. он послал в редакцию "Исторического журнала" большую (не менее 5 печатных листов) работу "Византийское государство и византийская культура"⁹. Видимо, появление письма Сталина и Жданова о важности преподавания истории показалось ему обнадеживающим. Однако из редакции пришел ответ от 4 августа 1937 г. со следующей рекомендацией: "В качестве канвы для Вашей статьи рекомендуем придерживаться соответствующей главы "Краткого курса истории СССР". Михаил Яковлевич темпераментно отреагировал на этот совет, начертав на письме из редакции свою "горячую" резолюцию¹⁰.

В конце 30-х годов был написан Сюзюмовым на материалах сочинений Ливания, Исидора Пелусиота, Михаила Пселла и других византийских авторов небольшой этюд "Вопросы дисциплины в византийской высшей школе"¹¹. Видимо, ученый искал возможности "пробиться" в печать, но статьи его так и не были напечатаны. Однако именно в эти годы им "вынашивалась" общая концепция византийской истории. Во всяком случае в работе "Византийское государство и византийская литература" Сюзюмовым впервые обоснован тезис о борьбе двух группировок господствующего класса как одной из структурообразующих всей системы византийского феодализма¹².

Надо полагать, что М.Я. Сюзюмов с конца 30-х годов начал активную научную работу. Судя по вложенному в одну из хранящихся сейчас в архиве ученого работ бланку его читательного требования Фундаментальной библиотеки общественных наук¹³,

датированному февралем 1941 г., Сюзюмов бывал в московских библиотеках и читал исследования зарубежных византинистов.

Однако уже четверть века прошло с тех пор, когда были опубликованы студенческие статьи М.Я. Сюзюмова. Эти двадцать пять лет, пожалуй, и можно назвать подвигом ученого. Казалось бы, что жизнь бывшего профессорского степендиата складывалась так, что можно было уже давно забыть о научных начинаниях юности. Жизнь в провинции, где само слово "Византия" означало что-то экзотическое и эфемерное, никаких надежд на публикации, на общение с единомышленниками... Поистине достойно удивления и восхищения упорство ученого.

Начавшаяся в июне 1941 г. Отечественная война стала новым этапом в жизни М.Я. Сюзюмова. Будни тылового города несли новые лишения. И вдруг капризная Тиха снова все перевернула в судьбе ученого, а может быть и вернула на круги своя. В Свердловск были эвакуированы архив Херсонесского музея, Эрмитаж, часть кафедр Московского университета — появилась научная среда. И вот в год своего пятидесятилетия М.Я. Сюзюмов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам иконоборчества в Византии. Одним из оппонентов был находившийся в Свердловске в связи с эвакуацией А.И. Неусыхин. Научная баталия, вспыхнувшая в ходе защиты, была продолжением давнего для медиевистики спора германистов и романистов. Сюзюмов, в отличие от Неусыхина, выводил средневековую цивилизацию из романских начал. Позднее он напишет одному из своих корреспондентов: "В 1943 я защитил кандидатскую диссертацию в отчаянном споре с Неусыхиным о "дофеодалном периоде"¹⁴.

В диссертации, частично опубликованной в 1948 г.¹⁵, М.Я. Сюзюмов опроверг традиционную концепцию иконоборчества, сформулированную К.Н. Успенским, утверждавшим, что иконоборческая политика византийских императоров была направлена против возросшей влияния монастырей, обладавших крупной земельной собственностью. Сюзюмов доказал, что иконоборчество не могло быть борьбой за конфискацию церковно-монастырской земельной собственности, поскольку в VIII в., когда началось это движение, церкви и монастыри не имели еще большого количества земель. Выбросив этим основной "кирпич" в фундаменте концепции Успенского, Сюзюмов обосновал свое понимание иконоборчества. Он показал, что это общественное движение, начавшееся в форме ереси, было использовано провинциальной знатью для усиления ее общественного авторитета и подрыва власти столичной чиновной знати. Позиция фемной военно-служилой знати была реализована в деятельности императора Льва III Исавра, когда борьба против икон стала борьбой за подрыв влияния церкви. Для дискредитации драгоценных церковных реликвий были использованы лозунги ереси, подхваченные провинциальной знатью. Противниками политики императоро-иконоборцев выступили представители столичной знати в союзе с официальной церковью. Исходящее от иконоборцев требование конфискации икон, а также золотой и серебряной священной утвари было направлено на ослабление этих группировок. Таким образом, одно из сложнейших явлений византийской истории — иконоборчество — было объяснено М.Я. Сюзюмовым в ключе разработанной им позднее концепции о столкновении в ходе феодализации двух группировок знати, носителей альтернативных тенденций развития страны.

Сам внешний вид диссертации несет в себе печать времени, с одной стороны, и, с другой, — позволяет вспомнить всегда отличавшую ученого неординарность поведения. Трехтомному тексту диссертации¹⁶ предпослано автором Praefatio ad lectorem, где автор говорит читателю о трудностях военного времени, об отсутствии возможности получить новейшие исследования, о плохой копировальной бумаге и отсутст-

⁸ Уральский рабочий, 1989, 23 марта, С. 3.

⁹ ГАСО, Ф. 802 р. Д. 5.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, Д. 67.

¹² ГАСО, Ф. 802 р. Д. 5, Л. 11.

¹³ Там же, Д. 67.

¹⁴ ГАСО, Ф. 802 р. Д. 154, Л. 4.

¹⁵ Сюзюмов М.Я. Проблемы иконоборческого движения в Византии // Учен. зап. СГПИ. Свердловск, 1948. Вып. IV. С. 48–100. В этой работе опубликованы вводная, заключительная 6 и 9 главы диссертации.

¹⁶ ГАСО, Ф. 802 р. Д. 6–8.

вии машинисток. Упоая на то, что труд его попадет в руки просвещенного и понимающего читателя, диссертант заканчивает свое обращение к нему пожеланием благополучия: Ita vale, Lector erudite. Отпечатанная на плохой разносортной бумаге диссертация имеет однако латинское название De rebus iconomachorum byzantinorum disputatio с указанием времени ее выполнения как Anno Domini 1943, так и Mundi — 7451. Особенно волнует посвящение диссертационной работы учителю Сюзюмова Василию Регелю: Venerandae memoriae Basili Regel magistri dilectissimi desideratissimi sacra.

Как позволяют выяснить материалы архива М.Я. Сюзюмова, создание уральского центра византиноведения было задумано ученым именно в эти трудные военные годы. В письме от 1972 г. Сюзюмов писал: "Школа уральская — с 1942 г., когда здесь, в Свердловске собирались Стржелецкий, Виноградов, Сюзюмов, Сувор, которые мечтали сделать Свердловск центром византиноведения"¹⁷. Позднее Михаил Яковлевич часто вспоминал об этих вечерних разговорах за чаем, когда каждый приходил со своим кусочком сахара. Это был важный период в жизни ученого — появились единомышленники: Станислав Францевич Стржелецкий, сотрудник Херсонесского музея, привезший его архив из Севастополя в Свердловск, Евгений Георгиевич Сувор, коллега по кафедре педагогического института, будущий глава Крымской археологической экспедиции, и Александр Иванович Виноградов, университетский профессор античности. И как не вспомнить воспетых Беранже безумцев, когда представишь тех, кто в заснеженном голодном Свердловске военного времени вынашивал дерзкую мечту о создании на Урале центра византиноведения и Уральской экспедиции в уникальный античный и средневековый город на территории нашей страны — Херсонес, бывший в это время в руках захватчиков.

В 40-е годы М.Я. Сюзюмов начал свои исследования по проблеме византийского города. Толчком к этому была проводившаяся сначала в чисто практических целях (обеспечить студентов необходимым материалом для проведения семинарских занятий) работа по переводу на русский язык "Книги Эпарха". Затем ученым был подготовлен к изданию перевод текста в виде научно аргументированного исследования, которое увидело свет в серии Ученых записок Свердловского педагогического института¹⁸. Посылая его в 1949 г. коллеге по времени эвакуации профессору Н.Е. Застенкеру, Михаил Яковлевич писал: "Посылаю Вам свою "Книгу Эпарха". Я ее перевел при свете разных лекарств вроде касторки, ихтиола (когда не было у нас в Свердловске света)"¹⁹. Эти строки красноречиво говорят об условиях работы ученого в послевоенной провинции. Переведенная же в это время "Книга Эпарха" ляжет позднее в основу цикла работ Сюзюмова по византийскому городу.

Как ученый М.Я. Сюзюмов отличался неприятием того, что считалось в науке общепризнанным и незыблемым. Эпиграфом ко всему его творчеству могли бы стать слова, сказанные им в отношении русского византиниста Б.А. Панченко: "Если бы в историографии не появлялись ученые, которые не боялись выступать против "прочных установившихся взглядов", историография и ныне находилась бы на позициях блаженного Августина"²⁰. Через несколько лет после переосмысления им официальной теории иконоборчества Сюзюмов выступил с критической статьей по поводу концепции цирковых партий²¹. По мнению С. Манойловича, чья точка зрения стала официально признанной и вошла в учебники, борьба цирковых группировок была столкновением двух могущественных социальных группировок — земельной аристократии и крупных торговцев. Эти группировки, по Манойловичу, жили в разных кварталах Константинополя и придерживались различных религиозных верований и объединялись на

ипподроме вокруг различных конных заездов и цветов одежды возникших — голубых и зеленых. Сюзюмов же, вопреки концепции Манойловича — Дьяконова и их последователей, понимавших под термином *οἱ δῆμοι* жилой квартал и цирковые группировки, доказал, что этот термин в IV в. означал народ, чернь. Признавая, что ипподром IV–VI вв. был центром проявления общественных конфликтов, Сюзюмов полагал однако, что соперничество "зеленых" и "голубых" не было борьбой купцов и собственников земли, а противостоянием тех, кто поддерживал городское самоуправление, и сторонников государственной централизации.

Вскоре, в 1954 г., М.Я. Сюзюмов защитил в Институте всеобщей истории докторскую диссертацию, посвященную византийскому городу-эмпорью в период генезиса феодализма. Хранящаяся в архиве 4-томная диссертация²² объемом более 1200 страниц содержит огромный конкретно-исторический материал, который, в отличие от концептуального, не нашел отражения в опубликованных работах ученого. Концепция же континуитета и значимости города в историческом развитии Византии легла в основу всех его последующих исследований.

"Оттепель" в общественной жизни страны, наступившая после смерти Сталина, позволила Сюзюмову занять следующую ступеньку научного признания. Если до сих пор многие из ортодоксов, считая его эрудитом, с сомнением относились к его методологической платформе, то сейчас Сюзюмов получил университетскую кафедру. С этого момента — осени 1955 г. — начинается новый период в жизни ученого. Разрабатываемая им идея континуитета легла в основу кафедрального научного сборника "Античная древность и средние века", первый выпуск которого вышел в 1960 г. Годом раньше состоялась первая экспедиция в Херсонес. Мечты начала 40-х годов начали осуществляться. Проблема города и городского континуитета становится в эти годы определяющей идеей в творчестве М.Я. Сюзюмова. Оппонируя официальную концепцию византийской истории, ученый считает ее основой не сельскую общину, а город.

Византийские города IV–VI вв., согласно точке зрения М.Я. Сюзюмова, по характеру собственности на средства производства и организационным формам имели прямую преемственность с позднеримским обществом. Ученый отмечал античное происхождение всех византийских городов, как балканских, так и малоазийских. Он категорически отрицал тезис о том, что византийский город возник в результате отделения ремесла от сельского хозяйства, а именно этот тезис был определяющим в советской медиэвистике. Сюзюмов подчеркивал особое значение товарного производства и товарного обращения в византийских городах при переходе от античности к средневековью. Город, с его точки зрения, был в это время экономически развитым центром товарного производства "со сложившимся ремеслом, торговлей, установившимися веками формами эксплуатации городской знатью свободного населения и, кроме того, с торговыми связями и сельской округой большого радиуса"²³.

В центре внимания М.Я. Сюзюмова были преимущественно города-эмпории. Существование крупных торговых городов, сориентированных на внешнюю торговлю, во многом, по Сюзюмову, было предопределено географическим фактором. Поскольку Константинополь не был расположен на реке, которая бы могла связать различные районы полуострова и этим способствовать созданию внутреннего рынка, характер константинопольской торговли был пассивным. Внешняя торговля придала столице временный блеск, но задержала рост провинциальных городов и развитие внутреннего рынка²⁴. Однако Сюзюмов не сводил объяснение такого феномена, как рас-

¹⁷ ГАСО. Ф. 802 р. Д. 154. Л. 4.

¹⁸ Книга Эпарха // Учен. зап. СГПИ, Свердловск, 1949. Вып. VI.

¹⁹ Письмо обнаружено в одной из книг фонда Застенкера в библиотеке исторического факультета Уральского университета.

²⁰ Сюзюмов М.Я. Научное наследие Б.А. Панченко // ВВ, 1964. Т. 25. С. 37. Примеч. 16.

²¹ Сюзюмов М.Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи в V в. // Учен. зап. УрГУ. 1952. Вып. 2. С. 84–134.

²² ГАСО. Д. 17–20.

²³ Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т. 17. С. 4; Он же. Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. 1956. Т. 11. С. 55–81.

²⁴ Сюзюмов М.Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 9–10.

цвет ранневизантийского города, лишь к воздействию географического фактора. Он отдавал должное сохранению традиций как в сфере ремесла и торговли, так и в сфере государственности и культуры²⁵.

Особую позицию Сюзюмов занимал по проблеме города "темных веков". Придерживаясь концепции континуитета позднеримского общества, ученый признавал, что в эту эпоху некоторые экономические и политические институты, характерные для античного города, отмирают, а новые, свойственные средневековому городу, еще не оформились²⁶. Однако полной дезурбанизации не могло быть в тех странах, которые развиваются в условиях континуитета государственного управления. Так, всеобщей дезурбанизации не было ни в Византии, ни в Италии, ни в арабских странах, ни в Китае²⁷. Это явление, по Сюзюмову, возможно лишь там, где переход от античности к средневековью происходит в условиях полной ломки государственного аппарата. Тот же факт, что кризис античной цивилизации сказался прежде всего на состоянии города, по Сюзюмову, является естественным явлением, поскольку крушение разбывладельческого строя затронуло прежде всего те институты, которые активнее были связаны с рабовладением.

М.Я. Сюзюмов не считал византийский город неизменным институтом²⁸. Он писал: "Город в Византии всегда был центром развития, сохранения цивилизации"²⁹. Отрицая дезурбанизацию, он замечал, что "крах рабовладельческих отношений в Византии был не одновременным актом, но процессом, продолжавшимся длительное время". Этим тезисом ученый, собственно, продолжает спорить с современной концепцией Каждана и Катлера³⁰. Если эти авторы пишут о наличии цезуры в развитии города, то Сюзюмов, писав о постепенных качественных переменах в городе, не усматривал этой цезуры в период "темных веков".

Собственно, спор между Сюзюмовым и Кажданом является давним. Многие их письма друг другу посвящены этой проблеме. В письме от 9 октября 1963 г. Сюзюмов писал своему постоянному оппоненту: "Наша средневековая дуэль из-за Прекрасной Дамы — η πόλις — продолжается". Поскольку речь шла об определении города и его атрибутах, Сюзюмов добавляет в письме: "Нужно было бы говорить не полис, а полида: спор идет о характеристике прелестей этой Дамы"³¹. Взаимные аргументы и контр-аргументы, используемые в споре, ученый в присущей ему серьезно-шуливой манере сравнивает с приемами борьбы на рапирах: "В дуэли я действую ангаже, Вы перешли к фланконде, придется и мне применить этот прием — Вы отводите мое положение боковым ударом..."³².

Состояние постоянного спора было естественным для М.Я. Сюзюмова. В споре он не был жесток или агрессивен, а скорее испытывал состояние удовлетворенности и вдохновения. Встречаясь с кем-либо из коллег, тоном, каким обычно говорят комплименты, Сюзюмов прежде всего произносил: "А я с Вами не согласен". В таком же духе выдерживались и его письма. Некоторые из столичных профессоров стали в связи с этим его недругами.

Если в период хрущевской "оттепели" ситуация для дискуссий в науке была в какой-то степени благоприятной, то к середине 60-х годов "погода" резко изменилась. Снова стала культивироваться официальная концепция исторического развития. В средневековье одной из определяющих тем была проблема "омолодившего" Европу влияния варварства. Сюзюмов же видел "омолаживание" только в том, что в результате деструк-

тивного воздействия варварских завоеваний Европа была отброшена в младенческое состояние³³. На основе концепции континуитета он выводил многие средневековые институты, в том числе и город, из античных начал. Его доклад о происхождении средневекового города и множественности его функций в раннесредневековой период стал объектом критической атаки на научной сессии, подводившей в июне 1966 г. итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе³⁴.

Если византинисты, начиная со времени появления работы об иконоборчестве, относились к Сюзюмову с глубоким уважением, "прощая" ему отступления от официальной концепции исторического развития, то для медиевистов Москвы после сессии 1966 г. он был persona non grata. Сюзюмов писал одному из коллег: "...после выступления против господствующей школы самобытного перепрыгивания в феодализм от родоплеменного общества против меня начинает действовать Аракчеевский режим..."³⁵. Многие, судя по материалам архива Сюзюмова, либо вообще не отвечали ему на письма, либо высокомерно и немногословно отвергали, не приводя аргументов, его концепцию. Один из названных Сюзюмовым сотрудников журнала "Вопросы истории", по замечанию ученого, не отвечал на его письма "как екатерининский вельможа"³⁶. Видимо, обращаясь к потомкам, задетый изоляцией Сюзюмов написал о "полном надменности" письме московской ученой дамы: "Письмо храню — может быть после смерти в архиве кто-либо прочитает"³⁷.

Вскоре после дискуссии 1966 г. Сюзюмов написал в дружеском письме А.Д. Люблинской: "Вспоминаю о наших спорах в Москве. Я думаю, что в настоящее время спор романистов и германистов должен перейти в новую фазу, не отрешившись от этого спора. В настоящее время, когда к социализму подходят и капиталистические и отсталые страны, делается ясно, что перейти к социализму можно только переняв все основное, что сделано в капиталистических странах Европы... Не так ли было и в IV—VI веках?... а если кто из "восторженных" историков последний этап родоплеменного общества старается признать феодальным, то вряд ли можно восторгаться этими восторгами"³⁸.

Нетерпимое отношение к инакомыслию, которым характеризуется брежневское время, сказалось и в Уральском университете. В начале 70-х годов по письму одного из профессоров в партийное бюро исторического факультета была создана комиссия, расследовавшая, пропагандирует ли Сюзюмов в своих лекциях буржуазные взгляды. Автор этих строк был назван в письме как человек, разделявший буржуазные взгляды Сюзюмова. К счастью, в комиссию умышленно были включены люди, осознававшие значимость таланта Сюзюмова: они свели свою работу лишь к соблюдению необходимого в те времена "протокола".

Однако ситуация не могла заставить Сюзюмова отказаться от его склонности к научным спорам. Когда приказом ректора на кафедрах университета были созданы научные семинары, профессор, восторженно надеясь на ежемесячные научные баталии, предложил коллегам вывешивать на дверях кафедры тезисы докладов — "как Лютер". В большинстве случаев докладчиком был сам Сюзюмов. В день семинара у него обычно было великолепное приподнятое настроение. Он садился на краешек стола и самозабвенно боролся за свои идеи. Правда, его оппоненты были далеко от Свердловска, а слушатели были его учениками и единомышленниками.

Ведущей темой докладов и статей Сюзюмова в 70-е годы была проблема континуитета, идея, которой, по сути дела, освещено все его творчество. Выводя средне-

²⁵ Сюзюмов М.Я. Роль городов-эмпориев... С. 29–30.

²⁶ Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII — середина IX вв.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 39.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Ср.: Kazhdan A. Portraits... P. 210.

²⁹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

³⁰ Kazhdan A., Cutler A. Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz. 1982. Т. 52. P. 429–478.

³¹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 153. Л. 3.

³² Там же.

³³ Сюзюмов М.Я. О "самостоятельном пути" становления феодализма у германцев // АДСВ. 1983. С. 14–23.

³⁴ СВ. 1966. С. 77–118.

³⁵ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 1.

³⁶ ГАСО. Ук. Ф. Д. 163. Л. 5 об.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ ГАСО. Ук. Ф. Д. 166. Л. 1 об.

вековую европейскую цивилизацию из античных основ, полагая, что варварские орды принесли Европе лишь разрушения, пожары и убийства ("Признаем варварские вторжения как шаг назад"³⁹), Сюзюмов по сути дела противостоял советской медиевистике, для которой характерна была в те времена некоторая идеализация варварского влияния, несколько смягченная понятием "синтез". Однако сам термин "континуитет" он стал использовать лишь с конца 60-х годов: он был одиозным и считался атрибутом буржуазной исторической науки.

Однако само употребление понятия "континуитет" еще не определяет сути концепции ученого. В отличие от сторонников признания значимости в историческом процессе фактора традиций, являющихся основой существования неизменных общественных институтов⁴⁰, М.Я. Сюзюмов понимал под континуитетом непрерывность развития. Ученый нетерпимо относился к стремлению изолированно рассматривать одну общественную формацию от другой. Он писал с сарказмом о подобных исследованиях: "Новая формация — и все новое! ... Все новое о новом!"⁴¹. Считая, что в основе осмысления прошлого должны лежать процессы, он писал: "Есть лица, которые мыслят "моделями": капитализм так капитализм, феодализм, так феодализм... Модель — придуманная нами платоновская идея, процесс — объективная реальность"⁴². Сюзюмов понимал континуитет как преемственность такого рода, когда при рождении новых отношений конструктивное сочетается с деструктивным, когда развитие совершается на базе достижений старого при отрицании тормозящих прогресс основ прошлого строя. Для ученого вопрос о генетике явления всегда был решающим в его оценке. Конкретные исследования, проведенные им, доказывают, что возникновение всех византийских институтов — и в сфере экономики, и в сфере государственности, идеологии, права — уходит своими корнями в античность⁴³.

Признавая принцип преемственности первейшим в методах научного исследования, М.Я. Сюзюмов категорически не признавал тезиса о возможности трансальтации в формационном развитии (он называл это "перепрыгиванием", "перескакиванием"⁴⁴) без влияния извне, полагая, что при изучении "самобытных" институтов их нужно рассматривать не изолированно, а с учетом импульсов окружения: "прогресс имеет силу радиации на окружающее"⁴⁵.

Поскольку, как писал М.Я. Сюзюмов, "каждая формация представляет собой институт *sui generis*, со своими закономерностями", стремление ограничиться рамками одной формации порождает сепаратизм при изучении таких институтов как государство, город, деревня, наемный труд, собственность. Ученый подчеркивал, что при изучении общественных институтов на одной формационной горизонтали можно лишь выявить их специфику; сущность же явлений или институтов постигается в его вертикальном изучении. "На основании вертикальных аналогий, — писал он, — мы убеждаемся в реальном бытии явлений, общественных институтов..."⁴⁶. В этом утверждении ученого заложен глубокий историзм всех его исследований.

Связь времен, по Сюзюмову, проявлялась в возможности существования в зачаточной форме отдельных элементов экономики и социальной структуры, которые лишь много позднее станут укладом. Так, он писал о предпринимательстве и наемном труде применительно к Римской империи и ранней Византии⁴⁷. Он усматривал модерниза-

цию не в применении терминологического аппарата, выработанного современной исторической наукой, к эпохе, которая не знала этих понятий, а в извращении толкования характера эпохи в силу неверной исторической интерпретации тех явлений, которые обозначаются используемым термином.

В феврале 1972 г. М.Я. Сюзюмов написал письмо Г.Л. Курбатову с изложением платформы уральской школы. Здесь он разъясняет свое понимание континуитета: "...отказ от устарелого, но с развитием достижений прошлого (против пролеткульта, покровщины, структуралистов и т.д. и т.п.). Придерживаться историзма — т.е. чтобы понять явление, общественный институт — следует начинать с генезиса, этапов прохождения и тогда — к явлению..."⁴⁸. Много раз обращавшийся к теме борьбы нового и старого в переходные эпохи, ученый еще раз выделил в этом письме один из тезисов своей платформы: "Разлагающийся строй пытается путем *адаптации* элементов нового сохранить свою власть..."⁴⁹. Как точно проецируется эта мысль ученого на сегодняшний день переживаемой страной новой переходной эпохи!

В концепции М.Я. Сюзюмова значительное место отводится государству и праву, поскольку наличие сильной государственности и развитого права было отличительной чертой Византийской империи по сравнению с Западной Европой вплоть до XI в. Признавая, что "идея сильного централизованного государства была по преимуществу прогрессивной в средние века"⁵⁰, ученый, однако, не был панегиристом византийской системы власти. В написанном в 30-е годы очерке "Византийское государство и византийская культура" он отмечал, что византийское государство более, чем какой бы то ни было другой институт, способствовало консервации старого, отжившего⁵¹. Сюзюмов называл Византию страной классической бюрократии со всеми присущими ей недостатками — продажностью, волокитой, формализмом, враждебностью к народу⁵². Нередко он проводил прямые параллели между византийской и советской бюрократией, сделал это впервые в 1937 г.⁵³ Советская система сильной власти не вызывала у него неприятия (он был, вероятно, подготовлен к ней усвоенной еще в юности историей Византийской империи), а в "схватках" с бюрократией он использовал чисто византийские приемы. Когда Министерство высшего образования решило сократить в университетах количество учебных часов на изучение латинского языка, он, возмущенный этой политикой обскурантизма, написал письма самому главному чиновнику по ведомству образования, развил стройную систему доказательств крайней необходимости именно латинского языка в будущем коммунистическом обществе. Самое любопытное, что в своей борьбе с чиновничьим невежеством он не знал поражений. Вспоминается случай, когда одному из корреспондентов, опасавшемуся, что его книга по истории Византии может не появиться, профессор посоветовал посвятить ее министру просвещения и министру высшей школы в такой форме: *Viro illustrissimo Ponomarevo et viro optimo et potentissimo Pitzevo*⁵⁴.

Если препоны бюрократической системы Сюзюмов умел ловко обходить, то пролеткультовская идеология вызывала у него всегда только одну реакцию — бурное негодование. Полное неприятие мнения оппонента или аргументов противоположного идейного течения ученый именовал гиперкритикой и считал это самым опасным для науки. Профессиональный атеист, по его мнению, "некритически относится к литературе и самую бессовестную гиперкритику... принимает за высшее проявление научности!"⁵⁵ М.Я. Сюзюмов постоянно говорил и довольно часто писал своим коррес-

³⁹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

⁴⁰ Ср.: Weiss G. Antike und Byzanz: Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur // BZ. 1977. Bd. 224.0 S. 529–560.

⁴¹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 3 об.

⁴² ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

⁴³ См.: Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях генезиса...; Он же. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // ВО. М., 1961; Он же. Византийский город...; Он же. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // ВВ. 1968. Т. 29.

⁴⁴ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Сюзюмов М.Я. Модернизация и сепаратизация // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 45.

⁴⁷ Сюзюмов М.Я. Предпринимательство в византийском городе // АДСВ. 1966. Вып. 4.

⁴⁸ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

⁴⁹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

⁵⁰ Сюзюмов М.Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии) // ВВ. 1968. Т. 29. С. 34.

⁵¹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 5. Л. 11 сл.

⁵² Сюзюмов М.Я. Историческая роль Византии... С. 37.

⁵³ ГАСО. Ук. Ф. Д. 5.

⁵⁴ ГАСО. Ук. Ф. Д. 153. Л. 5.

⁵⁵ Там же. Л. 9.

пондентам, что Пролеткульт, будучи раскритикованным в литературе, "сохранился в истории (Покровщина и пр.), в праве и т.д. — пролеткультовская методология перенесена в прошлое..."⁵⁶. Свое отношение к подобным принципам он определял как "звериную ненависть к пролеткультовцам в науке, покровщине, структурализму, модельщикам и тому подобностям"⁵⁷.

Особенно огорчало М.Я. Сюзюмова, что пролеткультовские методы проникали в учебные программы гуманитарных факультетов университетов. Он писал в июле 1964 г. одному из своим постоянных московских коллег: "Если не изменится это дюринганско-махистско-богдановское направление в организации университетского исторического образования — то у нас совсем не будет людей, читающих книги по византиноведению!.. Конечно, историческая наука в конце концов выживет, но не знаю, доживу ли я до этого: "покровщина" — очень трудноизлечимая болезнь — особого вида проказа на фронте исторической науки"⁵⁸.

М.Я. Сюзюмов считал, что ответственность за нарушение подлинно научных принципов в истории должен взять на себя прежде всего Институт истории. В письме этого же года он писал: "И Институт истории виноват в этом. Нужно иметь больше гражданского мужества в защите исторической науки"⁵⁹. Поэтому выход первого тома "Истории Византии" вызвал у него восторженную реакцию, невзирая на все ошибки и опечатки этого издания. Ученый писал в сектор византиноведения в связи с этим событием: "Конечно, "История Византии" написана РАНУ... Конечно, ИВ — не последнее слово нашего византиноведения... Восторг и радость у меня соединились прямо-таки с физической болью. Опечатки"⁶⁰. Но наряду с этим, Сюзюмов считал издание "Истории Византии" подвигом, поскольку она, по оценке ученого, была написана "в самых тяжелых условиях рецидива покровщины, во время вальпургиевой ночи всех наших современных дюринганцев, махистов, пролеткультовцев, покровщины... издание ИВ можно оценить как талантливо проведенную активную оборону византиноведения... это гигантский ледокол, который прорезал лед для дальнейших исследований о сущности роли Византии в истории человечества"⁶¹.

В докладах и статьях М.Я. Сюзюмов довольно часто цитировал Маркса. Был ли он марксистом? Очевидно, что цитата из Маркса зачастую играла в его работах роль "козырной карты", которая была все аргументы оппонента-марксиста. Но скорее она была тем щитом, который засланил его от непризнания. Хотя сюзюмовские интерпретации Маркса всегда расходились с общепринятыми, он объяснял это тем, что он читает Маркса только по-немецки, поскольку русские переводы неточны. Он называл себя марксистом-ортодоксом, этим, вероятно, отмежевываясь от тех, кто выучил марксистские догмы по вузовским учебникам. Примитивное начетничество он определял как "стиль воинствующих безбожников и комитетов бедноты 19 года"⁶².

Главным аргументом для М.Я. Сюзюмова был факт, зафиксированный источником. Он писал, в одном из писем: "Я никогда не решусь что-либо утверждать, не имея определенных фактов в достаточном для концепции количестве..."⁶³. Ученый не терпел какого-либо "насилия" над источником. Игнорирование исследователем источника или гиперкритическое, не основывающееся на анализе, отношение к нему вызывало

⁵⁶ Там же. Д. 157. Л. 7.

⁵⁷ Там же. Л. 6. Больно пережив в молодости разрушительное действие пролеткультовской идеологии, в 70-е годы, когда стали привлекать внимание историков методы французских ученых школы "Анналов", Сюзюмов воспринял их очень настороженно. Он усмотрел в структурализме и моделировании попытку новой выходящей формализации исторических процессов и поэтому несправедливо поставил в один ряд принципиально разные направления исторической науки.

⁵⁸ ГАСО. Ук. Ф. Д. 153. Л. 6.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Д. 163. Л. 8.

⁶¹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 163. Л. 8.

⁶² Там же. Д. 154. Л. 4.

⁶³ Там же. Д. 157. Л. 5 об.

у Сюзюмова бурный протест. О методах работы подобных исследователей ученый написал в письме одному из своих учеников И.П. Медведеву: "Если источник не соответствует теории — горе источнику"⁶⁴.

Несомненной заслугой М.Я. Сюзюмова как ученого были его переводы византийских источников. Знаток древних языков, он умел найти неожиданное прочтение сложного фрагмента текста, уловить тончайшие нюансы мысли автора сочинения. Сравнение первого и второго изданий "Книга Эпарха"⁶⁵ свидетельствует о постоянном стремлении ученого постигнуть точный смысл текста, вжиться в представления и понятия византийцев. Переводы трактата Юлиана Асклонита "О законе и обычаях Палестины", "Морского закона", энокмия Льва Диакона отражают широту диапазона научных интересов ученого. Комментарии Сюзюмова к "Книге Эпарха" и "Истории Льва Диакона" воспринимаются как самостоятельные источниковедческие этюды, богатые сравнительными наблюдениями, этимологическим анализом, терминологическим поиском. Принцип "ad fontes" был для него всегда одним из главных. Однако в последние годы, почти потеряв зрение (как и слух), Сюзюмов был лишен возможности обращаться к работе непосредственно с текстом. Бумага, перо и зрелище были его миром в старости.

Хотя, впрочем, было бы неправдой сказать, что в старости М.Я. Сюзюмов был одинок. Он был окружен учениками. Создание своей школы должно быть отнесено к одному из его дерзостных "безумств". Ученый стал собирать вокруг себя молодежь в возрасте, когда другие подводят итоги жизни: ему было около семидесяти лет. Но главное "безумство" заключалось не столько в количестве прожитых им лет, его возрасте, сколько в условиях работы в провинциальном городе. Школа возникала на энтузиазме учителя, преданности учеников, на микрофильмах и ксерокопиях, на старых книгах сюзюмовской библиотеки. Ученый щедро дарил ученикам идеи, порой преувеличивал их достоинства и ревностно опекал. Дух взаимоотношений между учителем и учениками передает приписка к письму начала 60-х годов в адрес Сюзюмова от его московского коллеги, весьма скептически воспринимавшего идею провинциальной школы: "Сердечный привет Вам и всем Вашим ученикам, которых Вы так любите и которые готовы ради Вас сражаться даже с самой истиной!"⁶⁶.

Порой, оценивая ныне успехи уральской школы, замечают, что ученики Сюзюмова и близко не подошли к планке, которая была доступна учителю⁶⁷. Но живет его дело — херсонесская экспедиция, сборник "Античная древность и средние века", научный коллектив. Каждый год в сюзюмовской аудитории проходят научные чтения памяти учителя. И совсем молодые византилисты, вчерашние студенты, уже не заставшие его живым, вдохновляются огнем, зажженным некогда.

Вокруг имени ученого сейчас ходит много легенд, живут и передаются из уст в уста его реплики, его "галльские вопросы", пересказываются анекдотические ситуации, в которые он попадал. Была в нем удивительная неповторимость, сочетание эпотажности и некой навности. А.П. Каждан вспоминал, как однажды в разговоре с ним М.Я. Сюзюмов определил себя как человека, имеющего собственное мнение в отношении всех исторических событий от Одиссея до Колумба⁶⁸. То же можно сказать и о позиции ученого относительно всех вопросов — как философских, так и бытовых. Так, к примеру, в письме к А.Н. Чистозвонову от 9 сентября 1962 г. М.Я. Сюзюмов, выступая против "сусально-умишительного" отношения к ересям в марксистской историографии, показывает, как важно иногда отрешиться от привычного взгляда. В качестве примера он приводит противопоставление любви по расчету "чистой" любви (вопрос возник в связи с обсуждением проблемы Мюнстерской коммуны): «Вся-

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Византийская Книга Эпарха, М., 1962.

⁶⁶ ГАСО. Ук. Ф. Д. 215. Л. 4.

⁶⁷ Kazhdan A. Portraits... P. 204.

⁶⁸ Ibid.

кая любовь ДОЛЖНА сочетаться с "низменным расчетом", ведь любовь должна иметь дело с длительной совместной жизнью в обществе, и хозяйственные заботы о будущем неотделимо связаны с любовью. "Чистая" любовь, абстрагированная от всякого хозяйственно-бытового расчета — да это самый гнусный разврат!!!»⁶⁹. Затем Сюзюмов заключает, что и в науке полезно порой "оторваться от приторно-сусальных и догматически четких фраз"⁷⁰.

Один из коллег Сюзюмова сравнивал его в день 80-летия с героем агиографической литературы, поскольку ему было "свойственно дерзостно-свободное отношение к окружающему миру: ни земное тяготение, ни вихри, ни загадочность будущего не останавливают его — он преодолевает время и расстояние, господствует над стихиями и знаетса к будущим"⁷¹. Хотя птица Времени порой и задевала Сюзюмова своим крылом, жил он однако не столько согласуясь с эпохой, сколько вопреки ей. Впрочем, в разговорах он часто вспоминал коварство Тихи...

Поскольку эта статья написана в связи с весьма торжественной датой, позволю себе закончить ее словами из энкомия Никифора Григоры в адрес его учителя: "Без сомнения, сказанное мной только слабая тень достоинств этого человека. Но едва ли слабее, чем у других, было мое желание изобразить эти достоинства".

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

ПО ПОВОДУ НОВОГО ИЗДАНИЯ "КНИГИ ЭПАРХА"¹

Должен признаться, что не без некоторого недоумения и чувства горечи узнал я в свое время о готовящемся новом издании памятника и ожидал его появления. Недоумения — потому что было непонятно, что нового можно было ожидать от нового издания по сравнению с может быть скромным в полиграфическом, но вполне добротным в научном отношении изданием М.Я. Сюзюмова², тем более, что рукописная база этого нового издания по-прежнему ограничивалась одной единственной рукописью — Genovensis gr. 23. Чувства горечи — потому что тем самым "перекрывается" и обесценивается уже указанное, вполне доброкачественное издание отечественного ученого, ибо кто же теперь станет им пользоваться, если широко распространилось по миру новое, писаное на европейском языке, отмеченное принадлежностью к авторитетной международной серии "Corpus Fontium Historiae Byzantinae", да к тому же в отменном полиграфическом исполнении, — обычная "маргинальная" судьба работы, имеющей несчастье принадлежать перу "советского" ученого и быть изданной в нашей бедной стране.

Сейчас новое издание перед нами, и мы не можем не признать, что оно все же было оправдано, ибо определенный прогресс по отношению ко всем предыдущим изданиям налично. Во-первых, небольшая сенсация: в самый последний момент, уже на стадии корректуры, выяснилось, что существует еще одна греческая рукопись с полным текстом "Книги Эпарха", которая ныне хранится в рукописном отделе Научного центра славяно-византийских исследований им. Ивана Дуйчева" (София) и которую проф. Кодеру удалось (ценой задержки) отразить в своем издании (Codex Serdicensis gr. 144). И пусть этот поздний (XVI в.) список ничего не дает для улучшения текста памятника, являясь скорее всего копией с женеvской рукописи (с. 53–54), он, тем не

менее, в какой-то степени снимает неприятный "комплекс робинзоады" для этой последней.

Во-вторых, подверглись основательному изучению палеография и кодикология основного женеvского списка — конволюта, уточнены все его "параметры", датировка (середина XIV в.), высказано предположение о его происхождении из Константинополя (с. 42). Выяснилось, например, что руке основного писца, списавшего около 90% всей женеvской рукописи (и, в том числе, тексты Книги Эпарха и трактата Улиана Аскалонита), принадлежат еще две греческих рукописи юридического содержания: 1. сборник новелл византийских императоров из приложения к Большому синодису Василия, хранящийся ныне в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, г. Санкт-Петербург (ГПБ, греч. № 701)³; 2. сборник, содержащий Synopsis minor, а также другие правовые тексты, и хранящийся ныне в рукописном отделе Научного центра славяно-византийских исследований им. Ивана Дуйчева, г. София (Codex Serdicensis gr. 253). Расширяются, таким образом, наши представления о среде возникновения и обитания уникального женеvского списка.

В-третьих, довольно интересные результаты дало изучение истории "бытования" книги Эпарха в византийскую эпоху. Оказалось, что ее знали и ею пользовались не только в X, но и в XI в. Затем, после довольно длительного периода забвения (например, с момента прихода к власти императоров Комниновской династии с их "gewerbefeindlichen Politik" и до середины XIV в.), интерес к ней снова пробуждается, о чем свидетельствует прямая и косвенная рукописная традиция (помимо женеvского списка, мы имеем хотя и фрагментарный, но содержащий очень важные inscriptio и prooimion афинский список XIV в. — olim Panagiotou Tarhu 25), так называемая "новелла 115" Льва Мудрого "De tabulariis", которая на самом деле, как показал в недавней статье А. Шминк, является простой выпиской из Книги Эпарха

¹ Das Eparchenbuch Leons des Weisen / Einf. Ed. Übersetz. und Indices von J. Koder (Corpus Fontium Historiae Byzantinae: Series Vindobonensis. Vol. XXXIII). Wien, 1991. 168 S. + Abb. 1–10.

² Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., изд. текста, пер., коммент. М.Я. Сюзюмова, М., 1962. 294 с.

³ См. об этом также: Медведев И.П. Заметка о двух греческих юридических рукописях из ленинградских собраний // ВВ. 1991. Т. 52. С. 137–138.

⁶⁹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 165. Л. 3.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Д. 215. Л. 15.

и отнюдь не представляет собою отдельно выпущенной, самостоятельной новеллы (из 8 списков, сохранивших текст "новеллы", самый ранний датируется именно XIV в.)⁴ и, наконец, использование ее Константином Арменопулосом в качестве одного из источников для его "Шестикнижия" (сер. XIV в.). Правда, Кодер считает, что Арменопулос держал в руках самой Книги Эпарха, что он использовал лишь разрозненное собрание тек предписаний Эпарха, которыми располагала канцелярия последнего помимо Книги Эпарха (с. 56), но мне это утверждение представляется в высшей степени сомнительным: буквальное совпадение формулировок эксцерпированных мест; отсутствие таковых, которых бы не содержалось в Книге Эпарха; использование трактата Юлиана Аскалонита, который также присутствует в женеvской рукописи, — все это свидетельствует о том, что Арменопулос использовал именно Книгу Эпарха, более того — возможно, что именно женеvский список этого памятника (я бы вообще не удивился, если бы однажды оказалось, что эта рукопись принадлежит руке Константина Арменопула, — нам ведь до сих пор неизвестен автограф этого юриста). А то, что он называет памятник не "τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον", а "τὰ ἐπαρχικά" (главный аргумент Кодера), еще ни о чем не говорит. Вернее, это говорит о склонности Арменопула обозначать конгломерат эксцерпированных им правовых предписаний с помощью нейтральной множественности: он ведь и сборник судебных решений судьи XI в. Евстафия Ромея ("Пиру") называет "τὰ Ῥωμαϊκά" и даже эксцерпты из Прохирона — "τῶν προχέρων τὰ κάλλιστα".

Кстати, эта не столь уж скудная информация источников о "бытовании" Книги Эпарха на протяжении веков как будто говорит против высказанного Шминком⁵ и поддержанного Кодером (с. 40) предположения, что этот сборник не был опубликован официально и даже, возможно, существовал долгое время в единственном списке. Впрочем, я склонен согласиться с представлением указанных авторов о неполноте и незавершенности сборника и о том, что бессмысленно ожидать данных о каком-то более полном варианте Книги Эпарха: текст ее, полагает И. Кодер, в целом нужен был лишь канцелярии Эпарха; главам же корпораций достаточно было иметь относящиеся к ним и смежные с ними разделы, поэтому потребность в полном списке Книги возникала, по-видимому, нечасто (с. 40).

С этим же связан вопрос о происхождении, авторстве и датировке памятника. Озаглавив свое издание как "Книга Эпарха Льва Мудрого" (может быть, по русски лучше было бы "Эпархова книга Льва Мудрого"?), издатель уже определил свою позицию в вопросе об автор-

стве, будучи, по-видимому, вполне удовлетворен теми доводами в пользу авторства Льва VI, которые в последнее время привел в своей цитируемой выше статье А. Шминк. Действительно, этот исследователь весьма убедительно показал необоснованность восходящих к Цахариз фон Лингенталю сомнений ученых (среди прочих указан и автор этих строк) в авторстве Льва VI и подлинность *inscriptio* к Книге Эпарха, которую дает уже упоминавшийся афинский список (*olim Panagiou Tarhu* 25), причём подлинность не только в отношении авторства Льва VI, но и датировки памятника 912 г., временем "семилетия" Константина Багрянородного и, таким образом, последними годами правления Льва VI, отсутствие же официальной рубрики объясняется тем, что этот сборник никогда (ни Львом VI, ни кем-либо из его преемников) не был, как кажется, обнародован официально и представлял собою не нормативный текст, облеченный через официальную промульгацию силой закона и отныне "действующий" но скорее "литературный" текст, который, возможно, долгое время существовал в единственном списке⁶, — представление, которому, как уже отмечалось, вроде бы противоречат данные источников о довольно интенсивном использовании текста Книги на протяжении веков.

Развивая эти идеи, И. Кодер (как в самом издании, так и в специальной статье⁷) пытается воссоздать сам процесс рождения памятника. Во-первых, сама идея регулирования деятельности ремесленных корпораций в столице империи не новшество, но продолжение традиции, вытекающее естественным образом из континуитета корпоративной организации ремесла со времен поздней античности, причем без всякого перерыва в период "темных веков" (с. 20–21). С предысторией Книги следует связать и появление 4 титула фотиевой Исагоги (датируется ныне 885–886 годами), целиком посвященного службе Константинопольского эпарха: уже тогда, по-видимому, начался сбор материала для Книги Эпарха. Скорее всего, Эпарху было вменено в обязанность опросить устно или письменно глав корпораций и потребовать от них письменной сформулировать свои предложения (неясно только, все ли корпорации опрашивались и требовалось ли от них только то, что вызывало споры и нуждалось в регулировании — с. 23).

Таким образом, первичное содержание Книги Эпарха базируется на сообщениях самих корпораций и, стало быть, отражает позднеантичную правовую традицию. В канцелярии Эпарха эти черновики сводились воедино, дополнялись, редактировались (тщательно анали-

⁶ Ibid. P. 206–208.

⁷ Koder J. Überlegungen zu Aufbau und Entstehung des Eparchikon Biblion // *Kathegetria: Essays presented to Joan Hussey for her 80th Birthday*. Camberley, 1988. P. 85–97.

зируется терминология, лексика памятника⁸), а где-то весной 912 г., за несколько недель до смерти императора Льва VI, был опубликован (Кодер говорит все же о "Veroffentlichung") окончательный вариант памятника (с. 31–32). Он отнюдь не лишен всяческих недостатков в своем содержании, непоследовательностей и диспропорций в структуре, возможно, из-за спешки вообще не был переписан набело (с. 32), оставшись не полным каталогом всех имевшихся в то время в Константинополе профессиональных объединений, а выборочным, отражающим только то, что (с точки зрения законодателя или самих корпораций) нуждалось в регулировании (поэтому и нет смысла считать, что что-то в рукописной традиции утрачено или выпущено — с. 33). Конечно, при этом читателю остается не вполне ясной роль самого Льва VI: в чем же заключается его авторство? Только в санкционировании, в официальном утверждении сборника своим авторитетом? В структуре памятника есть, впрочем, один раздел, который И. Кодер прямо и недумно атрибутирует "законодателю", т.е. Льву VI — последние 20–22 титулы, составленные и добавленные в конце сборника, по-видимому, в самый последний момент (с. 33).

Текст памятника тщательно выверен по женеvскому списку, содержит немало уточнений, поправок и конъектур по сравнению с прежними изданиями (хотя, разумеется, никакие кардинальные изменения нет и быть не могло), снабжен обстоятельным критическим аппаратом, добротным немецким переводом, указателями имен, слов, названий, фотоснимками указанных рукописей — женеvской, Санкт-Петербургской (два снимка предоставлены издателю автором этих строк), двух софийских и афинской, но лишь одного из них было комментарий. Принципами издания серии (CFNB) последнее предусмотрено, и тем не менее, не может не вызывать сожаления, что ощущает, несомненно, и сам издатель, потратив в предисловии немало слов на то, чтобы оправдать отсутствие комментария. Основной причиной он считает многообразие и даже пестроту затрагиваемых в тексте проблем и реалий, комментировать которые в целом, по мнению Кодера, невозможно (пример М.Я. Сюзюмова говорит, однако, об обратном): перспективнее разрабатывать их по отдельным направлениям, в виде автономных исследований (с. 9), частично уже осуществленных автором. Так, своеобразным комментарием к изданию (помимо уже отмеченных нами статей издателя) являются: доклад Кодера на международном симпозиуме в Афинах ("Повседневная жизнь в Византии",

15–17 сентября 1988 г.), посвященный тем профессиональным объединениям, отраженным в Книге Эпарха, которые были связаны со снабжением столицы продовольствием (рассмотрены такие вопросы как номенклатура продовольственных товаров, локализация и специализация торговых точек и магазинов, цены и норма прибыли⁹); статья о пресловутых "вофрах", в которых он традиционно усматривает посредников при продаже скота ("скотских маклеров", *Viehmakler*), но значение этого загадочного термина (*βόθρος*) и для него, несмотря на предпринятые лексикографические изыскания, "остается темным"¹⁰; еще одна статья о "пенитенциарной" системе, получившей отражение в Книге Эпарха¹¹; наконец, доклад на недавнем XVIII Международном конгрессе византистов (в рамках круглого стола "Законодательство Македонской династии"), в котором проф. Кодер рассмотрел свой памятник в контексте всей правовой реформы императоров македонской династии¹². Думается, что эту серию конкретных исследований по Книге Эпарха он еще продолжит.

Наконец, несколько слов об использовании Кодером русской литературы. Разумеется, он отдал необходимому дань изданию М.Я. Сюзюмова, отразив в критическом аппарате все разночтения с изданием последнего, указав его перевод памятника на русский язык, но почти не воспользовавшись его обстоятельным комментарием. Указана в его библиографии и статья А.П. Каждана¹³, но нет никакого упоминания об интересной статье Е.А. Черноусова¹⁴ (фактически весьма содер-

⁹ Koder J. *Επαγγέλματα σχετικά με την επισιτωσιὰ στὸ Ἐπαρχικὸ Βιβλίον // Ἔν καθημερησῇ ζωῇ στὸ Βυζάντιο*. Ἀθήνα, 1989. Σ. 363–371. Что касается соотнесения данных Книги Эпарха о нормах прибыли с данными известного письма Иоанна Цецы, то этому вопросу посвящено специальное исследование Э. Папаяни, не использованное Кодером ни в цитируемой статье, ни в издании. См.: *Parayanni. Μοναχὸί καὶ αὐτὴ ἀγορὰ στὸ 12 αἰῶνα: παρατηρήσεις εἰς προβλήματα τοῦ Ἐπαρχικοῦ Βιβλίου // Βυζαντικά*. 1988. Τ. 8. Σ. 59–76.

¹⁰ Koder J. "Wer ndern eine Grube gräbt...": Die Bezeichnung *βόθρος* im "Eparchikon Biblion" // *Fest und Alltag in Byzanz* / Hrsg. G. Prünzinger und D. Simon. München, 1990. S. 71–76, 194–197.

¹¹ Koder J. *Delikt und Strafe im Eparchenbuch: Aspekte des mittelalterlichen Korporationswesens in Konstantinopel* // *JÖB*. 1991. Bd 41.

¹² Koder J. *Das Eparchenbuch und die "Mazedonische Gesetzgebung"* (в печати).

¹³ Каждан А.П. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX–X вв. // *ВВ*. 1953. Т. 6. С. 132–155.

¹⁴ Черноусов Е.А. Римские и византийские цехи // *ЖМНП*. 1914 (сент.). С. 154–178.

⁴ Schminck A. "Novellae extravagantes" Leons VI. // *Subseciva Groningana*. 1990. Vol. 4. P. 201–209.

⁵ Ibid. P. 209.

жательной рецензии на известное исследование А. Штэкле), о чрезвычайно важной статье Г.Г. Литаврина, посвященной как раз проблеме исчисления нормы прибыли в Книге Эпарха¹⁵, об исследованиях других русских ученых. В связи с этим я хотел бы коснуться одной еще неизвестной странички из истории изучения Книги Эпарха в нашей стране, — странички, которую, несмотря на всю ее малую значимость, все же вправе знать коллеги, тем более, что она в какой-то мере связана с именем В.Н. Бенешевича.

Дело в том, что в так называемом издательском фонде Архива Санкт-Петербургского филиала Института истории России АН хранится один прелюбопытный полный машинописный русский перевод Книги Эпарха, выполненный неким Всеволодом Зиборовским (Ф. 276, Оп. 1, № 196), в бумажной обложке, озаглавлен "Книга Эпарха Льва Мудрого. Перевод с греческого В. Зиборовского" (есть помета карандашом: "Найдена в бумагах одного из прежних заведывающих издательством"). На обороте титульного листа, видимо, рукой Зиборовского чернилами написано: "Глубокоуважающему Приват-доценту Евгению Александровичу Черноусову в знак глубокой благодарности и признательности посвящается этот труд". На л. 2–45 машинописный текст русского перевода памятника, на обеих сторонах листов номера страниц проставлены на машинке самим автором перевода, а листы — карандашом архивиста. Машинопись — со старинной орфографией, текст памятника переведен, конечно же, с издания Николая, хотя это нигде не оговаривается. Текст перевода снабжен подстрочными примечаниями переводчика с разъяснениями терминов, комментированием некоторых положений со ссылками на другие законодательные (Василики, Юстиниановые Корпусы и Новеллы, и т.д.) и исторические источники, а также на литературу (знает работу Штэкле). В конце машинописи (на с. 79 = л. 42) отмечено (также на машинке): "Всеволод Зиборовский. Харьков. 28.V.1916 г.". Затем следуют таблица византийской монетной системы (с. 79 = л. 42), краткий терминологический ("Термины" — с. 81–82 = л. 43–43 об.) и предметный ("Выдержки") указатели. Особо отмечу изумившую меня запись рукой Зиборовского в конце перевода внизу на поле с. 79 (= л. 42): "Примеч (ание): Политико-социально-экономический характер Книги Эпарха при сравнении ее с цеховыми статутами XIII в. Западной Европы, главным образом Италии, скорее говорит за то, что памятник этот относится к 70 годам XIII столетия, а не к X веку". Как увидим далее, запись эта не была случайностью.

Перевод Зиборовского нельзя, по-видимому,

считать доброкачественным, в некоторых местах он явно неточен. Характерной его чертой можно назвать то, что автор стремился перевести на русский язык буквально всю техническую терминологию: табулярии у него везде нотариусы, аргиропраты — ювелиры, трапезиты — банкиры, вестииопраты — продавцы драгоценных шелковых одежд, прандииопраты — торговцы сирийскими шелковыми тканями, метаксопраты — торговцы шелком-сырцом, катартари — чистильщики шелка-сырца, серикарии — красильщики и ткачи (фабриканты) шелковых материй, офониопраты или мифаны — торговцы полотном или прядильщики ниток, мировары — продавцы благовонных товаров (ароматов), керуларии — торговцы воском, салдамари — торговцы бакалейным товаром, лоротомы — ремешки (сбруйшики), манкипы — месильщики теста, вофры — канализаторы (!) и т.д.

Что собирался делать Зиборовский со своим переводом, явствует из его же письма к неустановленному лицу, приложенного к переводу, но датированного двумя десятилетиями позднее — 21 августа 1936 г. Письмо гласит: "Дорогой товарищ, прилагаемый здесь полный перевод Книги Эпарха прошу издать. Памятник имеет историческое значение: плата наемникам за месяц вперед и т.д. Так как у меня не сохранилось ни одного экземпляра перевода (этот принадлежит уже не мне), прошу Вас вернуть мне его даже при напечатании, — с таким условием пересылать Вам его, если можно обойтись без повторной перепечатки на машинке. В виду исчезновения моего трактата "Время происхождения Книги Эпарха", отосланного мной 27.XI.1935 г. в Москву Отделению общественных наук Академии Наук, прошу повторно искать рукопись (на Ваш № 21–22.I — 19.VII.36). С приветом Вс. Зиборовский". На письме — 2 разрозненные с неразборчивой подписью: 1) "Сек (ретарю): Найдите эту переписку", 27.VIII.36"; 2) "Поговорить с И (нститу) том истории. 7.IX.36". Что же касается упомянутого в письме исчезнувшего трактата, то следы его автор этих строк обнаружил в бумагах В.Н. Бенешевича, хранящихся в С.-Петербургском отделении Архива Академии наук.

В фонде В.Н. Бенешевича (Ф. 192, Оп. 1, № 122) есть два относящихся к нашей истории документа, один из которых — это письмо (машинопись на бланке) неизвестного у нас академика-секретаря Отделения общественных наук АН СССР акад. А.М. Деборина от 5 октября 1937, г. члену-корр. АН, проф. Бенешевичу В.Н., которое гласит: "Уважаемый Владимир Николаевич! Препровождая при сем рукопись В.И. Зибаровского (sic!) "Время происхождения Книги Эпарха", прошу просмотреть эту рукопись и дать Ваше заключение. Очень просил бы Вас ответ прислать не позднее 25–27 октября с.г." (подпись). Второй документ — черновик ответа В.Н. Бенешевича на вышеприведенное письмо (на двух сторо-

нах одного листочка, вырванного из какой-то бухгалтерской книги): "11.X.1937. Отсылаю Вам работу В.И. Зиборовского, которая вызывает крайнее недоумение во всех отношениях. Автор приступил к делу без знания рукописей, содержащих Книгу Эп[арха], научной литературы вопроса и греч[еского] языка, а самое главное, без умения взяться за дело: ставить вопросы, собирать материалы для их разрешения, строить рассуждения, делать выводы и т.д.; даже цитировать чужие мнения он не умеет. Он задался мыслью доказать, что Книга Эп[арха] появилась между 1261–1282 гг., но нельзя же игнорировать наличие р[укопи]си Иерус[алимского] подворья в КП (т.е. в Константинополе. — И.М.) № 25, где в заглавии Кн[иги] Эп[арха] находится развернутая датировка памятника, и вообще для него можно думать о X в. Неудачная гипотеза автора доказана быть не может, а бессистемный набор всяких сведений, чаще всего к делу и не относ (яшхися), доказательством названа быть не может. Автор должен себе усвоить крепко заветы И.П. Павлова к советской молодежи, а не нарушать их на каждом шагу. Тогда он с негодованием бросит нынешнюю свою работу в печку и напишет на эту же тему новую, прекрасную". (Без подписи). На письме Деборина Бенешевич своим знаменитым синим карандашом пометил: "Получ. 6.X.37, отосл. 11.X.37".

Из всей этой истории наиболее интересным является, разумеется, не Зиборовский с его "завиральными идеями", а именно то, что наш выдающийся ученый В.Н. Бенешевич был полностью в курсе всей проблематики, связанной с Книгой Эпарха, хотя от него мы не имеем ни строчки, посвященной этому памятнику. Впрочем, не здесь ли кроется разгадка еще одной тайны, уже давно меня занимавшей.

Л и х а ч е в Н.П. Моливдовулы греческого Востока. Составитель и автор комментариев кандидат исторических наук В.С. Шандровская // Научное наследие. М.: "Наука", 1991. Т. 19.

Издание монографии-каталога Н.П. Лихачева — явление давно ожидаемое и безусловно необходимое. Подготовкой публикации в течение многих лет занимались А.В. Банк, Н.Н. Воронин, В.Л. Янин, В.С. Шандровская. И вот в канун XVIII Международного конгресса византистов в Москве исследование Н.П. Лихачева через пятьдесят шесть лет после создания рукописи вышло в свет.

Каталог знакомит с 384 печатями из коллекции Н.П. Лихачева, т.е. небольшой части ее, влившейся в основном в собрание византийских моливдовулов Эрмитажа, насчитывающего свыше 12 тысяч памятников и пока не имеющего своего каталога, как, впрочем, и некоторых зарубежных собраний. Правда, следует отметить, что часть его, происходящая из собрания Русского археологического института в Константинополе, была опубликована Б.А. Панченко; чтения отдельных печатей в

Я имею в виду тот раздел опубликованной в 1939 г. под редакцией Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина "Хрестоматии по истории Средних веков", в котором публикуются добротные переводы на русский целый корпус преимущественно законодательных византийских памятников (Земледельческий закон, новеллы императоров, "Клиторологий" Филофея, отрывки из "Эпанагоги" и Кекавмена и др.), а также (что для нас особенно интересно) главы 1–4 последнего 22-го титула Книги Эпарха. Качество переводов, скупые и строгие, но весьма компетентные примечания говорят о том, что автором их был мастер своего дела. К сожалению, переводы этой "византийской" части хрестоматии сугубо анонимны, и это резко выделяет ее из всего сборника, так как авторы других разделов всякий раз тщательно фиксируются. Невольно возникает вопрос, не связана ли эта анонимность византийского раздела с тем, что автором его был В.Н. Бенешевич, незадолго до этого в который раз и теперь уже окончательно арестованный и разделивший трагическую участь своего народа? Ведь известно, что в апреле 1937 г. Бенешевич обратился в Институт истории АН СССР с предложением перевести ряд византийских памятников, среди которых фигурировала и Книга Эпарха, с тем чтобы из них "составить и хрестоматию для высшей школы, полезную и для учащихся, и для учащихся"¹⁶. Остается надеяться, что однажды (возможно, с помощью московских архивов) прольется свет и на эту загадку.

И.П. Медведев

¹⁶ Архив РАН. Ф. 192, Оп. 3, № 101. Л. 18–19.

дальнейшем были уточнены В.С. Шандровской. В настоящее время нам известен целый ряд работ, посвященных печатям эрмитажной коллекции¹.

В последние десятилетия все более возрастает роль сфрагистических памятников, в частности, в сфере исследования структуры Центрального государственного аппарата и провинциальной администрации Византии, ее армии. Издан ряд каталогов моливдовулов — В. Лорана, Г. Закока — А. Веглери, В. Зайбта, Н. Икономидиса. Каталог Н.П. Лихачева органично вписался в этот поток, учитывая даже иной принцип его построения. Моливдовулы сгруппированы не по функциональной принадлежности их владельцев к армии, центральному и провинциальному административному аппарату, церкви, но

¹ См. библиогр. работ по сфрагистике в кн.: "Византиноведение в Эрмитаже". Л., 1991.

¹⁵ Литаврин Г.Г. Процент законной прибыли и процент налога с нее в византийском городе X–XI вв. // АДСВ. 1973. Т. 10. С. 39–43.

по принципу типологической близости надписей или изображений. В таблицах и на страницах Каталога помещены группы памятников, например, с изображением Голгофского и процветшего крестов (LIII), с призывом о помощи Божьей и Богоматери (LIX–LXI), изображением святых (LXII), Богоматери (LVIII–LIX), Христа (LX), со словом СФРАГИС (LV), с крестообразными монограммами (LXVII), печати коммеркиариев (LXIII–LXV).

Следует отметить значительную работу, проделанную В.С. Шандровской при подготовке к печати. Были вновь прочитаны надписи моливдулов, в ряде случаев уточнено это прочтение, приведены параллельные экземпляры из других собраний. Реставрация некоторых печатей например, М-6268, М-8084, дала возможность составителю исправить ряд чтений Н.П. Лихачева. Так, за последние полвека резко увеличилось количество опубликованных печатей коммеркиариев, например, из 167 печатей 134 не были известны ранее (с. 200). Как следствие, их классификация и датировка, предложенные Н.П. Лихачевым, в настоящее время могут быть значительно уточнены.

Показательно, что наряду с подлинниками, Н.П. Лихачев счел возможным опубликовать и поздние копии, в незначительном количестве создававшиеся в Константинополе, через антикваров которого они попали во многие собрания, в частности, в собрание РАИК, комплектовавшееся, как, известно, на территории Турции и Ближнего Востока. Исследователь полагает, что при отсутствии оригинала, "если свиновый следок точен, то он все равно что гипсовый и воспроизведение вполне научно" (с. 268). Копии моливдулов М-8003, М-8247, М-7939, М-8242 исследуются наряду с оригиналами, представляя интерес так же как исторические источники.

В некоторых случаях, не имея сравнительного материала, Н.П. Лихачев оговаривает гипотетичность своих атрибуций, приводя иные точки зрения. Это имело место с моливдулом, предположительно приписанном им Никифору Вотаниату. Параллельно исследователь привел мнение К.М. Константинопольца, колебавшегося между атрибуцией печати Никифору Вренинню или Никифору Вотаниату (см. XXVIII, № 1. Примеч. 6). Издание экземпляра лучшей сохранности Г. Закомсом и П. Веглери дало возможность В.С. Шандровской приписать моливдулу Никифору Мелиссену.

Лишь немногие надписи опубликованных моливдулов не были прочитаны на исследователем, но автором комментариев. К ним принадлежит надпись моливдула М 8219 по нумерации эрмитажного собрания. Он не имеет отношения к княжеству Феодоро в Крыму, но принадлежит, на наш взгляд, Иоанну Анге-

лу, сыну деспота Константина Ангела и порфирородной Феодоры Комниной, дочери Алексея I Комнина². От ценен тем, что найден в Крыму в Еникале, столь бедном сфрагистическими памятниками XII в.³. Отметим, что указание на происхождение не только по линии отца, но и по линии матери, особенно если она принадлежала к императорской фамилии, в XII в., было довольно много. Например, брат Иоанна Алексей называет себя Комнином и сыном порфирородной Феодоры в ктиторской надписи церкви Пантелеймона в Нерези⁴.

Наконец нужно отметить уникальную печать с латинской надписью M-2221, о которой никаких данных в публикации не приводимо. Она принадлежала не просто Александру Гравине, графу Конверсано, но одному из известнейших византийских дипломатов времени правления Мануила I Комнина, Гиём Тирский называет его как участника посольства 1168 г. в Тир к королю Иерусалима Амори I⁵. В августе того же года он возглавил византийский флот, посланный к Акре для последующего участия в египетском походе⁶. Наконец, после Мирнокефала он участвовал в посольстве в Иерусалим наряду с Андроником Ангелом, великим этерархом Иоанном и Георгием Синаитом⁷. Роль Александра Гравины в реализации планов императора в отношении государств крестоносцев была очень значительна.

Ряд опечаток в греческих текстах ни в коей мере не умаляет значение данной публикации, кое трудно переоценить. Введен в оборот первоклассный материал, дающий возможность более детально реконструировать структуру различных византийских учреждений и институтов, а также cursus honorum чиновников и полководцев империи. В этой связи следует отметить кропотливую работу В.С. Шандровской, значительно дополнившей приведенный Н.П. Лихачевым материал и во многом пополнившей комментарии на уровне современных знаний в области сигиллографии.

В.П. Степаненко

² Моливдул самого Константина см.: *Laurent V. Les sceaux byzantins du Médailleur Vatican. Citta del Vaticano, 1962. N 55. P. 40–42.*

³ См.: *Шандровская В.С. Печать Иоанна Коностафана Комнина, найденная в Крыму // Проблемы истории Крыма: Тез. докл. научн. конф. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 10–11.*

⁴ См.: *Бошкоски М. Византийская печать Лована Комнина, дукса Скопья // ЗРВИ. 22. 1983. С. 38.*

⁵ *Willerti Tyrensis Historia rerum in partibus transmarinis gwstarum // RHCocc. T. 1. P. 945.*

⁷ *Ibid. P. 961–962.*

1. *Pistarino Geo. I Gin dell'Oltremare. Genova, 1988. 512 P. P. Civico Istituto Colombiano. Studi e Testi, 11, 14.*

Два тома трудов почетного профессора Генуэзского университета, члена Лигурийской Академии Джео Пистарино посвящены истории торгово-предпринимательской деятельности генуэзцев и их факторий на Леванте и в Причерноморье. Это подборка важнейших публикаций автора за прошлые годы, в которые им были внесены значительные изменения и дополнения, а также не издававшиеся ранее работы.

Главнейшим достоинством этих, как и предшествующих трудов видного итальянского историка является сочетание глубокого источниковедческого анализа текстов, нередко впервые введенных им в научный оборот, с глобальным видением процессов и явлений, охватывавших все Средиземноморье на протяжении XII–XVI вв.

Первый из разделов – «Романия и "Великое море" в средневековых генуэзских источниках» (I.1) – четко ориентирует читателя в основных комплексах генуэзских источников по истории Византии и Причерноморья. Исследователь с полным основанием отмечает скудость информации об этом регионе у генуэзских хронистов и объясняя этот факт, показывает значение Статутов Перы и Каффы, иных юридических источников, особо останавливаясь на нотариальных актах, богатейшим собранием которых располагает Генуэзский гос. архив. 6 актов, составленных в Трапезунде в 1304 г., в Самастро (Амастриде) и Пере в 1397 г., публикуются в сопровождении детального комментария.

Генуэзское присутствие на Черном море (I.2) рассматривается Дж. Пистарино в рамках его теории о существовании некоего генуэзского содружества (Commonwealth), объединявшего различные и разбросанные фактории и колонии при слабости центральной власти метрополии¹. Ей принадлежало политико-институциональное руководство, в то время как социально-экономическая деятельность всецело реализовывалась в рамках частной инициативы (I. С. 89, 102). Во всей сложной ситуации, существовавшей в Причерноморье в XIII–XV вв., при многочисленности враждовавших друг с другом государств и небольших владений, при всей политичности в самих факториях, создававшей немалые социальные и даже чисто лингвистические проблемы, торговля была для генуэзцев "искусством созидания" их мира (I. С. 107). Именно коммерческие цели привлекали в генуэзские фактории большое число переселенцев с Запада, прежде всего – из Лигурии.

¹ См. об этом подробнее: *Pistarino G. Comune, "Compagna" e Commonwealth nel medioevo genovese // A Storia dei Genovesi Genova, 1983. P. 9–28; Idem. Reflets du "Commonwealth" génois sur les institutions de la mère patrie // État et colonisation au moyen âge et à la Renaissance. Lyon, 1989. P. 71–94.*

А среди лигурийцев выделялись жители Савоны, активно участвовавшие в освоении всего побережья "Великого моря" (I. VII). Большое место уделено и сложнейшей проблеме социального статуса населения факторий, проблеме *burgenses, civitates* и *habitatores* (I. С. 116–123)².

Специальные главы посвящены отношениям Генуи и Болгарии (I.3), генуэзским факториям в дельте Дуная – Килие и Ликостомо (I.VI), пребыванию генуэзцев в Святой Земле (2.I), истории генуэзских владений на Хиосе (2.IV), Лесбосе и Эносе, где правил генуэзский знатный род Гаттилузи, породненный с византийскими и трапезундскими императорами (2.VI), генуэзской маоне и генуэзским купцам на Кипре (2.VII). И повсюду Дж. Пистарино апеллирует к новым источникам, часто изданным им самим или его учениками и коллегами в специальных сериях, выходящих под его редакцией³.

В центре книг все же находятся два крупнейших форпоста генуэзской колонизации: Пера и Каффа. Изучаются их связи и их взаимодополняющая роль в системе политических, экономических и административных отношений с другими факториями Генуэзской Романии и государствами Причерноморья (I.V). С берегов Великого моря, прежде всего из Каффы, открывался путь на Восток, вплоть до Китая, куда уже в XIII–XIV вв. проникали генуэзские предприниматели (2.III). В Каффе существовали генуэзские банки, обладавшие значительными капиталами и производившие обслуживание и кредитование дальней и ближней торговли (I.V).

Крупнейшей опасностью, с которой генуэзцы столкнулись в XV в., была османская экспансия. И здесь политика Генуи, прежде всего Банка Сан Джорджо, которому в 1453 г. было передано управление всеми черноморскими факториями, колебалась от прагматизма и попыток достигнуть договоренности с турками до чаще всего безуспешных усилий организовать оборону своих владений, опираясь и на помощь и поддержку римских пап. От генуэзской Перы до турецкой Гаяты (I. VIII), от крупнейшего города Черноморья Каффы до подчиненной

² См. о ней, в частности: *Balard M. La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle). Genova; Roma, 1979. T. 1. P. 327–334; Jacoby D. Les Génois dans l'Empire byzantin: citoyen, sujets et protégés (1261–1453) // La Storia dei Genovesi. Genova, 1989. T. 9. P. 245–284; Карпов С.П. Генуэзцы в городах Понта (XIII–XV вв.) // ВО. М., 1991. С. 142–149.*

³ *Collana Storica di Fonti e Studi / Diretta da Geo Pistarino. Genova, 1969–1989. T. 1–53; Civico Istituto Colombiano. Studi e Testi: Serie Storica / A cura di Geo Pistarino. Genova, 1976–1990. T. 1–14. См. наши рец.: ВВ. 1986. Т. 46. С. 224–230; ВВ. 1989. Т. 50. С. 214–217.*

османам крепости Кефе (2.VIII) — таким был путь генуэзской Романии в 1453—1475 гг. Хотя и в конце XV—XVI вв. генуэзцы, как показывает Пистарино, продолжали торговать в Причерноморье, следствием была общая переориентация генуэзской торговли на Запад и участие генуэзцев в Великих Географических открытиях (1.IX).

Детальнейшим образом Пистарино воссоздает день за днем историю осады и капитуляции Каффы в 1475 г., анализируя, наряду с совокупностью многочисленных сообщений современников и хронистов, новую, издаваемую им (2. С. 512—518) редакцию письма очевидца этих событий, анонимного флорентийского купца, торговавшего в Каффе и депор-

Сметанин В.А. Византийское общество XIII—XV веков (по данным эпистографии), Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987, 288 с.

Состоявшаяся в июне 1991 г. в Уральском университете защита монографии В.А. Сметанина в качестве докторской диссертации дает нам повод вернуться к этой теперь уже не вполне "свежей" и, к сожалению, своевременно не рецензированной на страницах "Византийского временника" работе.

Имя автора достаточно хорошо известно в кругах специалистов по истории Византии: уже много лет (а теперь уже и десятилетий!) В.А. Сметанин верен избранной теме — комплексному исследованию последних веков существования Византийской империи. Начав свою научную деятельность с изучения социально-экономических проблем, В.А. Сметанин впоследствии сконцентрировал свое внимание на византийской эпистографии, опубликовал целый цикл посвященных ей исследований, в том числе изданную еще в 1970 г. и встреченную с большим интересом научной общественностью книгу "Эпистография"¹ и, наконец, монографию, являющуюся объектом нашего рассмотрения, которая, таким образом, подводит определенный итог многолетним исследованиям автора в этой области.

Все мы (историки-византинисты), разумеется, отдали необходимую дань этому типу исторических источников, так или иначе в своих работах использовали письма византийцев, но все-таки сама мысль о сплошном обследовании всей этой громады бесчисленных, пространных, трудных для понимания, рафинированных и, как казалось, достаточно бессодержательных греческих эпистолярных текстов не могла вызвать (у меня, например) ничего, кроме уныния. И мы тем более должны быть признательны Валентину Александровичу за то, что он решился проделывать эту весьма трудоемкую работу.

Интересным и оригинальным представляется

¹ Сметанин В.А. Эпистография. Свердловск, 1970. 181 с.

тированного оттуда в Стамбул. На основании этого документа можно также датировать и взятие османами Таны (Азова) июнем 1475 г. Но и после 1475 г. память о генуэзцах — "джинах Заморья", подкрепленная внушительными остатками их фортификаций, долго жила в памяти народов Крыма и Кавказа, придунайских княжеств и Анатолии, Польши, Литвы и России (1.IX).

Книги Пистарино — плод многолетних исследований главы школы генуэзских медиевистов — относятся к тем редким изданиям, которые считаются классическими, образуя фундамент знаний по истории Генуэзской Романии и Причерноморья.

С.П. Карпов

сам замысел монографии: воссоздать основные черты византийского общества в самый драматический период его истории (в XIII—XV вв.) через призму эпистографии; показать, каким образом жгучие проблемы, которыми жило византийское общество того времени, отразилось в этом "самом субъективном" (как не без основания подчеркивает автор) виде источников. В этом смысле работа действительно "открывает новое направление" в византиноведении, по крайней мере, других работ такого рода мне неизвестно. Ведь анализом охвачены практически все стороны жизни византийского общества — экономика (ремесло во всех его разновидностях, промыслы, торговля, особенности развития города, простыя, деревни), социальные отношения и противоречия, политико-идеологическая сфера (эволюция представлений византийцев об ойкумене, родине, обществе, труде, народе), критическая внешнеполитическая ситуация (этапы и специфика турецкой экспансии и ее оценка византийцами), и т.д. Специальную главу автор посвящает эпистолярному общению как форме идеологической жизни, открывая перед нами по существу особый пласт византийской культуры — эпистографической культуры (в главе воссоздаются организация эпистолярных связей, теория и практика эпистолярного стиля, специфика эпистолярного общения).

Успеху всего предприятия способствовали разработанная самим автором методика эпистографии как специальной или вспомогательной науки (хотя я не считаю удачным вымученный, на мой взгляд термин "эпистолология"), учет всех плюсов и минусов писем как исторического источника, но особенно то, в чем, по моему, всегда, с самых первых своих статей, был силен автор — повышенное внимание к лексике, терминологии и еще больше фразеологии тех текстов, с которыми он имел дело. Думаю, что изучение фразеологии писем византийцев — это, пожалуй, кратчайший и самый верный

путь не только к пониманию их *manière de parler* (способу выражаться), но и к постижению их стандартов мышления, качества их менталитета вообще, в конечном счете — путь к разгадке кода византийской культуры в целом. Эту сильную сторону своего исследования автор демонстрирует на протяжении всей книги, но особенно она впечатляет в разделах о фразеологических обозначениях социальных групп византийского населения (с. 120—145), о терминах, эпитетах и словосочетаниях, применявшихся для обозначения императоров (с. 148—151), патриархов (с. 151—152) и т.д. Поражающее своим богатством и разнообразием перечни социальных фразеологизмов позволяют автору сделать ряд важных и общезначимых наблюдений о жизни византийского общества, вычленив ряд сословий (духовное, гражданское, военное), каждое из которых расчленяется на более мелкие разряды (в качестве примера приведены 40 попарно противопоставленных фразеологических сочетаний); показать возрастание значения духовенства которое вкупе с сословием архонтов образовало "бинарное светско-духовное сословие № 1" (с. 144); раскрыть процесс присельничества; и т.д. Автору действительно удалось показать (в острой полемике со своими предшественниками), что "являясь кладом разнообразной информации, поздневизантийское эпистолярное наследие выступает одним из основных источников познания социально-экономической и идейно-политической истории ромейского общества" (с. 59). Убеждает общий вывод о том, что "в зеркале эпистографии" византийское феодальное общество XIII—XV вв. "представляло собой не нечто застывшее, неизменное, неуклонное идущее по пути упадка", но скорее общество, которое, "эволюционируя противоречиво, последовательно, зигзагообразно, не только модифицировалось во всех сферах общественной жизни, но в некоторых из них, пусть даже и частично, развивалось поступательно, достигнув в этих областях высшей ступени по сравнению со всей предшествовавшей византийской историей" (с. 224). Безусловно, украшает монографию и приложение — небольшая антология из 25 поздневизантийских писем в переводах самого диссертанта с "византийского" (так!) языка (с. 226—257).

К сожалению, немало монография В.А. Сметанина содержит в себе и неточного, и спорного, и даже, на мой взгляд, ошибочного. Прежде всего о самих "эпистографах": № 154 (с. 39) — племянник Мануила II Палеолога, правивший во время путешествия Мануила на Запад, и № 158 (с. 40) — византийский император Иоанн VII Палеолог — это одно и то же лицо (ср. также с. 62); никакой аргументации со стороны Т.В. Поповой, якобы "отождествившей" Георгия Амвртичи с Георгием Трапезундским (№ 79, с. 33), не требуется — это просто элементарный ляпсус; автор монографии (вслед за А.С. Павловым) пишет, что письма Димитрия Хоматяна ошибочно приписыва-

лись Питрой епископу Китрскому Иоанну (с. 37, № 127), но не так давно Даррузес принял серьезную попытку подтвердить авторство Иоанна Китрского, а его самого отождествить с упомянутым среди патриарших чиновников логофетом Иоанном Хоматяном, который, возможно, был родственником Димитрия Хоматяна², при указании Кириака из Анконы или "Чириако Анконитано" (с. 43 № 191) почему-то не упомянуто его фамилия — Пициколли; год смерти Плануда указывается то "ок. 1310" (с. 45), то "ок. 1305" (с. 80). Не использованы новейшие издания Пертужи писем Леонарда Хиосского, Молера — писем Виссарiona, Христу — писем Паламы, Бенакиса — исключительно важного письма Плифона, Гийана — посланий Константина XI Палеолога (письма этих деятелей, однако, известны автору по старым изданиям). Неверно утверждение, что письмо Давида Дисипата к Николаю Кавасиле "еще не издано" (с. 36 № 115): Цамис издал его отдельной книгой в Фессалонике в том же 1973 г., что и его статья, известная автору³.

Излагая и оценивая возникшую в среде специалистов дискуссии о так называемой "деконкретизации" византийских эпистолярных текстов (с. 21—25), В.А. почему-то ничего не говорит о такой яркой черте писем как сознательная стилизация писем "под античность". Вот что говорит по этому поводу величайший знаток византийской эпистографии и издатель писем Димитрия Кидониса Ленерц: «Письма по рецептам риторики, враждебной собственным именам, конкретным деталям и техническим терминам, византийские письма дают нам образ их эпохи в деформирующем зеркале классической античности... Трибалы наеляют Сербию, мизийцы — Болгарию, а персы, владея Малой Азией, угрожают свободе эллинов. Во всей этой обширной корреспонденции лишь несколько иностранных слов (таких как "кардинал", "passagium") и пара народных выражений (*μοσπουλαί, γαίωα*) могли бы сбить с толку современника Перикла»⁴.

Каюсь, я не сверял приведенных в монографии в переводах автора цитат с подлинниками, но иногда, споткнувшись о какую-то шероховатость, я заглядывал в подлинный текст, если он находился у меня под рукой, и — о ужас! обнаруживал порою некоторые неточности. Так, приведенная на с. 22 цитата из издателя писем Мануила II Палеолога американца Денниса — "в синтаксисе (писем Мануила. — И.М.) иногда

² Darrouzès J. Recherches sur les offikia de l'église byzantine. P., 1970. P. 174; *Idem*. Les réponses canoniques de Jean de Kitros // REB. 1973. T. 31. P. 319—334.

³ Tsames D.G. Δαφίθ Διωπάτου λόγος κατά Βαρλαάμ και 'Ακιδύνον πρὸς Νικόλαον καθ' ὄλιαν. Θεσσαλονίκη, 1973. 115 σελ.

⁴ Loenertz R.J. Les recueils de lettres de Démétrius Cydonés. Città del Vaticano, 1947. P. VI.

настолько сложные искажения, что почти лишаясь чувств" в моем переводе (да будет мне позволено не приводить здесь английский текст) звучит несколько иначе: "иногда синтаксис так сложно закручен, что кажется почти лишенным смысла" (все же "devoid of sense" не означает здесь "лишаясь чувств"). Смущает меня и топоним "Эндемуса" (с. 54, 62). Может быть, все же имеется в виду не город Эндемуса (в Никейской империи — помечает В.А.), о путешествии в который пишет епископ Алакии Феодор, а *συνδος ἐπιθῶπου*, на заседании которого он ездил?

Хотел бы коснуться и способа транслитерации греческих слов с помощью латинского: он мне кажется весьма странным. Главное ведь в этом (если уж нельзя набрать греческий) — чтобы греческий термин или слово можно было легко узнать, а у В.А. это не так-то просто сделать. Попробуйте узнать женский артикль *ἡ*, если он передан латинской буквой "e" (тогда уж нужно "he" или "i"); в ла-

тинском шрифте есть буква "k", которой и надо пользоваться для передачи "каппы", а не использовать "с"; ну и так дальше. Немало странностей и в транскрибировании некоторых имен на русский: Ласкард вместо принятого Ласкарь или Ласкарис, Амирудз вместо принятого Амирути, Исза вместо Исайя, Феодор Газ вместо Газа, и т.д. Грешит нередко "изысками" и стиль монографии, неудачными, в частности, я считаю такие термины и выражения как "симплификация" (с. 4), "легислативные источники" (с. 11 — как будто хуже русское "законодательные"), "типертрофировать" в смысле "абсолютизировать" (с. 25), "эпистография — многослойное свидетельство" (с. 26), "шокирующие фрагментарность" (с. 26), "гомогенные оценочные суждения" (с. 27), "цезура" в значении "лакуны" (с. 58 — на мой взгляд, совершенно невозможное использование слова!), "конформные сооружения" (с. 84), "бинарное сословие" (с. 144), и т.д.

И.П. Медведев

Demetrios Kydonos. Briefe / Übers. und erl. von Franz Tinnefeld. Stuttgart: Hiersemann, 1991. Teil II (91 Briefe, Register). 250 S. (Bibliothek der griechischen Literatur. Bd. 33)

В очередном томе "Библиотеки греческой литературы" немецким исследователем Ф. Тиннефельдом продолжена публикация перевода писем византийского писателя и политического деятеля XIV в. Димитрия Кидониса. Ранее в этой же серии (Т. 12, 1981; Т. 16, 1982) Ф. Тиннефельдом было издано в немецком переводе 138 писем этого автора.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с изданием, это то, что очередной том несколько "похудел": в нем всего лишь 250 с. по сравнению с 682 с. двух полутомов первой части. Уменьшение объема в основном связано с сокращением объема комментариев к письмам, преимущественно за счет эпистографических, риторических и стилистических наблюдений, весьма богатых в первой части этого издания. Ф. Тиннефельд обещает компенсировать отсутствие (или уменьшение) комментария такого рода статей, которая представит стиль писем Кидониса в систематизированном виде после завершения перевода всех писем, что в виде частичных наблюдений было представлено им в докладе на XVI Международном конгрессе византистов¹.

В рецензируемый том включено 91 письмо (№ 139–229 по нумерации переводчика). Эти письма, в отличие от расположения их в первых двух полутамах, представлены в виде девяти групп, в целом соответствующих тем, которые отмечены в издании греческих текстов писем Димитрия Кидониса².

¹ Tinnefeld F. Kriterien und Varianten des Stils im Briefcorpus des Demetrios Kydonos // XVI. Internat. Byzantinistenkongr. Wien, 1982. S. 257–266.

² Demetrius Cydonès. Correspondance / Ed. R.-J. Lo-

tinском шрифте есть буква "k", которой и надо пользоваться для передачи "каппы", а не использовать "с"; ну и так дальше. Немало странностей и в транскрибировании некоторых имен на русский: Ласкард вместо принятого Ласкарь или Ласкарис, Амирудз вместо принятого Амирути, Исза вместо Исайя, Феодор Газ вместо Газа, и т.д. Грешит нередко "изысками" и стиль монографии, неудачными, в частности, я считаю такие термины и выражения как "симплификация" (с. 4), "легислативные источники" (с. 11 — как будто хуже русское "законодательные"), "типертрофировать" в смысле "абсолютизировать" (с. 25), "эпистография — многослойное свидетельство" (с. 26), "шокирующие фрагментарность" (с. 26), "гомогенные оценочные суждения" (с. 27), "цезура" в значении "лакуны" (с. 58 — на мой взгляд, совершенно невозможное использование слова!), "конформные сооружения" (с. 84), "бинарное сословие" (с. 144), и т.д.

В основу второй части издаваемых Ф. Тиннефельдом писем положены, за исключением первых семи эпистул, письма автографической рукописи A (Vat. gr. 101) и в меньшей степени рукописи U (Vat. Urb. gr. 133). Ученый исходит в своем издании переводов писем как из соблюдения предложенных Р. Ленертцем "Series epistularum chronologica", так и из собственной датировки писем. Сохраняя выделенные Р. Ленертцем хронологические группы, Ф. Тиннефельд иногда предлагает отдельную передвижку писем между этих групп, что вполне оправдано в связи с накоплением исследовательского опыта в изучении эпистолярного наследия Димитрия Кидониса за те тридцать с лишним лет, что отделяют 33-й том "Библиотеки греческой литературы" от издания писем Кидониса Р. Ленертцем.

Из девяти выделенных групп писем лишь четыре являются датированными: это группы 2, 3, 7 и 8, содержащие в целом 56 писем. Датировка писем в основном приблизительная, порой в пределах двух лет. В том включено еще одно датированное письмо Т 146/168, написанное Кидонисом перед поездкой на Лесбос в 1373–1374 гг. и таким образом хронологически оно могло быть отнесено к предыдущему тому писем.

В группу 2, соответствующей в издании Р. Ленертца девятому номеру хронологического списка (С II, 489, № IX), включены письма, относящиеся приблизительно к периоду от осени 1374 по август 1376 гг. В группе 3 (С II, 490, № X) — письма примерно от ноября 1376 по осени 1378 г. Внутри групп Ф. Тиннефельд стре-

neretz // Studi e Testi. 186, 208. Citta del Vaticano, 1956. Т. I; 1960. Т. II.

мится уточнить по возможности датировки по сравнению с теми, которые были представлены Р. Ленертцем в более "свободных" рамках. Так, например, письмо Т 178/L 190, адресованное Иоанну Ласкарису Калоферу, вместо предложенной Р. Ленертцем даты (1378–1379 гг.), имеет датировку — вскоре после 20.9.1378 (т.е. дня избрания антипапы Климента VII).

Письма группы 7 (С II, 490, № XI) датированы 1381–1382 гг. Из этой группы исключены недатированное письмо Т 0225/L 216, перенесенное переводчиком в группу 9, а также ряд писем (L 231–237), поскольку они, относясь к концу 80-х годов, выходят за хронологические рамки тома.

К группе 8 отнесены два письма с Лесбоса (С II, 491, № XII), относящиеся к весне 1382 г., а также еще одно письмо приблизительно этого же времени (С II, 490, № XI). Таким образом, все датированные письма рецензируемого издания относятся к периоду между 1373–1374 гг. и весной 1382 г.

В рецензируемой части издания 34 письма или не имеют вообще датировки, или датированы с разрывом в несколько лет (недатированные письма имеют нуль перед своим порядковым номером). По сравнению с первой частью издания число таких писем возросло: там число "широко" датированных писем составляло лишь 21 из 138. Проблема датировки писем становится как для их переводчика-издателя, так и для будущих исследователей одной из важных, поскольку каждое письмо несет определенную (порой тщательно спрятанную) информацию либо о каком-то событии, персоне или о самом авторе. Несмотря на глубокое проникновение переводчика в смысловую ткань писем, предстоит еще огромная работа как по первоначальной, так и по уточняющей датировке писем. Жаль, что в комментариях к отдельным письмам подобного рода аргументация заметно сократилась.

Как и в первой части, каждое письмо имеет регест, называющий по возможности адресата, местонахождение автора и его корреспондента, а также приводится краткое резюме содержания письма. Как и раньше, на полях указываются строки греческого текста по изданию Ленертца. То, что во второй части переводов Ф. Тиннефельд ввел в текст писем косую черту как указатель начала строки, значительно облегчает поиск соответствующего фрагмента в оригинале, хотя, разумеется, такое разделение текста не может быть очень строгим, так как при переводе порой невозможно обойтись без перестановки слов. Появились во втором томе и острые скобки, которых не было в первых двух полутамах. Они, как принято, обозначают добавленные при переводе слова. В связи с этим Ф. Тиннефельд поднимает проблему "свободного" перевода (с. 12). Однако на первый план ученый по-прежнему ставит принцип верности передачи текста в переводе.

Что касается комментирования текстов, то если в первых двух полутамах оно составляло

равноценную, наряду с переводом, часть работы ученого, то сейчас, как уже отмечалось, оно значительно сократилось.

Заметно обеднел рецензируемый том в связи с отсутствием биографических экскурсов и заметок, связанных с адресатами и персонажами писем. Особенно это имело смысл в отношении лиц малоизвестных или совсем не известных. Если в первой части переводов писем подобных справок было приведено около двенадцати, то сейчас ученый совсем отказался от подобной практики. Может быть, не следовало приводить биографий таких адресатов, как Иоанн V Палеолог или Мануил II, но сведенные воедино данные о корреспондентах, не занимавших, предположим, видных мест в правительственной иерархии, облегчают читателю работу с письмом, освобождая его от мелких розысков. И, кроме того, воспроизведение на фоне текстов писем курсивов биографий десятков малоизвестных людей обогащает видение эпохи, напоминает о тысячах тех, кто остался за пределами писем, о наполненности исторического процесса "человеческим материалом".

Среди адресатов Димитрия Кидониса в рецензируемом томе, наряду с представителями Палеологов и "старыми знакомыми", которым эпистограф писал и ранее — Николаем Кавасилой Хамаетом, Димитрием Ангелом Маникайтисом, Иоанном Ласкарисом Калоферосом, Мануилом (?) Тарханиотом — появились и новые лица, среди которых были и совсем молодые люди (Т 217, 0229). К последним можно причислить и ученика Димитрия Кидониса Радена, цикл писем к которому много дает для характеристики Кидониса как личности. Этот цикл лег в основу написанного Ф. Тиннефельдом несколько лет назад очерка, сюжет которого построен на анализе психологической подосновы отношений стареющего учителя к юному ученику, стоящему на пороге выбора жизненного пути³.

В издании есть много адресатов, имена которых не восстанавливаются. Это не получатели писем Кидониса, кого Ф. Тиннефельд называет "литературно образованным другом" (Т 0189, 0191), "сыном умершего друга" (0188), "мнимым другом" (0180) и др. Вероятнее всего, они так и останутся неизвестными.

Перевод письма как самого рафинированного риторического жанра требует особой переводческой тонкости, порой даже на уровне интуиции. Ф. Тиннефельду удалось в этой работе найти "золотую середину", когда письмо не утрачивает особенностей авторской стилистики, но в то же время не выглядит лишь как памятник далекой эпохи, приобретаая в современном переводе созвучность восприятию сегодняшнего читателя.

Как заметил И. Шевченко, намек в византийском письме, в отличие от современной "лите-

³ Tinnefeld F. Freundschaft und PAIDEIA: Die Korrespondenz des Demetrios Kydonos mit Rhadenos // Byz. 1985. Т. 55, Fasc. 1. S. 210–244.

ратуры подтекста", всегда имеет только один конкретный смысл⁴. Разумеется, споры относительно интерпретации того или иного письма (либо отдельного пассажи) могут и должны возникнуть. Однако возможное столкновение мнений лишь продвинет ученых по пути адекватного понимания того или иного письма.

⁴ *Sevčenko I. Nicolaus Cabasilas' Correspondence and the Treatment of Late Byzantine Literary Texts // BZ. 1954. Bd. 47. HbD. 1. S. 49.*

Византистика в Журнале испанских эллинистов

Издающемуся в Испании журналу "Egrytheia"¹ — десять лет. С 1982 года вышло двенадцать его номеров. Появление этого издания связывают с растущим в последние годы интересом испанских ученых к византийской тематике. Вот уже десять лет в Испании регулярно проводятся византийские чтения, несколько лет назад испанские ученые присоединились к международному сообществу византистов и формально. Издаваемый под эгидой Испано-греческой Культурной Ассоциации журнал, впрочем, не ограничивает себя хронологическими рамками византийского периода: определенное внимание уделяется в нем истории и культуре Греции также более позднего времени вплоть до новейшего. Изящное оформление небольших по формату томов "Эритейн" (каждый номер выходит чаще всего двумя выпусками) отличает их по виду от обычной академической периодики.

Спектр научных исследований в "Эритейн" весьма широк — это археология и лингвистика, искусство и палеография, история и литературоведение. Сам характер материалов в известной степени предопределен молодостью испанской византистики, обусловлен новизной обращения к византийским темам. Так, в первых номерах отдельные статьи явно рассчитаны на то чтобы привлечь читателя авантюриными, истинно "византийскими" сюжетами, вызвать интерес к предмету у "непосвященных". Примером могут служить такие статьи, как "Феодора до императорских облачений" Луиса Альберто де Куэнка или "Велисарий, история и легенда" Хулио Валеро Гарриво (обе с № 1).

Впрочем, эту своего рода просветительскую линию редакция "Эритейн" не оставляет и далее, выходя, однако, на иной, более серьезный уровень читательских интересов. В журнале сложился особый тип статей: не являясь непосредственным и оригинальным исследованием источников, они представляют собой аналитический обзор современных взглядов на ту или иную проблему, в котором находит место и аргументируется, как правило, также и собственная точка зрения автора обзора.

Своего рода образцом подобного жанра можно считать большую, на три печатных листа,

Ф. Тиннефельдом осуществлен перевод немногим более половины эпистолярного наследия Димитрия Кидониса, одного из самых плодовитых в XIV в. корреспондентов. Предстоит издать переводы еще 220 писем этого автора. Следует надеяться, что эта колоссальная работа по переводу и осмыслению большого корпуса писем будет завершена.

М.А. Поляковская

статью Антонио Браво и М. Хосе Альвареса "Византийская цивилизация XI—XII веков — заметки к неоконченному спорам" (№ 9-1), которая вводит в круг важнейших вопросов современной византиноведческой науки. Великолепно ориентирующиеся в большом потоке литературы авторы ставят своей задачей "познакомить испанского читателя-неспециалиста с некоторыми проблемами интерпретации византийского общества XI—XII веков, предложенной в книгах Александра Каждана и в некоторых других новейших работах". Этот серьезный анализ проблем, поставленных учеными-византистами (особое внимание уделено изучению экономической истории Византии в контексте Западной Европы), будет полезен каждому, кто захочет получить информацию, в том числе и библиографическую, о византийском обществе XI—XII вв. в свете современной научной мысли.

В таком же жанре выдержаны и некоторые другие работы Антонио Браво. Так, в статье "О судьбах греческой поэзии в Византии" (№ 7-2), придерживаясь тезиса о континуитете и опираясь на труды Р. Браунинга, Г. Хунгера и некоторых других исследователей, Антонио Браво прослеживает бытование, трансформацию и роль античной словесности в разные периоды византийской истории. В статье "Интерпретация сновидений в Византии" (№ 5) в поле зрения Антонио Браво попадают главным образом работы известных византистов К. Мэнго и Ж. Дагрона. Суммируя итоги их наблюдений, испанский ученый показывает, что произведения, касающиеся сновидений — области, казалось бы, ирреальной, содержат сведения о таких конкретных и существенных сторонах действительной жизни, как игры и медицина, ремесла и общественные бани, похороны и проституция, еда, праздники и прочее. Мимо этих сочинений, — справедливо отмечает Браво, — нельзя пройти, создавая портрет византийского общества.

К тому же типу, что и отмеченные выше работы, тяготеет и статья К. Серрано о Фотии как носителе классической культуры, а также основательный труд Ш. Знол "История и археология палестинских провинций в византийский период", где современные достижения археологии обобщаются и сопоставляются с данными письменных источников (№ 9-2).

Как и следовало ожидать, особое внимание уделяется в журнале теме "Византия и Пиренеи", представленной здесь в самых разных аспектах. В частности, именно в рамках этой темы можно рассматривать большую часть раздела "Палеогеография", знакомящего с сокровищами испанских архивов. При отсутствии сенсационных открытий вводимые в научный оборот документы позволяют на новых примерах увидеть многообразие частных связей между византийским обществом и западным миром. Весьма убедительна в этом плане обширная работа того же А. Браво, опубликованного большого число брачных контрактов (см. статью "Треко-византийские документы, сохранившиеся в Испании, № 7-1).

Интерес к Византии побудил испанских историков заново проанализировать и некоторые из их отечественных памятников, в частности, знаменитые записки испанских путешественников — "Странствия и путешествия одного испанского идалго" Перо Тафура и "Посольство к Тамерлану" Гонсалеса де Клавихо.

Среди трех посвященных этим памятникам статей Хосе Очоа (№ 6-2, 7-2, 8) особого внимания заслуживает работа "Остров Родос и рыцари-госпитальеры св. Иоанна Иерусалимского в "Посольстве к Тамерлану" (№ 7-2), комментирующая ту часть "Посольства", в которой рассказывается о пребывании на островах, принадлежавших Ордену, посланников испанского короля Энрике III. Статья вводит в научный обиход новые материалы по исторической географии и топонимике, ряд данных касательно архитектуры и торговли, а также новые детали истории международных отношений и военных конфликтов. У тех же путешественников почерпнуты интересные сведения о топографии, архитектуре, утвари, ритуалах монастырей Божьей матери Одититрии, Христа Пантогратора и св. Димитрия в Константинополе (см. статью А. Браво "Константинополь глазами Гонсалеса де Клавихо" и Перо Тафура "Монастыри" № 3). Эти исследования вносят новые штрихи в устоявшуюся картину византийского мира. Противоположная проекция — взгляд из Византии на Пиренейский полуостров — рассматривается Э.Д. Роландо на материале "Алексиады" Анны Комнины (кстати, автор статьи — удостоенный национальной премии переводчик "Алексиады" на испанский язык²).

Ряд статей посвящен взаимоотношениям Византии с народами Пиренейского полуострова. Так, в работе Р. Санц ("Нашествие византийцев в Испании Леовигильдо", № 6-1) пересматривается традиционная точка зрения на роль Византии в династических распрах и народных волнениях VI в. В другой статье этой серии — "Византия и Аль Андалуз, посольства и связи" — Ф. Ролдан, Р. Диас и Е. Диас приходят к выводу, что византийское влияние оставило глубокий

след на полуострове не столько в политической области, сколько в культурной; оно отразилось на художественных вкусах общества и в первую очередь на архитектуре.

Историческим эпизодом, связанным с наемным каталонским войском на византийской службе, посвящены статьи М. Морфакидиса: "Каталонское присутствие в Греции: отношения между греками и каталонцами в свете историков" (№ 8-2) и "Андроник II и Роже де Флор, причины конфронтации" (№ 8-1). В них привлекают внимание прежде всего наблюдения автора над тем, как греки представляли себе каталонцев, а каталонцы — греков.

Иной аспект взаимоотношений, лингвистический, рассматривается А. Альваресом, опубликовавшим в шестом номере журнала исследование о средневековых переводах с греческого на арагонский.

Следует отметить, что тема греческо-испанских связей далеко не исчерпывается в журнале византийским периодом. Эта область, не ограниченная никакими хронологическими рамками — объект постоянного внимания испанских эллинистов.

В остальном же тематика журнала и даже интересы одних и тех же авторов достаточно разнообразны. Исключение составляет, пожалуй, лишь цикл статей, посвященных раннему периоду византийской истории и объединенных темой борьбы языческой и христианской идеологий. Ученый полагает, что Афинская академия продолжила свое существование и после того, как Юстиниан запретил преподавать язычникам ("Юстиниан и закрытие Афинской академии", № 2), он дает новое толкование причин и обстоятельств гибели Ипатии ("Смерть Ипатии", № 6-2) и смерти Ария ("Исторические проблемы в связи со смертью Ария", № 5), излагает историю превращения античного храма в христианскую церковь (№ 9-1) и т.д.

И все-таки одна проблема стала в последние годы пользоваться предпочтительным вниманием испанских ученых: византийская историография. Не случайно именно ей в ноябре 1990 года были посвящены в Мадриде очередные "Дни Византии". Часть прочитанных там докладов вошла в последний, двоянный том "Эритейн" (№ 11-12). Наиболее общий характер из них носит статья П. Шрайнера "Историография Византии в контексте западной и славянской историографии". Работа касается соотношения в историографии античных традиций и христианского менталитета, подчеркивает официальный характер большинства исторических произведений, рассматривает структурные особенности жанра и соотносит византийскую историографию с историческими произведениями Запада и славянского Востока.

Одна из особенностей византийской историографии, отмеченных П. Шрайнером, разрыв между языком образованных историков и тем, что бытовал в то время в обществе. Специально этой проблеме посвящена работа Хо-

¹ *Egrytheia: Revista de estudios bizantinos y neogriegos. N 11-12 / Ed. Pedro Bádenas de la Pena.*

² *Ana Comneno. La Alexiada / Estudio preliminar y traducción de Em. Dias Rolando. Sevilla, 1989.*

се М. Эген "Язык византийской историографии в свете лингвистической эволюции". Анализируя причины неприятия историографами народного языка, автор склонен видеть в верности классике стремление сохранить утерянную гармонию, поиски защиты от хаоса и разлада с современностью.

Среди материалов на историографические темы несколько статей молодого ученого Хосе А. Очоа. Они отличаются пристальным вниманием к источникам и подлинной филологической культурой. Это "Библиография творчества Иоанна Малалы" (№ 9-1), "О последних монографиях и изданиях Евнапия Сардского" — статья, в которой прослеживается использование произведения Евнапия более поздними историографами (№9-2)³, и опубликованная в № 11–12 «"Новая История" Зосимы и Суда» — сравнительное исследование тех разделов Суды, в которые попали цитаты из произведения Зосимы. Сопоставление оригинала и его отражения в Суде приводит Х.А. Очоа к выводу об определенной идеологической обработке текста Зосимы, имевшей целью очистить его от следов язычества. В то же время принцип подобного редактирования осуществлялся непосредственно, из чего автор заключает, что над приписываемыми Константину Багрянородному *Ехсерпта* (трудом, промежуточным между "Новой историей" и Судой) работали не один, а несколько авторов.

Новыми тенденциями, характерными для современных источниковедческих трудов, отмечена статья Хавьера Фаси и Доминго Пласидо "Историография вдали от города — взгляд на Нимскую Империю из монашеского уединения Зонары" (№ 9-1). Авторы не акцентируют нетрадиционные элементы, проникшие в византийскую хронистику с Зонарой: независимость его суждений, собственное отношение к излагаемым фактам, заботу о языке и стиле изложения. Показывая отличие Зонары от его источника (основная часть статьи — сопоставление текста Зонары с Дионом Кассием), Фаси и Пласидо склонны связывать эти новые традиции и с историческими сдвигами в обществе и с персональной судьбой историографа.

Статья Хуана Сигнеса в № 10-1 возвращает к проблеме авторства "Продолжателя Феофана". Сигнес утверждает, что Константин Багрянородный был автором не только "*Vita Basilii*", но и первых четырех книг Продолжателя Феофана. Доводы, приведенные Сигнесом в пользу авторства Константина Багрянородного, оказались нам, однако, мало убедительными.

В разделе, посвященном собственно литературе, большая часть материалов относится к новейшему времени. Среди работ о византийских памятниках, помимо упомянутых выше,

³ Монографией Х.А. Очоа, посвященной Евнапию, открывается серия "Исследования и тексты", задуманная как своего рода приложение к "Эритей". См.: *Ochoa José A. La transmisión de la "Historia" de Eunapio. Madrid, 1990.*

отметим обстоятельный труд Ф. Родригеса Андрадоса о распространении в Европе басен греческого и индийского происхождения (№ 2). Испанский исследователь поддерживает версию, согласно которой путь в Европу многих сюжетов древнегреческого и индийского происхождения, минуя Древний Рим, пролегал через Византию. Аргументация подкрепляется, в частности, ссылками на средневековых испанских авторов. Весьма интересными наблюдениями в статье "Феодор Продром и Бен Гусман" делится Эльвира Гангутия (№ 4). Между двумя этими поэтами XII в. — византийцем Феодором Продромом и его современником — арабом Бен Гусманом исследовательница обнаруживает поразительное сходство. В их произведениях, совпадающих по жанру, прослеживаются не только тематические параллели, но, что достаточно неожиданно, и структурные, при этом оба ученых поэта обращаются к народному языку.

Опубликованные в № 9-2 "Агиографические заметки" А. Каждана — продолжение изысканий американского ученого в этом литературном жанре. Его агиографическая серия, печатавшаяся под соответствующими номерами в разных международных изданиях, в "Эритей" представлена № 17–20 — это заметки о жителях св. Феодоры, св. Артемия, св. Льва Катанского и Иоанна Хриостома.

Тема "Мим — светский театр в Византии", весьма скудно освещенная источниками, нашла отражение в названной так статье Москоса Морфакидиса (№ 6–2). Содержание статьи, однако, несколько уже ее названия: присоединяясь к мнению о существовании мимов на всем протяжении истории Византии, автор останавливается в основном на раннем периоде их истории, известном преимущественно благодаря сочинениям Иоанна Хриостома. Вместе с тем, данные Хорикрия использованы явно недостаточно, а более поздние свидетельства при беглом обзоре средневизантийского и особенно поздневизантийского периода вообще лишь упоминаются.

Что касается искусствоведческого раздела, то здесь на фоне статей ознакомительного характера, таких, как "Эстетика и смысл византийской иконы" Х. Надала Канельеса, "У истоков византийской живописи" М. Кортеса Арреса (обе в № 6-1), или же трудов, касающихся вопросов более или менее частных, хотелось бы выделить две работы М. Анхеля Эльвиры («"Классическая скульптура в византийских эпиграммах "Антологии"» (№ 4) и "Живые статуи Константинополя" (№8-1). Данные иконографии и археологии, соотношенные с литературными источниками, в первую очередь, эпиграммами Агафия, дают автору возможность воссоздать панораму скульптурного убранства византийской столицы и (особенно подробно) описать статуи, украшавшие Зевксиповы термы Константинополя. В отношении византийских авторов к античным статуям М. Анхель Эльвира вслед за К. Манго и Ж. Дагноном обнаруживает сложное переплетение языческих и

христианских представлений. Из тщательного анализа конкретного, четко ограниченного материала делаются интересные выводы по поводу менталитета рядового византийца, его отношения к произведениям искусства вообще и античного, в частности.

Интересный ракурс исследования выбран также Марией Х. Санц. Обратившись к не раз привлекавшим внимание искусствоведов и, казалось, бы досконально изученным мозаичным портретам Юстиниана и Феодоры в церкви Сан-Витале в Равенне, она поставила своей задачей найти аналоги украшениям, деталям одежды, ритуальным предметам, выполненным в мозаике, в реальных образцах римского и византийского искусства, дошедших до наших дней. В статье Санц (№11–12) приводится множество фотографий и описаний крестов, ожерелий, брошей, фибул и т.п., хранящихся в разных музеях мира, и, как показывает автор, почти полностью соответствующих тем, что изображены на равеннских мозаиках. Великое произведение искусства выдерживает таким образом еще один экзамен — на точность запечатленных в портретах аксессуаров.

Наиболее, пожалуй, цельным и четко ориентированным предстает в "Эритей" ее лингвистический раздел. В работах проф. Педро Баденаса и его учеников последовательно прослеживается история греческого языка начиная от средневековья и вплоть до современности, причем акцент исследований — формирование языка в его народном варианте. Характерны

K ü h n Н.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. (Byzantinische Geschichtsschreiber. Ergänzungsband 2). Wien, 1991. 326 S.

Византистика не избалована исследованиями истории тагмных войск, игравших огромную роль в империи с середины X в. В этом отношении появление монографии Х.-И. Кюна — событие. Целью работы, представленной в 1988 г. как диссертация в Тюбингском университете, является "попытка целостного изображения организации византийской армии" X–XI вв. с акцентом на судьбу такой ее "элитной части" как тагмы (с. 31). Исследование строится "структурно-исторически", т.е. организация тагм изучается в развитии, а не статично. Хронологические рамки разбора Кюна, однако, вынужден расширять хотя бы потому, что четыре тагмных формирования (сколы, экскувиты, вигла и иканаты), генетически восходя к поздней античности (с. 39, 72), приобретали все больший вес уже с VIII в. Что же касается раздела истории тагмного войска на два периода (в монографии, соответственно, на две основные части), то это определяется значимостью военных преобразований середины X в., так называемой реформы Никифора II Фоки.

Кстати, именно характер оценки Кюном данных преобразований в известной мере обуслов-

в этом плане результаты анализа копенгагенской рукописи "Морейской хроники", полученные Гоийтой Нуньес (№ 4), статья Хосе М. Эген "Язык города в XII в." (№ 8-2), работы самого П. Баденаса "Греческий язык в раннем средневековье" (№6-1) и "Первые позднесредневековые тексты на народном греческом языке" (№6-2). Здесь уместно упомянуть также и другие труды этого испанского филолога, видного специалиста по средневековой и новогреческой словесности. Так, под скромным названием "Афинская рукопись о строительстве св. Софии" им опубликован интереснейший анализ разнообразных материалов, отражающих народную интерпретацию создания св. Софии на протяжении веков (№ 4). Практически неизвестные страницы истории греческого театра, связанные с его становлением в поствизантийский период, открываются в его статье "Дмитрий Москос и проблема греческого театра между 1453 годом и критским Возрождением" (№ 7-2). Знаеток греческого фольклора (см., в частности, его статью в № 2 "Новый греческий песенник"), поэт, переведший на испанский язык всего Кавафиса и Сефериса, Педро Баденас де ля Пенья — один из тех энтузиастов, благодаря усилиям которых родилась "Эритей".

Как мы пытались показать, возглавляемый им журнал имеет свое лицо и вправе претендовать на внимание византистов не только в Испании, но и за ее пределами.

Я.Н. Любарский, Н.Г. Рудина

лирует методику работы и ее структуру. С одной стороны, он признает важность учета социального и экономического фона "реформы", а Никифора II называет представителем "нового социально ведущего слоя крупных землевладельцев, возвысившихся благодаря службе в армии", окончательно "отвернувшимся" от "широкого среднего сословия фемных стратиотов" и сделавшим ставку на "военную аристократию" (с. 126). С другой стороны, исследователь считает целесообразным говорить именно о реформе, усматривая в ряде соответствующих явлений X в. "выходящие за рамки нормального развития волевые акты преобразований", и хотя есть известный риск в разговоре о военных преобразованиях именно Никифора II, все-таки, по Кюну, этот император — "создатель нового византийского военного порядка" (с. 124, 126). Но специальное изложение социального фона реформы в данной книге Кюна не считает возможным.

Отсюда главное внимание автора направлено на эволюцию организационной структуры тагмных формирований, в которой как системообразующие элементы представлены для VIII —

середины X вв. императорские подразделения схол, экскувитов, виглы и иканатов¹, а для X–XI вв. – “расчлененное надвое верховное командование” (доместикан схол Востока и Запада), дукаты и катепанаты, а также “новообразованные тагмы” (атанаты, стратилаты, сатрапы и т.п.) и “новые тактические командные должности и единицы” (стратопедархи Востока и Запада, этнархи и др.). Автор старается исторически рассмотреть каждый институт тагм, заключая разбор наиболее важных из них иллюстрацией в виде списков деятелей, наиболее заметных в данных должностях. Последнее обстоятельство придает книге характер неплохого справочника.

Здесь мы опять-таки должны обратиться к методике Кюна, поскольку подобные списки (сам автор это четко оговаривает) – не просопографические пассажи, а эвристика лиц, чьи звания, должности и функции в достаточной мере отражены источниками. Но, во-первых, такой принцип выборки не всегда в книге соблюдается (о чем речь ниже), а во-вторых, сам Кюн, например, полемизируя с Ф. Винкельманом, не считает, что нужно “освободиться” от постулируемых византийцами схем военной организации и не предпринимать в то же время “новейшие схематических реконструкций”. Византийские “табелы о рангах”, по его мнению, отчасти являются отражением встрога расчлененной государственной структуры, а интерес историка должен направляться на познание “стадий развития отдельных должностей и институтов” и на систематическое изображение их в системе всего здания византийских управленческих структур (с. 34). Другой вопрос – насколько те или иные группы источников отражают реалии византийской армии. Если, например, нарративные памятники часто называют титулатуру конкретных лиц вместо военных званий, а трактаты дают более строгие институционные понятия, то в отношении печатей Кюн призывает к максимальной осторожности ввиду проблем их датировки и атрибуции конкретным деятелям.

Поэтому составляя “офицерские списки” Кюн ограничивается группами командиров, чьи функции в тагмах обуславливались через *ἀξίαι διὰ λόγους*. *Ἀξίαι διὰ βραβείων* и командиров, о которых известно, что они занимали высокие посты (без уточнения источниками – какие), во внимание исследователем не принимаются.

Возникающие из-за этого лакуны, тем не менее, не мешают проследить основные линии развития тагмных институтов. Но трудности подстерегают здесь автора практически на каж-

дом шагу. Кюн, например, справедливо предлагает рассмотреть организации ранних тагмных формирований обзором развития фемных структур: действительно, последние серьезно влияли на эволюцию тагм. И вот здесь-то мы замечаем еще один аспект подхода автора к предмету исследования. Кюн не ставит даже в качестве частной задачи изучение структуры финансирования и обеспечения армии (с. 66), а уже хотя бы эти институциональные стороны военной организации подтолкнули бы к вопросам: почему во второй половине X в. число людей в воинских единицах в целом сокращается, а фемы дробятся (см. с. 57, 59, 62); почему, наконец, “стратиотская милиция” старых фем к концу XI в. окончательно распадается, а профессиональная армия тагм стала “единственной” (?) вооруженной силой Византии (с. 132)? Корректное описание эволюции формирований тагм, изменения состава отрядов в пользу тяжелой кавалерии, вооружения, тактики нацелено на подкрепление вывода – к концу X в. сильно меняются способы ведения боевых действий. Вывод этот представляется далеко не бесспорным. Ведь даже когда Кюн упрекает В. Кэги за утрированную интерпретацию соответствующих источников (приписывающую византийцам пренебрежение конными лучниками как одну из причин поражения при Манцикерте), когда он подчеркивает силу войска XI в. “в ударе сплоченного кавалерийского формирования” и указывает на огромные трудности Византии в защите ее длинной границы, то в качестве тезиса, близкого к ответу на поставленные выше вопросы, мы обнаружим лишь констатацию возможности империи после реформы X в. “более гибко” реагировать на вражескую агрессию (с. 128, 129). Т.е. в конечном счете характер действий врага, будь то болгары, печенеги или сельджуки (с. 129), оказывается у Кюна ключом к решению проблемы организационных и тактических перемен в армии, сводящихся к превращению тагм из второстепенных в главные войска Византии.

Еще одна трудность обнаруживается, когда Кюн стремится проследить сосредоточение в руках одного человека нескольких почетных званий и соответственно нескольких постов. Но когда автор приводит примеры нередкой комбинации званий, проистекающих от двух различных должностных ступеней, в ряде случаев возникает сомнение в строгости аргументации. Если примером является сосредоточение в одних руках должности дуки Ани и стратига фемы Коговит, то в соответствующем “офицерском списке” Анийского дука мы обнаружим лишь ссылку на сильно поврежденную печать XI в., опубликованную еще Г. Шлюмберже, а позже соотнесенную В. Зайбтом с деятельностью Никиты из Мистен. Легенда мольдовула (*βεστης καὶ δουξ Αἰνίου, Μεγάλης Ἀρμενίας καὶ Κορυβίτ*) однако вряд ли позволяет обнаружить в ней должность стратига (ср. с. 42, 204). Если обратиться к аналогичному примеру по Адрианопольскому дукату и феме Филиппо-

поль, то обнаружим ссылку на карьеру дуки Феодоракана, который “вероятно был идентичен” с неоднократно упомянутым Скилицей стратигом Филипполом (с. 42, 207). Такого рода “вероятность” подкреплена лишь ссылкой на осторожное предположение Н. Г. Адонца. Также весьма нестрого аргументирован тезис, что дука Фессалоники мог быть и стратигом фемы Серры (с. 42, 212).

В нарративе, используемом Кюном, неоднократно случаи четкого указания на должность и титул командиров в фемах, но здесь же достаточно часто одно и то же лицо, или же правители одной фемы носят различные титулы (ср. с. 34, 35). Это, например, Михаил Иасит, которого в одном случае Скилица называет катепаном, в другом – архонтом Иверии (с. 189, примеч. 13, 15). Тот же автор, касаясь событий 20–30-х годов XI в. в феме Веспурекан, чаще именует правителя этой фемы катепаном Василия Аргир, Георгий Маниак; лишь Никифор Комнин у Скилицы – архонт (с. 193, примеч. 9; 194, примеч. 10, 13). Эти конкретные несоответствия, разъяснение которых не входило в задачу Кюна, тем не менее вносят определенную путаницу в справочные разделы книги². Досадно непродуктивным оказывается также непривлечение Кюном в ряде случаев данных сигиллографических изысканий, специально посвященных *viresus hoiogum* лиц, о которых мы знаем лишь из надписей и печатей (ср., например, данные о дуке Ани Акроне у Кюна – с. 204, а также у В.С. Шандровской и у Ив. Йорданова³).

Примером такого же порядка является неприятие Кюном аргументации Н.Г. Адонца и К.Н. Юзбашяна, датирующих правление Феофилакта и Романа Далассинов в феме Иверия 1022–1026 годами. Доводов к этому неприятию автор книги не приводит (с. 191). Нам же эта аргументация и датировка кажется обоснованной⁴.

² К примеру с титулатурой Михаила Иасита можно добавить, что в 1025/1026 и 1044/1045 гг. в фемах, где командовали Михаил Иасит и Никифор Комнин, находилась центральная армия. Возможно, правители этих фем вместе со своими воинами влиялись в состав этой армии, переходили в подчинение ее командующему и их статус менялся. Подобная возможность, кстати, соответствует выводу Кюна (ср. с. 252).

³ Шандровская В.С. Неизвестные печати Аарона, магистра и дуки Иверии и Великой Армении и проедра и дуки (XI в.) // СГЭ. Вып. 37; Yordanov I. Le molyvdouville du vestes Jean Aagon // Старобългаристика. 1990. 14(1). С. 106–110.

⁴ Недавно к точной датировке правления Романа Далассина в Иверии обратился В.П. Степаненко, атрибутирующий Роману изданную Г. Закосом печать “Романа, спафария, стратига Халдии и Иверии”. Исследователь предполагает, что Роман был первым стратигом Иверии и правил в 1020–1021 гг. См.: Степа-

Очень тяжело, как показывает монограф решать вопрос о содержании организации функций тагм, возникших в течение X–XI в. в дополнение к дукатам и катепанатам. При на тому – скудость источников и широкий спектр их толкований. Отсюда, например, положение Кюна, что атанаты были организаны по образцу и подобно ранних тагм (и по “Тактикону” Икономидиса, “Бессмертные” имели командующими доместика и топотарта); отсюда две интерпретации феномена тагм стратилатов, а также определенная гипотеза причисления к тагмам формирований *Σατραπία* (с. 244, 248, 249) и т.д.

В интерпретации генезиса (с середины X в. так называемых “фемных”) тагм Кюн по суду дела присоединяется к М. Григорию-Иоанниди после стационарирования тагм на территории фем в ходе сотрудничества формирований тех других из их кадров образовывались новые тагмы. Кадры эти, по мнению Кюна, представляли собой “в военном отношении выверенную земельную аристократию” (с. 252).

Не меньшая трудность обнаруживается в изложении функций стратопедархов Востока, стратопедархов Запада, этнархов, таксархов и других, как их называет Кюн, “новых тактических командных должностей и единиц”, большинство в данных о которых обнаруживается опять таки в “Тактиконе” Икономидиса (с. 260–280). Здесь симптоматично даже то, что Кюн преприно осознает гипотетичность превращения сранных функций этих командиров (и соответственно – подчиненных им формирований) в постоянные.

Как пример сложности вопросов о конкретном командовании, связанном с территориально-административными изменениями, возьмем ситуацию в феме Иверия в конце 30 – начале 40-х годов XI в. Кюн предполагает, что незадолго до 1040 г. дукой фемы был Алусян, приводя данные Скилицы об исполнении Алусяном должности стратига Феодосиополя (с. 189). Главным аргументом Кюн считает то, что Феодосиополь был столицей византийской Иверии в данных по этому поводу для конца 30 – начала 40-х годов XI в. источники не содержат. Скорее всего, Алусян был стратигосом малой фемы Феодосиополь⁵.

Иасит, бывший катепаном Иверии 1037/1038 г., и Михаил Иасит, архонт Иверии в 1044 г., по Кюну, скорее всего, разные деятели. Исследователь лишь вскользь упоминает мнение К.Н. Юзбашяна об идентичности этих лиц, не приводя доказательств своей точки зрения. Между тем это достаточно важно. В 1044 г. ни один из известных нам правителей фемы Иверия не занимал пост дуки. Первым дукой Иверии стал именно Михаил Иасит, но тол-

енко В.П. Роман, спафарий, стратиг Халдии и Иверии // Ист.-филол. журнал. 1991. № 2.

⁵ См.: Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византии IX–XI вв. М. 1988. С. 164.

ко после присоединения к этой феме Ширак-Анийского царства в 1044 г. (ср. с. 203). Следовательно, говорить о дукате Иверия до 1044 г. нельзя. Лишь после 1044 г. в связи с увеличением территории фемы ее ранг был повышен до дуката. Поэтому Катакалон Кекавмен, Иоанн Монастыриот, Аарон Болгарин и Баграт Вхкаци фигурируют в ситиллографических и эпиграфических источниках как дуки Иверии и Великой Армении Ани⁶. Исключение составляет лишь Лев Торник, бывший стратиготом Иверии до 1047 г. (Вопрос, связанный с его пребыванием в Закавказье, остается дискуссионным⁷. Можно предположить, что Лев правил Иверией как частью дуката Иверия и Великая Армения, который находился в 1045–1048 гг. под управлением веста Катакалона Кекавмена.

Поэтому можно поставить под сомнение разделение Кюном дукатов Иверия и Ани (Великая Армения) (с. 202). До 1044 г. существовал лишь катепанат Иверия, а позже (до 1064 г.) –

⁶ Там же. С. 185–188.

⁷ Там же. С. 186.

Tabula Imperii Byzantini: Никополь и Кефаллиния, Киликия и Исаурия, Фригия и Писидия

Уже двадцать лет прошло со дня первой публикации венской серии "Tabula Imperii Byzantini", основанной Г. Хунгером. Серия представляет собой два вида работ. С одной стороны, это серийные историко-географические тома-комментарии к публикуемым картам отдельных областей Византийской империи (ТИБ). С другой – монографические аналитические исследования, сопутствующие первому типу изданий (VTIB). Именно со второго рода книг, исследования Негропонта Й. Кодера¹, и начались публикации австрийской комиссии Tabula Imperii Byzantini.

К настоящему времени вышло семь выпусков атласов-каталогов (ТИБ) и четыре – монографических исследований (VTIB). Отдельные тома из них дошли и до нас, на чем и остановимся подробнее.

В третьем выпуске ТИБ П. Соустал при участии Й. Кодера подготовил карты и объемные комментарии, посвященные Никополу и Кефаллинии². Эти византийские фемы занимали территорию древнеримского Эпира и примыкающих к побережью островов. Точные границы фемы Никополис не определены: помогают знания о пределах одноименной церковной епархии. В соответствии с принципами

единый дукат Иверия и Великая Армения.

И еще одно замечание. Кюн слабо привлекает работы дореволюционных и советских византистов, – в том числе имеющие прямое отношение к истории армии X–XI вв. В Списке литературы (с. 11–29) мы не найдем, например, работ В.В. Кучмы, Г.Г. Литаврина, В.А. Арутюновой; не обнаружим и ссылок на важные для темы труды Ф.И. Успенского (Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. 1990. Т. 6. Вып. 1. С. 154–204) и Ю. Кулаковского (Византийский лагерь конца X века // ВВ. 1903. Т. X. С. 63–90).

В заключение следует сказать: можно не соглашаться полностью или частично с методикой Кюна, можно выявлять ошибки и натяжки в конкретных наблюдениях. Но нельзя не принимать во внимание, что он первым из западных специалистов в подобном объеме, с четкой, продуманной композицией разобрал огромный фактического материала обратился к проблеме организационной системы тагм X–XI вв. А всякая новация имеет право на ошибки.

А.С. Козлов, А.С. Мохов

издания, авторы исследуют терминологию изучаемого административно-территориального пространства и хронологию ее изменения: провинция Эпир, провинция Романия, деспотат, земли Акарнании и Этолии, Албания и Стария, а также собирательное "Дисис" ("Запад"), – все это применявшаяся в разное время и в различной связи номенклатура данного региона.

Географический очерк охватывает основные районы Никополя и Кефаллинии – Эпира, Этолии, Акарнании, островов Ионического моря – Керкиры, Паксоса, Левкаса, Итаки, Кефаллинии, Закинфа. Коротко характеризуется и климат. Значительную часть труда составляет очерк исторического и административно-территориального развития области. В хронологической последовательности рассматриваются данные источников, начиная с позднеантичных (IV–VI вв.). Специальное внимание уделено вопросам славянского расселения с конца VI в. – путям проникновения славян в регион, зонам их распространения, роли склавиний в политико-административной жизни новообразованной фемы. Эти проблемы освещены прежде всего в свете данных разноязычных и разнотипных источников. В этой же связи проанализированы и аспекты византино-арабских взаимоотношений на море в борьбе за острова в VIII–IX вв. Следующий период истории региона связан с его ролью западного византийского пограничья, на сцене которого разыгрывались эпизоды войн с арабами, болгарскими, затем – норманнами (X–XII вв.).

Одной из важнейших является эпоха самостоятельного Эпирского государства, сформировавшегося после IV Крестового похода:

в книге анализируются как основные события этого времени, так и социально-политическая терминология эпирских институтов власти, проблемы административно-территориального устройства. Этногеографические и этнополитические сюжеты выделены при характеристике позднесредневекового периода области, где в те или иные отрезки времени в XIV–XV вв. господствовали сербы, албанцы, князья Токко и др. Потерей венецианцами основных центров при одновременном расширении зоны османизации завершается занятием Диррахия турецкое завоевание Албании в 1501 г. Особыми чертами отмечена история латинских вассальных государств на ионических островах в XIII–XV вв., где на изменения не только политической, но и демографической ситуации оказывала влияние как греческая, так и албанская эмиграция с материка (в том числе и с Пелопоннеса). Власть Венецианской республики распространялась практически до конца ее существования на Кефаллинию, Керкиру, Паксос, Итаку и Закинф.

Специально выделен раздел о церковных отношениях в регионе, в котором нередко сталкивались интересы папы и константинопольского патриарха, начиная с первых веков истории церкви. Новые проблемы возникли уже в XIII в., когда эпитротские иерархи остались вне подчинения никейскому патриарху, но, напротив, влияние болгарского архиепископа в регионе возросло. Очевидна активность и латинской архиепископии, утвердившейся с начала XIV в. в Навпакте.

Условия жизнедеятельности в области характеризуются развитием путей и средств коммуникаций. Поэтому важное значение имеет анализ дорог, ведущих из Древнего в Новый Эпир, а также из Македонии, Фессалии, Этолии, внутри самого Эпира, морских путей сообщения – как локальных, так и межрегиональных.

Основную часть издания занимает алфавитный регистр всех топонимов региона с подробными сведениями о нем и его вариантах в текстах источников, рассмотренных в хронологическом порядке; затем приводятся данные о памятниках материальной культуры, сохранившихся или известных в том или ином центре. Разделы об Арте, Янине, Навпакте, Керкире, Кефаллинии и др. представляют собой поистине микроэнциклопедии этих городов и островов. Это характерно для всех изданий серии.

Большой объем исследуемого материала, а также детальность анализа, исчерпывающая полнота привлекаемых свидетельств заставила авторов пятого выпуска серии – Г. Хелленкемпера и Ф. Хильда разместить свою работу, посвященную Киликии и Исаурии, в двух объемных томах³. Сложность исследования данной области обусловлена как глубиной древностью ее исто-

рического развития, наследие которого стало фундаментом собственно византийской эпохи, так и промежуточным географическим положением региона, ставшего своеобразным мостом между Малой Азией и Сирией, между византийским и арабским мирами. Авторы анализируют территориальные параметры изучаемых областей, а также терминологию, причем, как латинскую и греческую, так и арабскую, армянскую и турецкую: Киликия, Армения, Аик, Монтана, Карамания – все это названия, применимые к региону. При рассмотрении географических характеристик края отмечается отсутствие историко-географического единства в его развитии: сложность и неоднозначность его истории, этно-демографической структуры, политической ориентации отдельных частей словно оттеняется многообразием географического ландшафта. Орографический очерк касается Среднего и Восточного Тавра, Чукурова, специально выделен гидрографический раздел, характеристика климата.

История Киликии прослеживается с древнейших времен, с первых упоминаний области, уходящих вглубь хеттской эпохи, к XVI в. до н.э. Анализ развития административно-территориальной структуры выявляет этно-географический субстрат собственно византийского периода. Условия эволюционирования римской провинции в византийский административный округ в IV–VII вв. прослежены на материалах письменных памятников. События военной и политической истории, повлиявшие на состояние жизни в регионе, характеризуются на фоне природно-экологических катастроф – засух, голода, эпидемий. Важный большой раздел отводится периоду арабских войн и арабского господства в Киликии, а также условиям создания фемной организации в Исаурии (VII–X вв.). Особенно интересны в этой связи те демографические изменения, которые были вызваны массовыми переселениями в византийских областях (например, мардаитов в VII в.). Особенности административной структуры выявляются на основании анализа терминологии актов, ситиллографии, эпиграфических памятников. Далее рассмотрены события нового византийского периода в истории Киликии – от отвоевания Тарса (965 г.) до начала периода армянской власти (1073 г.).

Изучение армянских государственных образований предстает на фоне истории византино-франкских политических противоречий конца XI–XII вв. Существенно, что авторы тома выявляют влияние многочисленных военно-политических перемен на состав и характер населения региона. Самостоятельной страницей в истории края представлен период армянского царства в Киликии (1199–1375), заканчивающийся подчинением мамлюкам с дальнейшим включением области в 1517 г. в состав Османской империи.

Киликия и Исаурия интересны и в историко-религиозном, и историко-церковном отношениях. Родина апостола Павла была центром раз-

¹ Koder J. Negroponte: Untersuchungen zur Topographie und Siedlungsgeschichte der Insel Euböia während der Zeit der Venezianerherrschaft (VTIB 1). Wien: Verlag d. Österreich. Akad. d. Wissensch., 1973. 191 S. 76 + 16 Abb., Kart.

² Soustal P., Mitw. Koder J. Nikopolis und Kephallénia (TIB 3). Wien: Verlag d. Österreich. Akad. d. Wissensch., 1981. 325 S., 2 Kart.

³ Hild F., Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien (TIB 5). Wien: Verlag d. Österreich. Akad. d. Wissensch., 1990. Т. 1–2. 466 + 96 S. 402 + 1 Abb. 3 Kart.

личных культов от восточных до греческих и римских (известны несколько крупнейших центров поклонения Асклепию), а затем стала одним из важных звеньев ранневизантийской церковной организации; с другой же стороны, она стала средоточием яковитских монофиситских учений. История церкви второго византийского периода тесно связана с деятельностью Антиохийского патриархата. С XIV в. распространяются и латинские католические епископства. Особая страница в религиозной жизни Киликии — история существования на ее территории рыцарских орденов — Иоаннитов, Тамплиеров, Немецкого ордена. Специальное внимание уделено и армянской церковной организации.

Очень важен раздел книги, анализирующий эволюцию этнического состава населения — от хетто-лувийского субстрата, через эллинизацию античной эпохи к сложной структуре поздне-римского-ранневизантийского периода. Обстоятельства нашествий и войн, колонизаций, природных катастроф, эпидемий, — все нашло отражение в формировании пестрого состава народонаселения Киликии и Исаурии, ставших родиной для греков и сирийцев, "франков" и тюрок, армян и иудеев.

Объем исследуемой информации дополнен анализом экономической жизни региона, истории хозяйствования в деревне, уровня городского развития; от агрокультуры и охоты до ремесла и торговли — таков спектр детальных характеристик этого раздела. Подробно рассмотрены и пути сообщения, выявлена сеть дорог в регионе, связавшая его с внешним миром как по суше, так и на море. Наконец, специально обобщены данные о военно-стратегических и оборонных сооружениях — крепостях, башнях, стенах и т.п. в связи с военно-политической историей.

Алфавитный регистр топонимов скрупулезно детализирован и насыщен исчерпывающей информацией. Так, сведения об Адане, Тарсе, Св. Фекле, Сисионе, Селевкки, Мопсуестии, Корике, Аназарбе податст пространным главам истории городов. Важнейшее научно-познавательное значение имеет и помещенный во вторую часть книги альбом более четырехсот фотографий описываемых в томе мест, памятников, надписей, археологических находок.

Тематически тесно связан с предыдущим и следующий из рассматриваемых томов, посвященный Фригии и Писидии (авторы — К. Белке и Н. Мерсик)⁴. Но в отличие от областей рассмотренных выше выпусков ТИВ, зона настоящего тома имеет свою особенность: она не укладывалась целиком в границы одной определенной фемы или фем, но Фригия и Писидия входила в состав других административно-территориальных единиц — фем Анатолика, Опсикия, Фракисион и Кивирриотов; достаточно

⁴ *Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien (TIB 7)*. Wien: Verlag d. Österreich. Akad. d. Wissensch., 1990. 464 S. 161 + 1 Abb. 2 Kart.

разнообразно и церковное членение епархий. И вместе с тем эти области сохранили некое этно-культурно-языковое единство, часто вопреки политико-административным границам.

Терминологически области Фригии и Писидии представляют сравнительно немного проблем: их имена сохранились с древнейших времен без изменений в значении. Вместе с тем эти области не были отмечены единством ни в политическом, ни в географическом отношении, что демонстрирует анализ как географической структуры (орографии, касающейся Центрально-анатолийского нагорья, Западно-анатолийского плоскогорья и гор Тавра; гидрографии и климата), так и историко-экономического и политического развития. В экономике выделены традиционные отрасли хозяйства (ководство, виноделие, садоводство) и ремесла (добыча цветного мрамора, которым отделаны интерьеры Св. Софии, церкви Апостолов и Императорского дворца в Константинополе и храма Сан Витале в Равенне). На изменения в составе народонаселения оказывали влияние как природные катастрофы (например, засуха 452 г.) и эпидемии (чума 541 г.), так и демографические движения (например, славянское переселение с Балкан в фему Опсикий в середине VII в.). Для тех или иных центров региона типична постоянная смена власти: так, Лаодикея после 1071 г. становится тюркским городом, в 1098 — опять византийским, затем снова тюркским, с 1119 г. — вновь византийским и переживает тяжелые турецкие осады в 1160/1161 г. и между 1162 и 1177 гг., после 1188/1189 гг. снова отходит к сельджукам, чтобы в 1257 г. на два года опять стать византийским, а затем навсегда турецким городом. Такие изменения характерны для многих центров края. Подробный исторический очерк Фригии и Писидии — от гомеровских времен, включает и рассмотрение аспектов этнической истории, таких как приход киммерийцев и кельтов (галатов), позже — остроготов (трейтунгов), скифов (готов) и др. С VII по XI в. следует период натиска с востока — сначала арабов, затем сельджуков, заканчиваясь битвой при Манцикерте. История последующих двух столетий — это история войн перехода областей центра Малой Азии от Византии к сельджукам и обратно. Новый этап жизни Фригии и Писидии связан с появлением в конце XI в. крестоносного войска. Но в течение первой половины XIII в. постепенно вся территория области при сокращении пределов Никейской империи оказывается в подчинении сельджуков.

Особенности церковной структуры региона и историко-религиозного развития во многом определялись его пограничным положением между православным христианством и мусульманским арабским, а затем турецким миром. Связи обеспечивались сетью многочисленных путей сообщения, морских и сухопутных, подробно рассмотренных в книге; тут же дается и характеристика известных фортификационных сооружений.

Среди описанных центров Фригии и Писидии наиболее подробные сведения касаются Антиохии, Синады, Созополя, Севастии, Филомилии, Наколии, Лаодикии, Коттуея, Колосс, Иераполиса, Дорилея, Хон и др. Более полтораста фотографий как городов и архитектурных памятников, так и археологических фрагментов, надписей, рукописных миниатюр дают прекрасное визуальное воспроизведение рассмотренного в книге материала. Две карты сделаны по общепринятым в серии принципам: хронологические отметки тех или иных центров обозначены соответствующим цветом.

Таким образом, как следует из характеристики вышеперечисленных изданий, серия "Tabula Imperii Byzantini" далеко выходит за рамки чисто историко-географических публикаций, но представляет собой свод исследований по отдельным регионам Империи. В своей совокупности, по мере выхода в свет новых томов,

Hild F., Hellenkemper H. *Kilikien und Isaurien // Tabula Imperii Byzantini*. Wien, 1990. Bd. 5. T. 1—2. 521 S., 402 ill., 3 Kart.

Настоящий труд в известной степени завершает разработку данной проблемы, начатую авторами в 70-е годы, обобщая результаты их работ на месте, в частности, исследование крепостей¹ и обследование отдельных районов Киликии². Трудности работы в данном регионе очевидны, так как здесь сосуществуют по меньшей мере четыре слоя топонимики — римский, византийский, армянский и османский. Не мог не вызвать трудностей и тот факт, что живая традиция греческой и армянской топонимики исчезла здесь вместе с ее носителями, а современное турецкое население вряд ли сохранило ее и большинство существующих памятников известно под турецкими названиями или утратило их вообще. Неоценимую помощь исследователям поэтому могут оказать и оказывают работы ученых и путешественников XIX — начала XX вв., от В. Ланглуа до Г.Л. Белл, посещавших Киликию в то время, когда здесь еще существовало армянское население, описавших памятники и опубликовавших надписи региона, тем более, что многое из тогда описанного ими ныне не существует.

Структура работы Ф. Хильда и Х. Хелленкемпера традиционна для всех изданий серии. Авторы очерчивают границы исследуемого района, не совпадавшие с политическими границами существовавших здесь в период средневековья государств. Это сразу оговаривается, так как часть территории Киликийского армянского царства, как, например, монасты-

¹ *Hellenkemper H. Burgen der Kreuzritterzeit in der Grafschaft Edessa und im Königreich Kleinarmenien*. Bonn, 1976. (Нам недоступна).

² *Hellenkemper H., Hild F. Neue Forschungen in Kilikien*. Wien, 1986.

эта серия охватит все уголки Византии в пестрой сложности ее этно-государственного, культурно-исторического, природно-географического облика, уже сейчас став незаменимым пособием византистов. В основной серии другие тома посвящены Элладе и Фессалии (авторы — Й. Кодер и Ф. Хильд при участии П. Соустала), Каппадокии (Ф. Хильд и М. Рестле), Галатии и Ликаонии (К. Белке при участии М. Рестле), Фракии (П. Соустал), а в серии монографических исследований — системе путей сообщения (Ф. Хильд) и архитектуре (М. Рестле) Каппадокии, новым результатам изучения Киликии (Г. Хелленкемпер и Ф. Хильд). Остается надеяться, что и из этих книг что-нибудь окажется доступным и нашим византистам. Серия "Tabula Imperii Byzantini" уже по праву может быть отнесена к разряду научной классики.

М.В. Бибиков

Hild F., Hellenkemper H. *Kilikien und Isaurien // Tabula Imperii Byzantini*. Wien,

ри и крепости Амана, находились в пределах Сири.

В § А П, определяется терминология, понятийный аппарат исследования (с. 18—21). Раздел В, посвящен описанию рельефа, климата, водных ресурсов Киликии и Исаурии (с. 22—29). Всего пятьдесят страниц занимает написанный Ф. Хильдом краткий очерк политической истории Киликии, распадающийся на пять разделов: Киликия до реформ Диоклетяна; ранневизантийский период IV—VII вв.; период VII—X вв. — от арабского завоевания до византийской "реконксты"; Киликия в составе империи (965—1073) и в составе армянского государства в XI—XIV вв. (с. 30—84).

Для современного уровня исследовательности политической истории региона, несмотря на появление в последнее время ряда работ, как, например, В. Феликса³, показательно, что едва ли не единственной для периода VII—X вв. остается монография А.А. Васильева в ее переизданиях.

Что касается раздела IV, посвященного византийскому периоду в истории Киликии, то здесь наибольший интерес представляют открыточные данные по ее административному устройству в X—XI вв., основанные на надписях неопубликованных моливдовулов из собрания Г. Закоса, В. Хана и В. Зайбта. Это — моливдовулы стратига Аданы, куратора Тарса и Киликии⁴, куратора Киликии и Исаурии, наконец, Аршакида Апелларифа, стратига Селевкии (с. 64. Примеч. 362). По-видимому, его следует отождествить с известным по нарративным

³ *Felix W. Byzanz und die islamische Welt im früheren 11 Jahrhundert*. Wien, 1981.

⁴ Хотя датировка последнего, на наш взгляд, слишком сужена и никак не мотивирована.

источникам Абельхарибом Арцруни, позже правившим в Тарсе и Мопсуэстии. Следует упомянуть также меливдулу Иоанна Антиохита, протоспафария Христотриклиния и стратига Аназарбы⁵, а также Георгия Мелиаса, протоспафария и императорского стратига Мамистры, Аназарбы и Цаманда⁶.

Относительно судьбы Киликии в начале XII в., по-видимому, следовало бы сказать, что ее равнинная часть после 1108 г. входила в состав Антиохийского княжества, будучи поделена на уделы. В Тарсе в это время правит Гвидо Каприолис, а после 1119 г. вдова князя Рожера и сестра короля Иерусалима Бодуэна II (но не III, как в тексте) Цицилия (с. 69. Примеч. 412).

Автор достаточно подробно освещает процесс формирования княжества Рубенидов. Но остается все еще достаточно смутной судьба ее второй столицы Аназарбы. В 1097 г. город, по-видимому, действительно попал под контроль крестоносцев, а осенью 1098 г. он вошел в состав Антиохийского княжества. Но неизвестно когда, как и от кого получил его Торос I Рубенид. По условиям Девольского договора 1108 г. Бозмунд Тарентский обязался возвратить Аназарбу Византии, но договор, как известно, не был выполнен, а город, как кажется, уже в 1107 г. принадлежал Торосу и был столицей его удела⁷.

Последующая история Киликийского армянского княжества, а затем и царства, прослежена до 1375 г., в том числе и борьба Рубенидов за Равнинную Киликию между 1132–1183 гг.

Раздел Д. кратко освещает историю киликийских епархий византийской, армянской и сирийской церквей, владений иоаннитов, тамплиеров и тевтонского ордена (с. 85–97).

⁵ См.: Schlumberger G. Sigilligraphie de l'Empire Byzantin. P., 1884. P. 272, 274; Siebt W. Byzantinischen bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. T. 1. S. 260–261, N 128.

⁶ См.: Siebt W. Byzantinischen bleisiegel... 260. Меливдулу из Кабинета медалей в Национальной библиотеке в Париже. Но это скорее всего Мелиас, но не Мелиссен. Если надпись прочитана правильно и речь действительно идет о Цаманде, то следует внести определенные коррективы в наши представления о структуре провинциальной администрации второй половины XI в., ибо расположенный довольно далеко от Киликии Цаманд оказался в рамках одного стратигата с Мамистрой и Аназарбой, что необычно. Пост фактум отметим, что в ТИВ 2, S. 300 не отмечено, что между 1044–1064 гг. Цамандом владел экс-шаханшах Ани Гагик II, получивший его как приданое жены, дочери Давита Арцруни. См.: Летопись Смбата Спаралета, Венеция, 1956. С. 26 (арм.); "Повествование" вардапета Аристаркса Ластиверти // Вступ. ст., пер., комм. К.Н. Юзбашьяна, М., 1968. С. 85.

⁷ Маттэос Урхайеци. Хронография, Вагаршапат, 1898. С. 306 (арм.).

Интересен, хотя и не бесспорен по выводам раздел Е., где дан очерк этнической истории Киликии. Исследователи полагают, что на протяжении VII–IX вв. она пережила две волны арабской миграции. Первая была связана с арабским завоеванием региона, следствием которого была арабская колонизация преимущественно городов Равнинной Киликии, вторая, в X в., — с постепенным вытеснением этого населения греками, армянами, сирийцами, хотя численность последних была меньше, чем до арабского завоевания, свидетельством чего являются заброшенные ранневизантийские селения, развалины которых зафиксированы исследователями на территории Равнинной Киликии.

Относительная малочисленность армянского населения к концу XI в., как полагают авторы, предопределила легкость, с которой города Равнинной Киликии сдались малочисленным отрядам крестоносцев (с. 102). Последнее утверждение вряд ли является единственно возможным. Если привлечь данные латинских, армянских, сирийских хроник, то многие из них, особенно латинские, как, например, известные "Деяния франков" сообщают о "стране армян" за Кокисоном⁸, локализуют области расселения армян вплоть до Антиохии. Армянская община Эдессы была достаточно многочисленной и сдача города Бодуну Фландрскому во многом объясняется тем, что городская верхушка-нишканы в условиях политической нестабильности в регионе нуждалась в силе, способной защитить ее интересы⁹. Не лучше было положение в Киликии, в города которой в 1084 г. были введены гарнизоны Румского султаната. Поэтому население Тарса и других городов, преимущественно армянское, так легко спало его крестоносцам. На протяжении XII в. эти города неоднократно переходили из рук в руки, но ни о каких осадах и разрушениях здесь источники не сообщают¹⁰.

В § Е. II. воссоздана картина расцвета сельского хозяйства и сельских же промыслов, скотоводства, охоты и рыбной ловли (с. 112–113), лесного хозяйства (с. 114). Интересны наблюдения авторов о том, что леса Киликии в целом сохранялись до XIX и даже начала XX вв. и современный ландшафт — следствие массовых вырубок именно последнего времени.

Описания месторождений полезных ископаемых

⁸ См.: Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum / Ed. R. Hill. L., 1962. P. 25, 29, 33, 37, 41.

⁹ См.: Степаненко В.П. Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-е годы XI — начало XII вв. // ВВ. 45. 1984. С. 87–94.

¹⁰ См., например: Степаненко В.П. К хронологии византийско-антиохийской борьбы за Равнинную Киликию, 1098–1108 // АДСВ: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1984. С. 139–147.

ных в § III и ремесел, промыслов в § IV основано на поздневизантийских и отчасти ранневизантийских источниках, преимущественно эпиграфического характера или же по материалам, связанным с киликийской торговлей итальянских городов-государств. Так, для характеристики шелкоткачества используются данные Пеголотти (1310), перечисляются профессии гончаров, кожевников, садовников и огородников, шинкарей и мясников (с. 120–122). Наконец, § V посвящен торговле и коммуникациям Киликии и Исаврии. Исследователи констатируют отсутствие данных по торговле арабского и второго византийского периодов и их незначительность для начала армянского периода истории Киликии. Лишь для XIII–XIV вв. материал по торговле достаточно обширен и детально характеризует внешнюю торговлю Киликийского армянского царства с Востоком и Западом.

Из анализа торговли вытекает необходимость выявления и коммуникаций, как морских, так и сухопутных. Этому, а также обороне границ Киликии посвящены разделы G. и H. В последнем интересны данные, преимущественно эпиграфического характера, по строительству крепостей с 1188 по 1319 гг. (с. 149–150).

В целом собранный и детально обработанный материал характеризует регион предельно разносторонне, освещая географию, экономику, политическую и этническую историю, что создает солидную базу для основного раздела — алфавитного указателя в осех городов, крепостей, замков, монастырей, селений и рек Киликии и Исаврии, локализованных или известных только по нарративным или документальным источникам. В каждом случае приводятся известные греческое, армянское, итальянское и турецкое названия, локализация памятника, его история с указанием источников и литературы, его координаты на карте региона.

В качестве примера предельной осторожности исследователей в локализации памятника может служить известный по нарративным и документальным источникам монастырь Дразарк, центр армянской культуры и усыпальница Рубенидов начиная с Тороса I. В качестве армянского монастыря известен по памятной записи евангелия 1113 г.¹¹ Маттэос

¹¹ См.: Измаилова Т.А. Армянское евангелие 1113 г. // Восточное Средиземноморье и Кавказ в IV–XVI вв. Л., 1988. С. 1113.

Belke K., Mersich N. Phrygien und Pisidien // Tabula Imperii Byzantini. Wien, 1990. Bd. 7. 462 S. 162 Abb. 2 Kart.

Работа К. Бельке и Н. Мерзиха является последним по времени выхода в свет томом серии. Показательно, что каждый из ее томов по количеству значительно превышает предыдущую, превосходя их и по объему даваемой информации. Не является исключением и "Фригия и Писидия". Том распадается на две части. В первой по

Урхайеци пишет о возобновлении монастыря Торосом I¹². Л.Р. Азарян локализует его в районе Аназарбы¹³. Возможно, он был расположен где-то на границе гавара Аназарбы достаточно далеко от города, в пользу чего свидетельствует хищатакаран Киракоса (Гитнакана?) 1113 г., в котором упомянуты император Алексей Комнин, католикосы Барсег Анеши и Григор II Имя Тороса I здесь не фигурирует. Если учесть, что к этому времени князь явно владел Аназарбой, то это умолчание может свидетельствовать лишь о том, что монастырь находился в районе, входившем в это время в состав Византии, император которой назван первым в памятной записи. И действительно, исследователи предположительно локализируют Дразарк в местечке Аккилисе севернее Копитара (с. 243).

Во втором томе помещены библиография, предметный и географический указатели и 402 иллюстрации. К книге приложены три карты: современная географическая, района Селевкии и карта с указанием памятников IV–XIV вв. К сожалению, отсутствует указатель имен, в большом количестве упомянутых во водных разделах. Следует отметить, что библиография приводится как бы на двух уровнях. Основная литература приведена списком во втором томе, но ряд работ указан лишь в примечаниях и в общей библиографии не фигурирует, что создает определенные неудобства при работе с книгой.

Данные замечания ни в коей мере не умаляют значения той колоссальной работы, которую проделали Ф. Хильд и Х. Хелленкемпер. Уровень издания как в научном, так и в полиграфическом планах исключительно высок. Данный том явится настольной книгой для всех профессионально занимающихся историей и культурой Византии и Киликийского армянского царства¹⁴.

В.П. Степаненко

¹² См.: Маттэос Урхайеци. Хронография. С. 334.

¹³ Азарян Л.Р. Киликийская миниатюра XII–XIII вв. Ереван, 1964. С. 46.

¹⁴ Последний, недавно вышедший том серии: Soutstal P. Thrakien (Thrace, Rodope und Haimimontes // Tabula Imperii Byzantini. Bd. 6. Wien, 1991.

ХРОНИКА

XVIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ*

С 8 по 14 августа 1991 г. в Москве состоялся очередной XVIII Международный Конгресс византиноведческих исследований, Конгресс проходил в Московском государственном университете. В конгрессе приняли участие более 300 советских и около 450 зарубежных ученых из 38 стран. Интерес научной общественности к Конгрессу был особенно велик, так как крупнейший форум византинистов впервые проходил в России. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, выступая на открытии Конгресса отметил, в своем приветственном слове, что принятое от Византии крещение на Руси в 988 г. явилось поворотным событием в ее истории. Развивая эту тему, Д.С. Лихачев подчеркнул в своем выступлении, что принятие Русью христианства способствовало осознанию русскими людьми своего места в истории человечества и в современном им мире. Христианство сыграло роль объединяющего фактора для восточнославянских народов, являлось тем импульсом, который содействовал интенсивному развитию самобытной культуры Руси. Кроме того, важное значение имела также географическая близость Руси и Византии, причем ряд областей Северного Причерноморья и Кавказа, вошедших в новое время в состав России, в течение нескольких веков находился под властью Византийской империи, и традиции византийской культуры длительное время сохранялись в этом регионе. Вполне естественно, что многовековые тесные связи Византии с народами нашей страны оставили глубокий след в культуре России. Уже в XIX в. в России сложился крупнейший центр византиноведения. Ее музеи и древнехранилища обладали богатейшими собраниями произведений искусства, рукописей, археологических памятников византийской эпохи, значительно пополнявшихся в ходе раскопок в нашем столетии. На открытии Конгресса выступили руководители Бюро Международной Ассоциации византинистов, президент И. Шевченко (США) и генеральный секретарь Я. Караяннопулос (Греция), и председатель Оргкомитета Конгресса

член-корреспондент АН СССР Г.Г. Литаврин (СССР), которые сообщили об итогах работы Ассоциации и Оргкомитета по подготовке Конгресса. Делегатов Конгресса приветствовали: от Отделения истории АН СССР академик И.Д. Ковальченко от Ректора МГУ им. М.В. Ломоносова — проректор проф. В.И. Добреньков.

Было оглашено приветствие делегатам Конгресса президента России Б.Н. Ельцина, в котором подчеркивалось, что "столь выдающийся форум ученых со всего мира собрался сейчас именно в Москве, в сердце России — стране, научные школы которой заложили основы и создали многие традиции современного византиноведения". Приветствие премьер-министра Греции К. Митсотакиса на открытии Конгресса огласил посол Греции г-н И.П. Гунарис. Были зачитаны также и другие телеграммы и приветствия от ученых и политических деятелей СССР и зарубежных стран.

Кроме Международной Ассоциации византинистов и Оргкомитета Конгресса* (почетный президент-академик Д.С. Лихачев, председатель Г.Г. Литаврин) в организации и проведении Конгресса участвовали МГУ им. М.В. Ломоносова, Национальный комитет историков Советского Союза, Отделение истории АН СССР, Министерство культуры СССР, Совместное советско-финское предприятие "Поинт", итальянская фирма "Тарталья". Спонсорами Конгресса выступили: Фонд Украинских исследований (США), Союз учредителей немецких научных исследований (Германия), Общественный фонд помощи Александра С. Онассиса (Греция), Международный фонд греческих исследований, Анонимный японский спонсор, Яна и Кит Гавлей (Англия).

Основные темы, вынесенные на обсуждение византинистов, рассматривались на пленарных сессиях. Их в этот раз было восемь:

1. Byzantina, Metabyzantina и Русь (IX—XVII вв.).

* Принципиальное решение о проведении XVIII Конгресса в Москве было принято Ассоциацией в 1986 г. по инициативе члена-корр. АН СССР З.В. Удальцовой, возглавлявшей в то время Национальный комитет византинистов СССР.

руя климат, водные ресурсы, рельеф местности, плотность населения в отдельные исторические периоды.

Далее Н. Мерзих определяет границы обеих провинций, а затем дает очерк их экономической жизни и этнической истории (с. 45—47), (62—70). Очень обширна глава Д., написанная К. Бельке. Она представляет собой очерк политической истории и административного устройства Фригии и Писидии со времен хеттов и вплоть до XIII в. Соответственно, она делится на три параграфа. В первом кратко, но предельно четко прослежена политическая история региона от державы Мидаса до арабского завоевания Малой Азии. Автор рассматривает место Фригии и Писидии в составе Ахеменидского Ирана, державы Александра Македонского, эллинистических государств, позже Рима и Византии, дает характеристику административного устройства обеих провинций на данном отрезке времени, от сатрапий Даскилея и Сарды до фем Анатолик, Армениак и Фракисий (с. 83—101).

Далее последовательно прослежена политическая история Фригии и Писидии в VII—XI вв., эволюция фемной администрации, рассматривается ход арабских завоеваний Малой Азии вплоть до Амория, византийская "реконкиста" региона, воссоздание здесь имперской администрации, в частности формирование турм на границе с арабами и постепенное образование здесь фем. На основе огромного материала и работ предшественников (как, например, К. Казна), рассматривается сельджукская экспансия в Малой Азии, ее последствия в социально-экономическом, демографическом и политическом планах. Известно, что в ходе сельджукских набегов в наибольшей степени пострадали города Фригии и Писидии. Так были разграблены и сожжены Хоны (с. 83—101).

Наконец, К. Бельке дает очерк политического развития Малой Азии в XI—XIII вв. и, в том числе образования Румского султаната, попыток Византии вернуть утраченные территории, завершившиеся разгромом при Мириокефале, а затем восточной политики Никейской империи до середины XIII в. (с. 102—124).

В целом глава предельно насыщена информацией и дает полное представление о политической истории не только Фригии и Писидии, но и всего Малоазийского региона. К ней примыкает написанная тем же автором глава, посвященная истории и структуре православных епархий региона с первых веков н.э. по XIV в. (с. 126—138).

Завершает данную часть работы две главы. В написанной совместно К. Бельке и Н. Мерзихом главе Д. подробнейшим образом описана дорожная сеть Фригии и Писидии, в том числе и часть так называемого диагонального пути, связывавшего Константинополь с Киликией и Сирией, проходившего по территориям провинций от Прусы до Икония (с. 139—160). На схеме (с. 140) дана реконструкция карты дорог византийского периода. Наконец, завершает вводный раздел глава об оборонительных сооружениях, написанная Н. Мерзихом (с. 161—165).

Основная часть работы — 588 лемм, весьма различных по объему информации и, как следствие, по полноте реконструкции истории того или иного населенного пункта, крепости, монастыря. Так, часть лемм имеет чисто фиксационный характер, отмечая на карте расположение руин памятника византийского периода, греческое название которого неизвестно, а датировка определена либо посредством визуального обследования, либо на основе эпиграфических или археологических материалов, например, Шахмелек около Кютахы (с. 370). Во многих случаях удается установить византийское название городка, донные существующего под турецким названием — Эски Гедиз-Кадой (с. 285). Локализация множества городов, чьи греческие названия известны по нарративным источникам, не установлена. В этом случае они называются как находившиеся на территории Фригии или Писидии и отмечено, что их местоположение неизвестно (Копиуполис, Евдоксиополис) (с. 250, 312). Относительно редко удается с оптимальной полнотой реконструировать историю города, точно локализовав его и собрав значительную информацию. По преимуществу, это крупные центры, возникновение которых теряется в веках, и которые продолжают существовать и в настоящее время или существовали в турецкий период (например, Акронин (с. 177), Антиохия Фригийская (с. 185—188), Хоны (с. 222—225), Дорилей (с. 238—242), Созополь (с. 387—389)).

Помогает в работе с картами и общая для всей серии система условных обозначений памятников, а также цветовая символика данных обозначений. Из двух приложенных к тому карт, первая представляет собой современную физическую карту соответствующих районов Турции, а вторую же нанесены все известные или выявленные исследователями памятники-селения, виллы, монастыри, пещерные комплексы. Например, синим цветом обозначены памятники III—VII вв., зеленым — памятники, существовавшие с III по VII вв. и затем с X по XIII вв. Книга иллюстрирована. Черно-белые фотографии наиболее интересных памятников дают возможность читателю наглядно представить их. Но следует отметить, что в ряде случаев явно в ущерб общим видам памятников на местности, авторы показывают либо их архитектурные детали (ил. 93—139), либо фрагменты кладки (ил. 22 и далее). Поэтому фото башни крепостной стены и цистерны в Хонах, к сожалению, не дают сколь-нибудь полного представления о крепости (ил. 29—30).

В целом работа очень значительна по объему детально систематизированной информации, так и по уровню собственно исследовательской работы, очень высокому. Как справочник она дает почти исчерпывающее представление о Фригии и Писидии в историко-географическом плане. В этом аспекте как данный том, так и вся серия в целом являются уникальными.

* В обзоре представлены лишь основные направления работы Конгресса. Он не претендует на полноту информации обо всех, даже важнейших сообщениях на заседаниях секций и коллоквиумов.

2. Макро- и микроструктуры в византийском обществе.

3. Политические и культурные связи Византии со странами Кавказа.

4. Византия и страны Причерноморья (XIII–XV вв.).

5. История византиноведческих исследований.

6. Instrumenta studiorum.

7. Социальные и политические факторы в развитии византийского искусства.

8. Светская и церковная литература в Византии. Автор и читатель.

Помимо пленарных сессий, в ходе конгресса прошло более 100 заседаний 21 секции, 16 коллоквиумов и 15 круглых столов, где указанные главные темы и связанные с ними проблемы были предметами сообщений и дискуссий.

Вполне закономерно, что на Конгрессе в Москве несколько тем, оказавшихся в центре внимания, были связаны с историей экономических, политических, культурных и церковных связей Византии с Русью, областями Причерноморья и Кавказа.

Среди самых представительных были заседания, посвященные изучению русско-византийских отношений и византийского наследия в России. Пленарное заседание открылось докладом Т. Василевского (Польша) "Обращенная в христианство Русь в византийской семье правителей и народов". Автор рассмотрел политические взаимоотношения Руси и Византии вплоть до завоевания Константинополя крестоносцами (1204 г.). Анализируя титулы русских князей в византийских и древнерусских источниках, Т. Василевский определил перемены в статусе Руси среди государств, принятых в "императорскую семью правителей и народов". Положение русских князей принципиально изменилось на международной арене после принятия христианства и брака князя Владимира с принцессой Анной, сестрой императора Василия II. Вместе со званием "сын императора" князь Владимир получил новый несравненно более высокий монарший титул: *orthodoxos, eugenestatos, chaganos*. После завоевания Константинополя крестоносцами и татаро-монгольского нашествия на Русь непосредственные русско-византийские отношения (за исключением церковных) были временно прерваны.

В докладе Дж. Маджески (США) "Русско-византийские связи (1240–1453): сообщения о путешествиях" автор, напротив, утверждал, что влияние Византии на Русское государство не прекратилось и после 1204 г. и продолжалось практически в течение всего периода XIII–XV вв. Это влияние осуществлялось главным образом через посредничество византийской литературы, литургии. Исследователь попытался восстановить историю связей Византии и Руси в указанный период. За 213-летний период удалось выявить 125 путешествий русских в Византию и греков на Русь. Дж. Маджеска заключает, что благодаря этим поездкам и в Констан-

тинополе и в Москве имели достаточно точные представления друг о друге. Но тем не менее, контакты с Византией и византийцами осуществлялись очень узкой группой русских людей, которых докладчик называет интеллектуальной и политической элитой Руси, способной оказывать значительное влияние на культурную жизнь своего государства.

Б.Л. Фонкич (СССР) в докладе "Россия и христианский Восток в XVI–первой четверти XVIII в." представил результаты своих изысканий в архивах и рукописных собраниях нашей страны, касающихся взаимоотношений России и греческого мира указанного периода. Им был выявлен фонд из более чем 860 греческих документов середины XVI–первой четверти XVIII в. в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда и Львова. Эти материалы позволяют разработать такие проблемы как помощь России грекам в их борьбе за освобождение от турецкого ига; связи России и константинопольского патриархата в XVI–XVII вв., Россия и Афон; история критской войны и греческо-русских связей в 1645–1669 гг., история пребывания греков в России, и в частности, в Москве, где находилась большая греческая колония, создание греческих и греко-славянских школ в России в XVII–XVIII вв. Для целенаправленного изучения русско-греческих связей необходимо создание международной программы и объединение усилий многих специалистов — таков вывод докладчика.

В секционных заседаниях, посвященных первой теме Конгресса, были представлены сообщения, в которых рассматривались различные аспекты истории политических, экономических, культурных и церковных связей. В работе секции, в коллоквиумах и дискуссиях выступили многие видные ученые из разных стран.

Изучая происхождение и содержание этнонима "Рос" в византийских текстах, Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин и М.В. Бибинов (СССР) выявили вероятность заимствования византийцами исконного "профессионального" самоназвания скандинавских отрядов, нападавших на Византию, отраженного в термине, ставшем затем в Византии этнонимом для обозначения русских. Постепенный характер христианизации Руси, прежде всего ее варяжской общины, в IX–начале X в. отмечается в сообщении Г. Бирнбаума (США). Комплекс русско-византино-германских взаимоотношений накануне Крещения Руси рассмотрел А.В. Назаренко (СССР). Исследуя состояние русско-византийских связей во второй половине XII–XIII вв., Н.Ф. Котляр (СССР) продемонстрировал на примере византийской политики галицко-волыньских князей выдвигание на первый план в этот период преимущественно локальных, частных контактов, перемещавшихся постепенно главным образом в церковную сферу.

С. Франклин (Великобритания) остановился на такой категории культурной жизни Древней Руси, как "философы", известные по памятникам древнерусской книжности и сопоставимые

с аналогами византийских реалий. Анализ образа юродивых как представителей византийской и древнерусской "народной" культуры посвящено сообщениям С.А. Иванова (СССР).

Интересные дискуссии прошли в связи с докладами о русско-византийских переводах и заимствованиях. Методике славянских переводов с греческого литургических текстов, Службника посвящено выступление Р. Штихеля (ФРГ). Неканонические библейские переводные тексты в византийской и славянской традициях в виде "суррогатов Библии" исследованы У. Федером (Нидерланды). На ранних славянских переводах в связи с деятельностью миссии Кирилла и Мефодия остановился Ж.-П. Арришон (Франция). Анализ древнерусского перевода византийского богословско-полемического сборника, каким представляется "Изборник Святослава 1073 г.", на фоне выявленных арабской, древнегрузинской и латинской версий того же памятника представлен М.В. Бибиновым (СССР). Византийские источники болгарских "Дамаскинов" XVI–XIX в. рассмотрел Г. Подкальский (ФРГ).

Несколько специальных заседаний было посвящено истории христианизации Руси и русско-византийским церковным отношениям. Я.Н. Шапов (СССР) в докладе "Древняя Русь под церковной юрисдикцией Константинопольского патриархата: Проблемы исторической оценки" подчеркнул, что деятельность киевской митрополии отвечала интересам и нуждам Русского государства. Однако посылавшиеся в Киев митрополиты были, по мнению докладчика, хорошими администраторами русской церкви, но, как правило, мало способствовали распространению византийской культуры на Руси. Основная инициатива в данном случае исходила от русских князей и монастырей.

На заседании, посвященном изучению русско-византийских культурных связей и влияния Византии на русскую литературу, искусство, архитектуру, философию, выступил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (К.В. Нецаяев, СССР). В докладе "Радонеж и Византия" он подробно остановился на роли византийской культуры в формировании учения Преподобного Сергия Радонежского. Э. Пильци (Швеция) показала значение русской живописи для изучения несохранившейся настенной живописи Византии Комниновской эпохи.

Важное значение на заседаниях секции было придано проблеме византийского наследия в России, в частности, рассмотрению концепции "Москва — третий Рим". Б.Н. Флоря (СССР) отметил прекрасное знание в России XVI в. византийской исторической традиции и ее влияние на политическую жизнь государства. Сопоставление концепций "Москва — Третий Рим" с идеей "Нового Константинополя" проанализировано Н.В. Синицной (СССР).

На Конгрессе явно проявился растущий среди византинистов интерес к истории Причерноморского региона как крупнейшего и недостаточно изученного очага византийской куль-

туры, важного перекрестка интенсивного товарообмена между Востоком и Западом. Активную роль в этом регионе издавна играли Древняя Русь и Византия, с XIII в. — итальянские морские республики Генуя и Венеция, имевшие свои фактории и колонии в Крыму, на Кавказе, в Малой Азии, в устьях Дона и Дуная, Золотая Орда, с XV в. — Османская империя. Становится все более очевидной необходимость изучения Причерноморского региона как единого исторического целого. В разных странах мира сформировались специальные исследовательские направления, группы и школы, целью которых является изучение различных аспектов истории Причерноморья. (В Италии под руководством Дж. Пистарини, во Франции — М. Балара, в Англии — Э. Брайера и др.). В 1990 г. на историческом факультете МГУ начала свою работу лаборатория (под руководством С.П. Карпова), ставшая задачей изучения комплекса источников по истории Причерноморья в средние века из собраний итальянских и советских архивов.

На пленарном заседании с обобщающими докладами по данной теме выступили ведущие зарубежные ученые. Открыл заседание доклад М. Балара (Франция) "Византия и районы Северного Причерноморья (XIII–XV вв.)". Докладчик констатировал, что начиная с 1204 г. (а особенно с 1261 г.) Византия утрачивает контроль над территориями к северу от Дуная. После установления "рах Монголика" возможность реализовать в этом регионе свои экономические и политические успехи получили латиняне. Власть татар над Крымом сменила непродолжительное господство Трапезунда. Опираясь на свои фактории, генуэзцы сумели почти монополизировать к середине XIV в. продовольственное снабжение Константинополя из Северного Причерноморья. В устье Дуная генуэзцы тоже установили свой контроль. Но несмотря на территориальные утраты, византийский император продолжает рассматриваться как первое лицо ойкумены. Ортодоксальное православие служит ему опорой, а моральный авторитет Константинопольской патриархии компенсирует упадок его власти. Сохраняя ведущую роль в культурных контактах со странами Восточной Европы, подданные империи попадают в зависимость от экономической системы, привнесенной итальянцами.

Истории южных районов Причерноморья (Великобритания): Византия и Понт в период "Смутного времени" (1332–1363). В основе его исследования — политическая история Понта. События гражданских войн в Трапезундской империи были мало связаны со столь же бурными социальными столкновениями в Западной Европе и Византии. По мнению Э. Брайера в Трапезундской империи боролись за власть 5 основных группировок знати: 2 столичные и 3 провинциальные (лазская и халдская, с их почти клановой организацией, и прибрежные районы). Значительной силой обладал трапезундский дим (городской люд), стремив-

шлись к сохранению порядка (также) и власти того монарха, который был в состоянии обещать оборону страны от турок. Победа Алексея III Комнина в этой борьбе была обусловлена сильной поддержкой дима.

В докладе В. Грознева (Болгария) "Византизм в истории болгарского Причерноморья в XIII - середине XV в." выделено три основных аспекта: политический, церковно-религиозный и этнический. Используя комплексный подход в изучении источников (в том числе архивных), В. Грознев показал большую значимость территории болгарского Причерноморья во взаимоотношениях Византии и Болгарии. В области политики в этом регионе преобладала дворуженная борьба между ними за господство на побережье, проходившая в два этапа (1186-1261, 1261-конец XIV в.) и закончившаяся поражением Болгарии и падением ее основных городских центров на черноморском побережье. В церковной и культурной сферах связи обих государств были, как показал докладчик, весьма интенсивными. Прием болгарской культуры, не теряя своей самобытности, в Грознев отстоял тезис о том, что черноморское побережье Болгарии в средние века отнюдь не было населено исключительно греками: напротив, там преобладали, по его мнению, болгарский этнос, хотя присутствовали и иные этнические группы.

В работе секционных заседаний, посвященных истории византийского явства в Причерноморье, было представлено два основных исследования: основное на основании доклада Г. Карлова (СССР). Опираясь на документы из архивов Генуи и Венеции, автор поставил вопрос о соотношении торгового-предпринимательской деятельности итальянского купчества и процессов колонизации, о значении иностранной торговли для причерноморских городов Византии, Крыма, Трапезундской империи, Синопского эмирата.

Различным вопросам итальянской колонизации Причерноморья были посвящены сообщения ученых школы Дж. Пиктарини-Э. Бассо, Дж. Ольджати, А. Ассини (Италия), Л. Баллетто (Италия) в своем докладе отменила первостепенную важность сохранившихся в Генуэзском Государственном архиве документов Visconti-Provisiois Романде как для изучения взаимоотношений Генуи с ее факториями, с Византией, с исламским миром в первой половине XV в., так и для собственно внутренней экономики и истории областей Эгейского и Черного морей.

Промышлен объем материала нотариальных источников XIV-XV вв., но гораздо малочисленнее и разрозненнее данные о начале генуэз-

ской торговой экспансии в Византию. Попытку преодолеть трудности, порождаемые фрагментарностью источников, представлял доклад А.Л. Пономарева (СССР), использовавшего математическое моделирование и предложившего методику реконструкции численности населения фактории в Пере и объемов его торговли деятельности за 1281 г.

Несколько выступлений на секции было посвящено северо-восточному Причерноморью. Е. Толорова-Стривич (Болгария, США) исследовала историческую географию Азовского моря в связи с итальянской навигацией позднего средневековья.

С докладами о проблемах симбиоза культур латинян и различных народов, населения Крыма в XIII-XV вв., выступили М.Г. Крамаровский и А.Г. Еманов (СССР).

Одним из крупнейших центров Северного Причерноморья был Херсон (совр. Севастополь). Основываясь на материалах многочисленных археологических раскопок, А.И. Романчук (СССР) доказывала многовековую преемственность городской жизни в Херсоне. Она полагает, что слой разрушения, связывавшийся обычно с походом Владимира на Корсушь, судя по монетным находкам, возник не ранее середины XI в., вероятно, в результате землетрясения.

Доклад Н.М. Богдановой (СССР) был основан на комплексном изучении источников разных типов (письменных и археологических) по истории Херсона X-XV вв. Докладчица выделила общие черты и особенности социально-экономического и политического развития Херсона в сравнении с другими провинциальными городами византийского мира.

Интенсивное археологическое изучение средневековых древностей Северного Причерноморья обусловило необходимость пересмотра некоторых сложившихся представлений об истории Крыма и Босфора, как показали в своих докладах советские исследователи А.И. Аюбаев, А.В. Сазанов, А.И. Герцен, В.Л. Мыц, И.А. Баранов и др.

На пленарном заседании по теме "Политические и культурные связи Византии со странами Кавказа" в докладе М. ван Эсбрука (Нидерланды) подведены итоги развития зарубежной историографии по проблемам отношений Византии и Кавказа в средние века, отмечены ее основные достижения и недостатки. Автором предложена новая периодизация византийско-кавказских связей.

Заседания секции по данной теме отличались, пожалуй, особенно торжественными дискуссионными. Значительное число докладов было посвящено армяно-византийским взаимоотношениям. Анализируя их особенности в IV-XI вв., Э.Л. Даниелян (СССР) заключает, что политика Византии по отношению к Армении по сути не претерпела значительных изменений и сводилась к неуклонному стремлению любыми средствами укрепить свое влияние на армянских землях. И.М. Усаева (СССР).

напротив, показала на примере армянской политики императора Маврикия, как империя проводила здесь более гибкую и терпимую политику. Сложным и неоднозначным взаимоотношениям Византии и Армении в X-XII вв. были посвящены доклады В.А. Ардутовской, А.А. Бозояна, Г.В. Саркисян, В.П. Степанян, Р.М. Бартикяна (СССР) и искусство-веды Э. Эванс (США). Проблема административного устройства Армении под властью Византии нашла свое отражение в докладе В.А. Ардутовской-Филипян "Новая социально-административная структура на Востоке Византии". Докладчица исследует социально-административные реалии восточных провинций Византии X-XII вв. После включения армянских территорий в византийскую империю перестали существовать армянские царства и княжества, но не появились традиционные "ромейские феоды". Возникла новая синтетическая структура (хора) в армяно-византийской континентальной зоне, которая нашла отражение в такой традиционной консервативной области, как византийская терминология. Современники формировали и функционировали армяно-византийской контактной зоны осознавали, таким образом, своеобразные организации восточных провинций империи в X-XI вв.

История армяно-византийских отношений была представлена на Конгрессе рядом сообщений. Е.П. Метревели (СССР) раскрыла историю знаменитого грузинского рода Чордаванги. Наиболее широкое освещение получила история грузинской культуры и литературы. Так, например, Н.Ю. Ломоури (СССР), рассматривая современные методики исследования грузинско-византийских связей, критически пересмотрел концепции обратных культурных влияний Грузии на Византию. Ряд сообщений был посвящен византийско-абхазским связям и истории взаимоотношений Кавказской Албании и Византии. На секции "Византизм и мусульманский мир" весьма интересными были доклады по византийско-арабским контактам. В известной мере как неуживчивые исследователи Д. Сакха, считавшего возможным говорить о прямом влиянии идеалов ислама. Ранее истории ислама был посвящен доклад М.Б. Пиотровского (СССР), предельно подробно рассматривая откровения Корана об Иисусе и Деве Марии как целостную версию некоего апокрифического "Евангелия", комплекса христианских преданий, бытовавших в арабской среде в VI в. Концептуальный доклад был представлен Ю.М. Кобицаиновым (СССР), проблемно структурированным по Северо-Восточной Африке в восточно-христианском регионе. В VI-VII вв. Эфиопия, Судан, Египет, Сирия, Армения, отчасти Грузия и Аравия составили некий монофитский пояс между несторианским Востоком и пространствами православного христианства. В этот период, по словам

докладчицы, прояснились процессы культурного сближения монофитских общин. В ряде случаев, борьба между монофитством и православием не ограничилась островами.

На другом заседании секции рассматривались в основном византийско-сельджуцкие отношения. Р.А. Гусейнов (СССР) обрисовывал сложную и противоречивую политическую ситуацию в Переднеазийском регионе в XI-XII вв., сложившуюся в результате вторжений сельджуков. Докладчик показал, что события этого периода предопределили три волны турканизации Персией Азии. Г.М. Курпалдис (СССР) представил ряд малоисследованных известий первоначальных источников повествовавших о битве при Манцикерт. Современное сообщение Н.И. Серикова (СССР) и Б.Хамарнех (Иордания) содержало инфорацию о работе над словарем грецизмоз и арабском языке.

Третье заседание секции было целиком посвящено византийско-османским отношениям. С.Ф. Орещко (СССР) анализировала роль византийской традиции в формировании османской государственности. К.А. Жуков (СССР) указал на ряд малоизученных направлений в экономической, социальной и политической истории турецкой Анатолии и Византии, исследование которых важно для понимания характера турецкой османской общности и особенностей его генезиса. Турецкая история вательшиса М. Деллибашли представляла интереснейший анализ экономической и демографической ситуации в Малой Азии и Византии в XIII-XV вв. Н. Ненжипотпу (Турция) показала, что в начале XV в. на территории Византии было немало турецких торговцев торжеского и грецкого происхождения. Р. Шукров (СССР) привел свидетельства того, что выходцы из Малой Азии и турецкой среды незначительным элементом населения Трапезундской империи на протяжении всего ее существования. Обобщающее сообщение о взаимоотношениях Трапезундской империи с турками нами Ак-Жокяну представил Я.М. Махмудов (СССР).

Традиционно в поле зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей находится проблема социально-экономических отношений. Одной из центральных на Конгрессе была тема "Микро- и макроструктура в византийском обществе". Ее обсуждение было открыто пленарным докладом А.Л. Каждана (США) "Микроструктура в Византии VIII-IX вв.". Для изучения микроструктур, или малых социальных групп с точки зрения докладчицы, наиболее плодотворно рен структурный подход. Малые социальные группы занимают промежуточное положение между индивидом и классом; они отнимаются от класса не только количественно, но и тем, что обладают "физической реальностью" - родственной или территориальной, или то

и другой вместе. Микроструктуры (семья, линияж, клан, община, религиозный цех, монастырь) отличает очень развитый индивидуалистическое, или "атомизированное", начало. Возможно, существование именно этого начала предопределило неразвитость в Византии феодальной иерархии, относящейся к политехнической слабости, рыхлость и зависимость городской структуры. Византийский "топиктаризм", по мнению Докладчика, сохранил свои позиции именно потому, что малые группы были слишком "атомизированы", и поэтому неспособны создать какой-либо стабильный протекторат бюрократическому аппарату. В заключение Докладчик приходит к оригинальному выводу, что византийское общество жило в условиях индивидуализма, но без свободы, что и составляет основную особенность византийского общественного строя.

Д. Карьянопулос (Греция) в докладе "Этапы развития аграрных общественных отношений" рассматривает проблемы аграрной истории в Византии с IV по XV вв., в особенности формы зависимости в поздневизантийском обществе и институт паркики. Хотя термин "паркик" встречается в источниках с IV в., этот институт полностью оформляется именно в поздний период. Д. Карьянопулос считает, что Паркики поздневизантийского периода отличался от свободной аренды и эмфитевсиса отсутствием оформленных долговых отношений, что возможно, предопределило столь широкое распространение Паркики. Отромное значение этого института автор видит в том, что в нем реализовалась высокая социальная мобильность. Например, паркики могли продвигаться по социальной лестнице: уменьшение численности мелких земельных собственников в поздней Византии компенсировалось увеличением числа новых ремесленников из парков.

Пленарное заседание завершилось докладом К.П. Манке (ФРГ) "Замечания о микро- и макроструктурах в поздневизантийском обществе". Ученый подчеркнул необходимость осещения связей между микроструктурами и макроструктурами поздневизантийского общества. Прослеживается тенденция развития от микро- к макроструктурам, дополнение или даже замена одной другой. При их исследовании следует учесть, что все социальные феномены более раннего периода (правовые, религиозные, культурные и экономические) были феноменами городского общества. Одна из основных задач поздневизантийского общества — семья — была одновременно и наиболее устойчивой микроструктурой. Особое место внутри семьи занимали проблемы взаимоотношений между отцами и детьми, исползование детского ручного труда как в домашних хозяйствах, так и в ремесленных мастерских. Поздневизантийские малые группы были явно слабее, чем аналогичные западноевропейские. Сильные семейные связи не компенсировали сравнительно слабые простых социальных

групп. Самые макроструктуры являлись частью более крупного и многостороннего понятия. Проблема их формирования в поздней Византии лишь поставлена. Необходимо изучение характера связей как внутри отдельных макроструктур, так и между ними (между арестократией, в частности, банками, крестьянством и вообще между имущими классами). В последнее столетие поздневизантийского общества макроструктурированные элементы явно исчезают на задний план. Почти полностью исчезают и средние группы (ремесленники, мелкие торговцы и т.д.). Вероятно, они уже не воспринимались как особые социальные группы, отметил К.П. Манке.

Проблемы, обсуждавшиеся на секционных заседаниях по этой теме, касались различных аспектов социально-экономической жизни Византии с IV по XV вв. Вопросам семитики византийских общественных структур был посвящен доклад Ф. Тиннфельда (ФРГ).

А.А. Чекалова (СССР) показала в своем докладе, что константинопольская сенаторская аристократия IV—VI вв. является новым социальным образованием, сохранившим свой "службный" облик на протяжении всего ранневизантийского периода. Сенат Константинополя, утверждает докладчица, играл роль разрушителя норм жизни Римской империи и одновременно хранителя и наследника традиций муниципий греческого Востока.

Доклад О.Р. Бородина (СССР) "Экзархат и феода: сравнительный анализ" вернул слушателей к давним спорам о соотношении экзархата и феода. Докладчик полагает, что феода и экзархат, близкие в юрисконсультском плане и отчасти в военном, с историко-культурной и социальной точек зрения принципиально различны. Византийская Италия, подчеркивает О.Р. Бордидин, не была органичной частью византийского государства. Равенский экзархат скорее "колониальный" зависимая структура, и его утрата империей являлась закономерной.

Отдельное заседание было посвящено изучению социальных структур византийского общества. В докладе И.М. Еранда (США) докладывалось, что в конце XII в., как и ранее, большую роль в организации ремесленного производства в Константинополе играли корпорации. Некоторые итоги исследования состава, социальной структуры и мобильности знати Никейской империи были подведены в докладе П.И. Жаворонкова (СССР). Наиболее существенной проблемой при изучении господствующего класса никейского общества, по мнению докладчицы, является проблема горизонтальной и вертикальной мобильности знати. Автор усматривает значительный рост численности новых знатных родов в Никейской империи преимущественно на нижних ступенях иерархической лестницы. Элита же была более устойчивой. Проблемам развития областей Латинской

Романии был посвящен ряд сообщений. С.В. Блшнюк (СССР) выступила с докладом о гибкой и протуманной налоговой политике кипрских королей династии Лузиньянов в XIII — первой половине XIV вв. Наготове были другим государствам на территории Кипра оказались выгодными для королевской казны. Потери с лихвой окупались притоком на остров товаров, ускоренном обороте капиталов, быстрой реализацией кипрской продукции.

Группа ученых из Болоньи (Италия) во главе с А. Карлине представляла ряд интересных сообщений с публикациями новых источников по истории Калабрии и Сицилии, а также о связях Византии и Венеции.

Обсуждение проблем экономической и социально-политической истории продолжалось на заседаниях круглых столов: "Проблемы экономики истории Византии", "Город и деревня в Византии", "Колонат и паркики", "Континуитет и дисконтинуитет", "Законодательство императоров Македонской династии", "Особенности государственной структуры Византии", "Социальный статус военного", "Византийская бюрократия".

"Византийский менталитет" — тема, обсуждавшаяся специалистами на заседаниях круглых столов: "Античность понятия и непонятая византийцами", "Воина и мир в представляемых византийцев", "Образ жизни и метод мышления византийцев".

При анализе системы раннеславянской военной организации VI—VII вв. Ф. Малингуглис (Греция) определил черты военно-социальной структуры славян на территории Греции, специально остановившись на таких категориях, как "воевода" и "дружина". В. Тышкова-Замова (Болгария) посвятила свое выступление проблемам исторической географии и административного устройства Нижнего Подунавья в XI—XII вв.

Военно-политическим аспектам византийского менталитета было уделено внимание в докладах по теме "Воина и мир в представляемых византийцев", с которыми, в частности, выступили Ж. Дартон (Франция), У. Кэги (США) и В.В. Кулма (СССР). А. Гиду (Франция), руководивший темой "Образ жизни и способ мышления византийцев", рассмотрел представления о счастье в византийских памятниках.

Источниковедь, архивисты, библиографы, лингвисты и др. приняли участие в обсуждении темы *Instrumenta studiorum*.

На пленарном заседании, посвященном проблемам источниковедения, был зачитан доклад Х. Хунтера (Австрия) об осуществлении существования с 1966 г. в рамках Международной ассоциации византистов проекта Корпуса источников по истории Византии, каковой к моменту проведения Конгресса насчитывал 32 изданных и 40 заявленных и готовящихся к изданию томов.

Другая обширная работа, впервые представ-

ленная на суд византинистов на XV Конгрессе, Tabula Imperii Byzantini, к открытию Конгресса насчитывала семь выпусков, охватывающих территорию Эплады, Эпира, Кападокии, Галатии, Киликии, Фракии, Фригии и Писидии (на картах в масштабе 1:800000 указаны топонимы, известные из всех видов источников включая данные археологии). Дж.Р. Мартинелли (Великобритания) рассказал об организации географической базы данных по истории Византии (641—1261), создаваемой с 1988 г. в Корнеловском колледже в Лондоне.

Т.Ф. Бруннер (США) доложил о создании словаря греческого языка, над которым ведется работа в течение семнадцати лет. В нем учтены все греческие тексты от Гомера до 600 г. н.э., собрано 61 млн слов. Эта работа, проводимая в Университете Калифорнии будет продолжена — осуществляется переход к византийским авторам. Помимо словаря лексикографов, в Президиум войдет лексика прежде всего исторических сочинений, изданных в Боннском корпусе, ввод же в словарь созданных до 1453 г. текстов завершается через 6 лет. Сходные проекты обсуждались также на заседании круглого стола "Thesaurus et lexica linguae Graecae mediaevalis".

В докладе "Применение количественных и формальных методов в византиноведении (Итоги и перспективы)" К.В. Хвостова (СССР) показала, что современный уровень византиноведения позволяет использовать как стандартные, так и нестандартные количественные и формальные методы. Богатые возможности для этого позволяют византийские практики XIV в. Исползование такой стандартной методики как корреляционно-регрессионный анализ позволило восстановить нормы обложения отдаленного анализа К.В. Хвостовой удалось выявить экономическое районирование крестьянских хозяйств и его связь с административным делением на катананкии. Однако, по мнению автора, значительно больший интерес представляет использование нестандартных количественных и формальных методов. В частности, для анализа расхождения византийских париков в практическом виде зафиксированного в практиках императора и по размерам налога при этом специально разработанный К.В. Хвостовой коэффициент расхождения. Его использование определяется неадекватностью в данном случае тех коэффициентов расхождения, которые существуют в экономике и прикособленды для анализа других форм дифференциализации (в частности, для измерения степени концентрации имуществ в немногих руках), отличных от типичных для византийских париков. Говоря о формальных методах анализа византийских источников, автор останавливается на тех, которые относятся к изучению структуры аргументации, содержащейся в богословских и философских текстах. Исползование соответствующих приемов позволяет

вызвать степень сложности, убедительности, четкости и последовательности аргументации.

К.В. Хвостова ставит методологическую проблему связи формального и количественного анализа источников с выводами современной философской герменевтики, согласно которой интерпретация — основная методология истории. Однако такой вывод отражает очень высокую степень теоретической абстракции, на которую не ставятся проблемы конкретных методик. Они рассматриваются на уровне конкретной методологии истории. Кроме того, современная терменевтика учитывает возможность компьютеризации знаний, использования в гуманитарных науках приемов искусственного интеллекта, когнитивной психологии.

На заседании секции "Историческая география" были заслушаны доклады по исторической географии и топографии Эгейских островов, Македонии, Пелопоннеса, Константинополя XIII—XVI вв. Совместное сообщение группы греческих ученых касалось разработки по исторической географии, в результате которых создается на основе анализа византийских исторических источников банк данных по истории Византии.

На первом заседании секции по истории права были, в частности, заслушаны доклады о византийских морских законах, о смертной казни в Византии и об отношении к ней самых византийцев. Специальное заседание было целиком посвящено ретации римского и византийского права на Русь.

Направления работ секции "История византийских исследований" были определены пленарным докладом П. Демерли (Франция), зачитанном на Конгрессе. Основной темой сообщения стала история национальных византийско-византийских школ (австрийской — Г. Хунгер, чехословацкой — В. Вавжинек, итальянской — У. Крискучоло, Ф. Фоллиери и П. Казин, французской — Б. Флузен, бельгийской — А. Жакоб, венгерской — Т. Олайш, датской — К. Филедепу). Особое заседание было посвящено изучению истории отечественного византизоведения, на котором прозвучали сообщения Ю.В. Шахова, И.Л. Кылааровой, Г.Е. Лябедевой, М.А. Подкопковой (СССР) и др. Л.П. Давыдова (СССР) посвятила свое выступление деятельности Русского Археологического института в Константинополе. В. Федоров (СССР) рассказал о русской церковной традиции изучения истории Византийских Соборов.

Попытка выявить основные тенденции развития византиноведческих штудий была предпринята в докладе И. Ирмшера (ФРГ), в котором рассматривались также старые и новые методы исследований, и основные задачи на будущее.

Как обычно, большое число участников Конгресса интересовало проблемами истории византийского искусства. На пленарном заседании было заслушано выступление Г. Баби (Югославия). Византийская настенная живопись и византийская традиция (1081—1453 гг.):

Возможности и границы социологического анализа". В нем прослеживался связь между различными направлениями византийского искусства и определенными общественными группами на примере отражения взглядов и интересов тех или иных социальных слоев (светских и духовных феодалов, горожан, крестьян) в формах и характере иконографии. Кроме того, исследовалась возможная зависимость живописи от особенностей местного производства (сельского хозяйства, ремесла, торговли). Однако социологический анализ, по мнению Г. Баби, нередко затруднен, так как серьезное влияние на византийскую живопись оказывал мир традиционных для всего византийского общества идей (например, идеи всеобщего неархизма, которая почти не претерпела изменений во времена).

Проблематика докладов, представленных на секционных заседаниях, была весьма многообразна: византийская архитектура и живопись, миниатюра и прикладное искусство, школы, стили и этапы развития византийского искусства, иконографии, новые открытия и находки и т.д. Упомянем лишь некоторые из докладов, зачитанных на этой секции.

Несколько заседаний было посвящено византийской живописи. Так, доклад О.С. Поповой (СССР) представлял попытку к принятию термина "византийское искусство" XIV в. З. Контара (Франция) приняла всеобщее доводы для передачи иконографии мозаик Хоры началом XII в. (по смерти императора Алексея I в 1118 г.). В.В. Вышков (СССР) отметил, что феномен православного искусства, в свое полное выражение получил в иконе, представлял ее православную богословскую концепцию. Доклад С. Калогисис-Вертис (Греция) охватил место художника в поздневизантийском обществе. Имена художников сохранились на стенах церквей, оружия, подая одерж. Художники занимали в обществе более низкое положение, чем донаторы, но часто получали низшие церковные должности. Т.Х. Старобу (СССР) проследила возвышение ранневизантийской художественной школы Сирия на схождение арабского мусульманского искусства.

Особое заседание было посвящено живописи Руси в связи с ее византийскими истоками. Вопросам истории византийского искусства были посвящены коллоквиумы: "Искусство столпца и периферия", "Место византийского искусства конца XIV — первой половины XV вв. в истории художественной культуры Византии", "Славянские святые в православной иконографии".

Работа византистов-филологов на Конгрессе велась в русле общей темы: "Светская и церковная литература в Византии. Автор и читатель". На пленарном заседании было заслушано три доклада. Д.Р. Райнш (ФРГ) на тему "История византийского материя VI—VII вв. исследовал идейное содержание двух несхожих

литературных жанров. По мнению докладчика, эти жанры существовали различаются в той части, которая позволяет характеризовать автора, но имеют немало общего — в основном там, где авторский текст обращается непосредственно к читателю.

В. Храндлер (Австрия) в докладе "К вопросу о коммуникативной функции византийского стихотворных текстов (свидетельство, "историческая", эпиграфика и пр.). По его мнению, произведение стихотворного жанра во многих случаях предназначалось не только для чтения публично, но и для большой аудитории слушателей.

В сообщении Я.Н. Любоцкого (СССР) была сделана попытка интерпретировать формы и пути самовыражения автора в произведениях различных жанров раннего средневековья.

Интерес вызвало выступление на секции С.С. Аверинцева (СССР) "Христианская апофатика у греков и сирйцев: два подхода к литературной разработке духовной темы". Как Греки, так и сирйцы широко пользовались апофатикой, однако у сирйских авторов она "не становится в такой мере, как у греков, предметом риторической разработки... она скорее распространена во всем движении образного развития мысли". Преемственность и инновации в эстетике ранневизантийской литературы в связи с ее христологической окраской в центре внимания доклада Д. Фредо (Ирландия).

Т. Готовой (Румыния) пыталась обосновать идею, что Аммиан Марцеллин был предшественником византийской историографии. М.А. Подкопкова (СССР) на материалах переписки Димитрия Кипониса (XIV в.) представляла анализ образа человека в византийском эпистолярном жанре.

В.И. Ипполиткин (СССР) выделил некоторые приемы, которыми руководствовались патриарх Фотий при отборе поздневизантийских романов для своего Мирноблгоного, а также методы фотиевой переработки традиционных текстов. А. Литтлвуд (Канада) указал на распространяемость эротической символической литературы на димитике. В. Некоордо (Италия) проблематизировал иранские истоки греческого романа о Веспандаре и Хрисанте. Ф. Адрало (Италия) показал роль Византии как перелазочного звена восточных по тронхождению сюжетов в западноевропейские литературы.

Тематика этой секции получила дальнейшее развитие на коллоквиуме "Автографическая и светская литература". Кроме секций по восьми основным темам Конгресса, на нем были представлены и другие ведущие направления византийских исследований.

Проблемы демографии и этнической истории (VII—XIV вв.) в Византии обсуждались на одноименном коллоквиуме, а также на коллоквиуме: "Болезни и общество" и на заседании крупного стола "Уровень грамотности в Византии (VIII—XV вв.)".

Значительный интерес у участников Конгресса вызвал коллоквиум "Хозяйство и повседневная жизнь византийской семьи". Заслушанные на нем доклады были структурированы по трем основным проблемам: 1) хозяйство и жизнь византийской семьи; 2) рождение и смерть как важные поворотные пункты в жизни семьи, семейные нравы; 3) проблема питания у византийцев. Коллоквиум открылся с весьма насыщенного выступления председателя коллоквиума А. Лайу (США), которая подвела итог в области изучения повседневной жизни византийцев на современном (выпост до Конгресса) этапе мирового византиноведения.

Два доклада были посвящены собственности хозяйственной жизни семьи: Ж. Бокамп (Франция) и А. Гонзовова (США). Оба доклада были построены на материалах Египта. Ж. Бокамп в своем сообщении "Организация хозяйственной жизни семьи и роль в ней мужчины и женщины" проследила разделение хозяйственных функций в семье, прича к выводу о том, что в то время как связь с внешним миром и покупки вне дома осуществлялись главой семьи женщины отводилась также немаловажная роль — следить за поступлением в имущество веной продукции. А. Гонзова в докладе "Производство текстиля: домашнее или рыночное производство?" уделила основное внимание ткачеству как коммерческому производству, показав вместе с тем, что немало повседневной одежды производилось в домашних условиях, причем некалцифицированным руками.

Второй проблеме коллоквиума были посвящены доклады А. Лайу, М.-Э. Контурдо (Франция), Г. Матуэй (США) и М. Домбровской (Польша). В докладе А. Лайу "Смерть и семейная ячейка" были прослежены важные демографические и экономические последствия прихода и патрионального хозяйства смерти главы семьи.

Эволюция отношения к новорожденным (в том числе неполноценным и уродным) был посвящен доклад М.-Э. Контурдо "Отношение к зачатиям к новорожденным".

Г. Матуэй в докладе "Плакальщицы в византийском искусстве, литературе и обществе" остановился на институте плакальщиц и оттолкнулся к нему главным образом в церковной литературе и искусстве. Докладчик показал, что если до XIII в. предписывалась умеренность в проявлении горя, то с этого времени в слезах скорби допускаясь всякая нескрежанность, в том числе равные волосы и одежда. М. Домбровская в сообщении "Этика императорской семьи Палеологов по Феодору Пеллолону, маркизу Монферратскому" обнаружил идею отпа-тогодина для этой среды, главными чертами которого являлись вера, надежда и любовь к ближнему, отвая в борьбе с злом, честность.

В докладе М. Ангольда (Великобритания) "Еда: значение пищи" проследил отношение византийцев к еде как к важному фактору здоровья. Проблема питания Константинополя в эпоху Македонской династии был посвящен доклад Я. Колера (Австрия), рассмотревший эту тему главным образом на основании данных Кемпа Энарха.

Т. Зайковская (СССР) в докладе "Византийские элементы в свадьбе понтийских греков" проследила влияние византийских традиций на свадебные обряды понтийских греков и показала важную роль изучения этих обрядов для исследования собственно византийской истории.

Заседание секции "Философия и богословие" открыл доклад еп. Никанора (Коваленко) «Фредста выражения познания по учению С. Селлуса Ареопагитиса», Д.Б. Званс (СССР) предложил некоторые новые подходы к проблеме авторства "Солгус долуясит". Он рассмотрел итоги усилий не столько на выяснении имени автора (что, по мнению исследователя, является бесплодным занятием), сколько на реконструкциях личности автора, его идеологии и общественного облика. Р. Досталова (Чехословакия) проанализировала соотношение мифологических "стихий" и "кинессис" в византийском сознании. Статие, неподвластные, как ей рибутам венности, византийцы отдавали очевидное предпочтение.

Д. Дж. О'Меара (Швейцария) остановился на методах логического и диалектического анализа и аргументации Песла, на источниках его сочинений и взглядах византийского философа на соотношение научных и философских идей и христианской религии.

В докладе неомонаха Иларiona (Алфрева) об экзегетическом методе преподобного Симеона Нового Богорова, утверждалось, что Симеон находился в толкованиях Писания не столько из традиций византийской экзегетики, сколько из своего личного мистического опыта.

Проблематика философско-богословской секции получила развитие на коллоквиумах: "Храм Божий в Византии. Литургия, структура, символика, эстетика", "Литургия и искусство", "Святыне и путешествие".

Первое заседание секции "История церкви" было почти целиком посвящено обзорам и критическим движениям. Дж. Айн (США) пересмотрел некоторые широко распространенные в научной литературе тезисы, касательно судьбы армянства. В частности, он опровергает положение о том, что армянская ересь искоренялась после серии эдиктов Феофила I и последующих VII Вселенского собора: армяне были активны вплоть до конца 440-х годов; исследователи показали также, что императорские эдикты, лишившие армян церкви внутри императорских стен, не были направлены против армянского священства. Армянство так и не обрело характера независимого государства на протяжении древней истории. Армянство так и не обрело характера независимого государства на протяжении древней истории. Армянство так и не обрело характера независимого государства на протяжении древней истории.

Феофила I был посвящен доклад А.С. Козлова

(СССР), который отметил, что акция императора часто отражала лишь требования текущего момента, политика Феофила святилась к концу его царствования, однако практика понижения социального статуса никак не влияла на творческий утверждению, что Феофила I боролся только с еретическим культом и старался "не задеть людей".

На втором заседании значительная часть докладов касалась внутренней истории византийской церкви и ее институтов. С. Геро (Германия) на примере политики Льва V попытался опровергнуть распространённое мнение о "незаконности" иконоборчества в IX в. М.В. Криков (СССР) следил весьма интересное сообщение по генеалогии Иоанна Дамаскина, восходившей к древнему роду. Прелаты великого богорова занимали высокие должности при дворе халифов, наиболее распространёнными мужскими именами в роду были Сергий и Мансур, последним именем до пострижения именовался и сам Иоанн. Д. Уйт Стратулаки (США) прочла доклад о взаимоотношениях церкви и государства в Византии в IX в. Сходную проблему затрагивали и Е.М. Домиев (СССР), посвятив свое сообщение анализу пондывизантийских концепций государства и венности и взаимоотношения государства и церкви.

Несколько заседаний было посвящено взаимоотношениям "Византии и славянских государств".

В докладе Е.М. Панова (Югославия) было показано усиление феодальной аристократии в Македонии после 1018 г. за счет поддержки центральной византийской власти, а также за счет захвата обширных земель и укрепления своих позиций в городах.

Принятия заключения договора 1298-1299 гг. между Андроником II и Митрином О.И. Нуждин (СССР) видит в невольничестве центральноторской политической обстановки, вынуждавшем его после безуспешных попыток опереться на союз с Болгарией сменить свое отношение к Византии и, заключив с нею мир, предпринять внутреннюю реформу, которая, несмотря на это, все же вылилась в Сербии в начале XIV в. Сербия при Стефане Душане расширяет свою власть на коренные византийские земли. Д. Корач (Югославия) приходит к выводу, что сербский царь считал свое императорское достоинство полученным от бога и именно поэтому претендовал на ранг равноапостольного. Составленные уже в XVII в., вероятно, по неизвестным источникам монастырские легенды Афона О.В. Иванова (СССР) считает наиболее важным источником при изучении славяно-греческого симбиоза на Халкидикской нарване с Иоанна Камениатя.

В устройстве патриаршества дворца, возведенного в южной части Большого Преславского двора за два столетия периода (в 866-900 гг.) и в царствование Симеона и Петра, Ж.Т. Алдждов (Болгария) отметили основные

принципы строительства Преслава - закрытость и многоярусность комплексов в сочетании с их коммунистивностью - наличием разнообразных переходов между группами построек.

Если о начальном этапе формирования исторических знаний в Болгарии говорить трудно в связи с тем, что сохранились лишь протоболгарские надписи и glosses в рукописях, то сочинения IX-X вв. в своем большинстве свидетельствуют об ориентации на византийские образцы, хотя, как считал Д.В. Горина (СССР), весьма важно, что Болгария, усвоив византийский опыт, сумела приступить к созданию и собственных сочинений по всемирной и отечественной истории ("Сказание о буквах", библияские переводы, "Именные болгарских ханов").

Большая по сравнению с византийской исторической литературой или библиографической традицией эпохи Неманьей официальная историко-графическая Второго Болгарского царства, дополненная переводы греческих хроник данными историка болтар, была, как указал Д.И. Полицынич (СССР), источником агрографии и гимнографии и распространявшиеся в XVI-XVII вв. по славянскому миру, вошла в общее наследие восточнославянской исторической литературы как ее достойная часть.

Аналогичным образом, представляемыми о своей включенности в высокую культуру традицию завершается эволюция двух первоначально независимых (а после славянизации городов Далмации неразделенных) исторических традиций - Далматинской и хорватской, которые прослеживаются О.А. Акимова (СССР) еще у Константина Багрянородного. Часть далматинской традиции, первоначально обособившаяся культурный приоритет еще римских городов над приходами славянами в XV в. используется для утверждения и преемственности истории Хорватии от римской, поскольку к этому моменту в хорватской традиции славяне уже осознавали себя автохтонным населением. Хотя об автохтонности славян на Балканах говорить невозможно, их появление на полуострове Е.В. Кузнецов (СССР) отнес к более раннему периоду, к концу IV в.

Касаясь дальних путей византийского наследия, Ф. Дж. Томсон (Бельгия) заключил, что освоение письменной византийской культуры восточными славянами, происходящее до XV в., благодаря жюнаславянским переводам, далее осуществлялось в Литве и Московии, но по-прежнему - в первый его стимулировало соперничество с католицизмом, а во второй - необходимость изоляции, начиная с падения Новгорода и закрепленная отсутствием (или открытием уже сданными в Литве) переводов Библии в догматическом и всех философских сочинениях. Так продолжалось, полагает докладчик, вплоть до царя Алексея Михайловича. А.А. Турпилов (СССР), расказав о малоизвестных византийских и славянских источниках о разделении

Киевской митрополии в начале XV в. и избрания Григория Цамблэка.

Тема взаимоотношений византийцев с соседними странами и народами обсуждалась на коллоквиуме "Коммуникация и обмен информацией между византийцами и между Византией и соседними странами", а также на заседании круглых столов "Византия и славяне. Расселение и балканский город", "Палестина в ранней Византии".

Насыщенной была работа секции "История музыки". В центре внимания музыкаловедов находились стили и жанры в первую очередь религиозной музыки, новые находки в византийском музыкальном мире, влияние византийской музыки на славянский мир и Западную Европу. С. Голдобовский (Югославия), Х. Марин (Австрия), Б. Шарву (ФРГ), Т. Сватис (Германия) представляли в своих сообщениях неизвестные и малоизвестные византийские трактаты по музыке.

Значительное число докладов было представлено на секции "Археология". На первом заседании, посвященном по преимуществу археологии византийского города, были, в частности, заслушаны интересные доклад А. Даниа (Великобритания) о взаимоотношениях византийской археологии и исторического исследования в прошлом и в настоящем (докладчик констатировал прискорбное игнорирование исследователями данных археологии при изучении социально-экономических проблем), Т.З. Грегоридис (США) предложил новую интерпретацию археологического материала периода "темных веков"; резкое сокращение числа находок для этого периода он объясняет не общим упадком экономической жизни, но возвращением к традиционной, экстенсивной системе сельскохозяйственного производства. Н. Тьерри (Франция) подчеркивала результаты археологических работ последних лет в Центральной и Восточной Анатолии, определяя их значение для византистики. Р. Ванн (США) представлял обзор византийских портов на Кипрском архипелаге в Византийском море.

М. Виттон (Великобритания) подвел некоторые итоги совместным исследованиям Оксфордского университета и Британского археологического института в Анкаре византийских крепостей по реке Мендерес на западе Турции. Особое заседание секции было посвящено византийской археологии на территории СССР. Сообщение советских ученых затрагивало различные аспекты археологических исследований византийских памятников в Крыму, на Кавказе, Украине.

Значительный интерес вызвал также докладчик "Новые открытия в византийской дольце: памятники материальной и духовной культуры". Ряд докладов по нумизматике ввел в научный оборот сведения о новых находках византийских монет, в частности в Азербайджане и Армении, на Балканах, и на Дальнем Востоке. В большинстве докладов представляется также вопрос о той роли, которую византийская

монета выполняла в международных торговых связях и денежном обращении, рассматривались монеты как вещественное отражение политических связей и отношения суверенитета между странами и народами византийского ареала.

История византийских печатей обсуждалась на коллоквиуме "Новое в сигилологии". На коллоквиуме "Новое в сигилологии" особое обсуждена идея создания общей библиографии по сфрагистике.

Палеогеография и коллоквиум посвятили свои заседания слушанию докладов о книжном письме и проблемах датировке рукописей. Обсуждение проблем палеогеографии и истории византийской книги продолжилось на коллоквиумах и заседаниях круглого стола по темам: "Книжное и документальное письмо греческих рукописей (IX—XVII вв.)", "Византийская книга", "Обмен идеями. Переводы и распространение книг в Византии".

А. Джурова (Болгария) охарактеризовала греческие рукописи IX—XII вв. из коллекции Ивана Дуваче. П. Шрайнер (ФРГ) привел интересные данные, почерпнутые из рукописных помет и архивных записей, о ценах рукописных книг в Византии. П. Канар (Ватикан) и Э. Гампльшер (Австрия) возложили работу коллоквиума "Византийская книга", прошедшего очень живо и интересно.

Много новых находок и материалов было представлено и в докладах по сигилологии и сфрагистике. В Зейбт (Австрия) пролегли зоологические материалы с V—VI до XIII вв. Состав металла печатей как фактор их атрибуции охарактеризовал в докладе С. Моррисон и Ж.-Л. Барандон (Франция).

Нумизматические материалы, отражающие ранние этапы расселения славян на Балканах, представила М. Нистазолу-Пелекиду (Греция).

На заседании, посвященном истории византийской дипломатии, анализировалась структура и формуляр византийского частного акта, византийская традиция в русском частном акте XV в.

В секции "Наука" и образование" были сделаны сообщения о византийской астрономии и источниках естественнонаучных знаний в Византии. А.В. Подосинов (СССР) высказал сомнения по поводу правомерности выражений "античная картография" и "византийская картография", указав на принципиальную антикартографичность восприятия пространства в античной и византийской культурах.

Многи работы XVIII Международного Конгресса византистов были подведены Д. Обоненским (Великобритания) на заключительном пленарном заседании. Д. Обоненский дал высокую оценку работе Конгресса, его организации, отметил развитие новых и традиционных направлений исследований в разных странах, подчеркнул, что несмотря на тематическое многообразие выступлений, все они, в основном, были объединены несколькими магистральными темами. Это позволило развернуть дискус-

сию по ряду кардинальных проблем истории Византии.

13 августа Генеральная ассамблея Международной ассоциации византистов избрала новое руководство Ассоциации: ее президентом вновь стал проф. И. Шевченко (США), генеральным секретарем — Я. Керванулопулос (Греция). Новыми вице-президентами ассоциации избраны: Ж. Дитрон (Франция), Г.Г. Литварин (СССР), П. Шрайнер (Германия).

Очередной XIX Международной Конгресс византистов решено провести в 1996 г. в Колонгате.

Одной из примечательных особенностей Конгресса и одновременно одним из значительных событий художественной жизни Москвы и Санкт-Петербурга стало открытие выставки и Санкт-Петербургского музея и приуроченному труду работников музея и приуроченных к Конгрессу. По числу выставок Московский Конгресс не уступил себе равных (9 выставок в Москве и 4 выставки в Санкт-Петербурге). Часть экспонатов (для некоторых выставок значительная) доставлялась из разных музеев. В Государственной Третьяковской галерее были представлены иконы Палеологовского времени "Византия, Болгария, Русь. Иконы XIII—XV вв.". Издан каталог выставки.

Хронологически продолжает эту выставку экспозиция в Гос. музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина "Поствизантийская живопись. Иконы XV—XVIII вв. из собраний Москвы, Загора, Твери и Рязани", на которой было представлено уникальное и еще мало изученное направление греческой иконописи — иконы так называемой критской школы. Издан каталог выставки.

В этом же музее работала выставка "Искусство коптского Египта", демонстрирующая экспонаты из собраний Эрмитажа и ГМИИ им. А.С. Пушкина. Сосущество двух экспозиций позволило журналистам образно назвать их обе — "Корни и Крона" (поствизантийская живопись венчает христианское искусство эпохи средневековья, а культура египтян-христиан IV—VII вв. воздействовала на формирование самого византийского искусства).

Большой интерес вызвала и демонстрация богатейших коллекций средневекового лицевото шитья в музеях Московского Кремля. В экспозиции из собраний Москвы, Новгорода, Сергиева Посада и других городов Центральной и Северной России находились изделия декоративно-прикладного искусства, а также творения русских мастеров, украсивших богатый шитьем облачения царей и высшего духовенства.

Архивы, музеи, библиотеки России хранят несколько сотен греческих рукописей. Греческих трамтов середины XVI — начала XVIII в., представляющих исключительный интерес для изучения греческо-русских взаимоотношений в ходе 12 столетий. К Конгрессу были подготовлены специальные экспозиции "Греческие рукописи VI—XVII вв." и "Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII вв. Гречес-

кие документы московских хранилищ", развернувшиеся в филиале ГИМа Новодевичьем монастыре и музее им. А. Рублева. (Издан каталог. Б.Л. Фонкяча.) Еще одна выставка в музее Новодевичьего монастыря была посвящена Новодевичьему Херсону — "Археологическое исследование Херсона (Севастополя) длится уже более ста лет и по ряду параметров превосходит изученность, например, Фессалоники или Константинополь. В экспозиции были представлены архитектурные детали, скульптура, найдены произведения декоративно-прикладного искусства в металле и камне, иконы, расписная керамика, памятники эпиграфики и др. Издан каталог выставки.

В музее им. А. Рублева была открыта также выставка "Христианство в Крыму", а в Гос. Третьяковской галерее выставка "Щедрый Третьяковский живописец XII—XVII вв."

В Санкт-Петербурге Государственный Русский музей и Эрмитаж организовали выставки византийского искусства и писем. Памятники византийского искусства и письменности из коллекций Н.П. Лихачева" (Гос. Русский музей) и "Византия и византийские традиции" (Гос. Эрмитаж). В залах Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и библиотеки АН были представлены экспозиции греческих рукописей.

В фойе Научной библиотеки МГУ на Ленинских горах участники Конгресса смогли познакомиться с книжными выставками: "Традиции отечественного византиноведения (XVIII—XX вв.)" и "Новейшие публикации по истории Византии", подготовленные сотрудниками Научной библиотеки МГУ, Государственной Публичной Исторической библиотеки РСФСР и ИНИОНА АН СССР. В Советском Союзе разными научными центрами было выпущено около 40 изданий к Конгрессу.

Свои публикации представляли на Конгрессе также крупные иностранные издательства. Огромная значимость Конгресса византистов в Москве, следует подчеркнуть, что он явился не только важным этапом в развитии отечественного и зарубежного византиноведения. Конгресс не был событием, оторванным от интересов современной жизни нашей страны. Напротив, как отметил в своем выступлении академик Д.С. Лихачев, сегодня складываются основы культуры России XXI в., "сегодня мы должны сознавать свою живую связь с Византией и Поствизантией. И в этой связи именно сейчас приобретает особое значение научное изучение и художественное освоение Византии".

М.В. Ефимков, С.П. Карпов,
Н.М. Богданова, С.В. Близняк,
А.Р. Пономарев, Р.М. Щукуров

22 июля 1992 г. завершилась земная жизнь о. Иоанна Мейендорфа, ученого-византиниста с мировым именем, одного из самых выдающихся православных богословов XX в., авторитетнейшего специалиста по истории церкви. Как большой ученый и мыслитель, как человек глубокой мысли и широкой, доброй души, исключительной внимательности к общашимся с ним людям И. Ф. Мейендорф пользовался всеобщим уважением. Каждая встреча с ним для людей, знавших его, была значительным событием. Его неустанная творческая мысль для многих была импульсом, побудительным началом к собственной научной деятельности. А на эту деятельность покойный смотрел с высоты не только не только человеческих способностей, но и со строго этических христианских позиций.

Иоанн Феофилович Мейендорф родился в 1926 г. в знатной русской семье, оказавшейся в 1917 г. в Финляндии, откуда свободно переехавшей в Париж, вскоре после революции ставшим центром русской эмиграции. Как вспоминал о. Иоанн, в их доме была открытая свободная атмосфера, без всякой, свойственной эмиграции, отгороженности от людей других национальностей при всем глубоком внутреннем патриотизме. Эти воззрения И. Ф. Мейендорф сохранил на всю жизнь. Во многом тем же объясняется и свойственная ученому непривычная степень суждений, отсутствие всякого рода обскурантизма, творческая свобода суждений, чему не в малейшей степени мешали его глубоко православные убеждения.

Высшее образование И. Ф. Мейендорф получил в 1945—1950 гг. одновременно в двух учебных заведениях: в Сорбонне, где специализировался по истории средних веков и византистике, и в Парижском Богословском институте им. преп. Сергия Радонежского. Уже тогда определился его особый интерес к движению икхизма и в особенности к личности и учению Григория Паламы. Этому византийскому богослову и была посвящена диссертация молодого ученого. И впоследствии, на протяжении всей своей жизни он не оставил этой темы, углубляя и расширяя ее в самых разнообразных аспектах. При этом о. Иоанн Мейендорф следил немало научных открытий, обнаружив в различных хранилищах мира много новых ценных памятников — исихастских и антиисихастских сочинений и исторических источников. Исчерпывающий корпус всех сочинений Григория Паламы и источников по его биографии был опубликован И. Ф. Мейендорфом в 1959 г. (*Gregoire Palamas. Défense des Saints Neuschistes: Introduction, Texte cit. trad. et notes. Louvain, 1959*). В том же году вышла в свет еще одна книга о жизни и творчестве Григория Паламы, скроенная названная всего лишь "Введением в исследование о Григории Паламе (Introduction à l'étude de Grégoire Palamas, P., 1959). И другая (St Grégoire Palamas et la mystique orthodoxe, P., 1959), более популярного характера. Дальнейшее развитие излюбленной научной проблемы ученого получила в его обстоятельной монографии (Vuzantine Neuschisme historique, théologique and social problems, L., 1974). В этой книге М. Ф. Мейендорф уделял особое внимание социальному аспекту икхизмского движения, за недостаточное внимание к которому он слышал упреки в свой адрес¹. Здесь мы не перечисляем отдельные статьи, посвященные проблеме икхизма и всех аспектов этой проблематики, которыми столь богато творчество ученого. Хотелось бы только отметить, что в последние время возникший живой интерес к икхизму и его отражению в православном (в особенности русском) искусстве XIV — началу XVI в., как и политическим его аспектам в отечественной историографии, вызвал самый живой отклик И. Ф. Мейендорфа. Своим соображениям в связи с этим он изложил в статье "О византийском икхизме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в." (ТОДР J. T. XXIX, L., 1974, С. 291—305), которая была первым трудом ученого, опубликованным в нашей стране. Статья представляет собой добротнейший анализ проблемы, не исключающий критических соображений, которая была столь свойственна маститому ученому.

Многолетнее изучение икхизма, всегда в контексте византийской богословской литературы в целом (и в этом заключалась неизменная особенность всех вышеуказанных трудов о. Иоанна Мейендорфа), закономерно привела его к созданию двух фундаментальных трудов по истории всего богословского наследия Византии и его восприятия в других православных странах, в т. ч. и после падения Византии. Это: "Vuzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Changes" (N. Y., 1974), выдержавшая четыре издания на английском языке и переведенная на многие другие языки мира, и "The Vuzantine Legacy in the Orthodox Church" (N. Y., 1982).

Особь большое место ни занимали бы в научном творчестве труда И. Ф. Мейендорфа по истории богословия и религиозных движений, они далеко не ограничивали сферу интересов исследователя. В его научном наследии есть труды, посвященные интереснейшей проблеме взаимоотношений церкви и государства, как в Византии восточных эпох (Justinian, the Empire and Church" // DOP, 1968, Vol. 22, P. 43—60), так и вопросы унитарных движений в православной и католической церквях (среди них: Projets de concile oecuménique en 1307: Un dialogue inédit entre Jean Sarracène et le légat Paul // DOP, 1960, Vol. 14, P. 147—177; Флорентийский собор: Причины исторической неудачи // ВВ, 1991, Т. 52, С. 34—101).

С 1959 г. И. Ф. Мейендорф живет в США. Здесь он не только, как можно было видеть, интенсивно продолжает заниматься научной деятельностью, но и много уделяет внимания преподавательской работе: сначала профессор, а потом ректор Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке и одновременно профессор в Колумбийском, Гарвардском и Фордхэмском университетах. Но где бы ни был И. Ф. Мейендорф (а он был участником множества международных научных конференций), какую бы работу ни исполнял, на каком бы языке ни говорил, он, по его собственным словам, всегда чувствовал, осознавал себя русским человеком. Неудивительно поэтому и его постоянный интерес к отечественной истории, к тому же столь непосредственной во многих отношениях с историей Византии. Проблематике этих взаимосвязей исследователь так или иначе касался в целом ряде своих работ. Посвятил столь близкой ему теме он и одну из последних своих монографий "Vuzantizm and the Rise of Russia. Cambridge, 1981". (Русский перевод без научного аппарата под заглавием "Византизм и Московская Русь". Париж: УМСА—Press, 1990.) Работа эта удивительна по остроте научных наблюдений, свежести мысли и какому-то особому вдохновению, с которыми она написана. Характеризуя идеалы русских исторических и духовных деятелей XIV в., в заключении книги о. Иоанн писал, что они, "пикетные энергии истинной духовности, обладают замечательным свойством наделять жизнь народов — да и всего человечества — мерой суждений, нормами поведения и исторического мышления" (с. 333). Говоря так, И. Ф. Мейендорф имел в виду прежде всего преп. Сергия Радонежского. Он всей душой хотел участвовать в торжествах, посвященных 600-летию со дня кончины Сергия, и готовил доклад на Международную научную конференцию в Москве по этому поводу. Но это не суждено было ему.

Наука потеряла со смертью о. Иоанна Феофиловича Мейендорфа большого ученого и большого человека. Вечная ему память.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВА	Успенский Ф. И. Бечешевы В. Н. Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII-XV вв. Л., 1927
ВВ	Византийский временник
ВИ	Вопросы истории
ВО	Византийские очерки
Грече пов.	<i>Soloviev A., Mozhin V.</i> Грече повеле српских владара. Белград, 1936
ЗРВИ	Зборник радава. Византолошки институт
ИАК	Известия Археологической комиссии
ИМИ	Известия на Института за историја. София
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ОАК	Отчет Археологической комиссии
ПВЛ	Повесть временных лет
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
СА	Советская археология
СВ	Средние века
АП	' <i>Археологички вестник</i>
ВСН	Bulletin de Correspondance Hellénique
BS	Byzantinoslavica. Prague
Byz.	Byzantion. Bruxelles
BZ	Byzantinische Zeitschrift
Dölgner F. Regesten	4. — Dölgner F. Regesten der Kaiserurkunden des ostömischen Reiches. München; B., 1960. Bd. 4
Dölgner F., Wirth P.	Regesten 3. — Dölgner F., Wirth P. Regesten der Kaiserurkunden des ostömischen Reiches. München, 1977. Bd. 3
DOP	Dumbarton Oaks Papers
EB	Études balkaniques
ЕЕВЗ	' <i>Египетски Египетски Вајантиски Стари Св.</i> , 'Афија,
Iber.	Dölgner F. Sechs byzantinischen Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon // Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss. N.F. / Philos.-Hist. Kl. München, 1949
MAMA	Monumenta Asiae Minoris Antiqua
MM	<i>Mildešich F., Müller J.</i> Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860-1890. Vol. I-VI
PG	<i>Migne J.-P.</i> Patrologiae cursus completus. Series graeca
Pelep.	<i>Fretsel D., Philhradis Braat A.</i> Inventaires en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance. III. Inscriptions du Peloponnèse: (à l'exception de Mistra) // TM, 1985. Vol. 9. P. 267-396.
PL	<i>Migne J.-P.</i> Patrologiae cursus completus. Series latina
REB	Revue des Études Byzantines
RH	Revue historique
RHC	Recueil des historiens des croisades
TM	Taravaux et Mémoires. Paris
Schatz.	Dölgner F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948

Научное издание

Византийский временник, том 54

Утверждено к печати институтом всеобщей истории
Российской академии наук

Редактор издательства В. Н. Токмаков. Художественный редактор В. Ю. Яковлев
Технический редактор Г. Л. Каревича. Корректор Т. И. Шемодилова

Набор выполнен в издательстве на наборно-печатяющих автоматах

Подписано к печати 17.05.93. Формат 70 X 100 1/16. Гарнитурa Прусса Роман
Печатать офсетная. Усл.печ. л. 18,2 + 2,6 вкл. Усл.кр.-отт. 21,1. Уч.-изд. л. 27,1
Тираж 1100 экз. Тип. зак. 2514.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Прокопий Кесарийский

Война с персами. Война с вандалами. Тайная история.

Пер., ст. и коммент. А.А.Чекаловой. М.: Наука -
История, 1993. 35 л. 130х200 мм. (п.)
(Памятники исторической мысли)
1200 р.
Первый полный перевод на русский язык.

В данном издании представлены сочинения, принадлежащие перу одного из самых универсальных и ярких ранневизантийских историков — Прокопия Кесарийского (VI в.), беспристрастного свидетеля, непосредственного участника и блестящего летописца бурных событий величавой и трагичной эпохи одного из самых прославленных и противоречивых императоров — Юстиниана I. В том включены четыре книги знаменитой эпопеи Прокопия “Войны”, блистательно живописующие обманчиво победоносную борьбу Византии с Ираном в VI в. сочные легенды и картины жизни народов Персии, Кавказа и Ближнего востока, а также поход полководца Велисария в Северную Африку против королевства вандалов. В книгу вошла и жемчужина византийской литературы — увлекательная и обличительно откровенная “Тайная история”, обнажающая скрытые пружины императорской политики, мишурный блеск клопящейся к упадку империи, язвы коррупции и разврата константинопольского двора.